№ 9(584.6)
П 928 К
Архив
АРХИВТІК КОР

ПРОШЛОЕ КАЗАХСТАНА

В ИСТОЧНИКАХ И МАТЕРИАЛАХ

Сб. 1

1935

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КАЗАКСТАНА И КАЗАКСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ НАЦИОН. КУЛЬТУРЫ

Архив.
ПОГАШЕНО
9/584(6)
пр. 1978
ПР.
1962 г.

ПРОШЛОЕ КАЗАКСТАНА

В ИСТОЧНИКАХ И МАТЕРИАЛАХ

СБОРНИК I

(V в. до н. э.—XVIII в. н. э.)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. С. Д. АСФЕНДИАРОВА
и ПРОФ. П. А. КУНТЕ

ПОГАШЕНО
ПОГАШЕНО
РАБФАК

КАЗАКСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АЛМА-АТА ★ 1935 ★ МОСКВА

Книга представляет собой подобранные и систематизированные по хронологическому и тематическому признакам отрывки из произведений греческих, китайских, арабских, персидских, немецких, итальянских, французских, английских, шведских, голландских и русских географов и путешественников с V в. до н. э. по XVIII в. н. э.

Книга делится на 7 разделов, каждому из которых предпослано введение исторического и био-библиографического характера. В конце текста приложены указатели имен, географических названий и предметов, дающие читателю необходимые пояснения словарного типа.

Сборник содержит материалы, рисующие историю и быт казаков, взаимоотношения казаков с соседними государствами и народами и историю первых десятилетий русской колониальной экспансии на восток. Эти материалы иллюстрируют также любопытную эволюцию сведений иностранцев о Казакстане, уровень этих сведений и степень их достоверности в различные эпохи.

Книга рассчитана на историков, студентов исторических факультетов и квалифицированных краеведов. Может быть рекомендована широким кругам читателей, интересующихся историей народов СССР и колонизаторской политикой российского самодержавия.

ГОС. БИБ...ОТ.
КазССР им А. С. Пушкина
Инв. № 100995-38

ОТ РЕДАКЦИИ

Строительство национальной культуры,—«социалистической по содержанию и национальной по форме»— переживает этап бурного роста. Этот рост создает прочную базу для дальнейшего успешного преобразования еще отсталого быта народов Советского Востока на социалистических началах и полной ликвидации пережитков феодальных и феодально-патриархальных отношений.

Широко развертывается работа по укреплению прежде всего всех ступеней школы на родном языке вплоть до высших учебных заведений. Идет успешное развитие национального искусства, литературы, краеведения и т. д.

Все это создает огромный интерес к вопросам истории народов СССР. Перед работниками культурного фронта Казакстана встает большая и ответственная задача построить историю казаков на основе учения Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, отметая великодержавнические и националистические извращения.

Решение ЦК партии и правительства о преподавании истории идет навстречу выросшим культурным запросам масс, обязывает к коренной реорганизации постановки преподавания истории в школе. Это делает работу по составлению истории казаков неотложным и насущным делом.

Решение ЦК и СНК отмечает и другую, не менее важную, сторону вопроса. Изучение гражданской истории должно дать знание исторических фактов и событий, а не мертвую абстрактную схему общественно-экономических формаций.

Из сказанного выше ясны основные задачи, которые стоят перед нами при составлении истории казаков.

Необходимо в первую очередь приступить к сбору первоисточников, их обработке и печатанию.

Источников этих очень много (рукописи, историческая печатная литература, архивные документы и т. д.), однако, они до сих под не только не систематизированы, но порой даже не выявлены.

Наряду с этой научно-исследовательской работой назрела необходимость издания источников по истории казаков для более широких кругов читателей, составления исторических хрестоматий для студентов, для педагогов средней школы и т. д. Настоящий сборник ставит своей целью обслуживание именно этих читательских категорий.

Использованные источники, конечно не новы и отчасти известны не только специалистам-историкам и востоковедам.

Однако, до сих пор богатейшие исторические материалы по истории Востока, частично использованные для сборника в выдержках, мало или почти не использовались для составления истории казаков. Для представителей буржуазной науки казаки — народ «не исторический», не имеющий своей истории и являющийся, в лучшем случае, объектом этнографического изучения. Поэтому буржуазные авторы прошли мимо разбросанных по многочисленным историческим сочинениям данных, проливающих свет на историю казаков.

Эти источники служили для буржуазных историков великодержавных наций лишь в целях пропаганды великодержавного шовинизма. По их мнению, все великие события на Востоке, якобы, связаны с исторической ролью индо-европейской расы; падение же восточной культуры связано, якобы, с исчезновением этой расы на Востоке. Другие авторы выводили из этих же исторических данных доказательства исторической миссии русской государственности (самодержавия) и православия в борьбе со «степными варварами» и т. д.

В противовес великодержавным историкам—буржуазные историки, принадлежавшие к коренным национальностям колоний, использовали эти же материалы в целях пропаганды идей местного национализма. Каждый из них пользовался исторической литературой в целях доказательства происхождения своего народа от великих предков. Так, известный алаш-ордынский деятель, член второй Государственной думы и первый председатель кокандского автономного правительства, М. Танышпаев, пользуясь источниками, лежащими в основе настоящего сборника, путем всевозможных исторических, лингвистических и географических псевдо-научных упражнений, пытается доказать, что все народы Азии и Восточной Европы произошли от казаков (М. Танышпаев. «Материалы по истории киргиз-казакского народа». Ташкент, 1925 г.). К той же категории относятся теории «пантюркизма», «пантатаризма», «панузбекизма» и т. п. Все эти «теории» сеют национальный антагонизм и ненависть и послушно помогают буржуазии пользоваться историей в своих классовых целях.

Пальму первенства в этом отношении завоевала фашистская Германия. Оголтелая беззастенчивая проповедь презрения и ненависти к другим, «низшим расам» и провозглашение высоких качеств и исторической миссии «высшей германской, арийской расы» Гитлером. Гебельсом и присными также стремится прикрыться авторитетом науки. И крупные буржуазные историки своими «академическими» трудами нередко прикрывают и санкционируют разбойничью политику империализма.

Предлагаемый сборник содержит отрывки из сочинений географов, историков, путешественников разных времен и народов, касающиеся прошлого Казакстана. Эти материалы помогут читателю представить себе ход исторических событий на территории современной Каз. АССР.

Факты вдребезги разбивают шовинистические и националистические теории. Эти факты, приводимые авторами, жившими в отдаленные эпохи, свидетельствуют о том, что марксистско-ленинская теория

является единственной верной и научной теорией происхождения и развития наций. Эти факты вскрывают всю фальшь и изуверство взглядов шовинистов и националистов.

Классическое определение тов. Сталина: «нация — это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни, психического склада, проявляющегося в общности культуры»—полностью подтверждается историческими фактами. Народы не рождаются на свет внезапно, в один прекрасный день и не остаются неизменными. Складывание племен и родов в народы и народов в нации — это длительный исторический процесс; каждый народ «произошел» в результате смешения, передвижения множества различных этнических и расовых элементов на длинном историческом пути общественного развития.

«Нация — это прежде всего общность, определенная общность людей. Общность эта не расовая и не племенная. Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, германцев и т. д. Тоже самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племен. Итак, нация — не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей» (И. В. Сталин. «Марксизм и национальный вопрос»).

Материалы истории Казакстана прекрасно подтверждают эти слова.

В сборнике приводятся исторические данные о территории Казакстана с древних времен.

О чем они говорят?

Центральная и Средняя Азия (включая сюда и территорию современной Каз. АССР) делилась на две крупные области: область оазисной, поливной земледельческой культуры на берегах великих азиатских рек (Желтой реки, Ян-Цзы, Тарима, Аму и Сыр-Дарьи, Ганга, Инда, Тигра и Ефрата) и область великих азиатских пустынь и полупустынь. Первая область—область древнейшей культуры человечества. Эти области соединялись между собой караванными торговыми путями, пересекавшими великие пустыни и полупустыни Азии.

Из китайских и мусульманских источников мы видим, что на территории Казакстана жило множество народов и племен: найманы, усуны, канглы, кипчаки, хунны и т. д. Благодаря тому, что великие торговые караванные пути шли через Казакстан, на территории последнего происходило непрерывное движение степных кочевых народов. С другой стороны, — оседлые элементы проникали в Казакстан с торговыми целями, строили города и укрепленные пункты на торговых путях.

«Худуд аль Алем» («Граница мира») — книга анонимного автора X века, выдержки из которой приводятся в тексте сборника, описывает богатые, торговые и земледельческие районы южного Казакстана по реке Сыр-Дарье.

Таким образом, смешение различных рас и племен на территории Казакстана происходило еще в глубокой древности. Поэтому в современном казакском языке мы имеем большое количество ассимилированных и видоизмененных слов, заимствованных из персидского, арабского, монгольского и других языков.

Далее источники описывают движение тюрко-монголов в XIII веке под предводительством Чингиз-хана, сыгравшее большую роль в мировой истории. Через Казакстан хлынули массы кочевых племен и народов. Эта эпоха (XIII—XIV вв.) является эпохой большого развития Средней и Центральной Азии в докапиталистический период.

Европейские путешественники—Рубрук и Плано Карпини и арабский историк Ибн-Батута, отрывки из сочинений которых приводятся в сборнике, рисуют жизнь и быт кочевников того времени. В их описаниях нет того пренебрежительного тона, который характерен для путешественников по Казакстану в позднейшее время. Наоборот, они проникнуты удивлением и страхом перед могуществом тюрко-монгольского государства.

В результате тюрко-монгольских завоеваний усиливается роль и значение оседлых областей и государств, возникших во время и после завоеваний. Таковы государства Тимура в Средней Азии и Золотой орды на Волге. Кочевники, оставшиеся в степях, обособились от своих сородичей, завоевавших культурные области и смешавшихся с оседлыми жителями. Эти кочевники разбиваются на два союза: ногайский и узбекский. В XV веке ногайцы под давлением московского царства уходят в Ставропольские степи. Почти одновременно узбеки завоевывают Среднюю Азию — бассейн Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи.

Оставшиеся тюрко-монгольские роды и племена, замкнутые в круг пустынь и полупустынь с севера, граничащие на западе с Московским царством, на востоке с Китаем и на юге с вновь образовавшимися узбекскими ханствами: Хивой, Бухарой и Кокандом, окончательно обособляются под именем казаков.

Эти события в сборнике иллюстрируются отрывками из сочинений мусульманских авторов (Рузбахани, Махмуд Чарас, Мухамед Хайдер и др.).

Таково происхождение казаков.

Мы находим у казаков различные родовые и феодально-патриархальные пережитки, оставшиеся от прошедших исторических эпох (деление на роды с сохранением древних тюрко-монгольских названий, которые, между прочим, встречаются у ногайцев, башкир, узбеков и др.: кипчак, канглы, конрат), родовые обычаи и институты и т. д.

Запустение прежних великих торговых сухопутных путей в связи с открытием Америки и морского пути в Индию, а, следовательно, перенесение центра мировой торговли с Востока в Европу, привело к тому, что Средняя и Центральная Азия становятся захолустными уголками мира, отдаленными от международных торговых путей.

Наступающий царизм постепенно овладевает Казакстаном и превращает его в колонию. В сборнике приводятся описания Казакстана и казаков в этот период (разд. VII. Сочинения академика Палласа Георги, Рычкова и др.).

Эти авторы смотрят на казаков как на дикий, первобытный народ, и писания их проникнуты снисходительным пренебрежением «культурного» иностранца к «дикой орде».

Сборник разбит на разделы по исторической последовательности описываемых событий и снабжен минимальными комментариями, поясняющими текст.

Читатель сборника знакомится с основными историческими событиями, получает представление о ходе исторического развития и становления казакского народа, получает представление о том, как совершался переход казаков от родового строя к феодальному, классовому обществу.

Составителям сборника не удалось дать исчерпывающий материал: это слишком увеличило бы размер книги. Кроме того — базой для работы являлись почти исключительно фонды Казакской государственной публичной библиотеки, в которой, к сожалению, нет очень многих материалов.

Для сборника использованы наиболее известные переводы источников. По мере возможности произведена сверка переводов (там, где имелись параллельные тексты источника и перевода). Научно-исследовательской работы над источниками, углубленной их историографической и текстологической проработки, как это требовалось бы для академического научного издания, составители не производили, да и не ставили себе этой цели. Такой подход кажется нам вполне оправданным, поскольку для сборника выбраны наиболее известные источники, достаточная характеристика которых дана ранее такими крупными востоковедами, как акад. Бартольд, Вельяминов-Зернов и ряд других, и поскольку основное назначение сборника — служить подсобным материалом для изучения истории казаков, хрестоматией для студентов и для широких кругов читателей, интересующихся историей народов СССР. Исходя из последнего соображения, при редактировании сборника проведена частичная модернизация орфографии и пунктуации и унификация русской транскрипции отдельных слов, чтобы облегчить пользование сборником читателю, не располагающему навыком работы с первоисточниками или их академической публикацией.

Большинство использованных для сборника источников является библиографической редкостью; уже по одному этому ознакомление с ними широких кругов читателей нам кажется небесполезным, тем более, что некоторые недавние переиздания восточных источников грешат существенными дефектами. Убедительным примером такого переиздания может служить «Автобиография Тимура» [1].

Если говорить о самом переводе, то по сравнению с тяжелым переводом Лыкошина сделан некоторый шаг вперед. Однако встречаются примеры досадного непонимания духа языка. Так, имя известного в истории Тамерлана «Аксак Тимур» переведено «Хромец Железный». Это сугубо неверно. Тимур — собственное имя и означает железо, так же, как скажем, имя Петр πέτρος означает камень. Кому бы пришло в голову переводить Петр словом (да еще прилагательным) «каменный»?

Уже этот сравнительно мелкий пример выявляет отношение комментатора и автора вступительной статьи к Востоку, как к чему-то экзотическому, стремление комментатора по своему интерпретировать историю Востока. Такой «субъективный» метод вряд ли нам нужен.

---

[1] «Богатырские сказания о Чингиз-хане и Аксак-Тимуре». Перевод с тюркского и джагатайского языков. Вступительная статья и комментарии В. А. Панова. изд. Academia. 1934 г.

Вступительная статья трактует Тимура, как носителя идеи «джаханг рства — завоевания мира», пытается найти подоплеку этой идеоло- и в религиозной мистике и фанатизме ислама. Можно воздать дол- ное художественной фантазии В. А. Панова, но облик Тимура его изображении получается исторически неверным, поданным в понимании европейского интеллигента и субъективиста, по-сво- у воспринимающего Восток. Отдельные удивительно неграмотные и поверхностные комментарии также рисуют специфический подход к тории Востока. Таков, например, комментарий: «Мавереннахр» (бук- льно—«то, что за рекой»)—страна за Сыр-Дарьей, вплоть до Аму- Дарьи. Если бы слово «Мавереннахр» было русским, и царские гене- лы были бы авторами его, это было бы верно, но так как слово о арабское, а арабские завоеватели шли с юга, то ясно, что действи- льное объяснение должно быть обратным: страна за Аму-Дарьей. Далее: «узбеки» (буквально—«сами господа»)—название народа, на- еляющего страну «Джете»... Это традиционное объяснение узбекских националистов взято комментатором без всякой критики.

«Хорезм — область Хивы», — пишет Панов далее; в действитель- сти же как раз наоборот: Хива — город Хорезмской области и т. д.

Выпуская в свет этот сборник, составители и редакторы полагают, что он будет отвечать назревшей потребности в подобных изданиях со стороны широких кругов читателей и в особенности — учащейся молодежи Казакстана. В сборнике имеются, несомненно, недочеты и пропуски, которые будут выявлены товарищеской критикой.

В составлении сборника принимали участие работники Государст- венной публичной библиотеки Казакстана и Казакского института национальной культуры: И. А. Ахметов, Н. В. Бякин-Васильев, Н. А. Егоров, К. Х. Ходжиков и др. Руководили составлением сборника и редактировали С. Д. Асфендиаров и П. А. Кунте.

Важнейшие опечатки

Стр.	Строка.	Напечатано	Должно быть
17	3 св.	Чжан-Цаню или Чан-Чуню	Чжан-Цаню
28	14 сн.	„Украшение из извести"	„Украшение известий"
42	9 св.	беков десять тысяч	беков начальниками тем (10.000)
69	1 сн.	woy thithen	way thither
106	12 сн.	(этой стране)	(с этой страной)
141	14 сн.	лиц	лиц ханского достоинства
142	13 св.	virantes	vivantes
146	19 св.	(кирг. Диек.)	(кирг. Джаик)
231	2 сн.	в конце строки добавить слово:	присягали
233	16 сн.	бед	без
239	1 сн.	пропущена строка	-ложить старание выручить его от киргизов
260з	8 св.	Бузублук	Бузулук
264а	7 св.	тюрский	манчжурский
267б	14 сн.	Ионголы	Монголы
269б	27 сн.	Аравии	Аравии
270б	31 св.	Судакского	Сузакского
276б	9-11 св.	киргиз-кайсацкая орда, никому неподдными своими,	Меньшей орды хан Абул-Хаир с подданными своими
284а	18 сн.	джучин	джучид
290а	21 св.	хечол	чехол
294	19 сн.	-графии и антропологии Казакстана за 1921—26 гг. -В сб.: Год работы	-графии по антропологии и этнографии Казакстана и Средне-Азиатских респу-
297	19-16 сн.	казакам посвящены... и т.д.	Все 4 строки набраны здесь ошибочно. Ниже они отнесены правильно; см: Atkinson и De Goeje
»	11 сн.	Midiavel	Mediaeval
»	»	lastern	eastern

I.

АНТИЧНЫЕ ПИСАТЕЛИ О СРЕДНЕАЗИАТСКИХ КОЧЕВНИКАХ

Геродот, греческий историк из малоазиатского города Галикарнаса, составил в средине V в. до н. э. свою историю греко-персидских войн, содержащую много этнографического материала о народах, соприкасавшихся с Персидским государством. Материалы о народах северо-востока он собрал, главным образом, во время своего пребывания в греческой колонии Ольвии. Греки называли все народы, жившие к северу от Черного моря «скифами», но Геродот «собственно скифами» считает сколотов, живших между Дунаем и Доном. Они были кочевниками-скотоводами и жили в повозках, покрытых войлоком и перевозившихся быками. К востоку от них до Каспийского моря жили сарматы, в стране которых находилась Ольвия, еще далее на восток — массагеты (на север от Аральского моря) и саки (на юго-восток от Аральского моря). В 529 г. до н. э., по рассказу Геродота, персидский царь Кир погиб в походе против массагетской царицы Томирис. В более позднее время, в эпоху римского владычества, название «Скифия» (например, у географа Птоломея) употребляется для Средней Азии и Казакских степей.

Страбон, греческий географ эпохи императора Августа, в начале н. э. написал географию, которая также содержит много исторического материала. Использовал ли Страбон книгу Геродота — не установлено. Однако, его данные в общем сходятся со сведениями Геродота.

Нижеприводимые отрывки из сочинений Геродота и Страбона рисуют образ жизни массагетов, живших по северо-восточным берегам Каспийского моря и в низовьях Аму- и Сыр-Дарьи, т. е. на территории западного и отчасти южного Казакстана. Относятся ли массагеты к иранским (персидским) кочевым племенам или тюрко-монгольским, точно до сих пор не установлено, однако, больше оснований считать их принадлежащими к первым. Таким образом, древнейшее население западного и южного Казакстана принадлежало к иранской (персидской) группе народов, живших в тесном соседстве с тюрко-монголами, населявшими север и восток Казакстана. В современном казакском языке наблюдается наличие большого количества персидских слов, совершенно ассимилировавшихся и, повидимому, проникших в язык в очень далекое время.

Отрывок из Страбона, помещенный в сборнике, переведен составителями с греческого по изданию Диндорфа, отрывки же из Геродота даются по переводу Мищенко.

Аммиан Марцеллин, римский офицер и историк, в 358 г. воевал против персов, писал историю своего времени (годы 353—78). Он описывает хуннов того периода, когда они появились впервые в дунайских степях и заставили германское племя вестготов искать спасения в пределах Римской империи.

Менандр Протектор, византийский историк VI века н. э., описал период 558—582 гг. н. э. Выписки из его истории сохранились в сочинениях императора Константина Порфирородного (X в.). Нами использовано издание «Фрагменты греческих историков», т. IV.

По одежде и образу жизни массагеты похожи на скифов. Сражаются они верхом на лошадях и пешие; знают оба способа войны: сражаются луками и копьями; вооружены обыкновенно и секирами. Все предметы у них из золота и меди; все, что требуется для копий, стрел и секир, приготовляется из меди; головные уборы, пояса и перевязки украшаются золотом. Также из меди делают они грудные панцыри для лошадей, напротив, уздечки, удила и фалеры приготовляют из золота. Железа и серебра они вовсе не употребляют, потому что этих металлов нет в их стране, тогда как золото и медь в изобилии.

Обычаи их таковы: хотя каждый из них женится на одной женщине, но женами они пользуются сообща. По словам эллинов, таков обычай у скифов; на самом деле так поступают не скифы, а массагеты. Если какой-нибудь массагет пожелает иметь сообщение с женщиной, он вешает колчан свой перед ее повозкой и сообщается спокойно. Предела жизни у них не полагается вовсе, но кто очень состарится, к тому сходятся все родственники, убивают его, а вместе с ним и разный скот, варят это вместе и поедают. Такой конец жизни считают они счастливейшим. Умершего от болезни они не съедают, но хоронят, горюя о том, что ему не пришлось быть убитым. Они ничего не сеют, питаясь домашними животными и рыбой, которую в изобилии доставляет им река Аракс. Они пьют молоко. Из богов чтут только солнце, которому приносят в жертву лошадей. Смысл жертвы этой тот, что быстрейшему из всех богов подобает быстрейшее животное.

(Геродот. История, перев. Мищенко, I, 113—114).

Раньше народы, живущие на берегах Черного моря, Дуная, Адрии, называли гиперборейями, сарматами, аримаспами, живущих же за Каспийским морем — саками и массагетами, но не умели ничего точного о них сказать, хотя рассказали о войне Кира с массагетами...

...Массагеты только солнце считают богом и приносят ему лошадей в жертву. Каждый женится на одной жене, но сходится и с женами других, но не тайно, а кто с чужой женщиной совокупляется, тот привешивает колчан к тележке и делает это потом без стеснения... Серебра у них нет, железа мало, но бронзы и золота весьма много.

Живущие в равнине, они все же земледелием не занимаются, а живут от скотоводства и рыболовства, как номады, как скифы. Ибо все эти народы имеют общий образ жизни и их могилы и нравы одинаковы, все они грубые, дикие, воинственные, но прямодушны и верны договорам.

(Страбон, изд. Диндорфа, 507—513).

Гунны так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной к вкусу человека пище; они питаются кореньями диких трав полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попреть. Никогда они не укрываются в какие бы то ни было здания... У них нельзя встретить даже покрытого камышом шалаша. Они кочуют по горам и лесам, с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду... Обувь, которую они не выделывают ни на какой колодке, затрудняет их свободный шаг. Поэтому они не годятся для пешего сражения; зато они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид, и ча-

сто, сидя на них на женский манер, исполняют свои обычные занятия. День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны. Когда приходится им совещаться о серьезных делах, то и совещание они ведут сидя на конях. Не знают они над собой строгой царской власти, но довольствуются случайными предводительствами кого-нибудь из своих старейшин, сокрушая все, что им попадется на пути... Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни, кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткут их жалкие одежды, сближаются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости. Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден далеко оттуда, вырос еще дальше.

(Аммиан Марцеллин, кн. XXI, 2 изд. Кулаковского, Киев. 1906 г., III, 237—239).

В начале 4-го года царствования Юстина II [568 г.] [1], приехало посольство турков в Константинополь. Ибо когда власть турков росла, согдианцы, ранее подданные эфталитов, сейчас же турков, просили у своего царя, чтобы он послал посольство в Персию для добывания разрешения свободной торговли шелком [который они сухопутным путем получали из Китая]. Дизабул согласно их просьбе разрешил им послать посольство, главой которого был Маниах. Они ехали к персидскому царю и просили разрешить им свободную торговлю шелком. Но персидский царь, которому это совсем не нравилось и который не хотел, чтобы они безнаказанно перешагнули персидскую границу, все откладывал ответ. И когда согдианцы настаивали на получении ответа, Хозрос [персидский царь] устроил совещание. Эфталит Катульф... советовал не пропустить шелк, а купить его и потом перед глазами послов бросить его в огонь, чтобы избежать мнения, будто-бы он хотел пользоваться тюркским шелком. Итак шелк был сожжен, и послы грустно вернулись домой.

[Второе посольство было убито персами].

Используя этот случай, вождь согдианцев Маниах убедил Дизабула в том, что для турков более выгодно связаться с римлянами [византийцами] и к ним переправлять шелк... и заявил свою готовность совместно с турками ехать как посол к римлянам для установления дружбы. [Он так и поехал в Константинополь]. Император через переводчика ознакомился с написанной на скифском языке грамотой и принял послов любезно. Он допросил их о царстве и стране турков. Они ответили, что у них существует четыре царства [по-гречески «гегемонии»], но высшую власть над всем народом имеет Дизабул. Они прибавили, что подчинили себе эфталитов, которые им должны дань платить. «Вся власть эфталитов вами покорена?»—спросил император, и когда ответили утвердительно, то он спросил: «Жили эфталиты

[1] В квадратных скобках [ ] здесь и далее — примечания составителей и переводчиков.

в городах или в селах?» «Городской это народ». «Значит вы все их города заняли?» «Да».

[Турки заключили договор с византийцами].

Так как турки, которых раньше называли саками, послали послов к Юстину, то последний решил также и к ним послать таковых. Он приказал Земарху Киликийцу, тогда губернатору восточных городов, готовиться к этому путешествию. Тот после необходимой для такого длинного пути подготовки в начале августа отправился совместно с Маниахом и его спутниками. После многодневной дороги, когда Земарх и его люди приехали в Согдиану, им навстречу вышли несколько турков, специально для этого посланных, которые им предложили для покупки железо. Этим они хотели, по моему, показать, что в их стране имеются железные рудники. [Потом шаманы заставили Земарха пройти между огнями и тем самым очиститься, точно так, как это рассказывает Плано Карпини о монголах]. После этого их повели туда, где был хаган к горе Эктаг [наверное, Актаг на юго-востоке от города Кульджи], т. е. «золотой [светлой] горе». В долине этой горы жил тогда Дизабул. Сейчас позвали послов к хагану. Тот сидел в своем шатре на стуле с двумя колесами, который в случае надобности могла тянуть одна лошадь. [Земарх и Дизабул обменялись приветствиями]. Шатер был украшен пестрыми шелковыми коврами. Предлагалось им вино, но не виноградное, ибо там виноград не растет, и они к этому вину не привыкли, но какое-то другое варварское питье. [Потом Дизабул показал им два шатра, богатых золотом и серебром и дал им подарки]. Земарху он подарил пленную наложницу из народа хархис. [Земарх сопровождал Дизабула в походе против персов, в городе Таласе они встретили персидское посольство, потом Земарх был отправлен домой]. С ними совместно Дизабул послал нового посла, ибо Маниах умер. Имя нового посла было Тагма, его звание—тархан... [На обратном пути] римляне перешли реку Оих [Сыр-Дарья] и после долгого пути приехали к огромному широкому озеру [Аральское море]. Там Земарх остался три дня и послал Георгия... сообщить в Константинополе о своем возвращении. Тот возвратился туда с 12 турками, проехав безводную пустыню по более короткому пути. Земарх ехал 12 дней через пески... и доехал до реки Их [Эмба] и Даих [Яйк] и мимо других озер до Атила [Волга].

(Менандр Протектор, 225—229).

[В 576 г. снова некий Валентинос был послан к туркскому хагану Турксантос, сыну Дизабула]. Хаган сказал: «Так как вы застали меня в глубокой скорби, ибо мой отец умер, вы должны были разрезать свои лица мечами согласно нашему похоронному обряду». Тогда Валентинос и его люди так и сделали. В один день из дней скорби хаган привез 4 связанных гуннских пленных и, поставив их рядом с лошадьми умершего отца, приказал им сообщить отцу то-то и то-то. Похоронные обряды на их языке называются дохия.

(Менандр Протектор, 247).

II.

КИТАЙСКИЕ СВЕДЕНИЯ О НАРОДАХ И МЕСТНОСТЯХ СОВРЕМЕННОГО КАЗАКСТАНА

до VIII в. н. э.

ПОГАШЕНО
60275

Первые сведения, полученные в Китае о Средней Азии вообще и современной Казакстанской территории в частности, принадлежат китайскому послу Чжан-Цяню или Чан-Чуню, отправившемуся из Китая в Среднюю Азию в 138 г. и вернувшемуся в Китай в 126 г. до н. э. Его сведения, как и более поздние, вошли в «Историю старшей ханской династии» [202 г. до н. э.— 9 г. н. эры], составленную придворными историографами. Для китайских правящих кругов и их историографов характерно было высокомерное отношение к своим западным соседям и подкрашивание действительных событий в интересах китайского правительства, что чувствуется и в приводимых ниже отрывках. По сведениям Чжан-Цяня на казакской территории в древнее время обитали четыре народности: усунь, кангюй, яньцай, яньцы, причем об усуни и кангюй даются более подробные сведения, а о последних двух народах говорится очень мало, потому что китайцы не имели с ними торговых сношений.

1929

Нижеприводимые отрывки взяты из книг: «Описание Чжуньгарии и Восточного Туркестана» (СПБ. 1829) и «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии...» (СПБ. 1851) русского монаха Иакинфа, являющихся переводом китайских источников.

Иакинф Бичурин (1777—1853), архимандрит, известный синолог, в 1805—22 гг. был начальником русской духовной миссии в Пекине, где изучал китайский язык, историю, быт и нравы страны. Его книги страдают неправильностями перевода и некритическим отношением к источникам. Однако, нужно сказать, что при всех недостатках работ Иакинфа они являются до сих пор единственным источником по древне-китайским летописям. Необходимо отметить следующее: китайские летописи указывают как на древнейшее население современной Син-Цзянской провинции и прилегающей к ней части Казакстана (Семиречье) на усуней и кангюй.

Китай в борьбе с хуннами, образовавшими крупнейшее государство из ряда кочевых турко-монгольских родов (в III в. до н. э. и I в. н. э.) на территории современной Южной Монголии и в Син-Цзяне, нередко заключал союз против хуннов с усунями и кангюй. В китайских описаниях указывается на ряд городов, находившихся на территории Семиречья: г. Чигу (его местоположение в верховьях реки Чу и перевала Бедель), города у Иссык-Куля и т. д. Из этих описаний вытекает, что Семиречье издавна было заселено тюрко-монгольскими племенами.

Кроме отрывков из Иакинфа, характеризующих взаимоотношения Китая и среднеазиатских кочевников, в этот раздел еще включены отрывки из книги китайского монаха Сюань-Цзянь или Хе-Тесанг (VII в. н. э.). До

завоевания Средней Азии арабами в IV—VIII вв. буддийские паломники путешествовали по ее монастырям. Одним из таких паломников и был Сюань-Цзянь.

Описание его путешествия переведено с китайского языка на французский Станиславом Жюльеном и издано в 2 томах в Париже в 1857—58 гг. Взятые нами отрывки переведены с французского языка по этому изданию. Сведения, сообщаемые Сюань-Цзянем, важны тем, что они дают географическое описание тогдашней Средней Азии. Часть маршрута Сюань-Цзяня пролегала по территории нынешнего Казакстана — от Иссык-Куля через Токмак, Аулиэ-Ата, Чимкент, Ташкент до Ура-Тюбе.

При пользовании китайскими источниками нужно иметь в виду, что китайцы, дававшие своим соседям прозвища, весьма часто меняли их, что в высшей степени затрудняет приурочивание тех или иных сведений к определенным местам и народностям.

КАНГЮЙ

Кантюйский князь зимою имеет пребывание в стране Лоюени в городе Даобитянь от Чан-ань за 12 300 ли. Он не зависит от протектора [губернатора]. До Лоюени семь дней пути конной езды; до Фанней, где он имеет пребывание летом, 9104 ли. Кибиток 200000, душ 600000, войска 120000 человек. На восток до местопребывания протектора 5550 ли. В обыкновениях сходствуют с Большими Юечжи. На востоке терпят притеснения от хуннов. В царствование государя Сюань-ди у хуннов произошли неустройства. Пять ханов начали спорить о престоле. Китайский двор возвел Хунанье-хана, но Чжичжи-хан, негодуя на сие, убил китайского посла и на западе укрепился в Кангюе. После сего протектор Гань-янь-шеу и генерал Чень-тхан пошли с войсками владений Западного края в Кангюй и там истребили Чжичжи-хана, о чем см. в повествовании о Гань-янь-шеу и Чень-тхан. Сие случилось при Юан-ди в 3-е лето правления Цзянь-чжао (за 36 лет до н. э.). При государе Чен-ди, кангюйский князь отправил сына своего с дарами к китайскому двору; со всем тем по причине отдаленности поступал весьма надменно и не хотел быть зависимым наравне с прочими владениями. Протектор Го-шунь несколько раз представлял об них двору следующее: «Хунны были могущественны не потому, что привели под власть свою Усунь и Кангюй; также и не по причине потери оных двух владений признали себя вассалами Китая. Двор китайский, хотя и принимает от них детей княжеских в заложники, со всем тем сии три владения продолжают взаимную приязнь и по-прежнему имеют связь между собою, равно не оставляют и подсматривать друг за другом и при выгодных случаях производят друг на друга нападения. При соединении они не могут искренно доверять друг другу, при разделении не могут покорить друг друга. Настоящая родственная связь нашего двора с усуньским владельцем еще не доставила никакой выгоды, напротив, озабочивает Срединное государство. Но как усуньцы прежде вступили в оную связь и вместе с хуннами признали себя подданными, то самая справедливость требует не отвергать их. Кангюйский владелец, напротив, горд, дерзок и никак не соглашается делать поклонения перед послами. Чиновников, посылаемых

к нему от протектора, сажает ниже усуньских послов. Князь и вельможи его прежде едят, а потом уже подают посланному от протектора, почему он ничего не упускает, чтобы выказаться перед соседними владениями. Судя по сим поступкам, нетрудно отгадать, для чего он отправляет сыновей служить при дворе. Это есть хитрый предлог, под которым он желает производить торговлю. Хунны составляли величайшее государство между иностранными народами, а ныне с подобострастием служат Китайской державе. Слыша, что кангюйский владелец не делает поклонения, Шан-юй, без сомнения, находит себя униженным. Надлежит обратно отослать сына его и пресечь отправление послов, дабы сим доказать, что дом Хань не имеет связи с владениями, отвергающими благопристойность. Небольшие области Дунь-хуан и Цзю-цю-ань и восемь владений южной дороги терпят стеснение, доставляя проезжающим послам скот и съестные припасы. Изнурять и истощать подданных провожанием и принятием отдаленных, но гордых иностранцев—его неможно почесть хорошим расчислением». Несмотря на таковое представление, китайский двор, как еще недавно открыл сообщение с иностранными землями и дорожа славою быть известным в отдаленных краях, не прерывал сей связи. От Кангюя на северо-запад через 2000 ли находится владение Яньцай, которое может выставлять более ста тысяч войска и в обыкновениях сходствует с Кангюем. Оно прилежит к Великому озеру (Каспийскому морю), не имеющему предела; это, говорят, есть Северное море. Кангюй имеет пять малых княжеств.

(Иакинф, «Описан. Чжуньгарии...» 31—34).

УСУНЬ

Усуньский большой гуньмо живет в городе Чигу, от Чан-ань за 8900 ли, кибиток 120000, душ 630000, войска 188800. Сян-да-лу — один, главнокомандующих — два, хэу — три, ду-юй — один, тхай-цзянь — два, тхай-ши — один, ше-чжунтхай-ши — два, ци-цзюнь — один. На восток до местопребывания протектора 1721, на запад до кангюйского места Фанней 5000 ли. Земли ровные и травянистые; страна дождливая и холодная. Горы покрыты хвойным лесом и деревом мань. Земледелием не занимаются, а со скотом перекочевывают, смотря по воде и траве; в обыкновениях сходствуют с хуннами. В сем владении много лошадей; богатые содержат оных от 4 до 5 тыс. голов. Народ суров, алчен, вероломен; вообще склонен к хищничеству. Владение сие почитается наисильнейшим.

Прежде оно было под зависимостью хуннов, впоследствии усилилось и не захотело быть под их державою. На востоке смежно с хуннами, на северо-западе с Кангюем, на западе с Даванию, на юге с разными постоянными владениями...

...Усуньский гуньмо начал опасаться [китайцев] и отправил (в Китай) посланника с лошадьми, причем изъявил желание вступить в родство через женитьбу на китайской царевне. Сын неба спрашивал у своих чинов и, согласясь на их мнение, сказал, чтобы прежде прислали в Китай послов с дарами, а после сего отправить царевну. Усуньский гуньмо прислал тысячу лошадей. В правление Юань-фыня (за 107 лет до н. э.) китайский двор отправил дочь одного князя в качестве царевны

в супруги ему, пожаловал ей колесницы, одеяние, царские вещи, чиновников и несколько сот евнухов; в напутствие одарил весьма щедро. Усуньский гуньмо сделал ее второю женою. Хуннский хан также выдал за гуньмо дочь свою, которую гуньмо сделал первою женою. Царевна, по прибытии в его владение, построила для себя дворец. В три месяца единожды имела свидание с гуньмо и давала пир для него; причем приближенных и вельмож его дарила вещами. Гуньмо был стар и не знал китайского языка. Царевна в скуке сочинила следующую песню:

Выдали меня родственники
В дальную сторону;
Отдали в чужое царство
За усуньского царя.
Живет в бедной хижине,
Обтянутой войлоками,
Пища его — мясо,
Питье его — молоко.
Как вспомню об отечестве,
Желала б диким гусем быть,
Чтоб возвратиться на родину.

Сын неба, услышав о сем, почувствовал жалость и через год отправлял к ней посланника с палатками и шелковыми материями. Гуньмо, будучи стар, хотел царевну выдать за своего внука сеньцзэу. Царевна не послушала его и представила о сем двору. Сын неба в ответе советовал ей сообразоваться с обыкновениями того государства, дабы при помощи усуньцев уничтожить хуннов. И так сэньцзэу женился на царевне и по смерти гуньмо вступил на престол. Сэньцзэу есть название чина, а имя ему Цзюнь-сюйми. Гуньмо есть титул государя, а имя его Лецьзяоми... Сэньцзэу, женившись на царевне, родил от нее дочь Шаофу. По смерти царевны, китайский двор выдал за сэньцзэу другую княжну Цзе-ю в качестве же царевны...

По вступлении государя Сюань-ди на престол, царевна и гуньмо прислали посланника с представлением, что хунны опять несколько раз высылали войска для нападения на Усунь, овладели частию земель и увели людей в плен; что присылали посланника с требованием выдать им царевну и прекратить связь с Китаем; что он, гуньмо, желает двинуть отборные войска с половины государства и выставить 50000 конницы на своем содержании, чтобы всеми силами ударить на хуннов, только бы Сын неба выслал войско для вспоможения царевне с ним. И так Китай выставил 150000 конницы. Пять генералов в одно время выступили в поход разными дорогами. Государь послал генерала Чан-хой для охранения усуньского войска. Гуньмо лично выступил в поход с 50000 конницы и вступил с запада в земли западного Гули-князя. Он взял в плен до 40000 человек, в котором числе были ханские родственники и множество знатных офицеров; получил в добычу более 700000 голов лошадей, рогатого скота, овец, ослов и верблюдов. Всю сию добычу усуньцы взяли себе. Сие случилось в 3-е лето правления Бень-ши (за 71 год до н. э.). Китайский двор отправил Чан-хой с разными подарками для отличившихся усуньских вельмож. Во 2-е лето правления Юань-кхан (за 64 года до н. э.)

усуньский гуньмо через Чан-хой представил китайскому двору, что он, Юань-гуймия, внука дома Хань с женской стороны, желает учинить наследником и еще женить на китайской царевне, чтобы через сие сугубое брачное родство совершенно пресечь связь с хуннами, а для сговорных даров посылает лошадей и лошаков по тысяче голов. Государь отдал сие на рассмотрение чинов. Сяо-ван-чжи настоял, чтобы отказать, потому что усуньское владение слишком удалено и трудно ручаться за его постоянство. Но государь, похваляя усунь за недавно оказанные великие услуги и затрудняясь пресечь прежние связи с ним, отправил туда посланника, чтобы предварительно принять сговорные дары. Гуньмо с наследником и вельможами своими отправил посольство, слишком из 300 человек состоящее, для принятия в Китае младшей царевны. И так, государь младшую сестру усуньской царевны Цзе-ю признал царевною, дал ей штат из ста слишком человек и поместил во дворце, чтобы училась усуньскому языку.

(Иакинф, «Описан. Джунг...» 42—50).

Проехав около четырехсот ли по горам, он прибыл к большому озеру, называемому Тсинг-Чи [Иссык-Куль]. Озеро это имеет приблизительно тысячу ли в окружности и тянется узкой полосой с востока на запад. Со всех сторон оно окружено горами; множество рек впадает в него. Вода в озере темнозеленого цвета и имеет горько-соленый вкус. Поверхность его вод то расстилается спокойно на неизмеримое пространство, то вздымается бурно катящимися валами. В нем водятся драконы, а по временам на поверхность всплывают необыкновенные чудовища. Поэтому-то путешественники, едущие по озеру, молят небо о даровании им благополучного пути. Хотя обитатели озера и весьма многочисленны, никто не осмеливается вылавливать их.

Проехав, примерно, 500 ли на северо-запад от озера Тсинг-чи, он достиг города на реке Су-Е [Чу]. Этот город [Токмак] имеет в окружности от шести до семи ли; он является местом встречи купцов, приезжающих из различных королевств.

Почва пригодна для развития красного проса, пшеницы и винограда; лесная растительность редкая. Так как климат здесь холодный и свирепствует леденящий ветер, жители носят одежду из валяной шерсти. К западу от Су-Е расположено около десятка изолированных городов, находящихся под управлением начальников, друг от друга независимых, но подвластных ту-киу [тюркам].

Страна, занимающая пространство между городом по реке Су-Е и королевством Кио-Шанг-На [Касанна], названа Су-ли; обитатели ее, а также их письменность и язык носят то же наименование. Основные письменные знаки немногочисленны: они сводятся к 32 буквам, комбинация которых постепенно привела к образованию большого числа слов.

У обитателей этой страны литература заключается всего лишь в нескольких исторических мемуарах. Знание этих книг, текст которых читается сверху вниз, передается взаимно друг другу; таким образом литературная образованность переходит непрерывно из поколения в поколение. Жители носят одежды, сшитые из хлопчатобумажной мате-

рия, шерсти или кожи, узкие и плотно облегающие тело. Волосы собирают в пучок, выбривая их на темени, иногда же сбривают их совсем. Голову обвязывают шелковой материей. Ростом высоки. Изнежены и трусливы. В их нравах преобладает обман, ложь; большинство из них мошенники и плуты. Жадны они, в общем, чрезвычайно. И стар и мал мечтают лишь о наживе; самые богатые люди пользуются и наибольшим их уважением; но богатые ничем не отличаются от бедняка. Если даже кто-либо обладает несметным богатством, то и тогда он носит ветхую одежду и питается простой пищей. Одна половина населения обрабатывает землю, а другая занимается торговлей. Проехав около четырехсот ли на запад от реки Су-Е, он достиг Мынг-Булака. Территория страны Мынг-Булак занимает приблизительно 200 кв. ли. На юге она ограничена снеговыми горами, а с трех других сторон однообразными равнинами. Земля обильно орошена и лесная растительность великолепна. В последнем месяце весны столько цветов, самых разнообразных, что земля представляет собой как бы роскошно вышитый ковер. Здесь имеется великое множество водоемов с быстро текущей водой; отсюда и происходит название местности Мынг-Булак — «Тысяча источников». Хан-ту-киу [тюрок] каждый год приезжает сюда, спасаясь от летней жары. Здесь попадается множество оленей, украшенных маленькими колокольчиками и колечками. Они привыкли к людям и не убегают, увидя их. Хан любит оленей, и ему доставляет удовольствие наблюдать за ними. Он выпустил указ к своим подданным, где сказано, что всякий, кто посмеет убить хотя бы одного оленя, будет предан смерти без пощады.

Сделав от ста сорока до ста пятидесяти ли на запад от Мынг-Булака он приехал в город Талас, имеющий в окружности от 8 до 9 ли. Здесь останавливаются и торгуют всевозможными товарами купцы, приезжающие из разных стран. По своим естественным богатствам и по климату страна эта походит на Су-Е.

Проехав около десяти ли на юг, он повстречал город, вблизи которого не было других населенных пунктов. В этом городе проживало 300 семейств, уроженцев Китая. В старину они силою были увезены из Китая ту-киу [тюрками]. Впоследствии эти китайцы, объединившись с большим числом своих соотечественников, отбили город у тюрков и окончательно в нем обосновались. Они быстро восприняли костюм и вкусы ту-киу [тюрков] и сохранили язык и обычаи своего отечества.

Выехавши из этого королевства, он проехал, примерно, двести ли на юго-запад и приехал в город Пе-Шуи или «Белые воды». Этот город имеет в окружности 6 или 7 ли. В отношении естественных богатств и климата эта местность в значительной степени превосходит Талас.

Проехав около двухсот ли на юго-запад, он прибыл в город Конг-Ю, имеющий 5 или 6 ли в окружности; земли здесь тучные и плодородные: фруктовые сады и леса произрастают великолепно. Отсюда он проехал сорок-пятьдесят ли на юг и приехал в королевство Ну-Чи-Киен.

Это королевство имеет около тысячи ли в окружности. Земля в нем плодородна и дает большие жатвы; растительность роскошная; цветов и

плодов изобилие. Собирают большое количество винограда, который весьма ценится. В этом королевстве сотня городов, каждый из которых находится под управлением особого начальника. Эти начальники обладают всей полнотой власти и совершенно независимы друг от друга. Но хотя их владения и точно разграничены, все же они объединяются в целом под общим названием Ну-Чи-Киен-Ку.

Выехав из этой страны, он проехал двести ли на запад и прибыл в королевство Че-Ши (Чаш) [Ташкент].

(Сюань-Цзянь, I, 1—16).

III.

МУСУЛЬМАНСКИЕ ГЕОГРАФЫ О НАРОДАХ И МЕСТНОСТЯХ ТЕПЕРЕШНЕГО КАЗАКСТАНА

(X—XII вв.)

В связи с преобладанием мусульманской культуры в Средней Азии начиная со второй половины VIII века географическое и историческое описание Средней Азии становится делом мусульманских географов. IX и X вв. являются периодом расцвета географических исследований у арабов.

Мусульманские источники, несмотря на их крайнюю сухость и лаконичность, интересны в том отношении, что дают сведения преимущественно о южном Казакстане, являвшемся «воротами в Среднюю Азию», местом стыка оазисной средне-азиатской культуры с огромным кочевым миром тюрко-монгольских родов и племен. Пионерами земледельческой культуры были, главным образом, иранцы; под их культурным воздействием стали оседать и тюрко-монголы. Как видно из приводимых отрывков, берега Сыр-Дарьи, по среднему и нижнему течению реки, имели ряд оседлых поселений, развалины которых сохранились и до сих пор. Следовательно, берега Сыр-Дарьи по ее нижнему и среднему течению (современные Казалинский, Кармакчинский, Кзыл-Ордынский, Яны-Курганский, Туркестанский районы Южно-Казакстанской области) имели культурные очаги с поливным земледелием и торговлей. Несомненно, культурное влияние иранцев на тюрко-монголов, а через них на казаков, было весьма велико, и смешение их между собой происходило с очень давних времен.

Масуди, Кардизи, Макдиси, отрывки из произведений которых помещены ниже, — авторы X в. Сообщения их подтверждаются одно другим.

М а с у д и, или Мас-уди Абульхасан Али, знаменитый арабский географ и историк из Багдада (умер в 956 г.) путешествовал по Азии и Северной Африке, был также и в Северной Персии. Из его книги в наш сборник включены места, имеющие географический интерес в отношении распространения тюрков и говорящие об оседлых и кочевых народах, обитавших на территории современного Казакстана. Книга его озаглавлена: «Мурауджуз-Захаб уа Ма динульжаухар» («Книга золотых лугов и рудников драгоценных камней»). Перевод отрывков сделан с арабского текста, помещенного во французском издании. (Том I. 1861 г.).

Автор книги «Х у д у д А л-А л е м» («Граница мира») неизвестен, но известно, что книга написана в конце X в. Рукопись открыта Туманским в Бухаре в 1892 г. и издана с введением В. В. Бартольда Академией Наук СССР в 1930 г. В книге дается подробное географическое описание гор, рек, островов, пустынь, государств и городов земного шара, в частности, много интересных сведений о территории Казакстана. Приводимые главы переведены из вышеупомянутого издания.

Ибн-Хаукаль, Абдуль Касим-Мухаммед, арабский купец и путешественник из Моссула (X в.), странствовал 30 лет и в 977 г. исправил на основе личного опыта написанную Вальхаем в 921 г. и обработанную Истахрием в 951 г. «Книгу путей и государств». В этой книге имеется много сведений о географии тогдашней Средней Азии. Приводимые нами отрывки переведены с английского издания The oriental Geography of Ebn Hauckal, arabian traveller of the tenth century. Translated by sir William Ouseley. London, 1800.

Макдиси, или Мукаддаси, — известный арабский географ и путешественник. Книга его появилась в 988 г. под названием «Ахсануттакасим Фи Марифатуль Акалдим» («Самое лучшее разделение климатических поясов»). Помещенный нами отрывок дан в переводе Бартольда (см. его «Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью с 1893 по 1894 г.», стр. 15—16).

Книга «Зайнуль-Ахбар» («Украшение из извести») Абу Сайда Абульхай Бин Зухака Кардизи и написана в 1050—1052 гг. на персидском языке. Кардизи дополняет «Худуд Ал-Алем». Текст взят из того же труда Бартольда.

Ибн-Халдун — знаменитый арабский историк, родился в Тунисе в 1332 г., умер в Каире в 1406 г. Он жил в Испании и в Каире, где занимал должность верховного судьи, которую сохранил даже при Тимуре. Его книга «Китаб-ульабр» («Книга примеров») посвящена истории мусульманских народов. Первая часть ее, знаменитое введение (мокаддама) содержит много глубоких и для того времени весьма передовых мыслей об истории как науке. Ибн-Халдун для своего труда пользовался сочинениями Птоломея, Идриси Масуди, Ибн-Хаадаба, Хаукаля, Кардизи, Ибн-Искака и других. Он дает некоторые сведения об озере Балхаше и народах, обитающих к югу от него. Наш перевод сделан с арабского текста книги Ибн-Халдуна в египетском издании 1294[1] (1867) г.

Остальные сведения взяты из более поздних тюркских авторов-компиляторов, использовавших древние арабские и персидские источники и народные предания, как, например, турецкие историки Мунеддджим-баши (1630—1701) и Абулгази (1605—1664), передающие события XI—XII вв. Текст Мунедджим-баши (перевод В. В. Григорьева) взят из книги «Труды Восточного отделения Имп. русск. археол. о-ва, часть XVII». Текст Абулгази взят из книги «Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете», том XXI, вып. 5—6, перевод Саблукова, за исключением главы «Уход узбеков из Ургенжа», переведенный нами с джагатайского по изданию Пантусова.

Море Аджамов [Каспийское], вокруг которого кочуют и живут народы «аджам» и другие... носит разные названия: Бабуль-Абуабское, Хозарское, Жильское (Гиланское), Дилемское, Журжанское, Табаристанское. На берегу этого моря находится несколько тюркских родов. Оно с одной стороны доходит до городов Хорезма, принадлежащего территории Хорасана.

(Масуди, I, 262—3).

---

[1] Летоисчисление мусульманское.

Аспижаб — область, служащая границею мусульман и неверных, страна обширная и цветущая [земледельческая], граничит с Туркестаном. Все то, что вывозится из Туркестана, поступает в Аспижаб. В этой области очень много городов и деревень. Из них ничего не вывозят. Аспижаб есть центр области, город большой, богатый продуктами и ремеслами, здесь место пребывания правителя и место сборища купцов всего мира.

(Худуд Ал-Алем, 48).

СЛОВО ОБ ОБЛАСТИ КАЙМАКОВ И ОБ ИХ ГОРОДАХ

Эта область на востоке граничит с одним из киргизских родов, на юге простирается до реки Арташ и Аталь, на западе граничит частично с кипчаками и необитаемыми землями севера.

В этой области имеется только один город, а племен очень много. Люди живут в юртах летом и зимою, кочуют в поисках пастбища и воды. Их доходы — от саммура и баранов. Пищу их летом составляет молоко, а зимою копченое мясо. Когда между ними и гозами бывает мир, то зимою вступают в общение с гозами. Каймакского правителя называют хаканом. У этого правителя имеется двенадцать начальников, при помощи которых он управляет страной; должность их по наследству переходит к их сыновьям.

(Там же, 36).

СЛОВО ОБ ОЗЖИФЖАКЕ

Это область, выделившаяся из области каймаков. Жители в некоторых отношениях по нравам сходны с гозами. Киркирхан — область, тоже выделившаяся из каймакской земли. Жители по своим нравам похожи на киргизов.

Игсун-Ясу, тоже одна из каймакских областей, находится между реками Арташ и Аталь. Народ здесь давний, смышленый, богатый и трудолюбивый. Мазакия — город в Каймаке, в котором летом живет хакан. Расстояние между ним и городом Торар восемьдесят дней пути на быстроходных подводах.

Чуф — селение и стоит на берегу реки; летом там бывает очень много народу.

(Там же, 36).

СЛОВО ОБ ОБЛАСТИ ГОЗОВ

К востоку от этой области лежат пустыня Гозская и города Мауранахра. На юге часть пустыни и второе Хозарское озеро и на севере и западе река Аталь. Народ здесь жизнерадостный, но в то же время с горячим и корыстолюбивым характером. Зимою и летом кочуют в по-

исках пастбищ; их доход — от коневодства, разведения рогатого скота, овцеводства и немного от охоты и выделки оружия.

Среди них есть много торговцев. У них удивительно хорошо то, что они любят молиться и уважают лекарей. В отношении набожности они служат примером для других.

У них городов нет, а юрт очень много. Они мужественны, храбры, всегда ходят вооруженными и во время битвы отважны. Они часто производят нападение на мусульман, всегда растоптав все и ограбив, уходят обратно. У каждого рода свой старшина, который всегда вместе с ними.

(Там же, 36).

СЛОВО ОБ ОБЛАСТИ ТЮРКОВ-БЕЖНАК

Эта область на востоке граничит с гозами, на юге с буртасом, на западе с мажгарами и с русью и на севере с росами. Эта область во всех отношениях походит на область каймаков. Они известны тем, что среди них много знаменитых богатырей. Городов у них нет. Подчиняются своим старшинам.

(Там же, 36—7).

СЛОВО ОБ ОБЛАСТИ ХИПЖАХА

На юг от хипжах лежит область бежнаков, а остальные стороны охвачены пустынями севера. У хипжахов не имеется домашних животных. Они пришли сюда, отделившись от каймаков. Нравы у них очень плохие. Начальников им назначают правители каймаков.

(Там же, 37).

Что касается пути к кимакам, то из Фараба идут в Янгыкент; на пути из Янгыкента в страну кимаков встречают реку, переправляются через нее и приходят в пески; тюрки называют это место Уюкман (?). Дальше приходят к реке Сокук; после переправы через нее начинаются солончаки. Дальше приходят к горе Кендир-тагы. (Путешественник) идет все по берегу той же реки, среди зелени, травы и деревьев, до истока реки; гора высока. После этого поднимаются на гору по узкой тропинке. От горы Кендир-тагы приходят к реке Асус (?); по этой дороге в течении пяти дней на людей совсем не падает свет солнца вследствие тени деревьев, до самого берега реки Асус. Вода в реке черная; она течет с востока и доходит до ворот Табаристана (?). После этого приходят к реке Иртыш, где начинается страна кимаков. По обоим сторонам реки пасутся дикие кони; иногда можно видеть в одном месте тысячу или две тысячи их; они происходят от одичавших царских коней; они продолжают размножаться. Этих лошадей нельзя поймать иначе, как арканом; поймав их, садятся на них и укрощают; они поддаются укрощению и привыкают к людям. Иртыш — большая река, так что, если кто-нибудь встанет на этом берегу реки, то с другого берега его нельзя узнать... Вода реки черная. Переправившись через реку Иртыш, приходят к шатрам кимаков. Низких строений у них нет; все живут в лесах, ущельях и степях, все владеют стадами

коров и баранов; верблюдов у них нет; если какой-нибудь купец приводит сюда верблюда, он не живет здесь и года: как только верблюд поест этой травы, он околевает. У них нет соли; если кто-нибудь приносит сюда один мен соли, он берет за это мех горностая. Летом они питаются кобыльим молоком, которое у них называется кумысом; на зиму они заготовляют сушеное мясо, баранье, лошадиное или коровье, каждый по мере своих средств. В этой стране выпадает много снега; бывает, что толщина снежного покрова в степи достигает высоты копья. Зимой они уводят лошадей в отдаленную страну, в место Октаг; под землей у них есть водоемы, сделанные из дерева на зимнее время; когда выпадает много снега, их лошади пьют в зимние месяцы эту воду, так как снег не позволяет им дойти до водопоя. Предметы охоты кимаков — соболи и горностаи; их начальники носят титул Бамал-Пейгу (или Ямал-Пейгу).

(Кардизи, см. Бартольд, 106—107).

Шаш — цветущий и многолюдный город, населен мусульманами из Гоза и Холаджа, принадлежащими к ревнителям священной войны. На территориях между Фарабом, Кунджиде и Шашем много полей, засеянных зерновыми хлебами. Народ живет в шатрах; все — мусульмане, не имеющие государственной самостоятельности. Тараз расположен на самой границе, проходящей между областями тюрков и мусульман; встречающиеся повсюду около Тараза сильные замки называются вообще по имени этого города. Область ислама простирается до этого пункта.

На территории Азеркента расположен город со старым замком, мечетью и валами, на которых находятся дом губернатора, тюрьма в старом замке. Город этот приятен, изобилует хорошими фруктами и населен вежливым и красивым народом. Хлеб доставляется сюда из Ферганы, Сатрушта и других стран на лодке по реке Шаш, имеющей довольно значительные размеры. Аму берет начало в Туркестане, на границах Азеркента, там же находятся истоки Харсаба, Ойса, Каба, Ходали и других рек.

Большая часть гозского народа — мусульмане. Гоз — столичный город, где находится летняя резиденция королей этой страны. От Хорезма до столицы по прямой линии десять мерхилэ, а от нее до Бараба — двадцать.

(Ибн-Хаукаль, 268—270).

К концу саманидского периода относится подробное перечисление городов долины Таласа, которое мы находим у Макдиси. Эти города следующие:

1. Тараз — славный, укрепленный город со многими садами, густо застроенный; имеет ров и четыре ворота; около него есть многолюдное предместье; у ворот города течет большая река; часть города находится по ту сторону реки; через реку проходит дорога; соборная мечеть находится среди базаров.

2. Джикиль — небольшой город на расстоянии ½ мили от Тараза; имеет стены и цитадель, соборная мечеть находится на базаре.

3. Барсхан [1] — город на расстоянии мили к востоку (от предыдущего?), имеет стены, теперь уже разрушенные; соборная мечеть находится среди базаров.

4. Бехлу — город больше Барсхана; лежит влево от Джикиля, на расстоянии ½ фарсаха; имеет 5 волостей, цитадель и соборную мечеть среди базаров.

5. Атлах — большой город, по величине приближается к столице (к Таразу или к Исфиджабу); имеет стены. Большую часть города составляют сады; в сельских окрестностях его больше всего возделывается винограда. Соборная мечеть находится внутри города, базары — в предместии.

6. Хамукет (или Джамукет) — большой город, имеет стены; около последних находится соборная мечеть, базары — в предместии.

7. Шельджи — небольшой город, но в нем много иностранцев; говорят, что в нем 10 000 исфаганцев. Имеет цитадель; соборная мечеть находится вне ее. Город расположен среди гор; из последних вытекает река, посреди нее (?) — 7 селений.

8. Сус — большой город и

9. Куль — меньше его. Оба города имеют стены и расположены на берегу реки (или канала).

10. Текабкет — большой город; половина жителей — неверные. Последние три города расположены вблизи гор, в которых находятся серебряные рудники.

(Макдиси, см. Бартольд, 15—16).

В верховьях реки Шаш находится гора Жибрагун. Эта гора берет начало из пятого климатического пояса, делая изгиб к востоку, отклоняется к югу, выходит к девятому отделу четвертого климатического пояса, окружая Шашскую землю; потом, в девятом отделе, тоже делает изгиб, окружает землю Шаша и Ферганы, здесь с юга входит в третий эклим [климатический пояс]. Между рекой Шаш и оконечностью этой горы находится город Фараб; между Фарабом, Бухарой и Хорезмом есть пустыня. На краю этого отдела с северной и восточной стороны находится земля Хужандынская. В ней города Санжаб и Тараз.

С запада девятого отдела этого пояса после земель Ферганы и Шаша начинается Хазлажская земля с южной стороны, Халижийская земля с северной стороны. На востоке этого отдела лежит земля каймаков, — все это в девятом отделе и граничит с горой Кокия.

...Седьмой отдел этого пояса с запада окружен морем Табаристанским. В северо-западной части этого отдела существует земля, по которой река Этил впадает в это море; к востоку от этого отдела лежит земля, обнаженная из под моря, эта земля — место кочевки гозов-тюрков. Она с южной стороны окружена горами, простирающимися до

---

[1] Это, так называемый, Нижний Барсхан, или Нушджан. Расстояние, указанное другими географами, как мы увидим ниже, более значительно.

восьмого отдела, потом идет к западу, не доходя до половины восьмого отдела; загибаясь к северу, подходит к морю Табаристан; окружает его, простираясь до шестого отдела, потом отклоняется от моря. Здесь ее называют Черной горой. Потом идет на запад к шестому отделу шестого пояса, потом возвращается к югу шестого отдела пятого пояса.

Круглая карта мира Идриси. 1154 г.
(из книги Берга «Аральское море»).

В этом отделе конец этой горы вклинивается между землями Серира и Хозара. Хозарская земля в шестом и седьмом отделах упирается в бока Черной горы.

Восьмой отдел этого пояса составляют кочевья гозов-тюрков, на юго-западной стороне его лежит озеро Хорезм, в которое впадает река Жайхун. Окружность этого озера — триста миль; туда впадает еще

14025
ПОГАШЕНО
Г. С. БИБЛИОТЕКА
КазССР им А. С. Пушкина
Инв. № 100995-35

много рек с Гозской земли. На северо-восточной стороне его лежит озеро Аргун. Окружность ее составляет четыреста миль; вода в нем пресная. К западу от этого отдела находится гора Музгар, что означает Снеговая гора, потому что там снег не тает; она простирается до конца отдела.

На юге от озера Аргун есть каменистая гора, там ничего не растет, гора эта называется Аргунской, вследствие чего озеро тоже называется Аргунским.

Из этой горы и горы Музгар в северное озеро с двух сторон впадает множество рек, число которых неизвестно.

В девятом отделе этого пояса, на западе от стран гозов и на востоке от страны каймаков, находятся страны аркасов из тюркского племени.

(Ибн-Халдун, I, 60, 64—65).

КАРА-ХАН [ок. 900 г. н. э.]

Кара-хан царствовал над всем народом. Летом он жил по горам Эрьтаге и Гер-таге, которые ныне зовутся Улу-тау и Кичик-тау, а когда наступала зима, он проводил время в Кара-Куме и на берегу реки Сыр. При Кара-хане подданные его сделались столь нечестивы, что между ними не было ни одного мусульманина.

(Абулгази, 12).

О ХАКАНАХ ТУРКЕСТАНСКИХ [КАРАХАНИДЫ, XI—XII в.]

Хаканы эти имели притязания на происхождение от рода Афрасиабова. Властвовало их всего двадцать человек. Столицею царства их был вначале Баласагун город, а потом города Бухара и Самарканд... Коренными владениями их были: 1) Баласагун, служивший им столицею, расположенный в начале седьмого климата под 102 гр. долготы и 48 гр. широты, неподалеку от Кашгара и считавшийся издревле пограничным городом Туркестана; 2) Кашгар, стольный город Турана, в шестом климате, под 106 гр. долготы и 45 гр. широты; зовется также Ордукенд'ом; родина нескольких известных ученых; 3) Хотан, в отдаленнейшей части Туркестана, под 107 гр. долготы и 42 гр. широты; 4) Каракорум; 5) Тараз; 6) Фараб: все три города важные.

(Мунеддж им-баши, 195).

IV.

КАЗАКСТАН КАК ЧАСТЬ МОНГОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА

В начале XIII в. в Казакстане жили следующие народы: куманы или половцы — на запад до р. Урала, канглы — от Урала до Аральского моря, каракитаи — на территории теперешних Алма-Атинской и Южно-Казакстанской областей, найманы и карлуки — в восточных пределах теперешней КАССР. Все эти народы, кроме каракитаев, говорили на тюркских языках, каракитаи же на языке родственном манчжурскому. Они еще не были тогда мусульманами. Кроме того, часть Казакстана (от Аральского моря до ст. Чили) входила в состав мусульманского государства Хорезм. Но в первых десятилетиях XIII в. Казакстан стал частью Великого монгольского государства.

Став «великим ханом» (1206 г.), Чингиз-хан подчинил себе найманов и каракитаев.

В 1219 г. Чингиз-хан, тогда уже повелитель не только всех монгольских племен, но и Северного Китая, предпринял большой военный поход на запад. Разбив армию Хорезм-шаха, он занял город Отрар, важный тогда торговый центр, недалеко от г. Туркестана (Ясси), Бухару, Самарканд. Его полководец Субатай через Астрахань двинулся в Россию и победил русских князей на Калке. После смерти Чингиз-хана (1227) его сын Угэдэй (1227—1242) стал великим ханом и владетелем Китая, другой его сын, Чагатай, — владетелем страны между Лоб-нором и Аму-Дарьей (Восточный Туркестан, Туркестан и Казакские степи), — страны, названной по его имени Чагатай, внук же его Батый — владетелем Кипчака или Золотой Орды (страны на запад от Аму-Дарьи). Последний в 1237—1242 гг. предпринял новый поход на Запад, прошел Венгрию и Моравию и окончательно покорил Россию. Ужас распространился в Европе с появлением этого страшного врага. Все хроники полны рассказами о совершенных монголами зверствах. Монголов в тогдашней Европе называли — «тартары» или «татары» (первоначально, вероятно, название одного из монгольских племен). Это название укрепилось в Европе и до XVIII века осталось названием для всех тюрко-монгольских народов.

В 1246 г. папа римский Иннокентий IV (1243—1254) послал монаха Пьяно (или Плано) Карпини, уроженца города Перуджии, в качестве посла к великому хану монголов Гуюку (внуку Чингиз-хана) в Каракорум. Цель этого посольства еще недостаточно выяснена. Вероятно, папа желал заключить союз с монголами против мусульманских государств Передней Азии. В случае неудачи он, очевидно, хотел получить сведения о военных приготовлениях и военных приемах этого столь страшного тогда для Европы врага. Не исключена возможность и того, что папа искал помощи

монголов против германского императора Фридриха II (1215—1250), которого он на Лионском соборе отлучил от церкви. Кроме того, итальянские торговые города, особенно Генуя и Венеция, были очень заинтересованы в открытии торговых путей в Китай.

Карпини приехал в Каракорум, столицу великого хана, когда сын Угэдэя — Гуюк был провозглашен ханом (1246). Путешествие же Рубрука состоялось уже при хане Мункэ (1251—1260), при котором брат его Хулагу уничтожил Багдадский халифат, покорил Персию и часть Малой Азии и основал персидскую династию Ильханов, другой же его брат Кублай завершил завоевание Китая. Мощь и порядки Монгольского государства произвели глубокое впечатление на обоих путешественников также, как и на знаменитого венецианца Марка Поло, ехавшего в Китай почти на 3 десятилетия позже. Все эти европейские путешественники с большим уважением говорят о Монгольском государстве, несмотря на тенденцию их показать дикость части этих «идолопоклонников». Во многих отношениях эта огромная империя, через которую шел торговый путь с Запада в Китай, стояла выше, чем современная ей Европа.

Из восточных источников по истории этой империи самый важный — «История монголов», написанная на персидском языке Рашид-Эддином, жившим при дворе Ильханов и использовавшим государственный архив последних. Он употребляет двойное летоисчисление: мусульманское (по годам от Хиджры — 622 г. н. э.) и монгольское, по 12-летнему циклу, в котором каждый год носит название определенного животного.

Рубрук, францисканский монах из Фландрии (теперь Бельгия, в то время часть Франции), виделся в Париже с вернувшимся из путешествия Карпини. Позже, находясь в сирийском городе Аккон, в то время одной из важнейших крепостей крестоносцев в их борьбе против мусульман, он получил поручение французского короля Людовика IX ехать послом к великому хану в Каракорум. Путешествие его продолжалось с 1252 по 1254 г. Целью и этого путешествия было заключение союза против мусульман.

Перепечатываемые здесь выдержки из Карпини взяты из книги «Собрание путешествий к татарам», СПБ, изд. Д. Языкова, 1825 г. (являющейся, в свою очередь, перепечаткой и переводом на русский язык английского издания 1589 г.), с некоторыми поправками текста по Малеину, выдержки же из Рубрука — целиком по переводу А. И. Малеина (СПБ. 1911).

Рубрук и Карпини пользуются для определения дат святцами. Поэтому надо знать, что великий пост начался в конце февраля, пасха в 1246 г. была 8 апреля, вознесенье господне — 13 мая, день Иоанна крестителя — 24 июня, святого креста — 1 августа, св. Михаила — 29 сентября, Андрея — 30 ноября, Николая — 6 декабря.

Об Абулгази — см. стр. 28.

1. ПОКОРЕНИЕ ЧИНГИЗ-ХАНОМ СРЕДНЕЙ АЗИИ

[1206 г.] ...Когда окончилось собрание и сейм, они выступили в экспедицию на Буюрук-хана, который занимался птичьей охотой в пределах Большой горы, в месте, называемом река Суджо, и ничего не знал. Чингиз-хан и армия, пойдя на него, по неизбежной судьбе погубили его и взяли его владение, жен, детей, табуны и стада. Племянник его Кушлук-хан, во время, как убили отца его Таянг-хана, бежал и пришел к дяде своему, Буюрук-хану; Тухтабики, государь мергитский, также пришел к нему... оба они укрылись в месте, называемом Иртыш, на границе страны найманов. Окончательное дело и положение их имеет быть объяснено после, если угодно всевышнему богу.

(Рашид-Эддин, перев. И. Березина. «Труды вост. отд. и. р. арх. об-ва», ч. 15, СПБ, 1888, 8).

РАССКАЗ

о покорении государя карлуков и Идикута.

Весенней порой года барана, соответствующего 607 году [1211], Арслан-хан, хан карлуков, пришел на служение Чингиз-хану, покорился и в месте Келурэн он представил дары. Туда также вслед за ним явился Идикут, государь уйгуров, поднес дары и представил предложение, что «если Чингиз-хан учинит пожалование, раба своего возвеличит, то я явлюсь, ради слышания издалека и прихода близко окружением красной мантии и кольцом золотопоясным, я буду пятым сыном при четырех сыновьях Чингиз-хана и умножу служение и оказывание услуг». Чингиз-хан понял, что он желает дочь: приказал, что «я дам дочь, и он также будет пятым сыном».

(Рашид, там же, 14).

РАССКАЗ

об искании покровительства Кушлуком у Гур-хана кара-китайского, злоумышлении Кушлука против Гур-Хана, убиении Кушлука и прекращении благоденствия государей найманских, совершенном рукою монголов.

В тот же упомянутый год барса [1218] войска Чингиз-хана под предводительством Джабэ-нойона, схватили Кушлук-хана в пределах гор Бадахшанских, в ущелье Сарык-Кула и убили. Обстоятельства его были так: когда отец его, Таянг-хан, был убит, он бежал и ушел к дяде своему, Буюрук-хану. Когда же убили Буюрука, он бежал вместе с государем мергитским Тухтабикой. Чингиз-хан опять лично на них напал. Тухтай был убит и Кушлук снова пустился в бегство [1207] и по дороге Бишбалыка вошел в пределы страны Куча, как

упоминание об этих событиях сделано ранее. После того оттуда в год дракона, приходящийся на реджеб 604 года [1210], он пошел к Гур-хану, государю кара-китайскому. От упомянутого года дракона до времени, как его убили в пределах Бадахшанских, будет одиннадцать лет; от года мыши, соответствующего 600 году [1203], когда Чингиз-хан воевал с отцом Кушлука, Таянг-ханом, убил его, и Кушлук бежал, до времени, как он прибыл в страну Куча, прошло четыре года, так что всего того будет пятнадцать лет. Коротко сказать, Кушлук прибег к Гур-хану, который был великий государь, правитель над всеми областями и местами Туркестана и Мавераннахра, и имевший множество войска, муниции, людей и служителей. Отцы султана Мухаммед-Хорезм-шаха, согласились на обязательство доставлять ежегодно тридцать тысяч золотых динаров и завещали детям, чтоб они исполняли это и никогда бы с ним не препирались, поелику он есть крепкий оплот и за ним сильные враги находились, т. е. племена монгольские, найманские и другие почтенные турки. Гур-хан оказал ему совершенный почет и уважеие, спустя некоторое время дал ему дочь свою, и он находился при Гур-хане. После некоторого времени, когда обстоятельства султана Мухаммед-Хорезм-шаха вознеслись, он взял область султанов Гур, Газну, область Хорасан, Ирак, а также взял некоторые места Туркестана, и обрел совершенное могущество и величие, не перенося более согласия на налог и отказавшись от уплаты постановленного обязательства Гур-хану, собрал войска с окружностей и повел войско на Бухару для освобождения страны Мавераннахрской; отправил соблазительные повестки к окружным владельцам и завлекал их прекрасными обещаниями, в особенности султана Османа, который был государь Самарканда и из рода Афрасиаба. То сборище, наскучившее Гур-ханом... приняло приглашение султана Мухаммеда и соединилось с ним. Он так же послал тайно весть и к Кушлуку и его совратил с пути. Кушлук по той причине, что он был свидетелем слабеющего положения Гур-хана, и видел, что старшие князья его, находившиеся в восточных пределах, производили восстания и прибегали к покровительству государя миродержца Чингиз-хана, и также по той причине, что многие из князей Гур-хановых были с ним заодно, и он слышал, что беки отца его, Таянг-хана, и старинные слуги их все еще скрываются, был обеспокоен грубою жадностью и думал, что, если он соберет остальное войско отца, то он может вести управление по обычаю, возьмет владение Гур-хана с помощью того войска и войска Гур-ханова, которое было с ним заодно, будет силен и справится с делами всех. В увлечении этими обольщениями и гнусными расчетами он изменил угнетенному Гур-хану и, сообразно этому замыслу, сказал Гур-хану: «уже довольно времени, как я расстался с улусом и племенем своим. Чингиз-хан занялся войной с страной Китайской и теми пределами, и я так слыхал, что многие из племен и войска моего скитаются и рассеяны в пределах Имиля, Каялыка и Биш-балыка. Когда они услышат молву обо мне, во всяком месте соберутся и противостанут врагам своим. Если я получу увольнение из службы Гур-хана, то я пойду, соберу их, окажу помощь в делах и событиях Гур-хану и пока буду жив, буду исполнять по-старому обязанности подчиненности и покорности и буду повиноваться его приказаниям».

Гур-хан, чистосердечно положившись на слово его, дал ему позволение. Кушлук расстался с ним и принялся за исполнение. Когда распространилась молва о появлении его в Туркестане, остатки племен и солдат отца его, которые бежали от ран меча армии Чингиз-хана, собрались к нему, и он в каждой стороне производил опустошение, собирал добычу, так что толпа его стала многочисленна... Тогда он обратил лицо к стороне Гур-хана, напал на страну и округи его государства и овладел ими. Гур-хан был стар и слаб, не мог распорядиться. Кушлук, получив известие о движении султана Мухаммеда на Гур-хана, стал смелее: с обоих сторон непрерывно обсылались послами и постановили на том, что султан пойдет на Гур-хана со стороны западной, а Кушлук — с восточной стороны и захватят его. Если султан предупредит, из владения Гур-хана султану отойдет Алмалык, Хотен и Кашгар; если же Кушлук прежде успеет наложить руку, ему достанется из того владения до реки Фенакетской. С обеих сторон на этом всем постановлено. Кушлук опередил. Войска Гур-хана были далеко. Он гнал спешно и напал на Гур-хана в месте Бела-Сагун. Сей сразился с Кушлуком при том количестве войска, которое было по близости, разбил Кушлука и, побежденный, он отступил...

Султан Мухаммед-Хорезм-шах с султаном самаркандским обратился на Гур-хана. Когда они прибыли в страну Тараз, Танику находился там с большим войском, которое составляло голову армии Гур-хана. С обеих сторон сразились. Танику впал в руки султана Мухаммеда, армия его была обращена в бегство. Кушлук, услыхав о слабом положении Гур-хана, изготовился к военным действиям, погнал с величайшею поспешностью и, напав на него (Гур-хана) в том положении, когда войска его были рассеяны, он захватил его. Гур-хан, не имея средств, хотел оказать ему покорность, но Кушлук на то не согласился. Он держал его вместо отца и наружно оказывал ему почтение, но под предлогом обвинения завладел всеми областями, которые тот имел, и царским саном его [1214]. Гур-хан после двух лет скончался с горя; сокровища, достояние и войско, которое в продолжение трех люстр и пяти лет он собрал и приготовил в благоденствии и благополучии, все впало в руки Кушлука.

...Чингиз-хан, когда освободился от войны с Китаем, назначил Мухули-Гована с многим войском для охранения Китая и стороны восточной, а сам направился на западные пределы. Джебэ-нойона он отправил вперед с большим войском, для прогнания Кушлука. Кушлук в то время находился в городе Кашгаре. Еще войско монгольское не приступило к битве, как Кушлук повернулся в бегство. Джебэ-нойон с нукерами объявил в городе прокламацию, чтоб каждый человек оставался в своей вере и сохранял путь дедов и отцов. Солдаты Кушлука, жившие в городе по домам мусульман, все были уничтожены, и войско монгольское пустилось по следам Кушлука: в каждом месте, где он останавливался, они его выгоняли, пока он наконец потерял дорогу в пределах Бадахшанских между гор. В ущельи, которое называют Сарык-Кул, его схватили, убили и возвратились [1218]. Жители Бадахшана поживились несчетною добычею монеты и драгоценностей.

(Рашид, там же, 34—40).

РАССКАЗ

о шествии знамен мировластителя, императора, миродержца Чингиз-хана к областям султана Мухаммеда-Хорезм-шаха для покорения той страны.

Когда наступил год зайца, приходящийся на Зуль-ка'да 615 года, увеличенного месяцами 16 года [1218], когда оселась пыль крамолы Кушлуковой и когда дороги очистились от врагов и противников, Чингиз назначил и распределил сыновей и беков десять тысяч, тысяч и сотен, созвал собрание, устроил сейм, положил основание ясаку из нововведений и древних уставов и занялся экспедицией в страну Хорезм-шаха. В год дракона он провел лето на дороге к реке Иртыш, отправил послов к султану Мухаммеду с извещением решения об экспедиции в его сторону и предуведомлением... Осенью [1219] он приказал двинуться, взял все страны, бывшие на проходе, когда же прибыл к пределам карлук, глава тамошних князей Арслан-хан явился с покорностью, получил пожалование и пошел в виде помощника, в числе монгольских войск; из Биш-балыка Идикут уйгур, с своим племенем и из Алмалыка Сукнак-Тегин с войском своим прибыли на службу.

(Рашид, там же, 42—43).

БИТВА УГЕДАЙ-ХАНА И ДЖАГАТАЙ-ХАНА С ХАИР-ХАНОМ И ПОКОРЕНИЕ ИМИ ОТРАРА

Султан Мохаммед-шах Хорезмский, поставил Хаир-хана с пятьюдесятью тысячами человек охранять область Отрарскую. Предполагая, что монгольское войско хочет итти к Отрару, султан послал на помощь Хаир-хану своего нукера Карача-хаджиба с десятью тысячами воинов. С шестьюдесятью тысячами Хаир-хан заперся в Отраре; Чингиз-хановичи пять месяцев осаждали крепость; народ в Отраре начал унывать. Карача-хаджиб сказал Хаир-хану: «сдадим Отрар сыновьям Чингиз-хана и отдадимся им в подданство: тем мы спасем себя от тягостей осады». Хаир-хан не соглашался на его слова, потому что его голова была причиной настоящих бедствий. Карача-хаджиб, видя, что Хаир-хан не соглашается на его мнение, сколько раз он ни говорил ему, в одну ночь с десятью тысячами человек вышел из крепости воротами Дервазаи-суфи и предстал перед сыновьями Чингиз-хана. Чингиз-хановичи сказали Карача-хаджибу: «ты не соблюл верности своему государю, не будешь верен и нам», и велели убить его вместе с десятью тысячами человек. Монголы вошли в Отрар теми же воротами Дервазаи-суфи. Всех жителей Отрара вывели в поле и избили. При таких обстоятельствах Хаир-хан с двадцатью тысячами человек заперся в цитадели городской, и, каждый день делая вылазки, в битвах оказал опыты отличной храбрости, истребил много людей в монгольском войске. Но как он в этих битвах потерял всех своих людей, то монголы ворвались в крепость. В этой крепости Хаир-хан с двумя человеками скрылся наверху од-

ного здания. Оба нукера его были убиты; когда у хана, который непрестанно должен был отражать от себя, не стало уже стрел, то невольницы его стали носить к нему кирпичи со стен, и он кирпичами отбивался. Наконец, его окружили, схватили и живого привезли к царевичам. В это время царевичи получили весть, что Чингиз-хан взял Бухару, шел к Самарканду. Угедай-хан и Джагатай-хан со всем своим ополчением обратились к Самарканду; на месте, называемом Кюк-Сарай, они велели убить Хаир-хана.

(Абулгази, 92).

РАССКАЗ

о прибытии Чингиз-хана в город Отрар и о взятии его монгольским войском.

В конце осени упомянутого года дракона [1219], Чингиз-хан с храброй армией прибыл к городу Отрару: шатер его воздвигли перед укреплениями. Султан дал большое войско Гаир-хану, а на помощь ему отправил Карача-хана, камергера, с 10000 конницы; совершенно укрепили твердыни и стены города и собрали военные снаряды. Чингиз-хан приказал, чтобы Джагатай и Угэдэй с несколькими тьмами войска обложили город, Джучи с нескольким войском назначил к стороне Джэнда и Енги-кента; сборище беков назначил к стороне Ходженда и Бенакета и также во всякое место назначил войско. Сам же с Тули-ханом двинулся на Бухару: рассказ о том, каким образом были покорены Бухара и Самарканд, имеет быть приведен в своем месте.

У Отрара с обеих сторон сражались в продолжение пяти месяцев. Наконец, дело жителей Отрара дошло до отчаянного положения; Караджа дал согласие на изъявление покорности и сдачу города, но Гаир-хан, зная, что он есть душа той распри, никак не думал об утверждении этого решения, употреблял усилия и старания и не соглашался на мир, под тем предлогом, что «я не буду неверен благодетелю». По этой причине Караджа также не настаивал более и ночной порой вышел со своим войском в ворота городские. Войско монгольское, схватив его, привело на служение к принцам. Они повелели: «собственному господину ты не остался верен, несмотря на нескольких предыдущие права милости: как же можно нам рассчитывать на твое единодушие?». Они умертвили его со всеми нукерами, город взяли, выгнали всех людей, как стадо баранов, вон из города, и все, что нашлось, разграбили. Гаир-хан с двадцатью тысячами человек ушел в крепость: по пятидесяти человек они выходили и были убиваемы. В течение месяца война не прекращалась, и большая часть была убита. Гаир-хан остался с двумя человеками: постоянно отбиваясь, он сражался. Войско монгольское стеснило его в укреплении: он ушел на кровлю и не сдавался. Те два нукера также были убиты. Не оставалось оружия. После того он кидал кирпичи и постоянно сражался. Монголы постепенно окружили его и схватили. Стену и укрепления они сравняли

с землей. Из народа и ремесленников, тех, которые спаслись от меча, некоторых угнали к толпе Бухары, Самарканда и тех пределов, а Гаир-хана умертвили в Кук-Сарае, и оттуда они ушли.

(Рашид, там же, 43—44).

ПОХОД ДЖУЧИ-ХАНА К ДЖЕНДУ

Джучи-хан, выступив из Отрара, пришел к Саганаку. В свите его был один мусульманин, Хасян-хаджи; его он послал в Саганак с повелением посоветовать жителям его, чтобы они явились к нему, сдали ему крепость и сами покорились. Хасян-хаджи пошел в Саганак, советовал жителям сдаться, но они, думая, что смелость спасет их, с безрассудною дерзостию бросились на него, схватили и убили и потом, заперши ворота, затворились в крепости. Джучи-хан, услышав об этом, пришел в сильный гнев и дал монголам повеление взять крепость штурмом. Монголы сделали приступ к крепости, в один час взяли ее; в отмщение за кровь Хасян-хаджи убили десять тысяч мусульман; сына Хасян-хаджиева поставили правителем Саганака.

Отсель Джучи-хан прибыл в Узькенту. Жители Узькента, вышедши из крепости, с богатыми подарками предстали пред Джучи-ханом; хан изъявил им благоволение, не коснулся ни их самих, ни имения их.

После этого дела монголы сделали поход к крепости Аснаш. Жители Аснаша вышли и сразились с ними: войско Джучи-ханово, поразив их, всех избило.

В это время правитель Дженда, получив известие о делах Джучи-хана, бежал из Дженда и ушел в Хорезм. Джучи-хан, услышав это, отправил послом к жителям Дженда своего нукера Джан-Тимура. Дженцы не захотели покориться, замыслили убить Джан-Тимура. Джан-Тимур, употребив хитрость, избавился из рух их, возвратился в стан Джучи-хана и пересказал хану, как с ним там поступлено было. Джучи, разгневанный, пошел к Дженду, осадил его и взял крепость. Тех из жителей, которые составили умысел против Джан-Тимура, велел избить. Прочим жителям он не мстил смертью, а выведши вон из крепости, отдал на разграбление их имение и Алия-ходжу Гудждуванийца сделал правителем Дженда.

(Абулгази, 93—94).

РАССКАЗ

о прибытии Чингиз-хана к городу Бухаре и обстоятельства овладения им [1220].

Прежде мы упомянули, что Чингиз-хан в конце осени года дракона, весна которого соответствует месяцу зуль-хеджу 616 г., прибыл к городу Отрару, назначил Джагатая и Угэдэя на завоевание Отрара, а Джучи и беков с войсками каждого в какую-нибудь сторону. Во второй весенний месяц года змеи, которого первый месяц соответствует зуль-хеджу 617 года и около пяти месяцев будет, царевичи и беки упомянутые каждый занимались завоеванием мест,

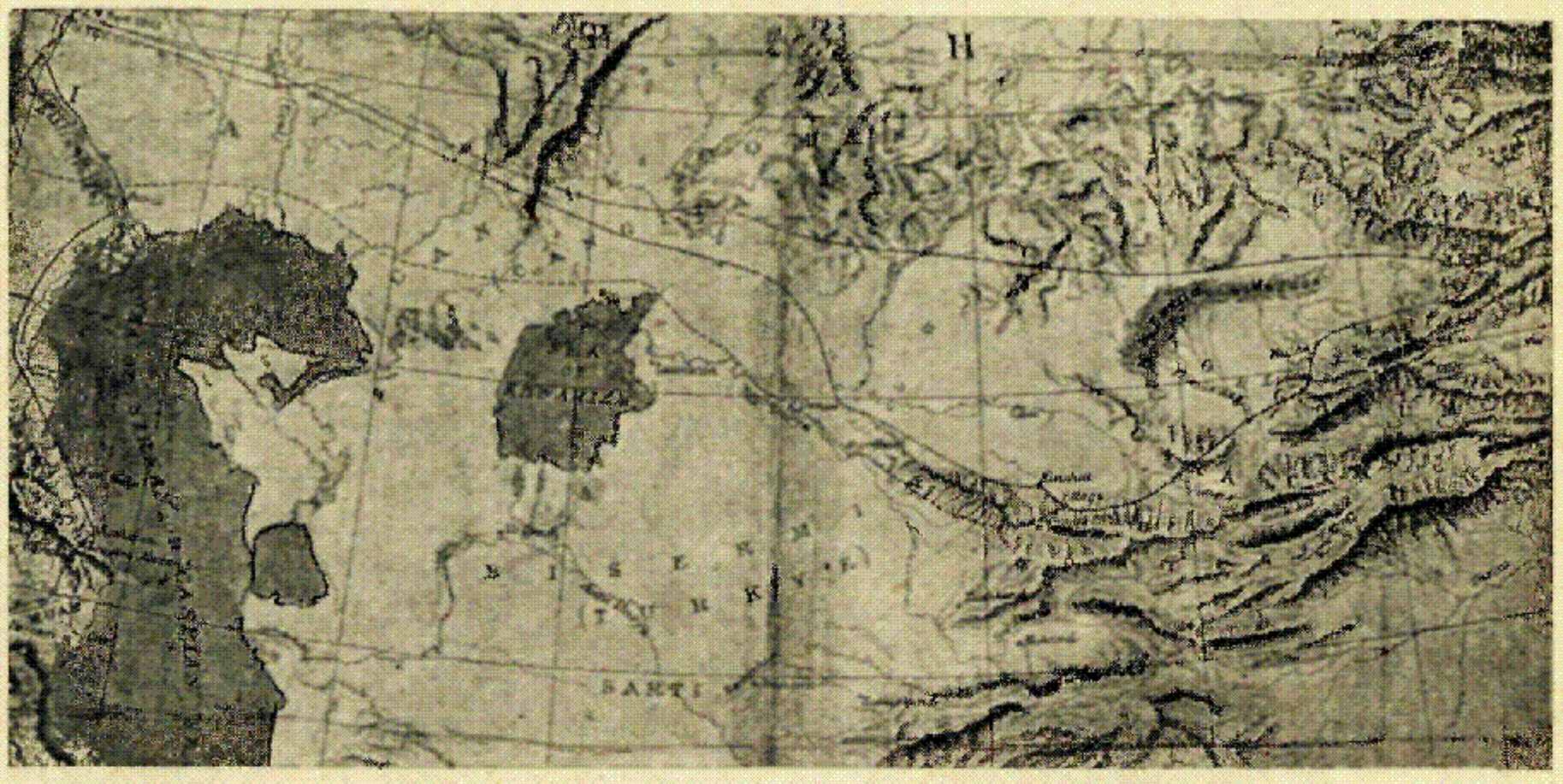
которые поименованы. ...Теперь изложим обстоятельно и последовательно завоевание мест, которое совершено Чингиз-ханом после отправления из города Отрара до времени, как все царевичи и беки снова соединились на служение ему, и он снова назначил Джучи, Джагатая и Угэдэя на покорение Хорезма, а сам и Тули-хан, перейдя через реку Термез, пошел в землю Иранскую. Что было после того, опять расскажем, если угодно высочайшему господу.

То положение таково: Чингиз-хан, определив царевичей и беков на завоевание стран, лично сам из Отрара двинулся на Бухару. Меньшему сыну Тули, которому прозвание было Экэ-нойон, он приказал в служение ему двинуться с храбрым войском по дороге Зернука. Они прибыли неожиданно на рассвете к тому укреплению. Жители тех окружностей в страхе от того огромного войска скрылись в крепость. Чингиз-хан отправил к ним послом камергера Данишменда, для возвещения о прибытии войск и предложения увещаний. Сборище рабов хотело оскорбить его, но он, возгласив: «я — камергер Данишменд, мусульманин и сын мусульманина. По приказу Чингиз-хана я пришел посланником, чтобы извлечь вас из пучины погибели. Чингиз-хан прибыл сюда с храбрым и мужественным войском. Если вы вздумаете сопротивляться ему, в одно мгновение крепость сделает равниной, а поля превратит от крови в Сейхун. Если же вы послушаете совета, и покоритесь и подчинитесь ему, то души и имения ваши останутся невредимы». Они, слыша эти умные речи, увидели спасение свое в изъявлении покорности; главные выступили вперед и отправили толпу с разной провизией. Когда представлено было о прибытии, он (Чингиз-хан) спросил о начальниках Зернука, разгневался на удаление их (от представительства) и отправил посла за ними. Тогда они поспешили на служение ему, были удостоены разными пожалованиями и обрели помилование душам. Вышел приказ, выгнать жителей Зернука на поле: молодых назначили в толпу к Бухаре, а другим дал позволение возвратиться, и Зернуку положил название Кутлук-балык. Из туркменов той страны один проводник, который имел полные сведения о дорогах, вывел войско к пределу Нура по дороге, которая не была шоссе: ту дорогу с того времени опять называют «пустой дорогой». Чингиз-хан отправил послом Таир-бахадура, находившегося в авангарде, с извещением о прибытии. Он дал весть с обещаниями и угрозами. После возвращения послов жители Нура послали в руках одного посла на служение Чингиз-хану полную провизию и изъявили покорность. По принятии провизии он приказал, что «Субадай пойдет с вами вперед: передайте ему город». Когда Субадай прибыл, они повиновались приказу и послали шестьдесят избранных человек в сопровождении эмира Нурского, по имени Ил-Ходжи, в виде помощи к стороне Дебуса. Когда прибыл Чингиз-хан, они сделали ему торжественную встречу и в униженном состоянии поднесли провиант и провизию. Чингиз-хан удостоил их царскою благосклонностью и спросил: «как велик определенный налог султана в Нуре?». Они сказали: «тысяча пятьсот динаров». Он приказал: «эту сумму дайте предварительно, и кроме этого не будет вам притеснения». Они дали и освободились от грабежа и избиения.

(Рашид, там же, 51—53).

2. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ЕВРОПЕЙЦЕВ ЧЕРЕЗ КАЗАКСКИЕ СТЕПИ

...Ехали же мы Команскою землею, которая вся состоит из ровных мест и через которую текут четыре большие реки. Первая называется Непер [Днепр], по которой с русской стороны кочует Корренза, а с другой стороны в степи Монтий, который знатнее его. Вторая называется Дон, при которой кочует какой-то князь, именем Картан, женатый на Батыевой сестре. Третья называется Волга, река чрезвычайно великая, по которой кочует Батый. Четвертая называется Яек [Яик, Урал], при которой кочует два тысячника, один с одной,

Маршрут Плано Карпини и Рубрука через казакские степи (по Малеину).

а другой с другой стороны реки. Все они зимою спускаются к морю, а летом по берегам вышесказанных рек поднимаются к горам.

...Мы же в день пасхи, отслужа обедню и поев кое-как, отправились с двумя татарами, приставленными к нам у Коррензы, обливаясь горькими слезами, ибо не знали, на смерть или на жизнь мы едем. К тому же мы так были слабы, что едва могли держаться на лошадях, потому что во весь великий пост пища наша состояла только из пшена с небольшим количеством воды и соли, также точно и в другие постные дни; для питья же употребляли только снег, растопленный в котле...

Ехали же мы через Команию очень скоро, потому что меняли лошадей раз по пяти и более в день, выключая, когда проезжали степью; но тогда брали лучших и сильнейших лошадей, которые могли бы вынести долгую езду без перемены. Таким образом ехали мы от начала великого поста до осьмого дня по пасхе.

...Эти команы истреблены татарами: некоторые из них убежали, а некоторые повержены в рабство; многие же из убежавших возвратились к ним назад.

После сего выехали мы в землю кангитов, которая во многих местах совсем безводна, а от сего безводия и жителей в ней мало. По сей причине многие из людей Ерослава, герцога русского, проходившие через эту степь в землю Татарскую, померли в ней от жажды. В этой земле так же, как и в Команской, видели мы многие черепа и кости мертвых людей, лежащие по земле, подобно помету. Ехали же мы этою землею от осьмого дня по пасхе почти до дня вознесения господня. Жители сей земли были идолопоклонники, которые, подобно Команам, не занимались земледелием, а питались только скотоводством, не строили себе домов, но жили в шатрах. Татары и их также истребили и живут в их земле, а оставшихся повергли в рабство.

...Из земли кангитов въехали мы в землю бисерминов, которые говорят языком команским, но закон держат сарацинский [магометанский]. В этой земле нашли мы бесчисленное множество раззоренных городов с замками и много пустых селений. В этой земле есть одна большая река, имя которой нам неизвестно; на ней стоит некий город, именуемый Янкинт, другой по имени Бархин и третий, именуемый Орнас, и очень много иных, имена которых нам неизвестны. Государь сей земли назывался Алтисолтаном, которого татары истребили со всем его родом. В этой же земле очень высокие горы, а с южной стороны у нее Иерусалим и Балдак [Багдад] и вся Сарацинская земля. Также недалеко оттуда живут два родные брата, татарские воеводы, Бурин и Кадан, дети Тиадаевы, который был сыном Чингиз-хановым. С северной же стороны у нее земля китаев и океан. Там живет Сибан, брат Батыев. Этою землею ехали мы от праздника вознесения господня почти за 8 дней до праздника св. Иоанна Крестителя.

Потом въехали мы в землю черных китаев, в которой татары построили сызнова только один город по имени Омыл и где император построил дом, в который пригласили нас пить, и бывший там от императора человек заставил знатнейших граждан и двух своих сыновей плясать перед нами.

(П. Карпини, 1, 17, 23—29).

...К северу же от него [Каспийского моря] находится та пустыня, в которой ныне живут татары. Прежде же там были некие команы, называвшиеся кангле.

...Итак, мы ехали через землю Кангле, от праздника святого креста до праздника всех святых, причем почти всякий день, как я мог рассчитать, делали такое расстояние, как от Парижа до Орлеана, а иногда и более, смотря по тому, какое у нас было количество лошадей. Именно иногда мы меняли лошадей дважды или трижды в день, а иногда ехали без перемены два или три дня, потому что не встречали народа, и тогда приходилось ехать медленнее. Из 20 или 30 лошадей у нас всегда были худшие, так как мы были чужестранцами. Ибо все, ехавшие раньше нас, брали лучших лошадей. Для меня всегда сохраняли крепкого коня, так как я был очень дороден, но я не смел предлагать вопрос о том, хорошо ли идет конь или нет, не смел я также жаловаться, если он имел не рысистый шаг, но каждому надлежало терпеть свою участь. Отсюда для нас возникали весьма тягостные затрудне-

ния, так как неоднократно лошади утомлялись раньше, чем мы могли добраться до народа, и тогда нам надлежало их погонять и бить кнутом, даже перекладывать одежду на других вьючных лошадей, переменять коней на вьючных лошадей, а иногда двоим ехать на одной лошади.

...Нет числа нашим страданиям от голода, жажды, холода и усталости. Пищу они дают только вечером. Утром дают что-нибудь выпить или проглотить пшена. Вечером же давали нам мясо — баранье плечо с ребрами, а также выпить известное количество супа. Когда у нас было мясного супа до сытости, мы отлично подкреплялись, и он казался мне весьма вкусным напитком и весьма питательным. В пятницу я пребывал в посте до ночи, не делая ни глотка, а затем мне надлежало с печалью и скорбью вкушать мясо. Иногда, когда мы попадали на ночлег с наступлением уже темноты, нам приходилось есть мясо полусваренное или почти сырое вследствие недостатка пищи для огня, так как тогда мы не могли набрать достаточно бычачьего или конского навозу. Другую пищу для огня мы находили редко, разве только кое-где какой-нибудь терновник. Так же по берегам некоторых рек растут кое-где леса, но это бывает редко. Вначале наш проводник очень презирал нас и чувствовал отвращение, провожая столь низких людей. Впоследствии, однако, когда он начал нас лучше узнавать, он провожал нас через дворы богатых моалов и нам надлежало молиться за них. Поэтому, будь у меня хороший толмач, я имел бы удачный случай посеять много добра. У упомянутого Хингиса, первого хана, было четыре сына, от которых произошли многие; все они имеют теперь большие дворы и ежедневно множатся и распространяются по пустыне, обширной, как море. Итак, через владения многих из них вез нас наш проводник. И они удивлялись превыше меры, почему мы не хотели брать золото, серебро и драгоценные одежды. Они спрашивали также о великом папе, так ли он стар, как они слышали. Именно, они слышали, что ему пятьсот лет. Спрашивали они о наших землях, водится ли там много овец, быков и коней. О море, океане они не могли понять, что оно беспредельно или безбрежно. Накануне дня всех святых мы оставили дорогу на восток, так как татары уже значительно спустились к югу, и направили через какие то горы путь прямо на юг, в течение 8 дней подряд. В этой пустыне я видел много ослов, именуемых кулам, больше похожих на мулов; наш проводник и его товарищи усиленно их преследовали, но ничего не достигли, вследствие их чрезмерной быстроты. На седьмой день к югу нам стали видны очень высокие горы, и мы въехали на равнину, которая орошалась, как сад, и нашли возделанные земли. Через неделю после праздника всех святых мы въехали в некий саррацинский город, по имени Кинчат. Глава его выехал навстречу нашему проводнику с пивом и чашами, ибо у них существует такой обычай, что изо всех городов, им подчиненных, послов Батыя и Мангу-хана встречают с пищей и питьем. В то время там ходили по льду и еще раньше, начиная с праздника святого Михаила, в степи стояли морозы. Я спросил о названии этой области, так как мы были уже на другой территории; они не умели мне сказать иначе, как по имени города, который был очень мал. И с гор спускалась большая река, которая орошала всю страну, так как они проводили от нее

воду, куда им было угодно; эта река не впадала в какое-нибудь море, а поглощалась землею, образуя также много болот. Я видел там лозы и дважды пил вино.

На следующий день мы прибыли к другому поселку, более близкому к горам, и я спросил про горы, про которые узнал, что это были горы Кавказа, которые соприкасаются с обоими сторонами моря от запада к востоку. Тут также узнал я, что мы проехали вышеупомянутое море, в которое втекает Этилия. Я спросил также о городе Талас, в котором были немцы, рабы Бури, про которых говорил брат Андрей и про которых я также много спрашивал при дворе Сартаха и Батыя. Я не мог узнать ничего, кроме того, что Бури, господин их, был убит по такому случаю: он не имел хороших пастбищ и однажды, когда был пьян, стал так рассуждать со своими людьми: «Разве я не из рода Хингис-хана, как Батый (а он был племянником или братом Батыя)? Почему и мне, как Батыю, не итти на берег Этилии, чтобы там пасти стада?» Эти слова были доложены Батыю. Тогда Батый написал его людям, чтобы они привели к нему господина их связанным, что те и сделали. Тогда Батый спросил у него, говорил ли он подобные речи, и тот сознался. Однако он извинился тем, что был пьян, так как они обычно прощают пьяных. И Батый ответил: «Как же ты смел называть меня в своем опьянении?» И затем приказал отрубить ему голову. Об этих немцах я не мог узнать ничего вплоть до приезда ко двору Мангу-хана, а в вышеназванном поселке я узнал, что Талас был сзади нас возле гор на шесть дней пути. Когда я прибыл ко двору Мангу-хана, то узнал, что сам Мангу перевел их с позволения Батыя к востоку на расстояние месяца пути от Таласа в некий город, по имени Болат, где они копают золото и делают оружие; поэтому я не мог попасть в их страну в оба мои проезда, туда и обратно. Однако я проехал на пути туда довольно близко, может быть всего на три дня пути, от этого города. Но я не знал этого, да и не мог также отклониться от дороги, если бы и хорошо знал ее. От упомянутого поселка мы направились к востоку прямо к вышеупомянутым горам, и с того времени мы въехали в среду людей Мангу-хана, которые везде пели и рукоплескали перед лицом нашего проводника, так как он был послом Батыя. Этот почет они оказывают друг другу взаимно, так что люди Мангу принимают вышеупомянутым способом послов Батыя и равным образом люди Батыя послов Мангу-хана. Однако люди Батыя стоят выше и не исполняют этого так тщательно. Через несколько дней после этого мы въехали в горы, на которых обычно живут кара-катаи, и нашли там большую реку, через которую нам надлежало переправиться на судне. После этого мы въехали в одну долину, где увидели какой то разрушенный замок, стены которого были только из глины, и земля там была возделана. После этого мы нашли некий хороший город, по имени Эквиус, в котором жили саррацины, говорящие по персидски, хотя они были очень далеко от Персии. На следующий день, переправившись через те горы, которые составляли отроги больших гор, находившихся к югу, мы въехали на очень красивую равнину, имеющую справа высокие горы, а слева некое море или озеро, тянущееся на 25 дней пути в окружности. И эта равнина вся прекрасно орошена стекающими с гор водами, которые все впадают в упомяну-

тое море. Летом мы возвращались с северного бока этого моря, где равным образом были большие горы. На вышеупомянутой равнине прежде находилось много городков, но по большей части они были разрушены татарами, чтобы иметь возможность пасти там свои стада, так как там были наилучшие пастбища. Мы нашли там большой город, по имени Кайлак, в котором был базар, и его посещали многие купцы В нем мы отдыхали 12 дней, ожидая одного секретаря Батыя, который должен был быть товарищем нашего проводника в устроении дел при дворе Мангу. Земля эта прежде называлась Органум, и жители ее имели собственный язык и собственные письмена. Но теперь она была вся занята туркоманами. Этими письменами и на этом языке несториане из тех стран прежде даже справляли службу и писали книги, и, может быть, отсюда ведут название органы, так как там были, как мне говорили, наилучшие гитаристы или органисты. Там впервые видел я идолопоклонников, имеющих, как вы узнаете, многочисленные секты на Востоке.

...Итак, мы выехали из вышеупомянутого города (Кайлака) в праздник святого Андрея и там поблизости, в трех лье, нашли поселение, совершенно несторианское. Войдя в церковь их, мы пропели с радостью, как только могли громко «Радуйся, царица», так как уже давно не видели церкви. Отправившись отсюда через три дня, мы добрались до столицы этой области в начале (in capite) вышеназванного моря, которое казалось нам столь бурным, как океан. И мы видели на нем большой остров. Мой товарищ приблизился к его берегу и помочил в нем льняную ткань, чтобы отведать вкус воды; она была солоновата, но все же пригодна для питья. Среди больших гор, в юго-восточном направлении, тянулась долина, а затем между горами было еще какое-то большое море, и через эту долину от первого моря до второго протекала река; в этой долине почти беспрестанно дует столь сильный ветер, что люди проезжают с великим опасением, как бы ветер не унес их в море. Итак мы переправились через долину, направляясь на север, к большим горам, покрытым глубокими снегами, которые тогда лежали на земле. Поэтому в праздник святого Николая мы стали сильно ускорять путь, так как уже не находили никаких людей, а только ям, то-есть лиц, расставленных от одного дневного перехода к другому для приема послов, потому что во многих местах среди гор дорога тесна и пастбищ немного. Таким образом между днем и ночью мы проезжали расстояние между двумя ямами, делая из двух дневных переходов один, и ехали больше ночью, чем днем. Там стояла сильнейшая стужа, поэтому они одолжили нам козьи шубы мехом наружу.

...Итак, мы ехали до Батыя два месяца и 10 дней, не видя за это время ни разу города или следа какого-нибудь здания, кроме гробниц, за исключением одной деревеньки, в которой не вкушали хлеба. И за эти два месяца и 10 дней мы отдыхали только один единственный день, так как не могли получить лошадей. Мы возвращались по большей части через область того же самого народа, но совсем по другим местностям. Именно мы ехали зимою, а возвращались летом и по гораздо более высоким северным странам, за исключением того, что пятнадцать дней подряд приходится ехать туда и обратно возле какой-то реки между гор, на которых нет травы иначе, как возле реки. Мы

ехали по два, а иногда и по три дня, не вкушая никакой пищи, кроме кумыса. Иногда мы подвергались сильной опасности, будучи бессильны найти людей, а съестных припасов нам не хватало, и лошади были утомлены.

(Рубрук, 95, 102—105, 112—113, 166).

О НРАВАХ ТАТАР

...Вышесказанные люди, то-есть татары, повинуются своему государю более всех других на сем свете духовных или мирских людей, и так много уважают их, что почти никогда не лгут им. Бранятся между собой редко или никогда, а драк совсем не бывает, так же, как вражды, ссор, побоев, убийства. Разбойников и воров между ими нет, почему ставки и повозки их, в которых они хранят свое имущество, не запирают ни замками, ни задвижками. Если какая скотина затеряется, то нашедший ее или оставляет так на месте, или отводит к людям, для сего определенным; хозяева же скотины требуют ее от них и получают без малейшего затруднения. Друг друга очень почитают и очень дружески обращаются между собой, и, как бы мало не было у них пищи, очень охотно делятся один с другим. Терпеливы до того, что не ев ничего день или два, не оказывают ни малейшего нетерпения, но поют и веселятся точно так, как будто ели хорошо. Верхом на лошади сносят они великую стужу и чрезвычайный жар. Это неизнеженные люди. В них нет зависти один к другому. Тяжебных ссор между ними почти совсем нет. Один другого не презирают, но помогают ему сколько можно. Жены их целомудренны, и не слышно, чтобы они вели себя распутно; однако же, некоторые из них в шутках говорят очень дурные и бесчинные слова. Возмущение между ними бывают редко или никогда. И хотя они пьют много, но в пьянстве никогда не бранятся и не дерутся.

Теперь надобно сказать и о их дурных нравах. Они высокомерны до того, что презирают всех других людей, и поэтому считают почти ни во что как благородных, так и неблагородных. Мы видели при императорском дворе благородного мужа Ерослава, великого герцога русского, также сына царя и царицы грузинских, многих солданов и воевод солданских, которым они совсем не оказывали должного уважения; но определенные к ним татары, как подлы ни были, однако же ходили впереди их и всегда занимали первое и верхнее место, даже часто сажали их позади себя. Они очень сердиты и вспыльчивы. Подобных им лгунов к другим людям нет на свете, и почти никогда не услышишь от них правды.

...Они едят все, что только есть могут: собак, волков, лисиц и лошадей, а по нужде и человеческое мясо. Один раз, осаждая какой-то китайский город, в котором жил император сего народа, стояли они под ним так долго, что все съестные припасы у них вышли, а поелику для пищи у них ничего не осталось, то из десяти человек брали они одного на съедение. Также едят они место, выходящее из кобылы, когда она ожеребится. Мы видели, что они едят даже вшей и мышей. Скатертей и салфеток они не употребляют. Хлеба у них нет, ни зелени, ни овощей и ничего другого, кроме мяса, да и того у них так мало, что другие народы едва могли бы там жить. Руки свои очень много

пачкают салом; наевшись же, отирают их о сапоги или траву или что попадется; однако же кто познатнее, у тех есть какие-то тряпочки, которыми они отирают себе руки, когда наедятся. Один из них разрезывает кушанье, а другой, взяв кусочки на конец ножа, раздает всем, иному больше, другому меньше, смотря по тому, кого хотят угостить более или менее. Посуды не моют, а иногда вымыв мясо похлебкою, с мясом же опять вливают в горшок. Горшки, котлы и всякую поваренную посуду моют точно также. За великий грех считают бросать что-нибудь от пищи или пития; почему и костей не дают собакам до тех пор, пока не высосут из них мозжечка. Платье также не моют и не позволяют делать этого, а особливо если в то время начинается гром, пока не перестанет. Кобыльего молока пьют чрезвычайно много, если оно у них бывает, также пьют овечье, козье, коровье и верблюжье. Вина, пива и меда у них нет, кроме присылаемого или привозимого им в дар другими народами. Зимою ни у кого, разве только у богатых людей, не бывает кобыльего молока. Они варят просо с водою, и так жидко, что его не есть, а пить только можно, и каждый из них по утру выпивает оного по ковшу или по два и после этого во весь день уже ничего более не ест. Вечером каждому дается немного мяса и пьют мясную похлебку; летом же, ибо в это время бывает у них много кобыльего молока, мясо едят редко, разве только кто даст им, или поймают какого зверя или птицу.

(Карпини, стр. 101—121).

БЫТ ТАТАР

...Они не имеют нигде постоянного местожительства (civitatem) и не знают, где найдут его в будущем. Они поделили между собой Скифию (Cithiam), которая тянется от Дуная до восхода солнца; и всякий начальник (capitaneus) знает, смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также, где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью. Именно: зимою они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север в более холодные. В местах, удобных для пастбища, но лишенных воды, они пасут стада зимою, когда там бывает снег, так как снег служит им вместо воды. Дом, в котором они спят, они ставят на колесах из плетеных прутьев, бревнами его служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается в высь шейка, на подобие печной трубы; ее они покрывают белым войлоком, чаще же пропитывают также войлок известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче; а иногда также берут они черный войлок. Этот войлок около верхней шейки они украшают красивой и разнообразной живописью. Перед входом они также вешают войлок, разнообразный от пестроты тканей. Именно они сшивают цветной войлок или другой, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей. И они делают подобные жилища настолько большими, что те имеют иногда тридцать футов в ширину. Именно я вымерил однажды ширину между следами колес одной повозки в 20 футов, а когда дом был на повозке, он выдавался за колеса по крайней мере на пять футов с того и другого бока. Я насчитал у одной повозки 22 быка, тянущих дом, одиннадцать в один ряд вдоль

ширины повозки и еще 11 перед ними. Ось повозки была величиной с мачту корабля, и человек стоял на повозке при входе в дом, погоняя быков. Кроме того, они делают четырехугольные ящики из расколотых маленьких прутьев, величиной с большой сундук, а после того, с одного краю до другого устраивают навес из подобных прутьев и на переднем краю делают небольшой вход; после этого покрывают этот ящик или домик черным войлоком, пропитанным салом или овечьем молоком, чтобы нельзя было проникнуть дождю, и такой ящик равным образом украшают они пестротканными или пуховыми материями. В такие сундуки они кладут всю свою утварь и сокровища, а потом крепко привязывают их к высоким повозкам, которые тянут верблюды,

Передвижка татарских юрт (по Малеину).

чтобы можно было таким образом перевозить эти ящики и через реки. Такие сундуки никогда не снимаются с повозок. Когда они снимают свои дома для остановки, они всегда поворачивают ворота к югу и последовательно размещают повозки с сундуками с той и другой стороны вблизи дома, на расстоянии половины полета камня, так что дом стоит между двумя рядами повозок, как бы между двумя стенами. Женщины устраивают себе очень красивые повозки, которые я не могу вам описать, иначе как живописью, мало того, я все нарисовал бы вам, если бы умел рисовать. Один богатый моал или татарин имеет таких повозок с сундуками непременно 100 или 200; у Батыя 26 жен, у каждой из которых имеется по большому дому, не считая других маленьких, которые они ставят сзади большого; они служат как бы комнатами, в которых живут девушки, и к каждому из этих домов при-

мыкают по 200 повозок. И когда они останавливаются где-нибудь, то первая жена ставит свой двор на западной стороне, а затем размещаются другие по порядку, так что последняя жена будет на восточной стороне, и расстояние между двором одной госпожи и другой будет равняться полету камня. Таким образом один двор богатого моала будет иметь вид как бы большого города, только в нем будет очень немного мужчин. Самая слабая из женщин может править 20 или 30 повозками, ибо земля их очень ровна. Они привязывают повозки с быками или верблюдами одну за другой, и бабенка будет сидеть на передней, понукая быка, а все другие повозки следуют за ней ровным шагом. Если им случится дойти до какого-нибудь плохого перехода, то они развязывают повозки и перевозят их по одной. Ибо они едут так медленно, как ходит ягненок или бык.

...Когда они поставят дома, обратив ворота к югу, то помещают постель господина на северную сторону. Место женщин всегда с восточной стороны, то-есть налево от хозяина дома, когда он сидит на своей постели, повернув лицо к югу. Место же мужчин с западной стороны, то-есть направо. Мужчины, входя в дом, никоим образом не могут повесить своего колчана на женской стороне. И над головою господина бывает всегда изображение, как бы кукла или статуетка из войлока, именуемая братом хозяина; другое похожее изображение находится над постелью госпожи и именуется братом госпожи; эти изображения прибиты к стене; а выше, среди них, находится еще одно изображение, маленькое и тонкое, являющееся, так сказать, сторожем всего дома. Госпожа дома помещает у своего правого бока у ножек постели на высоком месте козлиную шкурку, наполненную шерстью или другой материей, а возле нее маленькую статуетку, смотрящую в направлении к служанкам и женщинам. Возле входа, со стороны женщин есть опять другое изображение, с коровьим выменем, для женщин, которые доят коров, ибо доить коров принадлежит к обязанности женщин. С другой стороны входа по направлению к мужчинам есть другая статуя, с выменем кобылы, для мужчин, которые доят кобыл. И всякий раз, как они соберутся для питья, они сперва обрызгивают напитком то изображение, которое находится над головой господина, а затем другие изображения по порядку. После этого слуга выходит из дома с чашей и питьем и кропит трижды на юг, преклоняя каждый раз колено, и это делается для выражения почтения к огню; после того он повторяет то же, обратясь на восток в знак выражения почтения к воздуху; после того он обращается на запад для выражения почтения к воде; на север они кропят (prohiciunt) в память умерших. Когда господин держит чашу в руке и должен пить, то, прежде чем пить, он выливает на землю соответствующую часть. Если он пьет, сидя на лошади, то до питья делает излияние ей на шею или на гриву. Итак, когда слуга покропит таким образом на четыре стороны мира, он возвращается в дом, и два служителя с двумя чашами и столькими же блюдами стоят наготове, чтобы отнести питье господину и жене, сидящей на постели возле него, но повыше. И если у господина очень много жен, то та, с которой он спит ночью, сидит рядом с ним днем, всем другим в тот день надлежит приходить к тому дому и там в тот день происходит собрание, приносимые же подарки складываются

в сокровищницы этой госпожи. При входе стоит скамья с бурдюком молока или другого какого питья и с чашами.

...Зимою они делают превосходный напиток из рису, проса, ячменя и меду, чистый, как вино, а вино им привозится из отдаленных стран. Летом они заботятся только о кумысе (cosmos). Кумыс стоит всегда внизу у дома перед входом в дверь, и возле него стоит гитарист со своей маленькой гитарой. Наших гитар и рылей (viellas) я там не видал, но видел много других инструментов, которых у нас не имеется. И когда господин начинает пить, то один из слуг возглашает громким голосом: «Га!». И гитарист ударяет о гитару, а когда они устраивают большой праздник, то все хлопают в ладоши и также пляшут под звук гитары, мужчины перед лицом господина, а женщины перед лицом госпожи. Когда же господин выпьет, то слуга восклицает, как прежде, и гитарист молчит. Тогда все кругом и мужчины, и женщины, пьют, при этом иногда они пьют взапуски очень гадко и с жадностью. И, когда они хотят побудить кого-нибудь к питью, то хватают его за уши и сильно тянут, чтобы расширить ему горло и рукоплещут и танцуют перед его лицом. Точно также, когда они хотят сделать кому-нибудь большой праздник и радость, один берет полную чашу, а двое других становятся направо и налево от него, и таким образом они трое идут с пением и пляской к тому лицу, которому они должны подать чашу, и поют и пляшут перед его лицом, а когда он протянет руку для принятия чаши, они внезапно отскакивают и снова возвращаются, как прежде, и издеваются над ним таким образом, отнимая у него чашу три и четыре раза, пока он не развеселится хорошенько и не почувствует хорошего аппетита. Тогда они подают ему чашу, пьют, хлопают в ладоши и ударяют ногами, пока он не выпьет.

...О их пище и съестных припасах знайте, что они едят без разбора всякую свою падаль, а среди столь большого количества скота и стад, вполне понятно, умирает много животных. Однако летом, пока у них тянется кумыс, то-есть кобылье молоко, они не заботятся о другой пище. Поэтому, если тогда доведется умереть у них быку и лошади, они сушат мясо, разрезывая его на тонкие куски и вешая на солнце и на ветер, и эти куски тотчас сохнут без соли и не распространяя никакой вони. Из кишек лошадей они делают колбасы, лучшие чем из свинины, и едят их свежими. Остальное мясо сохраняют на зиму. Из шкур быков они делают большие бурдюки, которые удивительно высушивают на дыму. Из задней части конской шкуры они делают очень красивые башмаки. От мяса одного барана они дают есть 50 или 100 человекам, именно они разрезают мясо на маленькие кусочки на блюдечке вместе с солью и водой — другой приправы они не делают, — а затем острием ножика или вилочки, сделанных нарочито для этого, на подобие тех, какими мы обычно едим сваренные в вине груши и яблоки, они протягивают каждому из окружающих один или два кусочка, сообразно с количеством вкушающих. Прежде чем поставить мясо барана (гостям), господин сам берет, что ему нравится, а также если он дает кому-нибудь особую часть, то получающему надлежит съесть ее одному, и нельзя давать никому; если же не может съесть всего, то ему надлежит унести это с собою или отдать своему служителю, если налицо находится тот, кто охраняет его, или иначе он пря-

чет это в свой каптаргак, т. е. квадратный мешок, который они носят для сохранения всего подобного; сюда они прячут так же и кости, когда у них нет времени хорошенько обглодать их, чтобы обглодать впоследствии, дабы не пропадало ничего из пищи.

...Самый кумыс, т. е. кобылье молоко, приготовляется следующим образом. На двух кольях, вбитых в землю, они натягивают длинную веревку; к этой веревке они привязывают около третьего часа дня детенышей кобылиц, которых хотят доить. Тогда матки стоят возле своих детенышей и дают доить себя спокойно. А если какая-нибудь из них очень несдержанна, то человек берет детеныша и подносит к ней, давая немного пососать; затем он оттаскивает его и на смену является доильщик молока. Итак, накопив большое количество молока, которое, пока свежее так же сладко, как коровье, они наливают его в большой бурдюк или бутыль (butellum) и начинают бить по нему приспособленной для этого деревяшкой; величина ее внизу с человеческую голову, а внутри она просверлена. Как только они начинают сбивать, молоко начинает кипеть, как новое вино и окисать, или бродить, и они его сбивают до тех пор, пока не извлекут масла. Тогда они пробуют молоко и, если оно надлежаще остро, пьют. Ибо оно при питье щиплет язык так же, как вино с прибавкой свежего винограда, а, когда человек перестает пить, оно оставляет на языке вкус миндального молока и доставляет много приятности внутренностям человека, слабые же головы даже опьяняет; также вызывает оно много мочи. Они делают также для нужд важных господ каракосмос, то есть черный кумыс. В этом случае кобылье молоко не свертывается. Правилом служит то, что ни у одного животного, если оно не стельно, молоко не подвергается свертыванию. Если в брюхе кобылицы нет зародыша жеребенка, то молоко кобылицы не свертывается. Итак, они настолько сбивают молоко, что все, что в нем есть густого, идет прямо на дно как винная гуща, а то, что чисто, остается сверху, и оно напоминает собой сыворотку или белый виноградный сок. Гуща бывает очень бела, дается рабам и наводит глубокий сон. Светлую часть пьют господа, и это, несомненно, напиток очень приятный и хорошего действия. Около своего становища, на расстоянии дня пути, Батый имеет тридцать человек, из которых всякий во всякий день служит ему таким молоком от ста кобылиц, то-есть во всякий день (он получает) молоко от трех тысяч кобылиц, за исключением другого белого молока, которое приносят другие. Ибо, как в Сирии поселяне дают третью часть плодов, так татарам надлежит приносить ко дворам своих господ кобылье молоко каждого третьего дня. Из коровьего молока они сперва извлекают масло и кипятят его до полного сварения, а потом прячут его в кожах баранов, которые для этого сберегают. Хотя они не кладут соли в масло, оно все таки не подвергается гниению вследствие сильной варки. И они сохраняют его на зиму. Остальному молоку, которое остается после масла, они дают киснуть насколько только можно сильнее и кипятят его; от кипения оно свертывается; это свернувшееся молоко они сушат на солнце и оно становится твердым, как выгарки железа; его они прячут в мешки на зиму. В зимнее время, когда у них не хватает молока, они кладут в бурдюк это кислое и свернувшееся молоко, которое называют гриут, наливают сверху теп-

лой воды и сильно трясут его, пока оно не распустится в воде, которая делается от этого вся кислая; эту воду они пьют вместо молока. Они очень остерегаются, чтобы не пить чистой воды.

...Важные господа имеют на юге поместья, из которых на зиму им доставляется просо и мука. Бедные добывают себе это в обмен на баранов и кожи. Рабы наполняют свой желудок даже грязной водой и этим довольствуются. Ловят они также и мышей, многие породы которых находятся там в изобилии. Мышей с длинными хвостами они не едят, а отдают своим птицам. Они истребляют соней (glires) и всякую породу мышей с коротким хвостом. Там водится также много сурков, именуемых там согур; они собираются зимою в одну яму зараз в числе 20 или 30 и спят шесть месяцев; их ловят татары в большом количестве. Водятся там также кролики с длинным хвостом, как у кошки, и с черными и белыми волосами на конце хвоста. У них есть также много других маленьких зверьков, пригодных для еды, которых они сами очень хорошо различают. Оленей я там не видал; зайцев видел мало, газелей много. Диких (silvestres) ослов я видел в большом количестве, они похожи на мулов. Видел я также другую породу животных, именуемых аркали; они имеют тело, точно у барана и рога, загнутые, как у барана, но такой огромной величины, что одной рукой я едва мог поднять два рога; из этих рогов они делают большие чаши. У них есть в большом количестве соколы, кречеты и аисты: всех их они носят на правой руке и надевают всегда соколу на шею небольшой ремень, который висит у него до средины груди. При помощи этого ремня они наклоняют левой рукой голову и грудь сокола, когда выпускают его на добычу, чтобы он не получал встречных ударов от ветра, или не уносился в высь. Итак, охотой они добывают себе значительную часть своего пропитания.

Об одеяниях и платье их знайте, что из Катайи и других восточных стран, а также из Персии и других южных стран им доставляют шелковые и золотые материи, а также ткани из хлопчатой бумаги, в которые они одеваются летом. Из Руссии, из Мокселя, из великой Булгарии и Паскатира, то-есть великой Венгрии, из Керкиса (все эти страны лежат к северу и полны лесов) и из многих других стран с северной стороны, которые им повинуются, им привозят дорогие меха разного рода, которых я никогда не видал в наших странах и в которые они одеваются зимою. И зимою они всегда делают себе по меньшей мере две шубы: одну, волос которой обращен к телу, а другую, волос которой находится наружу, к ветру и снегам. Эти шубы по большей части сшиты из шкур волчьих и лисьих или из шкур павианов (papionibus); пока татары сидят в доме, они носят другую шубу, более нежную. Бедные приготовляют верхние шубы из шкур собачьих или козьих. Когда они хотят охотиться на зверей, то собираются в большом количестве, окружают местность, про которую знают, что там находятся звери, и мало-по-малу приближаются друг к другу, пока не замкнут зверей друг с другом, как бы в круге, и тогда пускают в них стрелы. Они устраивают также шаровары из кож. Богатые также подшивают себе платье шелковыми охлопками, которые весьма мягки, легки и теплы. Бедные подшивают платья полотном, хлопчатой бумагой и более нежной шерстью, которую они могут извлечь из более

грубой. Из более грубой они делают войлок для покрывания своих домов, сундуков, а также постелей. Из шерсти также с примесью третьей части конского волоса они делают себе веревки. Из войлока они делают также плащи, чапраки и шапки против дождя; таким образом они издерживают много шерсти...

...Мужчины выбривают себе на макушке головы четыреугольник и с передних углов ведут бритье макушки головы до висков. Они бреют также виски и шею до верхушки впадины затылка, а лоб до макушки, на которой оставляют пучок волос, спускающихся до бровей. В углах затылка они оставляют волосы, из которых делают косы, которые заплетают, завязывая узлом до ушей. Платье девушек не отличается от платья мужчин, за исключением того, что оно несколько длиннее. Но на следующий день после свадьбы она бреет себе череп с середины головы в направлении ко лбу; она носит рубашку такой ширины, как куколь монахини, но в общем более широкую и длинную и спереди разрезанную, которую они завязывают на правом боку. Ибо татары отличаются от турок именно тем, что турки завязывают свои рубашки с левой стороны, а татары всегда с правой. Кроме того, они носят украшение на голове, именуемое бокка, устраиваемое из древесной коры или из другого материала, который они могут найти, как более легкий, и это украшение круглое и большое насколько можно охватить его двумя руками; длиною оно в локоть и более, а вверху четыреугольное, как капитель колонны. Эту бокку они покрывают драгоценной шелковой тканью; внутри бокка — пустая, а в середине над капителью, или над упомянутым четыреугольником, они ставят прутик из стебельков, перьев или из тонких тростинок, длиною также в локоть и больше. И этот прутик они украшают сверху павлиньими перьями и, вдоль кругом, перышками из хвоста селезня, а также драгоценными камнями. Богатые госпожи полагают это украшение на верх головы, крепко стягивая его меховой шапкой (almuccia), имеющей в верхушке приспособленное для того отверстие. Сюда они прячут свои волосы, которые собирают сзади кверху головы, как бы в один узел, и полагают в упомянутую бокку, которую потом крепко завязывают под подбородком. Отсюда, когда много госпож едет вместе, то, если смотреть на них издали, они кажутся солдатами, имеющими на головах шлемы, с поднятыми копьями. Именно: бокка кажется шлемом, а прутик наверху копьем. И все женщины сидят на лошадях как мужчины, расставляя бедра в разные стороны, и они подвязывают свои куколи по чреслам шелковой тканью небесного цвета, другую же повязку прикрепляют к грудям, а под глазами подвязывают кусок белой материи; эти куски спускаются на грудь. Все женщины удивительно тучны; и та, у которой нос меньше других, считается более красивой. Они также безобразят себя, позорно разрисовывая себе лицо. Для родов они никогда не ложатся в постель.

(Рубрук, 69—78).

...Они дали нам выпить своего коровьего молока, из которого было извлечено масло и которое было очень кисло; они называли его айра.

(Рубрук, 81).

О СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ ТАТАР

Законом или обычаем положено у них убивать мужчину и женщину, которых поймают в явном прелюбодеянии. Также и девку блудодействующую убивают и с мужчиною. Если кого поймают в грабеже или явном воровстве на земле их владения, того убивают без милосердия. Также, если кто откроет их намерение, а особливо когда хотят итти на войну, тому дают сто ударов сзади таких, какие только может сделать крестьянин большою дубиною. Также, если кто из низших сделает какой проступок, то высшие его не щадят, а секут жестоко. Также не различают ничем детей, прижитых от наложницы и от жены: но отец дает каждому то, что хочет, и, если он вельможного рода, то сын наложницы делается вельможею точно так же, как и сын законный. Сколько бы у татарина ни было жен, каждая имеет свою ставку и дом. Один день ест, пьет и спит он с одною, а другой с другою женою. Но одна из них бывает старше прочих, и с нею он живет чаще, нежели с другими. Впрочем, сколько бы их ни было, но они редко ссорятся между собою. Мужчины совершенно ничего не делают, кроме стрел, да отчасти присматривают за стадами, а занимаются только звероловством и стрельбою, отчего все они от малого до великого искусные стрелки. Дети их, как скоро исполнится им два или три года, тотчас начинают ездить верхом, управляют лошадьми и скачут на них, и дают им лук по их возрасту и учат их стрелять. Они очень проворны и смелы. Девки и женщины ездят верхом и скачут так же, как мужчины. Мы видели, что они носят лук и колчаны. Как мужчины, так и женщины могут долго ездить верхом. Стремена у них очень короткие. О лошадях прилагают величайшее старание и вообще на все очень бережливы. Жены у них делают все — шубы, платье, башмаки, сапоги и всякую кожаную работу. Они же ездят на повозках и чинят их, также вьючат верблюдов. Они очень проворны и искусны во всякой работе. Все они носят портки; некоторые стреляют как мужчины.

(Карпини, 101—121).

...Обязанность женщин состоит в том, чтобы править повозками, ставить на них жилища и снимать их, доить коров, делать масло и грут, приготовлять шкуры и сшивать их, а сшивают их они ниткой из жил. Именно они разделяют жилы на тонкие нитки и после сплетают их в одну длинную нить. Они шьют также сандалии (sotulares), башмаки и другое платье. Платьев они никогда не моют, так как говорят, что бог тогда гневается и что будет гром, если их повесить сушить. Мало того, они бьют моющих платье и отнимают его у них. Они боятся грома выше меры, высылают тогда всех чужестранцев из своих домов и закутываются в черные войлоки, в которые прячутся, пока не пройдет (гроза). Никогда также не моют они блюд; мало того, сварив мясо, они моют чашку, куда должны положить его, кипящей похлебкой из котла, а после обратно выливают в котел. Они делают также войлок и покрывают дома. Мужчины делают луки и стрелы, приготовляют стремена и уздечки и делают седла, строят дома и повозки, караулят лошадей и доят кобылиц, трясут самый кумыс, то-есть кобылье молоко, делают мешки, в которых его сохраняют, охраняют

также верблюдов и вьючат их. Овец и коз они караулят сообща и доят иногда мужчины, иногда женщины. Кожи приготовляют они при помощи кислого сгустившегося и соленого овечьего молока. Когда они хотят вымыть руки или голову, они наполняют себе рот водою и мало-по-малу льют ее изо рта себе на руки, увлажняют такой же водою свои волосы и моют себе голову. О свадьбах их знайте, что никто не имеет там жены, если не купит ее; отсюда, раньше чем выйти замуж, девушки достигают иногда очень зрелого возраста, ибо родители постоянно держат их, пока не продадут. Они соблюдают первую и вторую степень родства, свойства же не признают ни в какой степени. Именно они женятся вместе или последовательно на двух сестрах. Ни одна вдова не выходит у них замуж на том основании, что они веруют, что все, что служит им в этой жизни, будет служить и в будущей; отсюда о вдове они верят, что она всегда вернется после смерти к первому мужу. От этого среди них случается позорный обычай, именно, что сын берет иногда всех жен своего отца, за исключением матери. Именно двор отца и матери достается всегда младшему сыну. Отсюда ему надлежит заботиться о всех женах своего отца, которые достаются ему с отцовским двором, и, тогда, при желании, он пользуется ими как женами, так как он не признает, что ему причиняется обида, если жена по смерти вернется к отцу. Итак, когда кто-нибудь заключит с кем-нибудь условия о взятии дочери, отец девушки устраивает пиршество, и она бежит к близким родственникам, чтобы там спрятаться. Тогда отец говорит: «Вот дочь моя — твоя; бери ее везде, где найдешь». Тогда тот ищет ее со своими друзьями, пока не найдет, и ему надлежит силой взять ее и привести как бы насильно к себе домой.

(Рубрук, 78—9).

О ТАТАРСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Император же татарский имеет удивительную власть над всеми. Никто не смеет жить нигде, кроме того места, которое он ему назначит. Он назначает, где кочевать воеводам, воеводы — тысячникам, тысячники — сотникам, сотники — десятникам. Сверх того, что бы он ни приказал, в какое бы время и где бы то ни было на войну ли, на смерть ли, на жизнь ли, — все исполняют они без прекословия. Также, если потребует он у кого незамужнюю дочь или сестру, беспрекословно отдают ему. Ежегодно или через несколько лет собирает он девиц из всех владений татарских; из них оставляет он себе тех, которых хочет, а других раздает своим людям, как ему вздумается. Отправляемым гонцам, сколько бы их ни было и куда бы то ни было, обязаны давать немедленно лошадей и содержание. Откуда бы ни приходили к нему с данью или с посольством, обязаны также давать под них лошадей, подводы и содержание. Послы, приходящие к ним из других стран, терпят великую нужду как в пище, так и в одежде, ибо содержание дают им дурное и скудное, а особливо у князей, у которых они принуждены бывают жить: тогда на десять человек дают то, что едва достаточно на двоих; ни в дворах княжеских, ни дорогою не дают им есть, кроме одного раза в день, да и то очень мало. Сверх того, за причиняемые оскорбления не получают они никакого удовле-

творения, почему и должны сносить с терпением. Кроме этого, как князья, так и другие народы и меньшие требуют от них многого, а если они не дают, то презирают их и ставят почти ни во что. Если же они присланы от великих людей, то не довольствуются малыми подарками, а говорят: «вы пришли от великого человека, почему же даете мало?» и не берут. И если послы хотят хорошо делать свои дела, то должны давать много. Поэтому и мы принуждены были раздарить большую часть вещей, полученных нами от благочестивых людей. И надлежит знать, что все принадлежит императору, так что никто не смеет сказать: это мое, или его, но все императорское — вещи, скот и люди; и об этом недавно еще издан императорский указ. Такую же власть имеют воеводы над принадлежащими им людьми, ибо татарские люди, как и другие, также разделены между воеводами. Гонцам воеводским, куда бы они ни были посланы, обязаны как императорские, так и все другие люди давать беспрекословно лошадей и содержание и гонщиков и служителей. Как воеводы, так и все другие обязаны давать императору через год, или через два, или через три, как ему угодно, кобыл для молока, а воеводские люди обязаны тоже делать для своих господ, ибо у них никого нет свободного. А чтобы сказать короче, то император и воеводы берут из их имения то, что хотят и сколько хотят, да и самими ими располагают, как хотят.

(Карпини, 147—151).

ВОЕННОЕ ДЕЛО У ТАТАР

Об устройстве войска скажем мы следующее. Чингиз-хан установил, чтобы десять человек подчинены были одному, который по-нашему называется десятником; над десятью же десятниками поставляется один, который называется сотником; над десятью же сотниками поставляется один, который называется тысячником, а над десятью тысячниками поставляется также один, и это число называется у них тьмою. Все же войско отдается под начальство двум или трем воеводам, однако же так, что одному из них подчинены все. Если во время сражения из десяти человек побежит один, два или три или более, то всех предают смерти; словом сказать, если только не все вообще побегут, то всех бежавших предают смерти. Также, если один или двое или более, храбро вступают в бой, а остальные десять не последуют за ними, то их также убивают. Равным образом, если один или несколько из десяти попадутся в плен, а товарищи их не отобьют, то их также предают смерти.

Каждый должен иметь два или три лука или, по меньшей мере, один исправный и три большие колчана, наполненные стрелами, также топор и веревки для таскания орудий. У богатых людей есть мечи остроконечные, острые с одной только стороны и несколько кривые. Лошади их вооружены даже до ног. Шлемы и латы у некоторых кожаные, кои делаются таким образом. Три или четыре воловьих ремня шириною в ладонь склеиваются вместе и связываются ремешками или веревками. К концу верхнего ремня привязываются веревочки, а к нижнему — в средине и так до конца. Поэтому, когда они наклоняются, то верхние ремни поднимаются и сдваиваются или страиваются на теле. Конская сбруя составляется из пяти частей. Из одной части делается

одна, а из другой — другая, которые кладутся от хвоста до головы и привязываются к седлу, хребту и шее. Другая часть кладется на крестец, где сходятся завязки обоих частей. В этом куске делается дыра, в которую пропускается хвост. На грудь кладется также часть. Все сии части простираются до ножных суставов. На челе кладется железная полоса, которая с обоих сторон шеи привязывается к вышесказанным частям сбруи. Латы составляются также из четырех частей. Одна часть идет от бедер до шеи и делается по расположению тела человеческого: на груди лежит плотно и вокруг тела обвивается от рук книзу. На плечи до поясницы кладется другой кусок, идущий от шеи до того куска, который обвивается около тела. Сии оба куска, то-есть задний и передний, привязываются на плечах к двум железным полосам, лежащим на каждом плече. На каждую руку кладется часть, которая от плеча простирается до кисти и завязывается внизу. На каждую ногу также кладется часть. Все сии части связываются застежками. Верхняя часть шлема делается из железа или меди, а та, которая покрывает шею и горло,—из кожи. Все сии кожаные части делаются так, как сказано выше. Но у некоторых все вышесказанное сделано из железа таким образом. Делается тонкая полоса шириною в палец, а длиною в ладонь; взяв несколько таким образом сделанных полос, проверты-вают в каждой по восьми дырочек и вложа три узкие и крепкие ремня, а полосы положа одна на другую уступами, привязывают их к ремням тоненькими ремешками, кои продевают сквозь вышесказанные дырочки; в верхней части пришивают ремешок, чтобы полосы держались между собою хорошо и крепко. Таким образом, сделав из полос как будто один ремень, связывают все по кускам, как сказано выше. Такие латы делаются как для лошадей, так и для людей. Они наводят на них такой лоск, что можно в них смотреться. Некоторые из них имеют копья, у которых железце загнуто крючком для того, чтобы стаскивать, если можно, человека с седла. Стрелы их длиною в две пядени, одну ладонь и два пальца. Поелику же пядени бывают различные, то мы полагаем здесь геометрическую: двенадцать ячменных зерен поперек составляют палец, а шестнадцать пальцев поперек составляют геометрическую пядень. Железце на стрелах очень остро и режет с обоих сторон, как меч обоюдуоострый; они всегда носят при колчане пилу для изощрения стрел. Нижний конец железца острый, длиною в палец и насаживается на древко. Щиты делаются из ивовых или других прутьев, но мы не думаем, чтобы они носили их иначе, как в лагере и для охраны императора и князей, да и то только ночью. Для стреляния птиц, зверей и безоруженых людей имеются у них другие стрелы, длиною в три пальца; для стреляния же птиц и зверей есть у них другие и разнообразные стрелы.

...Выступая на войну, посылают они вперед себя предшественников, которые ничего при себе не имеют, кроме своих войлоков, лошадей и оружия. Сии люди ничего не грабят, не жгут и не убивают скота, а только уязвляют и убивают людей; если же этого не могут сделать, то обращают их в бег, однако же гораздо охотнее убивают, чем прогоняют. За ними следует войско, которое берет все, что ни встретит, также и людей, если найдет, забирает в плен и убивает. Пришед к реке, перевозятся они следующим образом, как бы реки ве-

лики ни были. У начальных людей есть круглая и легкая кожа, сверху которой вокруг сделаны частые застежки, в кои продернута веревка; кожу эту стягивают так, что она делается подобно мешку и, положа туда платья и другие вещи, завязывают крепко-на-крепко, после чего на середину ставят седла и другие жесткие вещи, а сами садятся по середине. Сделанное таким образом судно привязывают к хвосту лошади и посылают вперед вплавь человека с лошадью, которою он правит. Иногда же, взяв весла, гребут ими и таким образом перевозятся через реку. Лошадей же вгоняют в воду, а вперед пускают вплавь одного человека с лошадью, которою он правит, другие же лошади плывут за ними, и так перевозятся через речки и большие реки. Прочие же люди, кои беднее должны иметь кожаный мешок или кошель, крепко сшитый, в который укладывают свое платье и всякие вещи; стянув его крепко-на-крепко, привязывают к хвосту лошади и перевозятся, как сказано выше.

Надлежит знать, что, завидя неприятеля, они тотчас идут на него, и каждый пускает стрелы три или четыре. Увидя же, что нельзя сломить его, отступают к своим и делают это для обмана, дабы неприятель, погнавшись за ними, попался в засаду, где, окружа, его язвят и убивают. Также, если увидят, что против них сильное войско, иногда уклоняются в другое место на день или на два, бросаются на другую часть земли, убивают там людей и все громят и раззоряют. Если же видят, что и этого сделать не могут, отступают на десять или двенадцать дней, а иногда останавливаются в безопасном месте до тех пор, как неприятельское войско разделится, тогда, пришед нечаянно, опустошают всю землю.

Войну производят они с величайшею хитростью, потому что уже слишком 40 лет воюют с другими народами. Готовясь к сражению, устрояют все войско в боевой порядок. Воеводы или начальники войска в сражение не вступают, но стоят далеко против неприятельского войска, имея при себе служителей верхом, жен и лошадей, а иногда, сделав болванов на подобие людей, сажают их на лошадей для того, чтобы казаться многочисленнее. Против конницы выставляют отряд пленных и других людей, у них находящихся, а иногда ходят с ними и некоторые татары. Другие отряды из храбрейших людей посылают далеко вправо и влево, дабы неприятель не мог их видеть, и таким образом окружают его, стесняют и начинают сражение со всех сторон. Хотя же иногда бывает их немного, но окруженному неприятелю кажется, что они многочисленны, а особливо видя находящихся при воеводе или начальнике войска служителей, жен и лошадей и болванов, как сказано выше, коих всех считает он за ратников, отчего приходит в страх и смятение. Если же, паче чаяния, неприятель дерется храбро, то дают ему дорогу бежать, и как скоро он побежит беспорядочно, то преследуют его и в это время убивают более, нежели в самом сражении. Надобно, однако же, знать, что они, если можно, неохотно вступают в бой, но язвят и бьют стрелами людей и лошадей, а когда эти ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой.

Крепости берут они следующим образом. Если случится таковая крепость, они окружают ее, а иногда запирают так, чтобы никто не мог в нее входить и из нее выходить. Бьют сильно орудиями и стре-

лами не переставая ни днем ни ночью, чтобы осажденные не имели покоя. Сами же татары отдыхают, потому что разделяют свои войска на участки, кои поочередно ходят в сражение, чтобы не утомиться. И, если сим средством не могут достать ее, то пускают греческий огонь; даже иногда берут жир из убитых людей и, растопя его, льют на дома; и если на этот жир попадает огонь, то погасить его почти нельзя. Если же и это не поможет и если при городе или крепости есть река, то перепружают ее или переводят в другую сторону и, если можно, затопляют крепость. Если же этого сделать нельзя, то подкапываются под нее и сим подкопом входят в оную вооруженные. Вошед же, одна часть зажигает строения, а другая дерется с гражданами. Если же и этим не могут взять крепости, то делают против нее свою крепость, чтобы закрыться от неприятельских выстрелов и стоят таким образом долго, разве, паче чаяния, придет какое вспомогательное войско, которое, сразясь с ними, принудит отступить.

Стоя же под крепостью, ласковыми словами обольщают осажденных, обещая им много, чтобы они сдались. Если же сдадутся, то говорят им: «выйдите, чтобы сосчитать вас по нашему обычаю». Когда же они выйдут, то спрашивают, кто из них знает какое ремесло, и таковых оставляют; остальных же, выключая тех, коих захотят иметь рабами, убивают топором. Хотя некоторых, как сказано, оставляют они в живых, но людей знатных и почетных не щадят никогда. Если же, паче чаяния, некоторые из них сохранятся, то ни за что не избавляют их от рабства. Всех, взятых в плен в сражении, убивают, разве некоторых захотят оставить в рабах. Назначенных к убиению, разделяют по сотникам для умерщвления их обоюдуоострым топором; сотники же разделяют их по своим людям, давая каждому человек по десяти или более или менее, как угодно начальникам.

(Карпини, 163—183).

СУДОПРОИЗВОДСТВО У ТАТАР

О судопроизводстве их знайте, что, когда два человека борются, никто не смеет вмешиваться, даже отец не смеет помочь сыну; но тот, кто оказывается более слабым, должен жаловаться перед двором государя, и если другой после жалобы коснется до него, то его убивают. Но ему должно итти туда немедленно без отсрочки, и тот, кто потерпел обиду, ведет другого как пленного. Они не карают никого смертным приговором если он не будет уличен в деянии или не сознается. Но когда очень многие опозорят его, то он подвергается сильным мучениям, чтобы вынудить сознание. Человекоубийство они карают смертным приговором, так же, как сожитие не с своею женщиной. Под не своей женщиной я разумею или жену или служанку. Ибо своей рабыней можно пользоваться, как угодно. Точно также они карают смертью за огромную кражу. За легкую кражу, например, за одного барана, лишь бы только человек не часто попадался в этом, они жестоко бьют и, если они назначают сто ударов, то это значит, что те получают сто палок. Я говорю о тех, кто подвергается побоям по приговору двора. Точно также они убивают ложных послов, то-есть тех, которые выдают

себя за послов и не суть таковые. Точно также умерщвляют колдуний... так как считают подобных женщин за отравительниц.

(Рубрук, 79).

О ПОХОРОНАХ У ТАТАР

Когда кто-нибудь умирает, они скорбят, издавая сильные вопли, и тогда они свободны, потому что не платят подати до истечения года. И, если кто присутствует при смерти какого-нибудь взрослого лица, то до конца года не входит в дом самого Мангу-хана. Если умерший — ребенок, то он входит только по истечении месяца. Возле погребения усопшего они оставляют всегда один его дом, если он из знатных лиц, то-есть из рода Хингиса, который был их первым отцом и государем. Погребение того, кто умирает, остается неизвестным; и всегда около тех мест, где они погребают своих знатных лиц, имеется гостиница для охраняющих погребения. Я не знаю того, чтобы они скрывали с мертвыми сокровища. Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке пред пупком чашу. Они строят также для богачей пирамиды, то-есть остроконечные домики, и кое-где я видел большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома, хотя камней там и не находится. Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей — по четыре с каждой стороны мира; и они поставили перед ним для питья кумыс, для еды — мясо, хотя и говорили про него, что он был окрещен. Я видел другие погребения в направлении к востоку, именно большие площади, вымощенные камнями, одни круглые, другие четыреугольные, и затем четыре длинные камня, воздвигнутые с четырех сторон мира по сю сторону площади. Когда кто-нибудь занедужит, он ложится в постель и ставит знак над своим домом, что там есть недужный и чтобы никто не входил. Отсюда никто не посещает недужного, кроме прислуживающего ему. Когда также занедужит кто-нибудь принадлежащий к великим дворам, то далеко вокруг двора ставят сторожей, которые не позволяют никому переступить за эти пределы. Именно они опасаются, что бы со входящими не явился злой дух или ветер. Самих гадателей они называют как бы своими жрецами.

(Рубрук, 79—80).

ПОЛОЖЕНИЕ ПЛЕННЫХ РЕМЕСЛЕННИКОВ У ТАТАР

В Сарацинской земле и в других, где они владеют, как будто у себя, берут они всех лучших ремесленников и заставляют их работать на себя, а другие платят им подать от своей работы. Все посевы они убирают в житницы своих господ; однако те отпускают им семян, а также столько хлеба, сколько им вполне достаточно для продовольствия; другим же каждому дается на день очень малая мера хлеба, да по три раза в неделю немного мяса, и это получают только ремесленники, живущие в городах. Также, когда вздумается господину, то он берет всех мальчиков и вместе с служителями своими принуждает их следовать за собою. В прочем они полагаются в числе татар или, лучше сказать, в числе пленных, ибо, хотя они и сопричислены к та-

тарам, но с ними поступают не так, как с татарами, а как с рабами и, подобно другим пленным, посылают их на всякую опасность, например: в сражении выставляют их первых, при опасном переходе через болото или реку они должны первые итти в брод, словом, употребляют их на все. Если же они в чем проступятся или не послушаются по первому мановению, то бьют их, как ослов. Короче сказать, они мало едят, мало пьют и очень худо одеты, разве как-нибудь сами что выработают, исключая золотых дел мастеров и других хороших ремесленников. Но у некоторых такие злые господа, что не дают им ничего, и за множеством господской работы не имеют они времени сделать что-нибудь для себя, разве только захотят совсем не отдыхать или не спать, но и это могут делать только те, коим позволено иметь жену или свою ставку. Другие же, которых держат они в домах своих для услуги, жалки до чрезвычайности. Очень часто видал я, что они ходят в одних только штанах, а в прочем совершенно нагие в величайший зной и в чрезвычайную стужу. Также видели мы иных с отмороженными пальцами на руках и ногах, и иные, как мы слышали, замерзали или делались совершенными калеками от великой стужи.

(Карпини, 193—197).

V.

КАЗАКСТАН В XIV ВЕКЕ.

(РАСПАД МОНГОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА И ТИМУР)

XIV век представлен в настоящем сборнике отрывками из следующих источников:

1. «Тухфатуль анзар фи гараибль амсар уа ажаибль асфар» известного арабского путешественника Ибн-Батута (1302—1377), происходившего из Марокко, посетившего Дашти-Кипчак в первой половине XIV в. Его маршрут лежал от Крыма через Сараи на Волге, Сарайчик на Яйке (Урал) и Устерт (Усть-Урт) до Хорезма. В то время власть Золотой Орды признавал весь Дашти-Кипчак. Интересно, что Дашти-Кипчак вел широкую торговлю по сбыту лошадей с Индией и таким образом участвовал в мировой торговле. Перевод сделан нами с арабского текста.

2. «Ажаибуль макдур фи ахбари Тимур» арабского историка Ибн-Арабшаха, который когда-то в качестве пленника был переселен Тимуром из Сирии в Самарканд, где он изучил персидский и тюркский языки, много путешествовал по Средней Азии и умер в 1455 г. в Сарае.

Он не питал особой склонности к Тимуру, поэтому его сообщения не отличаются верноподданническим пылом. Помещенный в сборнике отрывок из указанного его сочинения написан на арабском языке в стихах и отражает один из эпизодов борьбы Тохтамыш-хана с Тимуром. Этот эпизод относится к одной из первых войн в Туркестане, предшествовавших великому походу 1392 г.

3. «Зафар-намэ» историка Тимура—Шерафеддина Язди. Из этого труда нами заимствован рассказ о войне Тимура с Тохтамышем в 1392 г. Подлинник на персидском языке. Для сборника перевод сделан нами с французского перевода и сличен с персидским текстом.

4. «Тухфатуль адиб уа хадият уль ариб» Абу Мухаммеда Хусайна, жившего в XVI в. Труд составлен на арабском языке: помещенный в сборнике отрывок переведен на русский язык нами и сообщает о бегстве Эдиге к Тимуру и о том, как он уговорил его итти войной на Тохтамыша.

5. Пеголотти, флорентийский купец, собирал в средине 14-го века сведения о восточных торговых путях. Эти сведения сохранились в книге Паньини (Della olecima 1765/66). Отрывки взяты из Yule «Cathay and the woy thithen».

Это место, где мы остановились, называется Дашти-Кипчаком. В этой степи нет гор, холмов, котловин, леса, дров, только равнина. сплошь зеленая и очень красивая. Здешние жители вместо дров употребляют кизяк, который у них называется тазаком. Можно наблюдать, как самые важные люди у них собирают кизяк в подоле своей одежды. Путешественники в Дашти-Кипчаке ездят в телегах. Дашти-Кипчак имеет пространство в шесть месяцев пути, из них пространство около трехмесячного пути находится под властью хана Мухаммед-Узбека, остальными распоряжаются другие.

...Телеги, называемые в Дашти-Кипчаке араба, имеют четыре больших колеса; в них запрягают две или несколько лошадей; некоторые вместо лошадей запрягают рогатый скот или верблюдов, смотря по телеге — легкая или тяжелая. Погонщик едет верхом на одной из упряжных лошадей. Сидит он в седле, держит кнут и длинную палку в руке, которою управляет ими и не дает им сходить с дороги. На телегах устанавливают кибитки из разных деревянных палок, скрепленных между собою ремешком из тонкой кожи. Снаружи кибитки прикрываются кошмами или другой материей. Эти телеги имеют вставленные окна. Сидя в кибитке можно видеть все то, что находится вне ее, но сидящих в кибитке никто не может видеть извне.

В этих телегах можно располагаться как следует: сидеть, спать и даже есть, пить, читать, писать, езда им не мешает. Телеги, предназначенные специально для перевозки вьюков, продовольствия и других хозяйственных вещей, тоже по своему устройству напоминают комнату и закрываются на замок.

Для путешествия я для себя и моей прислуги (жарья) взял одну телегу, покрытую кошмой, для своего товарища Гафиф-ед-дин-Эттаузари — другую, меньшую телегу и для остальных товарищей третью, большую телегу.

В последнюю телегу запрягли по три верблюда, на одном из которых должен был ехать погонщик.

...Обыкновенно тюрки странствуют по этим степям, подобно странствованию паломников в трудных переходах Хаджаза: отправляются в путь после утренней молитвы и останавливаются в полдень, после полуденной молитвы снова отправляются, останавливаются вечером. Когда делают остановку, освобождают лошадей, верблюдов, коров из телег, пускают их на пастбище днем и ночью. Султаны и другие скот свой держат на подножном корму. Преимущество их степей в том, что травы ее заменяют ячмень для скота. В степях других стран таких свойств не имеется, поэтому-то у них скота много разводилось. Там скот не пасут, сторожа нет, это потому, что суды их строги о воровстве.

Их суд таков: у кого найдется уворованная лошадь, того заставляют вернуть ее своему хозяину и еще сверх этой лошади — девяти-кратную ее стоимость. Если он не может это уплатить, то забирают его детей, если у него детей нет, то его самого режут, как барана. Эти тюрки не едят хлеба и тяжелую пищу, но приготовляют пищу из продукта, похожего на унли, который называют доки; ставят сначала над огнем воду, когда эта вода вскипит, туда кладут немножко этой доки. Если у них есть мясо, то нарезывают мелко и варят вместе с доки,

затем кладут для каждого человека по порции в блюдо, наливают квашеного молока и кушают, после чего пьют кобылье молоко. Они его называют кымызз. Они сильны, крепки и имеют прекрасный характер. Иногда употребляют пищу, которую называют бурхании, которая представляет собою тесто; его разрезают на маленькие кусочки, продырявливают середину и кладут в котел; когда вскипит, наливают квашеное молоко и едят. У них есть напиток, который приготовляют из зерна доки, о чем говорилось выше. Они есть халву считают за неприличие. Однажды я присутствовал у султана Узбека в месяце рамазан; было подано лошадиное мясо, которое едят они больше, чем другое мясо, овечье мясо и решта... которую они варят и кушают вместе с молоком.

В эту же ночь я ему принес блюдо халвы, приготовленной некоторыми моими товарищами и поставил перед ним; он дотронулся одним пальцем, поднес ко рту и этим только ограничился.

Мне передавал Хамир-Тулек-Тимур, что у одного старшего слуги этого султана [Узбека] сыновей и внуков приблизительно насчитывалось до 40 человек; ему предложил султан, если он съест халву, то все они будут освобождены; он отказался есть и сказал: «убейте меня, но не съем».

Когда мы выехали из Крыма, однажды остановились во дворе указанного эмира, который был расположен в местности под названием Сижжан. Он прислал за мной человека. Я выехал на своей лошади, которую во время переходов вел погонщик телеги; когда мне было надобно, я ездил на ней верхом; таким образом я приехал ко двору эмира. Там было приготовлено много пищи, был и хлеб. Затем принесли белую воду в маленькой посуде, народ пил ее. Шейх Музафаруддин сидел близко к эмиру, а я близко к нему. Спросил, что это такое? Он ответил, что это вода духна. Я не понял его, попробовал, мне показалось горьким, я не отставил. Когда вышли, спросил об этом, он сказал, что это спиртной напиток, который приготовляют из зерна доки. Этот народ принадлежит к секте ханафитов. Таковой напиток у них не воспрещен. Напиток из доки называют боза.

ЛОШАДИ ДАШТИ-КИПЧАКА

В этой стране лошадей очень много. Цена их дешевая. Самый хороший конь стоит на их деньги пятьдесят-шестьдесят дерхамов, которые при переводе на наши деньги равны одному динару. Лошади эти известны в Египте под названием Акадиш. Одно из основных занятий населения — коневодство. У них лошади имеют такое же значение, как бараны в нашей стране.

Есть тюрки, имеющие по несколько тысяч лошадей. Имеется обычай, по которому тюрк-коневод этих стран с краю телеги своей жены прикрепляет палочку, на верхнем конце которой прибита кошомка, примерно, с четверть длины; каждая такая палочка с кошемкою означает одну тысячу лошадей в головах. Я сам видел такие телеги, на которых прикреплены даже до десяти штук таких палочек.

Отсюда для сбыта гонят лошадей в страны Индии. Каждый торговец имеет приблизительно по 100—200 лошадей, объединяемых в общие табуны; бывает табун в 6 тысяч голов, иногда бывает или боль-

ше, или меньше. На каждые пятьдесят лошадей ставится один пастух, который пасет их, как баранов; этих пастухов называют ылкыши.

Один из пастухов садится верхом на лошадь, держа в руке укрючину, к концу которой прикреплена веревка [1]. Когда понадобится поймать какую-нибудь лошадь, он подъезжает к ней, бросает веревку на шею лошади, притягивая ее к себе, пересаживается на нее и отпускает свою лошадь пастись. С приближением к Санду лошадей начинают подкармливать зерном, так как травы в той стране питательного свойства ячменя не имеют.

Кроме того, в местности Шешенкар Сандское правительство за каждую голову взимает семь динаров серебром и в городе Мултане, столице Санда, тоже взимают немного меньше; раньше взимали в размере одной четверти всего поголовья. Потом по предложению Султан-Мухаммед-Узбек хана стали взимать с мусульманских купцов зекет, с других — гушур.

Несмотря на такие убытки и расходы, купцы выручают много барышей, потому что самая дешевая лошадь здесь (в Дашти-Кипчаке) в Индустане ценится высоко и даже продается по цене равной ста динарам. Если это перевести в золото на Западе, то будет равняться двадцати пяти динарам.

Некоторые лошади продаются даже вдвое и вчетверо раз больше этой цены. Цена хорошим лошадям — по пятисот динар, даже больше.

Индустанцы покупают дашти-кипчакских лошадей не для скачек, а для военных целей как крепких и шагистых; на войне на них надевают брони. Для скачки покупают яманских, оманских и персидских лошадей, которые ценятся даже до четырех тысяч динаров.

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН [У ТЮРКОВ ДАШТИ-КИПЧАКА]

Одно из удивительных явлений, которое я видел в этих странах, то, что жители очень уважают женщин. Здесь женщины по своему положению стоят выше чем мужчины.

По выезде из Крыма мне пришлось первый раз видеть жен правителей. Жену эмира Салтия я видел едущей в телеге; вся телега была покрыта занавесью синего цвета. Окна и дверь были открыты. Спереди ехали четыре прислуги, красивые, прекрасно одетые, сзади тоже ехали прислуги в нескольких телегах. Когда доехали до места, где находился эмир, жена слезла с телеги; вместе с ней шли около тридцати прислуг, поднимая шлейф, причем в одеждах ее имелось несколько петель, каждая прислуга держала одну петлю.

Жена держалась с большим достоинством. По приближении эмир встал, приветствовал ее и посадил около себя; прислуги окружили ее, принесли кумыс. Она своею рукой налила кумыс в чашку и на коленях подала мужу. Эмир выпил, потом она налила кумыс и подала брату эмира; эмир сам налил кумыс и подал жене. К этому времени принесли кушанье. Жена вместе с эмиром покушала. Эмир подарил жене одежду, потом его жена возвратилась обратно. Все жены князей ведут себя таким образом...

---

[1] По казакски—буганык (лассо).

Жены купцов и торговцев тоже ездят в телегах одни. В телегу запрягают лошадь. Для поднятия шлейфа у каждой имеется по три-по четыре прислуги. Головной убор у них бугтак, который украшают драгоценными камнями, а на самом верху его прикрепляются перья павлина. Окошко кибитки (на телеге) открыто и видно открытое лицо женщины: тюркские женщины не закрываются. В таком виде приезжают на базар в сопровождении своих рабов, продают баранов, молоко и покупают душистые товары.

Иногда они приезжают вместе с мужьями, но последние одеваются скромно, поэтому иноземцы принимают их за слугу их жен, ибо мужья одеты в овечьи тулупы, и шапки их сделаны из того же материала; такую шапку называют кула.

ОТ САРАЯ ДО ХОРЕЗМА

Расстояние между священным Сараем и Хорезмом составляет путь в сорок дней езды. По причине отсутствия кормовых трав здесь на лошадях не ездят, вместо них запрягают в телеги верблюдов.

Спустя десять дней после нашего выезда из Сарая, мы доехали до города Саражук, находящегося на берегу реки Улусу. Слово жук означает маленький, таким образом они называют этот город Маленький Сарай. На этой реке устроен мост, на подобие моста на паромах в Багдаде. Наше странствование на лошадях закончилось в этом городе; лошадей своих мы продали по четыре динара каждую, были цены и поменьше, потому что лошади были худые, кроме того, в этом городе лошади были вообще дешевые. Для запряжки наняли верблюдов.

В этом городе имеется текие одного долголетнего, чтимого старца, по-тюркски — ата, он сам из тюрков, угостил и благословил нас. Мы были в гостях также у казия. Имя его не знаю.

По выезде из этого города, в продолжение тридцати дней остановки делали в полдень и вечером на время, необходимое на варку и питье доки: для варки достаточно одного кипения. В доку кладут мясо без костей, наливают молоко. Во время пути все кушали и спали на телегах. В моей телеге имелось три прислуги.

По причине отсутствия травы путешественники стараются эту пустыню проходить скорее. Множество упряжных верблюдов падают по дороге, а другие очень худеют и только через год после нагула становятся годными для работы.

Воду можно находить только в определенных местах; иногда приходится три дня ехать без воды. Воды дождевые или в колодцах.

(Ибн-Батута, II, 356, 361, 363—367, 371, 377; III, 1—3).

О НАБЕГЕ ТОХТАМЫША, ВЛАСТИТЕЛЯ ДАШТИ И ТУРКЕСТАНА

Тохтамыш-хан, властитель Дашти и татар, когда увидел то, что произошло между Тимуром и султаном Хусейном, то сердце у него встрепенулось и изменилось по причине родства и соседства; он приготовил громадное войско, подобное гигантским волнам, и направился на схватку с Тимуром со стороны Сагнака и Отрара.

Тимур выехал против него из Самарканда; они встретились около Туркестана вблизи реки Хуженда, которая есть река Сайхун. Самарканд находится между реками Сайхун и Жайхун.

Состоялась между двумя войсками ярмарка битвы, где торговый обмен состоял только из взаимных ударов.

Продолжала мельница битвы вращаться, войско Тимура начало в муку превращаться. Было видно, что войско его рассеивается, цепь его войска разрывается.

В это же время появился один мужчина по имени Сейт-Береке. Находясь на краю поражения, Тимур обратился к нему: «О, мой господин, господин знатный, войско мое сломлено!» Тогда сказал ему Сейт: «Не бойся». Потом спешился он, взял горсть земли, сел на свою пегую лошадь, дунул ее [землю] в лицо врагу, и стал громко кричать: «Яги качты». Тимур также стал кричать, следуя примеру этого нежд-ского шейха; кричал львиным голосом, похожим на крики жаждущих верблюдов: «Жаут, жаут».

Войско его, как корова, почувствовавшая любовь к своему теленку, вновь кинулось в сабельный бой с противником. Войско перестало колебаться и теряться, [услышав] его крик «Яги качты». Потом напали на врага разом. Войско Тохтамыша пришло в расстройство и побежало вспять. Воины Тимура подымали и опускали свои мечи; так напоили их из чаши смерти. Взяли в добычу много вещей и четвероногих [скота], а в плен множество начальников и заморенных верблюдов.

Потом вернулся Тимур в Самарканд и закрепил за собой Туркестан и города реки Хуженда.

Возвеличился Сейт-Береке; распоряжался всем завоеванным богатством Тимура.

Ибн Арабшах. Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg, VI-me série, tome II, 243).

ПРАВИТЕЛЬ МИРА ИДЕТ В СТЕПИ КИПЧАКА

В течение 792 [1390] года Тимур, покоритель мира, приняв решение посетить Дашти-Кипчак, соизволил осведомиться о состоянии и местонахождении своих войск и занялся их организацией.

Начальники его табунов привели из степи гурт лошадей, которых он там свободно пас, и монарх снабдил ими тех из своих воинов, у которых лошадей не было. Армия его была обильно снабжена оружием, лошадьми и всем, чего бы она не пожелала.

Ведомый счастием, он потом отбыл из Самарканда по милости всевышнего и божественной защиты, перебросил мост через реку Хуженд, по которому он совершил переход, и устроил свои зимние стоянки на территории Ташкента, между Парсином [Барсином] и Чиназом.

По этому случаю его просветленный дух побудил его узреть покров гробницы шейха Меслехета, как средство подготовки к исполнению своих духовных и мирских предначертаний и с этим намерением он направился к городу Ходженту. Он посетил эту гробницу с чистосердечным благочестием и чистой совестью роздал по долгу милостыню тем, которые были этого достойны, сумму в 10 000 динаров (кеупегуй)

и вернулся счастливым в Ташкент. Там повредилось его здоровье, и он серьезно заболел.

...По прошествии нескольких дней Тимур окончательно восстановил свое здоровье, и силы вернулись к нему. Мирза Миран-шах прибыл со своими войсками из Хорасана и имел счастье целовать ковер своего августейшего отца. Тимур по царски обласкал эмиров и нойонов и уделил внимание сосредоточению армии.

...После того, как он организовал свою армию, он назначил проводников, советников для разных эмиров [генералов]. Тимур-Кутлук-Оглан, сын Тимур-Мелик-хана, Кунджи-Оглан и Эдиге-Узбек были в качестве таковых прикомандированы к центру войска, где находилась императорская ставка.

...В четверг 12-го месяца сафара в год 793 [19 января 1391 г.], в момент, когда солнце находилось на 8 градусе созвездия Водолея, армия вступила в кампанию под охраной бога. Мирза Пир-Мухамед Джехангир, а также мирза Шах-Рух были назначены для управления империей; кроме того, Тимур добавил к ним эмиров Лааля и Мельгуту.

Он отправил всех своих жен, за исключением своей любимой супруги Шолпан, дочери Хаджибека из рода Джетэ, которая имела счастье сопровождать его величество в этой экспедиции.

Десятитысячные начальники, тысячные начальники и начальники эскадронов [кошун] все были направлены в лагерь, как только ставка, торжественно приветствуемая его величеством, выступила в поход под эгидою победы и божественного напутствия.

В то время, как армия расположилась лагерем у Кара-Смана, заметили прибытие депутатов Тохтамыша, которым эмиры и нойоны предоставили удобные помещения и оказывали им честь согласно их рангу.

...Он приказал, чтобы им разрешили приблизиться к его персоне и чтобы их ввели в его царственный шатер. Те, которые получили разрешение, поспешили выразить свою рабскую покорность монарху и почтительно прикоснулись лбами к земле, рассыпаясь в извинениях и превознося государя.

Они ему в виде подарка преподнесли сокола и девять скаковых лошадей. Тимур ограничился тем, что поместил сокола у себя на руке, полный могущества, сохраняя царственное величие и стараясь из чувства собственного достоинства не оказывать больше внимания этим посланникам. Они же, заговорив с преданностью и покорностью, просили у него извинения, преклонили колена и передали Тимуру при содействии славных эмиров двора послание от Тохтамыша, составленное приблизительно так:

«Ваше величество соблаговолило заменить мне отца и было для меня великодушным благодетелем. Права, которые по настоящее время были мне предоставлены милостию и благодеянием, слишком многочисленны, чтобы я смог описать в тысячной доле, как ничтожную часть такого громадного количества благодеяний; ваше величество довершит свои благодеяния, если вследствие безграничного величия и милосердия захочет мне простить мою преступную деятельность и непристойное неповиновение, в чем я считаю себя виновным пред вашим величеством, покоряясь влиянию моей омраченной звезды и дав себя увлечь предательскими подстрекательствами и коварными наущениями

злых людей; я краснею и искренне каюсь, я готов держаться в границах, которые мне будут предоставлены и не уклоняться ни на волос от пути изъявления моей покорности и выполнять с точностью малейшую обязанность, которую мне предписывает вежливость и преданность».

Тимур ответил:

«Когда Тохтамыш в первый раз отправился воевать с неприятелем и вернулся больным, покрытый ранами, и просил у меня убежища, весь мир знает, сколько я ему оказал внимания, возведя его в ранг моих детей. Я, кроме того, между прочим, послал армию против Орус-хана, и это было причиной того, что в течение этой зимы я потерял такое громадное количество лошадей и воинов с большею частью сокровищ и военной аммуниции... То усердие, которое я приложил, чтобы его защищать и поддержать, не ослаблялось этим, равно как и после отделения его владений от владений Орус-хана; я восстановил его владения, впоследствии сделал его таким могущественным, что он укрепился как хан на троне Оруса в улусе Джучи. Это благодаря милости божией, которой он обязан империей. Я был оружием счастья, которое ему досталось, я, кроме того, дал ему неопровержимые доказательства моей нежности, называя его непрестанно своим сыном, тогда как он доставлял себе удовольствие называть меня своим отцом. Теперь он забыл мои благодеяния и нарушил долг сына, как только он был восстановлен на своем троне и почувствовал себя сильным и могущественным. Он даже осмелился восстать против меня в то время, когда мы были заняты завоеванием провинций Фарса и Ирака, отправляя войско на границы моей империи, чтобы их разрушить и уничтожить. Тем не менее я не обратил никакого внимания, надеясь, что он, может быть, устыдится такого, достойного порицания поступка и отречется от такой неблагодарности и надменности. Но хмель гордости так его опьянил, что он лишен был сознания различать добро от зла и снова двинул армию, которую он снабдил значительным корпусом в качестве авангарда, чтобы захватить мои владения. Вследствие этого мы выступили против него, и он поспешил скрыться даже до того, как он мог заметить громадность наших войск — и вот он должен получить урок от нашего наступления; он прибегает к покорности и просить прощения за свои злодеяния. Было бы с моей стороны неблагоразумно придать веру его словам, раз он уже несколько раз своими выступлениями высказывал вероломство и бесчестность.

Я теперь, с помощью и наитием божим, выполняю план, который себе наметил.

Если же, однако, он действительно желает мира, как он нас в этом убеждает, ему остается только прислать к нам своего первого министра Али-Бека с полномочиями, чтобы договориться с нашими генералами, и мы, с нашей стороны, решим, обсудив полностью обстоятельства».

После такого обращения Тимур дал пир депутатам, приказал переодеть в расшитые золотом халаты и представил им удобные помещения. Он приказал, чтобы с ними гостеприимно обращались, но строжайше наблюдали за ними.

В среду, 16 первого месяца реби [21 февраля], он созвал принцев и эмиров, с которыми держал военный совет, или курултай; он после

этого, взяв с собою посланных Тохтамыша, выступил в поход со всей армией при благоприятном созвездии и с попутной звездой для полета к новым завоеваниям. Проходили через Яссы, Карачик и Савран и в течение трех недель прошли пустыню, степь и несколько переходов, где лошади были измучены и падали из-за долгой езды и недостатка воды. Наконец, в четверг, 1-го месяца джумадиль аваль [2 апреля] доехали до местности под названием Сарук-Узен, где утолили жажду четвероногих и благодарили всевышнего. Так как воды выступали из берегов, они были вынуждены оставаться в этой местности в течение нескольких дней. После того, как впоследствии нашли переход для армии, забили в большие литавры, пустились в путь и прошли реку вплавь. В эту же ночь два служителя Эдиге-Узбека совершили побег и направились чрез пустыню в сторону Тохтамыша.

Тимур приказал за ними погнаться, но их не настигли и победные знамена двинулись в поход. По пройденным дорогам войска находили воду в лагунах, находящихся в степи, и в среду 21-го того же месяца [21 апреля] они прибыли к горе, известной под названием Кичик-Тау, откуда они отправились и прибыли в следующую пятницу [28 апреля], после двух ночей ходьбы в местность под названием Улу-Тау, где Тимур расположился лагерем.

Солнце с небесных твердынь славы всемирной империи взошло на эту гору, чтобы наслаждаться видом этой степи, которая от одного конца до другого была покрыта прекрасной зеленью. Он там провел этот день и приказал войскам принести камни и соорудил большую пирамиду, на которой искусные мастера высекли время этого события, чтобы этот долговечный памятник мог сохранить память на долгие времена.

Они двинулись в поход, и прибыли на берег реки Иланчук, где и расположились лагерем. По окончании переправы через эту реку, они прибыли через 8 дней в местность под названием Анакараджуй (или Атакараджуй). Так как прошло уже четыре месяца со времени отъезда его величества, армии не хватало жизненных припасов, и они не могли найти обитаемого места на расстоянии пяти или семи месяцев пути вокруг в этой степи, между тем как императорский лагерь представлял собою разбушевавшееся от бури море и толпу, полную смятения в соответствии с пространством, которое она занимала, и с многочисленностью храбрых воинов, лошадей и верблюдов, которые там находились.

Голод и дороговизна были там так чувствительны, что за овцу платили сто динаров (кеупеги) и за один мен пшеницы большого веса, равный 16-ти менам нормальным, платили до ста динаров, без возможности их легко достать. Счастливый Тимур издал приказ и повелел объявить через глашатаев десятитысячникам, тысячникам, сотникам и десятникам, чтобы они, отвечая головой, не разрешали никому ни печь хлеба, ни галет, ни крупной лапши, ни макарон, ни лепешек, ни других подобных предметов и чтобы они ограничивались только болтушкой. Генералы как меру предусмотрительности заготовили на пробу шестьдесят суповых чаш для болтушки по одному мену муки складского веса, равняющихся 8-ми нормальным менам, к которой прибавляли из-

вестную зелень, под названием мутр, и порешили, что каждый воин удовольствуется одной порцией.

Они пробыли продолжительное время в этих степях, питаясь птичьими яйцами, различными животными, которых они находили, и питательными травами и таким образом продвигались в этой пустынной степи.

В субботу первого дня второго месяца джумали [6 мая 1391] Тимур издал приказ об общей охоте и приказал через теватчи (глашатаев) эмирам правого и левого фланга выставить их войска цепью. Они окружили эту необъятную равнину и согнали неисчислимое количество дичи, которую они в течение двух дней убивали.

По милости счастья хана, покровителя мира, было убито такое количество ланей, антилоп и других животных, что был утолен необычайный голод, царивший в лагере и положение изменилось до того, что войска употребляли в пищу только самых жирных животных, пренебрегая худшими.

Между другими животными они нашли в степи вид антилопы, гораздо больше буйвола, которых они до сих пор не видали и которых монголы называли кандагай, в то время как обитатели этих степей называют их «буланами». Их тоже было убито большое количество, и армия некоторое время кормилась мясом этого дикого животного, и войска набрались свежих сил.

ТИМУР ПРОИЗВОДИТ СМОТР СВОЕЙ АРМИИ

После этой охоты, просветленный дух счастливого созвездия, хозяина счастья, могущество которого равнялось небесным сферам, соизволил обратить внимание на снабжение и обозы своих войск и решил произвести смотр.

Правый фланг, левый, центр и авангард были покрыты сталью, как закаленный меч, и их скакуны, быстрые, как ветер, скачущие с такой легкостью, как будто сердца их были из железа, были также укрыты броней. Войска эти, бесчисленные, как звезды, грозные как небеса, и вооруженные с головы до ног, выстроились по своим лагерям по эскадронам и тысячам и направились на место, где должен был быть произведен смотр.

Долина эта, несмотря на ее обширное протяжение, казалась тесной из-за многочисленности воинов, которые ее заняли и покрыли своими многочисленными рядами.

При каждом корпусе, который проезжал Тимур, командующие преклоняли перед ним колена и, предлагая в дар лошадь, выражали ему искрено и преданно свои пожелания и молитвы за благоденствие его царствования.

Тимур со своей стороны выказывал свое царственное благоволение, удостаивал их похвальными словами. Смотр этот продолжался два дня, с утра, когда солнце проходило лазурный бег небес, до вечера, когда повелитель небесных сфер производил смотр легиона планет. Войска стояли на красивой равнине Ак-Жар. Затем ударили в литавры и, испустив великий военный клич [сурюн], спешились.

ТИМУР ОТПРАВЛЯЕТ МИРЗУ МУХАМЕД-СУЛТАНА В АВАНГАРД

Этот могущественный завоеватель, раздав различные награды и оказав знаки благоволения генералам и начальникам своей армии, выразил желание отправить авангард [манглай]. В этот же момент великодушный мирза Мухамед-султан Бехадур, став на колени перед своим отцом, попросил назначить его во главе этих легких войск. Этот порыв храбрости и смелости со стороны молодого принца бесконечно понравился Тимуру, который согласился на его просьбу и доверил ему командование авангардом. В то же время он доказывал ему выгоду, которую он ему преподносил, осыпая его нежностью и давал ему инструкции.

Искусные астрологи избрали самую попутную звезду и наиболее благоприятное созвездие для его от'езда. Тимур приказал ему назначить канун пятницы 7 последнего месяца джумади [12 мая] и отправил его в сопровождении знаменитых генералов своей армии. До сих пор не было никаких сведений о неприятелях. Принц и эмиры к концу двух дней пути прибыли к стойбищу, где в пяти или десяти направлениях были разведены костры, которые еще полностью не догорели. Сейчас же уведомили императора, который приказал взять опытных проводников, чтобы найти направление, по которому пошли те, которые развели эти костры. Он посоветовал в то же время авангарду быть в полном ведении расположения армии, поступать осмотрительно и никогда не позволять себе малейшей небрежности.

Как только высочайший приказ был получен счастливым принцем и знатными эмирами его свиты, они поспешили им руководствоваться и днем и ночью производили усиленные походы, чтобы выяснить положение. Пройдя к реке Тоболь, они ее перешли, и аванпосты дали сведения, что они увидели огни в 70 разных местах и старались достать сведения по этому поводу, но ничего не нашли. Сведения эти были пересланы Тимуру, который, как только эти известия достигли его ушей, двинулся в поход и поспешил с полной быстротой. Когда достиг реки Тоболь, он нашел там брод, поврежденный проходом войск авангарда, и приказал солдатам достать дрова и хворост, чтобы привести брод в должный порядок. Могущественный монарх перешел реку со своею победоносной армией и присоединился к авангарду. Его значительные отряды изъездили всю долину и степь на своих проворных скакунах, не встретив никакого следа и не получив никаких новостей о враге, и все те, которые отваживались в этих обширных степях для нахождения языка, пребывали там без всяких результатов. Тимур, вдохновленный своим добрым роком, приказал призвать шейха-Дауд-Туркомана и отправить для обследования с другим небольшим отрядом храбрых воинов.

Это был храбрый и исполнительный воин. Он вырос в степях и этих песчаных пустынях, где испытывал большие затруднения при выполнении важных поручений и переносил там по времени года жар и холод. Со своим отрядом он уехал в силу полученного приказа. Он продвигался вперед усиленным маршем в течение двух дней и ночей. На второй день он встретил несколько лачуг кочевников, за которыми

он засел в засаду с другими храбрецами. С рассветом они увидели выходящим из шалаша всадника, отправленного для каких-то дел и ждали, что будет. Они за ним погнались, схватили его и привезли к Тимуру. Он принял их благосклонно и наградил шейха-Дауда ценными подарками, достойными короля. Он ему между прочим дал золоченую портупею для его колчана и особый халат. Затем он у пленника спросил сведения о Тохтамыш-хане. Пленник ему ответил: «мы уже около месяца как оставили его землю и проживаем в этой местности, не имея никаких сведений о хане. Но прошло уже несколько дней, как мы увидели прибывших десять всадников-кольчужников, которые находятся в лесу, расположенном в нашем соседстве; мы не знаем, кто эти люди». Тимур отправил Айт-ходжу с тридцатью лошадьми занять их помещения и жителей лачуг привести к нему. Приказ этот был немедленно исполнен, и император отправил эсаула Кумари с двадцатью всадниками, чтобы постараться забрать в плен этих десять человек, которые находились в лесу. Вследствие этих распоряжений Кумари направился к этому лесу, где был встречен десятью всадниками с оружием в руках, с которыми он вступил в бой; из них некоторые были убиты, а другие пленены. Последние были приведены к подножию трона и Тимур, узнав из их показаний известные данные о Тохтамыш-хане, приказал армии сняться с лагеря. Они быстрым походом, пройдя несколько рек и озер, прибыли в понедельник 24 последнего месяца джумади [29 мая 1391 г.] на берег реки Иик [Яик]. Один проводник сказал Тимуру, что река эта имеет три прохода, из которых один называется Айгыр-Жал, второй — Бура-Кешти и третий, который был самым меньшим из всех — Жайма-Кешти. Император, просветленный дух которого служил очагом правды и мудрости, сказал, что не стоит проходить эти мелкие места в брод, так как могла быть возможность, что там может быть устроена засада; более благоразумно было бы подняться вверх по реке и оттуда ее переплыть, полагаясь на всевышнего, который охраняет и помогает смертным. Они немедленно поднялись вверх по реке, и конница, а также и пешие, бросаясь в реку со всех мест, перешли ее вплавь. В течение двух полных дней армия, полностью сохраненная, совершила переход по этой быстрой реке, и к концу шестидневного усиленного похода они прибыли к реке Семур. Передовые посты победоносной армии, составлявшие авангард, услышав шум, производимый неприятелем, известили немедленно о том Тимура. В тот же момент мирза Махмуд-султан захватил пленника и доставил его ко двору Тимура, который получил сведения о передвижении Тохтамыша; пленник сообщил, что большая часть орды собрана была в этом месте, но, получив сведения о приближении армии Тимура, она откочевала. По точным сведениям узнали, где находится неприятельская армия. Император опубликовал очень строгий дневной приказ [ярлык], по которому было запрещено отдаляться от своей тысячи и своего эскадрона [кошун]. Он в то же время издал приказ по войскам не разводить по ночам огней. Потом император построил свою армию, которая выступила в поход корпус за корпусом. Когда императорские войска стали лагерем в окрестностях реки Иик, Тимур утром в понедельник первого реджеба [4 июня 1391 г.], сел в седло и, сопровождаемый благополучием и счастьем, отправился к мосту, где дано было приказание аван-

гарду совершить переход, и ждал там, пока прошли все войска. Правый и левый фланги бросились в воду с мест, где находились, а он сам, пройдя через мост, пустился в путь. Тем временем передовые посты достали трех пленных, которых забрали и у которых император потребовал новостей. Они ему ответили: «Тохтамыш не знал о приближении ваших войск, но двое слуг Эдиге, которые бежали из вашего лагеря, разыскали его и передали ему сведения о вашем походе и сказали ему, что вы идете с армией более многочисленной, чем песчаник в песках пустыни и листья на деревьях. Узнав об этом, Тохтамыш-хан охвачен был таким огнем ярости, что дым проник в его мозг. Он с гневом сказал: «Я так же соберу армию в два раза многочисленнее, чем армия моего врага», и, немедленно разослав приказы во все стороны, собрал войска, которые составляют его правый и левый фланги. В настоящее время он стоит лагерем у Кырк-Куль и все продолжает требовать войск».

...Тохтамыш-хан предполагал, что Тимур по прибытии на реку Иик перейдет ее по обычным дорогам; поэтому он укрылся в засаду, чтобы выждать удобного случая и наблюдать за различными дорогами. Тимур, вдохновленный божественностью и сопутствуемый небесами, предвидел эти намерения и перешел реку в верховьях, откуда он пришел к этим местам. Ум его, постигавший величайшие затруднения, охватил одним взглядом маневры Тохтамыша; он задержался в этом лагере, пока не пришла вся армия и, построив правый фланг, а равно и левый, приказал приготовить сети и частокол, протянуть веревки вокруг императорского лагеря, разделить его на несколько отделений и, наконец, чтобы войска выкопали рвы вокруг него. Приказ этот был выполнен. Были приняты все необходимые меры и ночь провели в этом месте.

На следующий день опять они отправились в путь и продолжали поход, принимая в каждом лагере те же предосторожности. Император требовал к себе начальников своей армии и вновь оказывал им признаки своего благоволения и милости, раздал им богатые халаты и дал, равно как и солдатам, согласно рангу — панцыри.

Продолжая путь по громадным болотам и проходя их с большим трудом и утомляясь, делали при некоторых из них привал. В тот же день аванпосты нарочным донесли сведения, что появилось три эскадрона [кошуна] неприятеля. Позднее опять донесли, что за эскадронами другой корпус войск. Тимур сел на лошадь и приказал армии выстраиваться в боевом порядке и выступить в поход, когда он сформирует правый и левый фланги. Во время этих приготовлений разведчики привели пленного, которого они захватили у неприятеля, и после того, как они получили от него необходимые сведения, с ним поступили по закону ясака. Суинджик-Бехадур и Аргун-шах были посланы вперед, чтобы собрать сведения о неприятельской армии. В момент, когда они двинулись вперед по врученному им императорскому приказу, показавшиеся раньше войска исчезли и они не смогли открыть малейших их следов, несмотря на тщательные розыски и предпринятые ими активные действия по этому поводу. Когда они вернулись в лагерь, император дал такое же поручение Мубаширу Бехадуру и приказал ему ни в коем случае не возвращаться без вестей о неприятеле. Этот началь-

ник отбыл со всей поспешностью с несколькими храбрецами и прибыл в джунгли, где вдали увидел дым. Обратив на это серьезное внимание, он даже услышал голоса и послал кого-то осведомиться и обследовать позиции неприятеля и узнать, был ли он силен. Когда он убедился, что это был целый корпус армии Тохтамыша, он выстроил свои войска в боевой порядок и обрушился на них. Божественная милость без замедления сопутствовала защитникам монарха и в этом случае им покровительствовала, и храбрый отряд взял верх над его соперниками; в их руки попало сорок пленных, которых они повергли к стопам императорского трона.

Его величество почтил Мубашира всеми видами царского благоволения и милости, почтил тех, которые его сопровождали, милостиво с ними обошелся и роздал деньги. Затем его величество потребовал от пленников сведения о Тохтамыш-хане, и они ему ответили, что этот принц объявил приказ между своими войсками, чтобы собраться у Кырк-Куль. «Мы туда прибыли, ответили они, но мы там никакого Тохтамыш-хана не нашли и никак не могли понять причины, из-за которой он нас там не встретил. Вот почему мы пришли в пустыни и топи, где очутились в несчастной возможности сделаться пленниками». После того, как получился их ответ, раздраженный монарх приказал их убить. Тем временем к нему привели раненого сына Мамака. Он преклонил колени пред его величеством и сказал: «Я выехал из Сарая, чтобы соединиться с ханом, но я его не нашел на месте свидания и не знаю его дальнейшее направление похода». Могущественный завоеватель мира отправил в качестве разведчика Джелаля, сына эмира Гашида, а также Надила-тархана, Мевля и Саин-Тимура и других храбрецов, которым дал приказ показаться неприятелю, как только они заметят его отряд, и отступить в бегстве, если, во всяком случае, они будут многочисленны, в общем—обмануть их и заставить выступить вперед. Император к тому добавил, чтобы дали ему скорее известие обо всем том, что будет происходить. Эмир Джелаль, как и другие, сопровождавшие его эмиры и храбрецы, после приказа двинулись в поход; как только переправились через топи и реки, заметили громаду неприятельской армии, от которой отделились пятнадцать человек, направляясь навстречу к ним. Саин-Тимур со своей стороны направился к ним и вернулся после того, как с ними поговорил. Мевля поспешил к его величеству, чтобы известить его, что произошло. Он отправился с быстротой молнии, прибыл и изложил перед императором происшедшее.

АВАНПОСТНЫЙ БОЙ И СМЕРТЬ ЭМИРА ИКУ-ТИМУРА

Получив это известие, могущественный монарх приказал эмиру Ику-Тимуру и его храбрецам выступить вперед и разузнать все о неприятеле, убедиться в его расположении и точно узнать, пришел ли он в большом числе, или в незначительном. Между прочим, им посоветовал действовать при всех обстоятельствах с наибольшей осторожностью и предусмотрительностью. Этот знатный эмир поспешил действовать согласно приказу, который он получил, и немедленно выступил. Он прошел топи, пересек две реки и присоединился к эмиру Джелалю-Хамиду и к другим разведчикам.

Когда он уже был поближе, он увидел группу войск, размещенных на возвышенности и наблюдавших за происходящим. В тот же момент он направил в их сторону отряд храбрецов, искусных бойцов с мечами. Неприятель, заметив их прибытие, отступил и сошел с возвышенности, а на его месте разместились эти разведчики. Они увидели с другой стороны этого возвышения тридцать эскадронов всадников, вооруженных с ног до головы, покрытых кольчугами, выстроившихся в низине, совсем готовых к бою, выжидая благоприятного случая. Как только они их заметили, остановились и послали извещение эмиру Ику-Тимуру, который немедленно двинулся и взобрался на возвышенность для наблюдения за врагом. Так как последний был силен, эмир этот не решался пока начинать бой и полагал, что будет благоразумнее потихоньку перейти через реки. Вследствие этого он приказал войску переправляться через реки, а сам остался с несколькими людьми в арьергарде.

Неприятель, заметив, что он далеко от всякой помощи и что дороги были перерезаны множеством протекающих вод и топями, атаковал Ику-Тимура, который по своей врожденной смелости и крайнему хладнокровию боролся с ними на твердых ногах, задержал несколько эскадронов, пуская в них стрелы, которые пробивали железо. Он выказывал столько храбрости, как вся победоносная армия. В это время судьбе было угодно, чтобы лошадь его была задета стрелой и чтобы он сам был ранен. Несмотря на рану, он на этой же лошади переехал воду и, так как лошадь была обессилена, она пала, и ему подали другую, чтобы он на нее пересел; он еще не был в седле, как пущенная неприятельская стрела настигла лошадь; было ясно, что нет возможности отвратить смерть, посылаемую богом, его лошадь стала добычей смерти. Враги, напав на него, окружили его сильной толпой, и этот знаменитый герой, хотя и спешенный, продолжал бороться. Честь и великая храбрость воодушевляла и поддерживала его, чтобы не отказаться от боя до тех пор, пока неприятели, не узнав его, убили его.

Видя, что Тохтамыш-хан никак не ожидал прибытия его победоносных войск, тогда как передовые отряды неприятельской армии появлялись каждый день и опять отступали, исчезая в этой обширной пустыне, его величество после совещания с принцами, своими сыновьями, и с ноянами дал мирзе Омар-шейху приказ предстать [пред ним] с двадцатью тысячами всадников и выступить со всею поспешностью, чтобы настигнуть Тохтамыша и постараться его силой остановить.

...В понедельник 15 реджеба 793 г. [18 июня 1391 г], который соответствует году овцы, победитель мира, увидев, что к концу шести дней плохая погода начинает проясняться, соизволил лично заняться выстраиванием армии к бою в местности под названием Кондурча. Он разделил ее на семь корпусов по небывалой системе, не имевшей до сего времени примера.

...Выстроив большой боевой корпус, Тимур поставил во главе его принца Мухамед-султана и прикрыл различные фланги бойцами, которые были способны сразить львов и привычны к отражению врагов. Он отобрал двадцать эскадронов между храбрецами армии и самых порывистых воинов, составив из них свою личную охрану.

...Он обосновался сзади большой армии, чтобы в момент необходимости броситься ей на помощь, когда огонь сражения разгорится и когда герои двух сил будут в схватке. На правом фланге он выстроил другой [сводный] корпус.

...На левом фланге Тимур выстроил другую дивизию, возглавляемую Омар-шейхом, с группой храбрецов.

...С противной стороны появились разведчики неприятельской армии. Тохтамыш выставил на вид великолепие своего центра и своих двух флангов, поместив там принцев рода Джучи. Тимур приказал своим войскам спешиться и поставить свои палатки.

Когда обе армии были выстроены на виду друг против друга, неприятельская армия как с правого фланга, так и с левого направила несколько эскадронов [кошун] на кошуны Тимура.

...Отважные и храбрые войска, против которых неприятельские ряды не могли устоять, с криком «велик бог» высоко подняли знамя империи и знамя ислама. Повсюду били в большие и малые литавры, и барабаны оглушали вселенную военным криком сурен [атака]. Духовник Тимура, потомок пророка, Сайд-Береке, выступил вперед, обнажил голову, помолился богу, прося о даровании победы, прочел стих из Корана, взяв горсть земли, бросил ее в сторону врага, произнеся проклятие. Затем обратился к Тимуру и сказал: «направь свой удар, куда пожелаешь, тебе сопутствует победа».

Богатыри обеих армий бурей схватки раздули огонь битвы, и возгорелось пламя смерти и истребления.

...Принц Мухамед-султан выступил против огромного боевого корпуса, потеснил центр Тохтамыша в то время как Омар-шейх, — этот лесной лев храбрости, во главе левого фланга, сверкая своим разящим мечом в своей мужественной руке, повергал в прах жизнь врагов, давая многочисленные примеры своей храбрости и смелости, сокрушая всех тех, кто выступал против него, и обращая их в бегство.

...Все генералы и начальники победоносной армии доходили до рукопашной с войсками противника и залили из конца в конец песок этого пустынного поля битвы кровью неприятелей, щиты и шлемы которых были разбиты и разорваны на груди и на их телах стрелами, копья и палаши которых были переломлены. Головы, более гордые, и шеи начальников были разможжены ударами тяжелых палиц или схвачены петлями.

Тохтамыш-хан, видя что упадок духа схватил его войска, чувствуя себя не в состоянии противостоять против обладателя созвездия счастья, повернул повод в сторону принца Омар-шейха, но он нашел его войско хорошо построенным и в полном порядке и сейчас же оставил их, чтобы направиться против корпуса Шейха-Багадура и его десяти тысяч племени Сулдуз, с которыми он вступил в бой во главе множества своих эмиров и храбрецов. Шейх Тимур-Багадур и его десять тысяч выставили бесстрашно свои головы против града стрел и, решившись пожертвовать своей жизнью, ничуть не дрогнув, атаковали без замедления неприятеля ударами мечей и дротиками. Между тем эти последние пробились через массу солдат рода Сулдуза, выбрались в тыл и стали выстраиваться. Принц Омар-шейх, который сиял, как солнце на небесной тверди храбрости и смелости, заметив это поло-

жение, немедля ни одной минуты отделился от главной армии с несколькими частями войск и отправился против Тохтамыш-хана, выставив вперед щиты и заграждения.

Возгорелся огонь битвы. В этот момент могущественный Тимур был занят преследованием войск своего противника, который от него бежал. Чеке-Тевячи прибыл дать ему сведения о том, что Тохтамыш, пройдя несколькими эскадронами мимо победоносной армии, занял сзади них позицию. Тимур был еще погружен в свои размышления; затем пришли от части принца Омар-шейха, извещая ему ту же новость. Этот победоносный герой повернул повод с толпой храбрых против врага, и Тохтамыш, как только заметил победоносное знамя своего соперника, не в силах был более устоять твердо на ногах. В отчаянии при мысли о возможности потерять трон и корону, он умыл слезами свои руки и почувствовал, что теряет власть и царство. Страх потерять жизнь лишил его самообладания и он предпочел бегство сопротивлению.

Когда улус Джучи, полностью пораженный, был рассеян и обратился в бегство, эти принцы, Кунча-Оглан и Тимур-Кутлук из орды Джучи, равно как и Эдиге, пришли преклонить колено на ступенях императорского трона и обратились к Тимиру со следующими словами: «Если ваше величество соизволит приказать, мы пойдем, как верные слуги, собрать свою орду, чтобы привести их сюда».

Его величество соизволил согласиться с их предложением и приказал выдать каждому из них грамоты покорности [ярлыки], гласящие, что никто в мире не посмеет их тревожить, равно как и жилища их и людей их, а также взыскивать с них налоги. Получив эти грамоты, они уехали радостные и удовлетворенные на поиски своих улусов.

Тимур-Кутлук разыскивал, собирал свой народ и приводил его в порядок. Приятный, мягкий климат заводил в его мозгу тщеславную мысль царствовать над улусами Джучи. Он забыл свои обязанности пред Тимуром и не выполнил своих обещаний и ушел в степь со своим народом. Так же Эдиге, когда он нашел своих и когда он увидел себя во главе многочисленного народа, разорвал свое лицо преданности когтями и ушел в другую сторону.

Кунча-Оглан, найдя и восстановив часть своего народа, и, как почтенный особой благосклонностью и тесной дружбой с принцем, вернулся к Тимуру согласно обещанию.

Победоносные войска Тимура были обременены такой многочисленной добычей, что положительно невозможно описать. Обыкновенные простые люди, следовавшие с лагерем императора и которые с трудом доставали себе дневное пропитание, собрали так много лошадей и овец, что к моменту возвращения к своим очагам они не были в состоянии забрать их с собой: некоторые гнали их пред собой, а другие просто бросали их на дороге. Число молодых рабов и рабынь, которые были предназначены для службы при дворце Тимура, достигло пяти тысяч.

...Кочевники этих необъятных степей живут обычно в переносных палатках, которые они собирают и перевозят в телегах, когда меняют

свое место жительства. Все эти палатки попали в руки победоносных войск Тимура.

Когда прибыли на реку Иик, Кунче-Оглан, который являлся уроженцем этой степи, из любви к родине бежал со своим народом от Тимура. Когда прошли Иик, его величество, оставив со своим багажом эмира Хаджи-Сейф-уд-дина, а также и других эмиров, выехал прежде других и, сославшись на покровительство всевышнего, проскакал все станции и остановки этой степи, полной опасностей, доехал до Саурана в течение месяца дзилкаде 793 г. [октябрь 1391 г.] и прибыл здоровым.

Продолжительность этой славной экспедиции была одиннадцать месяцев. Вся долина и деревни этой страны были покрыты войсками и животными, что было остатком богатой добычи этой войны. Великодушный монарх соизволил распределить по чину старшинства всем принцам крови, дамам двора, духовенству, начальникам и старшинам царства молодых рабов и рабынь, а также лошадей и овец, которые были плодами этого блестящего похода.

(Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg, VI-me série, III, 173 — 243, Шерафеддин).

В 792 году Эдиге, по происхождению узбек, главарь ногайских родов, являющийся одним из главарей над начальниками левого фланга и министров, а также советник, способный в деле управления государством Тохтамыша, учуяв опасность с его стороны, бежал и приехал к Тимуру, поцеловал землю перед ним и осведомил его о своем положении. Уговорил его [Тимура] предпринять поход в сторону Тохтамыш-хана, сказав ему: «ты хочешь покорить дальние страны, представляющие большие трудности, серьезные опасности, а эти [страны Тохтамыша] — богатая и даровая добыча, собственность вашего величества, и достать ее очень легко: собери силу, выступай решительно и усердно, а я ручаюсь за успех в этом деле; нет крепостей, которые препятствовали бы тебе, нет войска, могущего противостоять тебе. Они люди жалкие, ничтожные и ходячая добыча».

Продолжал Эдиге поощрять Тимура на это дело, употребляя все возможные хитрости, чтобы уговорить его выступить против Тохтамыш-хана. Тимур отправился из Ташкента с бесчисленным количеством войск, в месяц сафара 793 года. Сопутствовали ему Тимур-Кутлук-Углан, сын Тимур Мелик-хана, Кунче-Углан — все враги владетеля Дашти-Кипчака — Тохтамыш-хана. Вторгнулся Тимур далеко внутрь страны Дашти, шел месяцами, пока не встретился с Тохтамыш-ханом на границе страны севера, которое есть государство болгаров. Завязалось между двумя войсками сражение, подобного которому никогда не было и которое продолжалось около трех дней. Затем рассеялась пыль; войска Тохтамыш-хана отступили. Рассыпались войска Тимура по стране Дашти, хозяйничали над всеми людьми и над имуществом их.

Дело было так: Тимур еще раньше прислал людей к главарям войска Тохтамыша, чтобы они играли на руку ему. В день сражения они обещали сделать так и сговорились на этом. Когда встретились обе

стороны на поле битвы, те ушли со множеством людей и за ними по следам другие изменники и заблужденные. Все это расстроило войска Тохтамыша и принесло поражение.

В девяносто седьмом году сообщили Тимуру о возвращении Тохтамыш-хана, государя Дашти-Кипчака, в Сарай.

Тимур отправился назад [из Самарканда], поехал в Сарай и отнял власть у Тохтамыш-хана.

Убежал Тохтамыш в страну болгар, а за ним вторгнулся Тимур...

(Там же, 357—360, Абумухаммед Хусайн).

ТОРГОВЫЙ ПУТЬ В АЛМАЛЫК ОКОЛО 1340 г.

С Сарайчика до Ургенча 20 дней на телегах верблюдами. Для купца выгодно ехать через Ургенч, ибо там всегда хороший спрос на товары. С Ургенча до Отрара 35—40 дней на телегах верблюдами. Но с Сарайчика прямо до Отрара только 50 дней и если вы без товаров, то лучше так ехать, чем через Ургенч. С Отрара до Алмалыка 45 дней на вьючных ослах и каждый день встретите монголов (вооруженных людей)...

Своей бороде дайте расти и не брейтесь. В Тане возьмите себе переводчика, а именно хорошего, не щадя средств, ибо эти затраты хорошо оплачиваются. Кроме того, возьмите себе не менее двух слуг, знающих куманский язык... Дорога с Таны до Китая вполне безопасна даже ночью согласно сообщений купцов, ездивших туда. Только в случае, если купец умрет, то его имущество принадлежит владельцу страны, где он умер, и его люди захватывают ее. Так и в Китае. Но если с купцом едет его брат или хороший знакомый, который может выдаваться за брата его, то имущество умершего выдают последнему и так его можно спасти. Другая опасность такая: если владетель страны умер и новый еще не провозглашен, то бывают выступления против франков и других иностранцев. До провозглашения нового владетеля дорога будет опасна.

...Кто туда хочет ехать из Генуи или Венеции, должен взять с собой полотно и продать его в Ургенче, там же брать только серебро и может быть немножко самой лучшей и легковесной материи.

(Юль, II, 284).

VI.

КАЗАКСКОЕ ХАНСТВО

(XV—XVII вв.)

I. ПО МУСУЛЬМАНСКИМ ИСТОЧНИКАМ

К этим трем векам в сборнике относятся девять источников, охватывающих события с 1456 г. по 1627 г.

1. «Тарих-и-Рашиди», известного на мусульманском Востоке Мухаммед-Хайдера. О нем Вельяминов-Зернов сообщает, в основном следующее:

Мухаммед-Хайдер происходил из рода дулат и принадлежал к знатной семье, находившейся в брачном союзе с царствующим домом. Дулаты — один из древних и многочисленных тюркских родов, во второй половине XVI в. они присоединились к казакам, распространившись от Алтын-Эмельских гор до г. Чимкента.

Мухаммед-Хайдер родился в 1500 г. и после смерти (1508 г.) своего отца Мухаммед-Хусайна, убитого по приказанию узбекского хана Шейбани, одно время жил у своего двоюродного брата, с материнской стороны, знаменитого Султан-Бабура-Темурида, владетеля Ферганы и впоследствии основателя империи Великих Моголов в Индии. Затем в 1512 г., тринадцати лет от роду, он отъехал к другому двоюродному брату своему, Султан-Саид-хану моголистанскому; около двадцати лет оставался при нем, был женат на его родной сестре, был ханским советником, принимал участие в его походах против узбеков, казаков и др. и был очевидцем многих происходивших тогда в Средней Азии событий. Вскоре после кончины Султан-Саид-хана Мухаммед-Хайдер, опасаясь опалы со стороны нового хана Султан-Рашида, удалился с частью своего рода в Индию к другим своим родственникам — сыновьям Бабура, при помощи их овладел Кашемиром, присоединил Тибет и умер там почти независимым правителем в 1551 г. Исторический труд Мухаммед-Хайдера, названный им в честь преемника Султан-Саида Рашид-хана — «Тарих-и-Рашиди», излагает историю дома Тоглук-Тимура, потомка Джагатая, сына Чингиз-хана, до первых годов царствования Рашид-хана. Как писатель и художник Мухаммед-Хайдер пользовался большой известностью: о нем упоминает сам Бабур в своей «Бабурнаме», на его авторитет ссылаются многие мусульманские авторы.

«Тарих-и-Рашиди», изложенная автором на персидском языке, не составляет редкости на Востоке, она распространена в Кашгаре и в Индии, на кашгарское наречие она переведена Мухаммед-Садыком Кашгарским, жившим там в XVIII веке. Царской России она была мало известна, всего два экземпляра хранились в Петербурге — один на персидском языке в университете, а другой на кашгарском языке — в Азиатском музее Академии наук.

Некоторые главы с персидского подлинника были переведены на русский язык ориенталистом Вельяминовым-Зерновым и помещены в его труде «Исследование о Касимовских царях и царевичах» (часть II-я, СПБ, 1864 г.). К сожалению, исследователем пропущена глава, дающая географическое описание страны Моголистана, в состав которой в то время входили нынешние Южно-Казакстанская область, долина рр. Чу и Таласа (среднее и верхнее течения) и вся нынешняя северная Киргизия. За Сайрам и Ташкент постоянно шла борьба между чагатаидами и тимуридами, позднее в нее включились узбеки и казаки.

Мухаммед-Хайдер в своем очерке сообщает много сведений о казаках, обнимающих период времени от 1456 до 1537 г. н. э. Именно эти сведения мы помещаем в нашем сборнике, заимствуя их, за отсутствием подлинника, из указанного труда Вельяминова-Зернова.

Места, не имеющие прямого отношения к казакам, опускаем (пропуски обозначены многоточием). В переводе указываются две даты: первая мусульманская, а вторая — нашей эры.

2. «Тарих» [История] Махмуда Шараса, современника Шейбани-хана, взята из рукописи узбекского историка Салеева, предоставленной им в распоряжение составителям настоящего сборника.

3. Хондемир, сын великого персидского историка Мирхонда, составил, кроме сокращенного издания труда своего отца, собственную книгу по всеобщей истории. Отрывки взяты из Вельяминова-Зернова.

4. «Мехмана-наме-и-Бухара» Руэбахани, тоже современника Шейбани, взята из рукописи Салеева.

5. «Зубда-Туль-Асар» Насруллахи, на персидском языке (из рукописи Салеева).

6. «Абдулла-наме» Хафиза Таныша, на персидском языке. Написана современником бухарского хана Абдуллы (умер в 1598 г.). Отрывки взяты из Вельяминова-Зернова.

7. «Тарих-и-алям-арай-Аббасы» Искандера Мунши, тоже современника Шейбани. Отрывки взяты из Вельяминова-Зернова.

8. «Шаджараи-тюрк». Автор — известный Абулгази Багадур султан, хан хивинский (1644—1664). Он начал писать свою историю после отказа от престола (1663), после его смерти (в 1664 г.) она была закончена его сыном. Труд Абулгази написан на узбекском языке и переведен на русский Саблуковым. Отрывки взяты из этого перевода (Казань, 1906 г.), за исключением последнего отрывка, который переведен нами из чагатайского издания Демезона (СПБ. 1871 г.).

9. «Сборник летописей», написанный в начале XVII в. на казакском языке казаком из рода «джалаир»; имя его не известно. Перевод на русский язык сделан Березиным.

У первого и пятого источника имеется общее место, а именно рассказ о поражении Шейбани-хана Каким-ханом: о нем другие авторы умалчивают. Показание Насруллахи — более подробное. Шейбани-хан перед войной с персами из стратегических соображений хотел нанести удар казакам, ослабить их, пополнить за их счет продовольственные запасы своей армии. Но случилось обратное: в конечном счете он сам потерпел урон, что послужило причиной катастрофы под Мервом в 1510 г.

О лицах, месте и времени битвы Рашид-хана с казак-киргизами существуют различные мнения: из рассказа Шараса видно, что ханом у казаков

в то время был Хак-Назар и что он погиб, что не вяжется с позднейшими событиями, так как имя Хак-Назар-хана фигурирует в показаниях Хафиз Таныша под 1580 г., тогда как сам Рашид-хан, победитель при Эмели, умер в 1559 г. Совершенно очевидно, что погиб не Хак-Назар, а кто-нибудь другой из казакских ханов.

Некоторые источники сообщают, что узбеки и монголы предпринимали священные походы (газават) против казаков и киргизов. Повторилась старая история. Все кочевники-тюрки в предшествовавшие эпохи по приходе и воцарении в Мавараннахре и Хорезме, принимались яростно защищать новую родину от последующих волн кочевников, даже от своих сородичей; с принятием ислама эти войны назывались «священными», но это не изменило их характера.

Сообщения Рузбахани весьма интересны. Он дает сведения о тогдашнем хозяйстве казаков, хотя несомненно преувеличил степень их богатства. Кочевка на арбах, большой радиус и длительность кочевания, наличие крупного рогатого скота в большом количестве и стоянка в зимнее время на Сыре — показывают вполне сложившееся кочевое хозяйство в пустынестепи Казакстана, а также то, что рогатый скот вовсе не был ненужным элементом в этом хозяйстве. Заслуживает внимания то обстоятельство, что борьба за Ташкент закончилась в пользу казаков: в 1598 г. они захватили его и удержали, с перерывом в начале XVIII в., до 1798 г.

В источниках встречаются географические названия: Дашти-Кипчак, под которым разумелись степи от Балхаша до Крыма и от Иртыша и Урала до Хорезма и Каспия; Узбекистан (Старый) — степи к югу от Арало-Иртышского водораздела (Сары-Арка) до Сыр-Дарьи, ниже нынешнего Яны-Кургана; Моголистан — нынешняя Алма-Атинская область, северная Киргизия, иногда входили в нее и Ташкент, Сайрам и Талас; Хорезм — низовье Аму-Дарьи; Мавараннахр — нынешний Узбекистан с Таджикистаном; Туркестан — страна, лежащая между р. Арысь и Саганаком.

Рузбахани по старой традиции Туркестан называет провинцией Китая. В первые века нашей эры, после распадения державы хуннов, Китай распространил свое влияние на страны Средней Азии, в том числе и на Туркестан, где народ кангюй признал над собою протекторат Китая. Все правители ежегодно посылали китайскому императору в виде дани различные дары. Даже сам Тимур, по старой традиции, время от времени посылал в Пекин дары в виде нескольких белых лошадей, которых там принимали как дань. Арабские авторы все страны, лежащие к северу от Аму-Дарьи, называли Син—Китай.

...В это время (около 860=1456 г.) Абул-Хаир-хан владычествовал в Дашти-Кипчаке; султанам джучидским приходилось от него очень плохо и двое из них, Джанибек-хан и Гирей-хан бежали в Моголистан. Иса-Буга-хан принял беглецов хорошо и отвел им край Джу и Козы-баши, который составляет западную окраину Моголистана. Там они зажили спокойно. После смерти Абул-Хаир-хана улус Узбекский пришел в расстройство; начались в нем большие неурядицы. Тогда множество народа откочевало к Гирей-хану и Джанибек-хану, так что число собравшихся около них людей возросло вскоре до двух-

сот тысяч; звать их стали узбеками-казаками. Эпохой, с которой началась собственно власть султанов казакских, надобно считать год 870 (1465—6); впрочем бог лучше знает. Затем, в продолжение времени до 940 (1533—4) года... казаки владычествовали в большей части Узбекистана. После Гирей-хана ханом сделался Бурундук. Потом ханом был сын Джанибек-хана, Касим. Он распространил власть свою над Дашти-Кипчаком, подданных у него было более миллиона, никто после Джучи-хана и не был в том краю так могуществен, как он. Ему наследовал в качестве хана сын его Мамашь, после которого ханом сделался его (Касима) племянник, Тагир. При Тагир-хане казаки потеряли свое значение. После Тагира был ханом брат его Буйдашь. Во время Буйдашь-хана... казаков уже было не более двадцати тысяч... После 940 (1533—4) года нестало и Буйдаша, и вслед за тем казаки совершенно исчезли. Заметить следует, что начиная с Иса-Буга-хана до времени Рашид-хана монголы и казаки жили постоянно в мире между собою...

Бабур-падишах, овладев (в 917 = 1511 г.), Мавараннахром, перепоручил Ташкент эмиру Ахмед-Касиму-Кугберу..., а Сайрам—брату его, Кете-бику. Когда падишах из Самарканда бежал в Хисар (в начале 918 = 1512 г.) узбеки, на досуге обложили Ташкент. Положение осажденных сделалось под конец отчаянным; ночью они прорвались сквозь неприятельское войско и бежали. Узбеки были даже рады этому случаю; они не преследовали бежавших и удовольствовались занятием города. Эмир Ахмед-Касим сначала ушел в Андижан к хану, а оттуда отправился в Хисар к падишаху. Что касается до брата его, Кетебика, то он укрепился в Сайраме. Выйти ему не было никакой возможности, и он всю зиму просидел в большом страхе...

В начале весны Кетебик прибегнул к Касим-хану, передал ему Сайрам с отчаяния, чтоб узбеки не взяли города... и, подговорив хана, поднял его на Ташкент. Как скоро речь коснулась Касим-хана, то для большей ясности, нелишне сказать о нем несколько слов.

О КАЗАКАХ, ИХ ВЛАДЕЛЬЦАХ, ПРИЧИНЕ, ПОЧЕМУ ИМ ДАНО ИМЯ КАЗАК, И ИХ ПАДЕНИИ

Властвовал во всем Дашти-Кипчаке Абул-Хаир-хан; некоторые султаны из рода Джучиева, опасаясь с его стороны беды для себя, решили заранее предотвратить ее. С этою целью несколько султанов, Гирей-хан, Джанибек-султан и другие, с небольшою толпою людей... бежали от Абул-Хаир-хана в Моголистан. Страною этою правил тогда Иса-Буга-хан. Иса-Буга-хан принял беглецов хорошо... они нашли себе верное убежище... зажили спокойно. По смерти Абул-Хаир-хана в улусе узбекском начались междоусобия; всякий, кто только мог, уходил ища безопасности к Гирей-хану и Джанибек-хану. Вследствие этого они значительно усилились. Так как сперва они сами, а потом и большая часть собравшихся около них людей были беглецы, ушедшие от своих и одно время скитавшиеся без приюта, то их и прозвали казаками, имя это за ними и осталось. После Гирей-хана власть хан-

ская перешла к сыну его Бурундук-хану. Вышеупомянутый Касим-хан был сын Джанибек-хана. По примеру отца, он был сначала во всем послушен и покорен Бурундук-хану. Кроме Бурундука, у Гирей-хана было еще много других сыновей. Точно также и Джанибек-хан имел детей, кроме Касима. В том числе был Адик-султан за него выдали четвертую дочь Юнус-хана, Султан-Нигар-ханыму по смерти (первого мужа ее), мирзы Султан-Махмуда, сына Султан-Абу-Саид-мирзы. При

Часть карты Дженкинсона. 1562 г.
(из книги Берга «Аральское море»).

падении Ташкента (в 908=1503 г.), когда султан Махмуд-хан и султан-Ахмед-хан, сыновья Юнусовы, были взяты в плен Шейбани-ханом), Адик-султан бежал от Шагибек-хана и ушел к казакам; за ним последовала и Султан Нигар-ханым. Адик-султан около этого самого времени скончался, тогда ханыму взял за себя Касим-хан. После Адик-султана Касим-хан до того усилился, что за Бурундук-ханом осталось одно ханское имя. Под конец Бурундук-хана изгнали; он удалился в Самарканд и умер на чужбине. Касим-хан сделался полным властителем во всем Дашти-Кипчаке, там он был так могуществен, как еще никто не бывал после Джучи-хана: число его войска превышало сто

тысяч. Он умер после 924 г. (1518 г.). Когда его не стало, то между султанами казакскими начались распри. От Касима ханство перешло к его сыну Мамашь-хану, он погиб в междоусобной брани. Ханом сделался тогда сын Адик-султана, Тагир-хан. Так как Тагир был человек чрезвычайно жестокий..., то весь народ, которого было тысяч до... четырехсот, впоследствии вдруг его покинул и разбрелся по сторонам. Тагир остался один среди киргизов...; умер он в самом несчастном положении. Собралось еще тысяч до тридцати... человек в Моголистане, и ханом сделался у них брат Тагир-хана, Буйдашь-хан. Но судьба непостоянная устроила так, что вот уж четыре года, как... от всего этого народа на земле не осталось и следа. (В кашгарском переводе прибавлено: в 930 (1523—4) году казаков было миллион, в 944 (1537—8) же году уже на земле не было из них ни одного человека). Некоторых подробностей о казаках я буду иметь случай коснуться, говоря о хане (Султан-Саиде). Такова вкратце история казаков. (Обращусь теперь к Касиму и к прерванному мною рассказу о его походе на Ташкент). Касим-хан о ту пору хотя не принимал еще титула хана, но власть его уже была так велика, что никто и не думал о Бурундук-хане. Вообще Касим избегал случая кочевать вблизи Бурундук-хана. Причина тому была следующая: кочевать вблизи хана и не оказывать ему должного уважения, значило раздражать его, повиноваться же ему не было ни малейшей охоты. От этого и старался Касим держаться поодаль от хана. В то время, о котором идет речь, Бурундук-хан находился в Сарайчике (в кашгарском переводе слова: «Бурундук-хан находился в Сарайчике», пропущены); Касим-хан же, откочевав от него подалее подошел к Моголистану и зимовал там (в кашгарском переводе сказано: «на Каратале»); с открытием весны он собирался итти к себе назад, как вдруг явился к нему посланный Кетебика в сопровождении знатнейших лиц Сайрама... и поднес ему ключи города... Касим принял предложение Кетибека и двинулся к Таразу, который монголами зовется Яны. Наперед себя он отправил одного из своих эмиров. Кетебик сдав ему Сайрам, поехал к хану и подговорил его итти на Ташкент. Касим двинулся с многочисленным войском. Суюнчук-хан заперся в городе. Касим, подступив к Ташкенту, простоял под ним одну ночь. Затем он ушел, разграбив окрестности города и захватив с собою все, что только мог найти. Подойдя к Сайраму, он занялся приведением в известность ограбленного им имущества и скота...

...Касим-хану в это время [1513 г.] было более шестидесяти лет, лет под семьдесят; хан же [Султан-Саид, хан Могулистана, в это время стесненный узбеками], был в самом цветущем возрасте: ему еще не было тридцати лет. Касим велел извиниться перед ханом, что сам не может выехать к нему на встречу по преклонности лет своих. Всем же султанам своим, из которых нескольким было лет под пятьдесят и шестьдесят, как-то: Джанышь-хану, Бинишь-хану, Мамашь-хану; Джан-Хайдер-султану, Карышь-султану и многим другим, числом до тридцати или сорока человек султанов Джучиева рода, приказал отправиться к хану на поклон. Для Джанышь-хана и Бинишь-хана, которые были гораздо старше, хан встал с своего места..., все же остальные султаны... преклонили перед ним колена, и он принял их сидя... при

представлениях. Касим был до того внимателен к хану, что хан до самой смерти не мог забыть его приветливого обращения. Каждый раз, как представлялся к тому случай, хан, да упокоит господь бог его душу, хвалил Касима и припоминал, как он был с ним любезен... Между прочим, рассказывал он вот что. После первого нашего свидания Касим обратился ко мне с словами...: «Мы, жители степи, у нас нет ни редких, ни дорогих вещей, главное наше богатство состоит в лошадях, мясо и кожа их служат нам лучшею пищею и одеждою... в земле нашей нет ни садов, ни зданий; полюбоваться скотом, который пасется—вот цель наших прогулок; поедем же в табун, поглядим на лошадей и, кстати, проведем несколько времени вместе в приятном сообществе». Когда мы приехали, хан показал мне весь свой скот и сказал: «У меня есть две лошади, которые одни стоят всего табуна». Их привели. Хан часто говаривал потом, что он в жизни не видал подобных лошадей. Касим, когда привели лошадей, обратился к хану и сказал: «Степнякам без коня жизнь не в жизнь, эти два коня для меня — самые надежные изо всех; обоих подарить не могу, но вы, дорогой гость, выберите себе любого, только другого оставьте мне».

При этом Касим описал достоинства обоих лошадей. Хан взял себе одну, ее звали Оглан-Турук,... подобной лошади мне не случалось видеть никогда. Касим отобрал еще из табуна несколько лошадей для хана. Вместе с тем поднес он ему чашу превосходного крепкого кумыза и сказал: «Позвольте мне угостить вас; если вы отведаете, то сделаете мне большое одолжение»... Хан, который незадолго перед тем отказался от употребления всяких крепких напитков, отвечал: «Я уже перестал пить, как же мне изменить моим правилам?» Касим возразил на это: «Я только что говорил вам, что приятнейшим у нас напитком считается кобылье молоко и то, что из него приготовляется; кумыз, который я вам предлагаю — самый лучший, если вы не захотите его отведать и исполнить моего желания, то мне и угостить вас не придется, так что я даже придумать не в стотоянии, чем бы я другим мог почтить вас. Такой дорогой гость, как вы, бывает у меня в доме очень редко, и мне было бы прискорбно чувствовать себя не в силах угостить вас».

Говоря это, Касим, видимо, казался огорченным. Хан, в угоду ему, решился преступить свои правила и выпить кумыз. Касим остался этим очень доволен. Сообщество оживилось. Двадцать дней сряду провели оба хана вместе за чашами кумыза. Лето уже подходило к концу. Казаки, по распоряжению Касим-хана, двинулись на зимовки. Касим объявил хану, что ему теперь итти на шейбанидов трудно. «Казаки, говорил он, как жители степи, должны подумать о зимовках, и предпринимать в это время года поход не следует». Извинившись таким образом, Касим отпустил хана с большим почетом; сам же откочевал к себе домой. Хан, весьма довольный Касимом, возвратился в Андижан. Это было осенью.

...Рашид [наследник могулистанского хана Саида] расположился на Кочкаре. Туда приехал к нему и хан, один, налегке. В средине зимы прибыл Тагир-хан, о котором я уже упоминал в кратком очерке истории казакских ханов. Было решено, что он будет представляться хану;

для этого несколько раз ездили послы от него и к нему. Тагир привез с собою тетку хана Султан Нигар-ханыму. Эта Султан-Нигар-ханым была та самая, о которой я имел случай говорить выше...

...После кончины Касима ханом сделался Тагир-хан, сын Адик-султана. Тагир чрезвычайно почитал ханыму, даже так, что ставил ее выше своей родной матери. Видя это, ханым обратилась к нему с просьбою: «Ты для меня, как сын родной, сказала она, пока ты со мной, мне другого не нужно; но я состарилась и чувствую, что я уже более не в силах оставаться... в Узбекистане. Прошу тебя, отвезти меня к племяннику моему, Султан-Саид-хану, что я остаток дней моих могла прожить в городе и провести спокойно на одном месте... К тому же и вот что: у тебя в Узбекистане из-за мангытов (ногайцев) дела не ладятся: прежде было у тебя людей десять леков, (т. е. 1 000 000), а теперь вследствие войн с мангытами число их уменьшилось до четырех леков (т. е. 400 000); противиться ты не в силах. Я буду хлопотать за тебя и устрою так, чтобы ты с монгольскими государями был в хороших отношениях и бояться бы тебе мангытов было нечего. Тебе от этого польза будет большая». Предложение ханымы понравилось Тагир-хану. Он прикочевал к Моголистану... и представился хану. При представлении Тагира, хан, из уважения к тетке, встал с своего места. «Хотя», сказал он Тагиру, «мне по закону и не следовало бы вставать для тебя с места, но я встаю потому, что ты привез мне дорогую тетку». Тагир подошел к хану по своему обычаю, преклонив голову. Хан был к Тагиру чрезвычайно ласков и милостив. Тут же сговорили сестру его, дочь ханымы, за Рашид-султана. Она до сих пор находится у него. От нее есть и дети. О каждом из них будет говорено в своем месте. При отъезде хана с Кочкара, снова задержали Мухаммеда-Киргиза и, заключив его в оковы, отвезли в Кашгар. Причина была та, что он изменил и стал клониться на сторону узбеков (казаков). Мухаммед получил свободу только по смерти хана. Хан возвратился в Кашгар; меня же оставил в Моголистане, чтобы следить там за ходом дел. Как я не старался, однако ж киргизы не успокоились: они бежали и снова ушли на противоположный конец Моголистана, где и пристали к Тагир-хану; только часть из них осталась...

...Рашид-султан, оставшись (в 931=1525 г.) в Моголистане, расположился (в 932=1525-6 г.) зимовать на Кочкаре. В это время Тагир-хан находился в Узбекистане. Вдруг случились там обстоятельства, которые заставили его итти в Моголистан. Он подошел к самому Кочкару. Половина бывших тут киргизов передалась ему, и он принял их к себе. Видя это, Рашид-султан побоялся Тагира, и в средине зимы бежал с Кочкара на Ат-баши. Узнав о приключившемся, хан (Султан-Саид) сам в конце зимы двинулся на Ат-баши. Не доезжая Ат-баши, на рабате...хан встретился с сыном. Его присутствие и слова успокоили умы. Весною узбеки (казаки) откочевали в восточную часть Могилистана, к Хасу и Кункашу. Киргизам, которые еще были у Рашид-султана... в душе хотелось соединиться с теми киргизами, которые пристали к узбекам (казакам). Хан, чтобы воспрепятствовать им, отправил меня и Рашид-султана. Мы пошли и перевели киргизов с Джумгала и Кочкара на Ат-баши. Затем хан поехал в Кашгар за ордою, чтобы, приведя ее оттуда, посмотреть: какой оборот примет дело между ним и

узбеками (казаками). Меня он оставил в Моголистане и поручил мне наблюдать в его отсутствие за ходом дел. До возвращения хана я оставался с Рашид-султаном. Когда хан прибыл с ордой из Кашгара и соединился с нами, то он меня отпустил в Кашгар. «Ступай», сказал он мне, «и привези в Моголистан тетку мою Султан-Нигар-ханыму, чтоб она была посредницей между мною и Тагир-ханом и уладила дело дружелюбно». Я поехал в Яркенд и вывез ханыму с собою в Моголистан... Хан между тем, расположился на Аксае, но еще до моего приезда, узнав, что киргизы кочуют врозь с узбеками (казаками), он решился итти на них и с этою целью выступил с Аксая.

...Оставив ханыму в орде, я поспешил в ханский лагерь и поспел туда в тот самый день, когда хан выступал в дальнейший путь. По приезде я удостоился чести... представиться хану... Хан двинулся в поход. Мы прошли в двенадцать дней пространство, на которое, обыкновенно, употребляют сорок дней. Вот что случилось с нами. Когда мы достигли Ак-куяша, хан отрядил со мною пять тысяч человек и послал меня с Рашид-султаном на киргизов. Стояли они тогда на Арышляре. Прибыв к этому месту, мы увидели одни кибитки; киргизов же не было. Разные вещи и пожитки... были разбросаны, нам и показалось: не бежали ли киргизы, проведав о нашем приближении. Пошли дальше. По дороге валялось несколько мертвых людей и множество палых лошадей. Люди и лошади были избиты и изранены стрелами. Стали доискиваться причины. Нашли одного раненого полумертвого человека; он рассказал нам, что Бабачак-султан приходил из Куша и напал на киргизов, что за три дня перед нами был кровопролитный бой, что Бабачак-султан потерпел поражение и что киргизы, отослав старых и малых к узбекам (казакам), сами отправились преследовать Бабачак-султана... Пошли мы еще далее. Тут мы наехали на киргизских баранов в количестве ста тысяч голов и захватили их. Отсюда мы возвратились к хану; больше мы ничего делать не стали, потому что киргизы уже успели соединиться с узбеками (казаками). Так как в виду у хана было только наказать киргизов, а не воевать с узбеками... то хан и двинулся в обратный путь. Поход наш прозвали походом за баранами. Что касается до Тагир-хана, то у него об эту пору было еще двести тысяч человек. Впрочем, власть его уже клонилась к упадку: от десяти леков (1 000 000), осталось у него всего два лека (200 000). В это время суровый и жестокий нрав его сделался еще хуже и стал еще более отдалять от него сердца простолюдинов и султанов. Был у него брат по имени Абул-Касим-султан. Народ считал его главною причиною жестокостей, которые творил Тагир. Абул-Касима умертвили. За тем все разом покинули Тагира. Тагир-хан остался один с сыном и вместе с ним пристал к киргизам. Весть об этом застигла хана, когда он (со всеми монголами своими) уже был в Кашгаре. Случилось же это следующим образом: монголы хана стали говорить ему, что киргизы соединились с узбеками (казаками), и что узбеки (казаки) намерены утвердиться в Моголистане. Уверяли же они, что узбеки (казаки) слишком многочисленны, чтобы можно было с ними справиться, и что поэтому оставаться на зиму в Моголистане опасно. Хан перевел тогда Рашид-султана и всех своих монголов из Моголистана в Кашгар. Уже в Кашгаре, как мы сказали, он узнал о приключившемся с узбеками

(казаками)... Возвращаться в Моголистан было затруднительно, и хан решил остаться в Кашгаре. Пред началом весны (933=1527 г.) Тагир-хан явился с киргизами и увел с собою тех из них, которые оставались еще на Ат-баши. Вместе с тем, угнал он и весь скот монгольский, находившийся в Моголистане.

(Мухаммед-Хайдар. Вельяминов, 139—140, 150—157, 161—7, 192—202).

...Ходжа-Али-бахадур сделал доклад хану о том, что монголы количественно увеличились, их скот — тоже, им теперь в Кашгарских степях тесно и что, если хан разрешит, то он, Ходжа-Али-бахадур, взяв с собой Баба-султана, пойдет и завоюет Моголистан. Доклад Ходжи-Али-бахадура понравился хану, одобрили его и все эмиры, за исключением Саид-Мухамед-мирзы, который возразил в том смысле, что если поручить завоевание Баба-султану, то с ним уйдут из Кашгара все монголы. Вскоре скончался Ходжа-Али-бахадур, и это важное дело досталось на долю Рашид-хана. При справедливом правлении хана благоденствие и богатство народа разрослось до того, что в степях и горах Кашгара корма не стало хватать для скота. Поэтому решено было итти в Моголистан для того, чтобы его сделать сокровищем для народа. Тут была еще и другая цель: отступники от ислама и погрязшие в неверии киргизы нападали на Фергану и Туркестан, творили произвол и насилие над мусульманами, которые от острых когтей злого племени приходили в расстройство. Хотя страны эти находились во власти узбеков, старинных врагов хана, но все это на него, как на защитника верующих и как человека религиозного, действовало тяжело.

Хан решился избавить бедных мусульман от угнетения неверных. По этой причине было принято решение о посылке Рашид-хана в Моголистан.

...Когда Рашид-хан вступил в Моголистан, Мухамед-киргиз, выехав вперед, привел большинство киргиз к хану, меньшинство же киргиз разбежалось в разные стороны. По наступлении зимы их разместили на зимнюю стоянку на Кочкаре.

...Воевать с казаками и киргизами монголам удалось только после смерти Султан-Саид-хана при его преемнике Рашид-хане. Последний назначил в Моголистан наместником своего сына, Абдул-Латыф-султана, ускорившего своими действиями события.

...От проведенных Абдул-Латыф-султаном мероприятий [1560 г.], казакам и киргизам стало невозможно дальше держаться в Моголистане. Абдул-Латыф-султан взял верх над Хак-Назар-ханом, захватил много пленных и добычи; затем предался беспечности и развлечениям. Хак-Назар-хан, собрав киргиз и казаков, с шестью султанами и, воспользовавшись изменой начальника разведки Тохтамыша из рода балыкши, напал на Абдул-Латыф-султана, разбил его войско, ранил и взял в плен самого султана, который вскоре скончался; Хак-Назар-хан оказал знак внимания и почести. После похорон сына, труп которого был доставлен в Кашгар, помолившись на могиле Сутук-Бутра-хана и испросив разрешения и благословения у духовника Хаджи-Му-

хамед-Шарифа, хан [Рашид] с большим войском двинулся в поход на казаков и киргизов. Три месяца гнался за ними и настиг их на Эмели. Хак-Назар-хан укрепился, осада затянулась. Однажды сам Рашид-хан, став во главе войска, энергично атаковал неприятеля и разбил Хак-Назар-хана, который с другими султанами был схвачен и предан смерти; киргизские начальники тоже были взяты в плен и казнены. Простояв еще три дня на Эмели, Рашид-хан, взяв с собою трофеи-знамена и значки потомков Джучия, с успехом и победой прибыл в Яркенд.

(Махмуд Шарас, по рукописи Салеева).

Мухамед-хан Шейбани, уже чувствовавший в себе влечение к завоеваниям, собрал... около себя толпу эмиров и простых узбеков. С их помощью удалось ему через несколько времени сделаться довольно сильным. Но об эту пору около Сабрана был он разбит на голову тамошним владельцем, Иранджи-ханом, сыном Джанибек-хана... Тогда отправился он в Бухару... В Бухаре хан прожил два года. Затем отправился он в путь к себе, на свои старые места. Когда он подошел к крепости Артуку, то казы Бикчик, старейший изо всех тамошних казыев, взял его сторону, выехал к нему в сопровождении главнейших жителей навстречу с ключами крепости, поднес ему дары и стал в ряды его приверженцев. Из Артука Шейбани-хан двинулся к Сигнаку. Здесь явился к нему посланный от Муса-мирзы, главнейшего из эмиров Дашти-Кипчака. Посланный просил, именем своего господина, чтобы государь шел в Дашти-Кипчак, уверяя, что Муса примет его сторону, посадит его на ханство и будет служить ему так верно и усердно, как только можно от него требовать. Шейбани-хан решился итти и тронулся по направлению к Дашту. Там Муса-мирза его встретил и окружил всеми возможными знаками уважения и почета. В это самое время повелитель Дашти-Кипчака, Бурундук-хан с многочисленным войском двинулся против Шейбани-хана... Произошла битва. Победа осталась за Мухаммед-ханом и Бурундук бежал к себе... Вслед за тем Шейбани-хан потребовал от Муса-мирзы, чтоб он исполнил обещание и возвел его на ханство. Но Муса-мирза не захотел этого сделать, потому что эмиры мангытские не были на то согласны. Тогда Мухаммед-хан Шейбани поспешил удалиться из Дашта. Тут несколько раз сражался он с владельцем Сузака, Махмуд-султаном, сыном Джанибек-хана... Под конец он был разбит им и ушел в Мангышлак. Оттуда Шейбани двинулся чрез Хорезм в Бухару. В Хорезме эмир Насир-ед-дин Абд-ул-халик Фирузшах, который правил этою областью, от имени победоносного государя (Султан-Хусейн-мирзы) изготовил для него богатые дары и обошелся с ним превосходно. Из Хорезма Шейбани-хан отправился к Каракуль и уже потом в Бухару. Эмир Абд-ул-Али-тархан принял его точно также хорошо, как и в первый раз, и поехал с ним в Самарканд... Султан-Ахмед-мирза очень обрадовался хану, осыпал его милостями и, когда выступил в поход с целью овладеть Моголистаном, взял его с собою под Ташкент. Здесь Шейбани-хан свиделся с Султаном-Махмуд-ханом (сыном Юнус-хана) и передался на его сторону. Для Султан-Ахмед-мирзы это было ре-

шительным ударом, и он принужден был возвратиться в Самарканд... Шейбани хан, пробыв несколько времени в Ташкенте, двинулся на крепость Артук. Затем, утвердив за собою все близлежавшие крепости, пошел он на Сигнак. Бурундук-хан заодно с некоторыми из главнейших лиц Сигнака и других крепостей и мест пытался было выжить Шейбани, но так как уже было предопределено свыше, чтобы Шейбани сделался со временем обладателем Мауранахра и Хорасана, то Бурундук-хан и не успел в своем намерении.

...После того [возвращение Шейбани из Хорезма] по приглашению Султан-Махмуд-хана Шейбани поехал в Отрар. Здесь они скрепили между собою дружеский союз. Султан-Махмуд-хан уступил Шейбани-хану Отрар, а сам уехал в Ташкент.

В это самое время жители Сабрана из преданности к Шейбани-хану отказались от повиновения своему даруге, Кул-Мухаммед-тархану, сыну Мухаммед-Мезид-тархана, и отослали ключи города и крепости к Махмуд-хану (брату Шейбани). Махмуд занял Сабран. Тогда жители всей области Туркестанской признали над собою власть обоих братьев (т. е. Шейбани и Махмуда). Но вскоре Бурундук-хан по наущению эмира Мухаммед-тархана приступил к Сабрану. Жители этого города, как какие-нибудь непостоянные люди, не выдержали своего характера... толпа главнейших из среды их напала невзначай на Махмуд-султана и выдала его Касим-султану, одному из значительнейших владельцев того времени (т. е. Касиму, сыну Джанибека). Касим-султан, задержав Махмуда, послал его в сопровождении нескольких доверенных лиц в крепость Сузак. Дорогой Махмуд-султан, найдя ночью удобный случай, бежал. Прибыв на Угузман, он послал нарочного к брату, чтоб известить его о случившемся. Шейбани-хан сам отправился на ту гору. Братья свиделись и оба вместе поехали в Отрар... Вскоре Бурундук-хан и эмир Мухаммед-Мезид-тархан подошли к Отрару. Шейбани-хан заперся в крепости. Несколько дней продолжались жестокие битвы между осажденными и войском даштским. Наконец Бурундук-хан, увидев, что в Отрар подоспело вспомогательное войско от Султан-Махмуд-хана, согласился на мир, отступил от города и ушел к себе... Когда область Отрарская очистилась от войска Бурундукова, Шейбани-хан двинулся на Ессы, местопребывание Мухаммед-Мезид-тархана. Эмир Мухаммед-Мезид выступил навстречу и был взят в плен Махмуд-султаном. Его отвезли в Отрар и отдали под стражу. Султан-Махмуд-хан, узнав об этом, поспешил в Отрар, выручил эмира Мухаммед-Мезида и Шейбани-хана и послал его в Самарканд сватать дочь Султан-Ахмед-мирзы.

(Хондемир, Вельяминов, 236—251).

Из Мауранахра от всех султанов, в частности от Убайдуллы-султана, поступили донесения, в которых сообщалось о вторжении большого скопища казаков, среди которых были сын Джаныш-султана, Ахмед-султан, много казакских батыров и др. султанов. Было также сообщено, что невозможно отразить их нападение, если не приедет сам Шейбани. Отменив движение в сторону Келата, немедленно и весьма быстро двинулся в Мауранхар, через два дня перешел Аму-Дарью

у Аму-Дарьинской заставы и направился в Бухару. Ахмед-султаном и Джаныш-султаном было приведено свыше 50 тысяч войска и было принято решение с этим войском напасть на весь Мауранахр и даже на Бухару и Самарканд. Известие о возвращении Шейбани-хана провалило его решение. Он полагал, что возвращение Шейбани-хана из Хорасана со множеством правителей и городов затянется надолго; в случае неподачи помощи Мауранахру со стороны Шейбани-хана, он надеялся одержать победы над наличным войском там. Но вышло не так; Шейбани-хан явился быстро. Поэтому они скоро вернулись в свою страну, разграбив Куфинский округ, город Добуси и волости в Самаркандском округе, так же по ту сторону Бухары, напав на Наб-Коак, и увели в плен тамошних мусульман с учинением над ними издевательства; то что попало им под руки — скот ли, вещи ли — все взяли. Пройдя по Бухарским степям, против города Узгенда переправились чрез Сыр-Дарью и въехали в самый ближайший к Туркестану округ Джаныш-султана. Пленных мусульман вели рядами, продев в их уши бечевки и концы их привязав к седлам. Этих пленных было свыше тысячи.

Шейбани-хан после прибытия в Бухару осведомился о положении подвергшихся нападению округов и дал обещание отомстить. Урожен-цам Куфина, Бухары, Самарканда и Фанакента выдал много вещей и товару.

В 914 г. гиджры после праздника рамазан Шейбани-хан разослал султанам и эмирам воззвание с приглашением объединиться с ним и принять участие в походе на казаков, причем доказывал, что следует наказать их за нападения год тому назад сыновей Джаныш-султана на Бухару и Самарканд, откуда было уведено в плен много мусульман. Предлагалось открыть против казаков священную войну. Осыпанные со времени ханствования милостями и дарами Шейбани, султаны одобрили предложение хана и заверили, что они в этом деле будут подчиняться всем его распоряжениям. Обеспечив себя со стороны султанов, Шейбани-хан обратился к Хорасанским, Бухарским и Самаркандским ученым-правоведам с просьбой дать заключение о законности священной войны против казаков. Усмотрев существование некоторых признаков неверия у казаков, ученые вынесли решение о дозволенности священной войны.

После этого Шейбани собирает большое совещание под Бухарой в замке Касрыка-Арифан. Рузбахани участвовал в совещании и описывает его так[1]:

Я тоже из числа хорасанских ученых; на одном заседании арифанского совещания поставили вопрос о священной войне против казаков. Я высказался в том смысле, что война против кзыл-башей более священна, чем против казаков, произносящих мусульманский символ веры. У меня была цель предотвратить войну против казаков, но мои доводы не возымели успеха. Решился оказать влияние на этот вопрос через Убайдуллу-султана, которому объяснил, что прежде всего человек дол-

[1] Разрядка—текст переводчика.

жен оказать покровительство и помощь своему ближнему. «Казаки вам близки, происхождение общее, они теперь занимают по наследству владения ваших предков; оставив борьбу с персами, итти войною на казаков, не вторгающихся в наше государство и не наносящих ущерба исламу,—противоречит здравому смыслу, оставить неверных персов в покое и воевать с своими родичами, к тому же не состоящими с вами во вражде — это печальное дело», добавил я. Убайдулла-султан ответил так: «не думайте, что у меня ослабло чувство мести к персам; каждому делу свое время; откуда знаете, что мероприятия против казаков не являются подготовкой к войне с персами? известно ли вам, что казаки с тыла не нападут на нас, когда мы двинемся на персов, оставив сильного врага в тылу? итти воевать с другим — тоже против здравого смысла; предыдущие войны между нами и казаками не оставили места для родственных отношений, мы теперь враги друг другу».

После арифанского совещания Шейбани-хан быстро двинулся в поход на казаков и прибыл в г. Артук на Сыр-Дарье. Рузбахани, участник этого похода, дает описание страны в следующей форме.

Город Артук находится на границе Туркестана. Дороги, идущие из Бухары и Самарканда, не могут миновать его. Войска Шейбани-хана прибыли сюда 28 шаваля 914 гиджры [1509 г.]. Туркестан — одна из цветущих провинций Китая, по природным богатствам считается самой хорошей страной в мире; мудрецы и ученые издавна уподобляли его голове человека, а другие страны — его туловищу. В действительности такое сравнение правильно. Города Туркестана на Сыр-Дарье— Артук, Сайрам, Яссы и другие. Река Сайхун — одна из четырех великих рек мира; жители страны ее называют Ходжент-Дарья, но монголы и узбеки называют Сыр-Дарья. Повыше на Сыр-Дарье находится город Ходжент и еще другие города. Река эта протекает среди узбекских кишлаков на протяжении триста ташей и теряется в песках Кара-Курума. На всем этом протяжении в изобилии растут разные кормовые травы и камыши. Из Дарьи выведено много арыков для орошения полей. Если бы не было опасностей нападения со стороны казаков, то страна по своему географическому положению была бы одной из самых культурнейших земель в мире; ни в одной стране мира нет такой многополезной реки, как Сыр-Дарья; по обилию густых трав, растущих по берегам, и диких птиц — не найдется ей равной; она очень полезна для всякого рода животных и зверей. Удивительно, что такой источник жизни находится во владении такого разбойничьего народа, как казаки. По берегам, утопающим в разнообразных цветах, обитают разновидные пернатые животные, дикие ослы, сайгаки и другие животные, растут непроходимые даже для ветра и для духов леса, заросли можжевельника. Сыр-Дарья протекает среди туркестанских городов, которые, как высокие деревья на берегу Дарьи, тянутся к небу.

В раннюю весну Туркестан представляет собою образец рая; обилие разнообразных душистых цветов, которыми покрываются степи, ягодоносных деревьев и проточных вод делает его беспримерным; болезней вроде холеры, чумы и лихорадки здесь нет, жители их не знают; в сте-

пях сайгаки пасутся целыми стадами и до такой степени жирны, что не могут бегать. Здесь существует такой порядок: как только приходит гость, хозяин дома тотчас же берет лук, уходит на охоту и вскоре возвращается с застреленным сайгаком.

Ранней весною я по болезни следовал из Саганака в Сайрам; в дороге поразила меня одна картина: среди кустарников и трав бегали группами сайгаки. Я сначала принял их за овец или за кишлачных собак. Каково же было мое удивление, когда, подъехав, я узнал в них диких сайгаков.

Город Артук покорился Шейбани-хану раньше других городов Туркестана. Артук находится к западу от реки Сыр-Дарьи, в 8 верстах от нее. Через него ездят в Сайрам, город Туркестан и другие места. Хотя город невелик и состоит из нескольких домов, но по богатству продуктов имеет большое значение. Все войска, предназначенные в поход на казаков, сосредоточились здесь; бухарские и самаркандские войска прибыли, израсходовав все свое продовольствие в пути. Было предположено, что они здесь останутся на месяц для пополнения продовольственных запасов, но Артук и другие населенные пункты в его окрестностях легко и быстро, без жалоб со стороны населения, собрали нужное количество продовольствия, несмотря на зимнее время. Здесь не бывает базаров и лавок, продукты продаются на дому; войска ходили по домам и закупали их. Все остальные туркестанские города в отношении изобилия продуктов похожи на Артук и даже лучше его. Если бы такой поход имел место где-нибудь в другой стране, как, например, в Мауранахре, Хоросане, Ираке, Азербайджане, то без насилия и респрессий невозможно было бы заготовить нужного количества продовольствия. В случае полного выполнения заготовки не осталось бы семян, не было бы урожая в следующем году и окончательно разрушилось бы хлебопашество. В Туркестане этого не случилось, от заготовок земледельческий промысел населения не пострадал. Довольный Артуком, Шейбани-хан как-то радостно заметил мне, что город Артук для него имеет такое же значение, какое имела когда-то Медина для пророка. Действительно, артукцы наподобие мединцев, оказавших когда-то услугу меккским переселенцам, отнеслись участливо к нам в нашей походной скитальческой жизни. За это хан пожаловал им тарханство и освободил от налогов.

Шейбани-хан стоял в Артуке три дня, каждый день под своим руководством устраивал ученое собрание; на другой день после прибытия в Артук он открыл одно официальное совещание: по правую сторону разместились султаны, а по левую сторону—улемы и знатные представители Туркестана; я по болезни не явился, но Шейбани-хан вызвал меня. Среди туркестанских представителей был Саид Шамсуддин-Яман-Уль-Хадрамаути из саидов и ученых Ямана. Несколько времени жил он в Мекке, потом приехал в Мауранахр; в Туркестане живет свыше двадцати лет. Оказывается, он раньше ездил в Бухару к Шейбани-хану, давал сведения об Узгенде и других туркестанских городах и о казакских султанах, он же пригласил хана сюда. Собственно, его местожительство — город Сайрам. Это обстоятельство, конечно, хорошо характеризует управление Шейбани-хана: всем хотелось попасть под его спокойное управление. До него там не было спокойствия.

Из-за бандитизма со стороны монголов раньше нельзя было выезжать в Али-Абад, отстоящий от Самарканда в 30 верстах; ныне—от Дамгана до Дальнего Востока—нет опасности и тревоги. После трехдневной остановки в Артуке я поехал в город Узгенд, тоже отстоящий от Сыр-Дарьи на растоянии 8 верст. Этот город тоже земледельческий и не уступает Артуку. Однажды во время прогулки по окрестности последнего Шейбани-хан мне сказал. что он поручает мне отвести в город Туркестан для мазара Ходжа-Ахмета Яссеви, служащего каабой для туркестанцев, его приношения и ублаготворить там переселенцев; я до сих пор сопровождал его, теперь мне нужно будет ждать его возвращения там из похода и молиться за него. Я выразил ему свое неудовольствие и просил оставить при нем; он согласился. Но болезнь моя стала усиливаться... Поручив меня попечению Мауляна Назира, хан отправил меня на отдых в Саганак. Нас сопровождал самаркандский податной начальник, который должен был там произвести заготовку продовольствия. Мы выехали утром 28 шаваля и достигли к вечеру того же дня Саганака. Хан приступил к снаряжению похода на казаков.

О ТУРКЕСТАНЕ И КАЗАКАХ

Казакские ханы тоже происходят от Джучи-хана, они тоже многочисленны. В настоящее время главным ханом у казаков состоит Бурундук-хан, родом из узбеков. Говорят, если Бурундук-хан отдаст приказ казакскому улусу, то быстро может мобилизовать до 40 000 вооруженной конницы. У них много вооружений и продовольствия; лошадей много, их они пасут на яйлаках и при кишлаках. Шейбани-хан в Самаркандской пустыне, что лежит против Отрара, мне однажды сказал, что Дашти-Кипчакские степи составляют около 600 кв. ташей. Здесь нельзя встретить даже хотя бы одного маленького кишлака — все дикие козы, травы и цветы; цветы этой страны даже соловей не в состоянии вместить в своем воображении. По высоте своей деревья подобны чинару или, как мираж, поднимаются к небу. Многие деревья в этой стране бывают крепкие, из них делают с большим искусством красивые арбы на четырех колесах и с кибиткой наверху. На деревьях раздается пение охотничьих птиц — ястребов, соколов и пустельг. По обилию даров природы в мире нет сравнения [этой стране].

...Красота Дашти-Кипчака выше всяких похвал.

В летнее время казакский улус кочует по всем местам этих степей, которые необходимы для сохранения их чрезвычайно многочисленного скота. Этой дорогой в продолжение лета они обходят всю степь и возвращаются. Каждый султан стоит в какой-нибудь части степи на принадлежащем ему месте; живут они в юртах, разводят животных: лошадей, овец и крупный рогатый скот. Зимовать возвращаются на зимние стоянки. Возвращение происходит после выпадения снега, на путях к зимовкам для поения бесчисленного количества животных в достаточном размере не бывает воды. Поэтому для обратной кочевки они ждут снега.

О ТОМ, КАК КОЧУЮТ КАЗАКИ

Из достоверных сведений усматривается, что казакские ханы передвигаются на арбах, в которые впрягают верблюдов и лошадей. Во время кочевки арбы идут гуськом, этих арб так много, что во время остановок стоянки, сливаясь друг с другом, тянутся на сотню монгольских ташей. Казаки очень богаты, даже бедная семья имеет по нескольку тысяч голов овец, лошадей и волов. Поскольку они богаты, постольку и храбры, в бою один сражается против десяти и или побеждает, или погибает. Их кочевья раскинуты внутри Дашти-Кипчака по течению Италя, кочевки продолжаются свыше двух месяцев; в пути охотятся на диких животных и собирают их шкуры. Зимние стойбища казаков находятся на Сыр-Дарье; зимовки располагаются вдоль реки и тянутся на протяжение около трехсот ташей.

Каждый казакский улус возглавляется одним султаном из рода Чингиз-хана; каждый из них останавливается согласно ясы на тех землях, которыми владели его предки, начиная от Джучи и до Шейбани-хана; порядок пользования летними и зимними пастбищами тоже такой же. Вражда между Шейбани-ханом и ханом Дашти-Кипчака основана на зависти дашти-кипчакских ханов. Дашти-Кипчак по наследству должен был принадлежать Шейбани-хану, его предки все время ханствовали там. На этом основании казакские ханы опасались, что если Шейбани-хан будет допущен в Дашти-Кипчак, то он усилится и отнимет власть у казакских ханов. Между Шейбани-ханом и Бурундук-ханом произошло много войн, которые хорошо известны всем узбекам и о которых упоминает сам Шейбани-хан в написанной им истории. Что касается дашти-кипчакских ханов, то они тоже все эти события подтверждают, но объясняют их иначе. Свои нападения на государство хана они оправдывают тем, что они нуждаются в хлопчато-бумажных товарах. Шейбани-ханом по некоторым политическим соображениям был издан указ, не допускать казакских купцов в государство, а в случае приезда—подвергать ограблению.

Ханский указ имел смысл. Казаки, посещая Узбекское государство, могли изучить мощь и ресурсы его и с увлечением потом вступить в борьбу, и тогда трудно было бы им противостоять. Сегодня они не представляют себе, как живут и наслаждаются узбеки, и свою отсталую жизнь считают несравненно приятней, но, если бы дошли до них наши хорошие и изящные продукты, то они стали бы мыслить по-другому. Сейчас они находятся в неведении. Этими соображениями вызывался запрет сношения и торговли с ними. Подобными мерами хотели заградить путь казакским полчищам.

О НРАВАХ И ВЕРОВАНИЯХ КАЗАКОВ

Как было упомянуто выше, казаки произошли от узбекских родов. они из улуса потомков Чингиз-хана. В отношении употребления в пищу мяса казакского убоя произошло разногласие.

Было привезено из казакской страны вяленое мясо. Шейбани-хан отказался есть. Ученые Мауранахра дали разъяснение, что есть мясо позволительно. Те же самые ученые совместно с хорасанскими уле-

мами однажды давали фатва о том, что казаки — кияфиры. Я выскамзался в том смысле, что раз казаки были объявлены неверными, то, значит, нельзя употреблять в пищу верующим мясо скота, зарезанного казаками, а поскольку они еще идолопоклонники и творят насилие и издевательство над мусульманами, то одно произношение символа мусульманской веры значения не имеет. На основании последних достоверных сообщений стало известно, что среди казаков все еще держатся некоторые признаки неверия, например, сохранилось идолоподобное изображение, которому они поклоняются, что несовместимо с мусульманством. Поэтому есть основание считать казаков неверными, хотя они совершают намазы. Решение это остается в силе и в том случае, если бы даже по неведению казаки не представляли себе того, что поклонение идолам есть признак неверия. Казаки раньше были мусульманами, поэтому их неверие приравнивается к отступничеству от веры и наказание им полагается в соответствии с этим; в этом отношении никакие извинения не должны приниматься, потому что они двести лет тому назад были мусульманами; ислам проповедывали среди них проповедники Туркестана, Мауранахра, Астрахани, Дербента, Хорезма, Журжана, Астрабада, Хорасана и Ирака. Кроме того, мусульманские купцы, ездившие к казакам, учили их мусульманской вере, казакские купцы тоже ездили в мусульманские страны, сами казаки, вместе со своими ханами и султанами считают себя верующими — читают коран, отправляют богослужение, отдают своих детей в школу, постятся, без брака мужчины и женщины в общение не входят. Все это показывает, что они ислам признали своей религией и приняли все его положения. В виду этого темнота и неведение не могут служить для них оправданием, и священная война против них законна. Кроме поклонения идолам, у казаков имеются и другие признаки неверия: они в Бухаре, Самарканде и других мусульманских странах захватывают мусульман в плен и продают их в рабство; попадая к неверным те терпят лишения и страдают. Это явное неверие, что делает необходимой священную войну против них.

Весною, когда бывает готов первый кумыс, они наливают его в сосуд и прежде чем пить его, обращают свое лицо к солнцу и немного кумыса брызгают в сторону востока; при восходе солнца делают ему земной поклон в благодарность за то, что оно выращивает кормовые травы, которыми питаются домашние животные и дают кумыс. Таково их верование. В древнее время язычники поклонялись солнцу; казаки тоже, поскольку они поклоняются солнцу, будь это просто почитание или безусловное верование, — идолопоклонники и вероотступники; их положение усугубляется еще тем, что они издеваются над мусульманами. Исполнение ими мусульманских обрядов и произношение символа веры никакого значения не имеет.

О ГОРОДЕ САГАНАКЕ

Саганак в Дашти-Кипчаке последний обстроенный, земледельческий и населенный пункт. Этот город в древности был очень цветущим, был окружен большими постройками и обработанными полями, богат разнообразными продуктами и являлся торговым пунктом для казакского

народа; он еще известен своей обширностью и мирным населением. Из достоверных источников известно, что когда-то в нем было до такой степени большое население, что ежедневно поступало на базар пятьсот верблюдов с вьюками бурьяна, из которых в вечеру ни один не оставался непроданным. Теперешние следы города это подтверждают. Поля орошаются выведенными из Сыр-Дарьи арыками, степи покрыты травой и деревьями, где, подобно овцам, пасутся стада диких коз, баранов и других диких животных. Жители в летнее время охотятся на них и заготовляют на зиму мясо; дичь здесь чрезвычайно дешовая. Бывает очень много жирных лошадей, верблюдов и баранов.

Самые лучшие луки и стрелы, а также изящные товары доставляются сюда из Дашти-Кипчака и Астрахани. Саганак для Дашти-Кипчака, тянущегося до Волги, является единственным торговым пунктом. Производимые в Дашти-Кипчаке товары прямо поступают сюда и, в свою очередь, необходимые для него товары тоже идут сюда из Туркестана, Мауранахра, Кашгара и Хотана. В силу этого Саганак является все время местом сосредоточения купцов. Здесь всегда в достаточном количестве имеются товары всех стран.

Хотя сейчас число жителей невелико, но они все же энергичны и мужественны, всегда ходят вооруженными луками и саблями. Казаки не в состоянии посягать на их город, живут они сами по себе в спокойствии и благоденствии.

Шейбани-хан, прибыв, остановился у песчаных барханов, что находятся от города в сторону к Сыр-Дарье [на северо-запад]. Как передают, у этих барханов кончается Туркестан и начинается Узбекистан. Улус Шейбани-хана, куда относились раньше узбеки, непосредственно граничил с Туркестаном. Могилы узбекских ханов находятся в окрестностях Саганака. Саганаком начинается пустыня Бед Бак-Дала, там нет культурных и населенных мест. Поэтому, если умирали главные ханы, то их трупы доставляли в Саганак, там их хоронили и над ними воздвигали мовзолеи. Останки Абулхаир-хана, деда Шейбани-хана, покоятся в восточной стороне вне города; Шейбани-хан над ними воздвиг большой мовзолей.

Войска хана, снявшись со стоянки в песках, двинулись на казаков. Дорога была трудная, пролегала вдоль Сыр-Дарьи через чащи деревьев, сильно затруднявшие движение армии; впереди шла конница Убайдулла-султана, которая расчищала и прокладывала дорогу; вслед шло главное войско во главе с ханом. Погода стояла весьма холодная; сказывали, что войска Шейбани-хана никогда не видывали такого холода; люди не могли высовывать рук из рукавов, ноги, несмотря на то, что были обуты в валенки и шерстяные чулки, мерзли и леденели. Таким образом шли десять дней и достигли местности Кара-Абдал, расположенной близко к зимним стойбищам казаков. Здесь зимуют видные казакские султаны: Джанаш-султан и его брат Таныш-султан, у которых имеется около 50 тысяч войска. У Джаныш-султана есть сын Ахмед-султан, который год тому назад сделал набег на Бухару и ограбил окрестности Куфы. Хан дал тогда обет отомстить ему и вот теперь пришлось первый удар направить на него. В средине месяца зулкагыда Шейбани-хан достиг Кара-Абдала, откуда до стоянки Джа-

ниш-султана оставалось еще десять дней расстояния. Следуя вдоль Сыр-Дарьи через леса и чащи и покрытые льдом какы. войска подошли к аулам указанного султана.

При нападении неприятеля казаки свои семьи и скот собирают в одно место, а сами сражаются, стоя вокруг них. Раз они решились биться, то одолеть их бывает трудно, если не поможет какое-либо чрезвычайное обстоятельство. Казаки собрались к одному месту, их было свыше тридцати тысяч семей, у каждой из них было по нескольку работников и подчиненных; таким образом, число мужчин доходило до ста тысяч человек. Обе стороны вступили в бой. Войска Шейбани-хана превосходили лучшим вооружением и искусным ханским руководством; хотя казаки находились в неблагоприятных условиях, но семьи и скот свой защищали энергично. Слава о казаках, описываемых в историях арабов и персов под именем татарского войска, известна издавна. Храбрость и мужество, проявленные ими в этом бою действительно были выше всяких похвал. Войска Шейбани одержали победу 914 г. [1509 г.] в средине зулкагыда и приступили к грабежу. Пленных и трофеев захватили несметное количество; одних юрт было свыше десяти тысяч, привезли их на арбах: они сделаны из дерева и разрисованных досок, сверху покрыты войлоками, тоже разукрашенными цветистыми узорами. Все юрты были разукрашены; богатством убранства и украшений, а также большой величиной и вместительностью отличались юрты знатных казаков; в каждой юрте может размещаться не меньше двадцати человек. Есть юрты, для перевозки которых на арбах нужно несколько верблюдов, в таких юртах живут семьи начальников; у простых казаков юрты бывают тоже с украшениями, хотя они и меньших размеров, такую юрту можно перевозить на одном верблюде. Таких юрт в руки ханского войска досталось очень много. Я раньше не знал юрты: первый раз ее видел в окрестностях города Яссы. Я был поражен устройством их: некоторые юрты с окошками и разноцветными войлоками были установлены прямо на арбах. Среди добычи преобладали овцы и быки. Короче говоря, никогда так много не было захвачено добычи у казаков, как теперь, и они тоже никогда так не были побиты, как теперь.

Этой победой Шейбани-хан не ограничился и решился напасть и на другие кочевья казаков. Самым главным ханом у них был Бурундук-хан, а его брат Касим-хан считался самым главным военачальником. Их стоянки отстояли от Кара-Абдала, места стоянки Шейбани-хана на расстоянии пятнадцатидневного перехода.

Я упомянул выше, что по болезни остался в Саганаке. За мною ухаживал один из мюридов Ходжа-Ахрара. Не дожидаясь окончательного выздоровления, я выехал в Сайрам в конце зулкагыда. Сайрам тоже удивительный город: стоит в открытой степи, красивый и веселый, с хорошим климатом, в окрестностях пасутся стада диких коз, как стада овец; повсюду видны ряды растущих тополей. Город обнесен высокой стеной, которая в свою очередь окружена глубоким рвом: она возведена против нападения казаков. Красота Сайрама известна и арабам, и персам; о ней сложены хвалебные стихи. Главный министр Шейбани-хана мауляна Шарафеддин — родом из этого города. Почва здесь очень плодородная, жители вежливы, добронравны и честны;

стоял в Сайраме девять дней и читал лекции, все ученые города приходили слушать о хадисах.

Яссы — главный город Туркестана, окрестность обширная и покрыта зеленью. Сюда поступают товары изо всех мест и здесь распродаются. Здесь местопребывание купцов, через него проезжают путешественники. Мавзолей Ахмет-Яссевы — одна из самых монументальных построек во всем мире; в архитектуре мавзолея проявлено человеческое искусство до поразительности и восхищения: перед высотой его купола отступает сама пирамида, с ним не может итти в сравнение Яманский замок в г. Сана.

Шейбани-хан праздник курбан встретил в Саганаке, на второй день двинулся с армией и через два дня прибыл в Сайрам, оттуда в Яссы, поклонился гробу Ходжи-Ахмета; я представился ему, он осведомился о жизни местных муддарисов, одного моего самаркандского ученика назначил преподавателем здесь; в Сайрам и другие города отсюда тоже назначил муддарисов. В Яссах имеется большая соборная мечеть.

(Рузбахани, по рукописи Салеева).

После победы Шахбахт-хана над казаками, некоторые султаны потерпели поражение от последних. После того, когда Шахбахт-хану покорились Мауранахр, Туркестан. Тохаристан, Бадахшан, Кандахар, Забид, Хорасан, Астрабад и Ирак, он вторгся в Дашти-Кипчак. Во главе с султанами Темуром и Убадуллой все войска направил на Касим-хана, на которого неожиданно напали. Он не мог оказать сопротивления им. На Улуг-Таге все его войска и народ попали в руки султанам. После того по неопытности они стали пренебрегать врагом и не считаться с ним. Несколько дней в захваченном лагере Касим-хана предавались приятному времяпрепровождению с молодыми девицами и женщинами, оставаясь в совершенном неведении о враге. О том, что султаны, беки и войска предались беспечности и гульбищу, стало известно Касим-хану. Для разведки он послал с малым количеством людей Муюнсиз-Хасана, который близко подошел к лагерю. Султаны не выставили караулов. Увидя небольшую группу людей, перепугались, не обращая внимания друг на друга, все бросились бежать; ни у кого не оказалось мужества, чтобы сопротивляться врагу. Во время преследования неприятелем погибло и осталось на поле сражения много народу, погиб также Камбар-мирза, который был большим начальником Шахбахт-хана и которому был пожалован в удел со всем народом Балх. Все оружие досталось казакам. Султаны с большими потерями присоединились к Шахбахт-хану и отступили дальше. Враг, преследуя их, погубил много людей.

(Насруллахи, по рукописи Салеева).

...Абдулла находился тогда [в 1579 г.] в пределах нынешнего Кокандского ханства и вел войну с заклятым врагом своим Баба-султаном, сыном Науруз-Ахмеда или Барака. Война возгорелась из-за того, что Баба овладел Ташкентом, убив тамошнего правителя,

«старшего брата своего, Дервиша, посаженного Абдуллою. В апреле Абдулла нанес Бабе сильное поражение недалеко от Ташкента. Баба бежал.

(В первых числах раби 1-го) явился в ставку Абдуллы, (расположенную в близком расстоянии от Ташкента) под видом простого ордынца, лазутчик из войска Даштского (т. е. из войска Бабы) с ложным донесением, будто Баба-султан и Буза-хур-султан с детьми Хорезмшах-султана (брата Бабы) ушли к казакам, свиделись с ними на берегу реки Таласа... и там с отчаяния униженно просили у них извинения в своем прежнем дурном обращении с ними. Просьба эта, по уверению лазутчика, была принята, и с общего согласия решено было собраться в большем числе и итти воевать государя. Абдулла, подозревая обман, велел задержать доносчика. Тем не менее приказал он Исфендияр-султану итти с некоторыми эмирами, как-то с эмирзаде Абд-ул-баки-бий-Дурманом и другими, в Сайрам и разведать о казаках и неприятелях. В Сайраме он им велел остаться и, если донос оправдается, дать об этом немедленно знать. Мужественный султан и с ним прочие храбрые эмиры быстро пустились в ход, и, прибыв в Сайрам, расположились в нем. Между тем великий государь еще несколько времени простоял на прежнем месте. Место было превосходное, и он каждый день садился на коня и ездил на охоту. В это самое время прибыл в ставку государя нарочный от Али-Мердан-бегадура и донес, что владельцы казакские, именно: Хакк-Назар-хан, Джалым-султан, Шигай-султан и Дустай-султан с другими братьями и сыновями своими, стоят на берегу реки Таласа, и что из них Ондан-султан супругу Абд-ул-керим-султана (сына Хорезм-шах-султана) взял себе в жены, а сестру его захватил для Джалым-султана, и что сыновья Хорезм шах султана, узнав об этом, не решились итти к казакам, а удалились в горы. О Бабе же Буза-Хуре, нарочный Али-Мердана, объявил, что сами казаки не знают об них ничего и что сведение, сообщенное государю о том, что Баба находится у казаков—пустая выдумка. Вследствие этого донесения государь велел казнить лазутчика; сам же снялся с места и двинулся по направлению к Сайраму. Когда государь прибыл на восхитительные берега реки Келеса, то тут в его ставку явился посланник государей казакских и донес, во-первых, что все владельцы от чистого сердца и глубины души ему кланяются и желают всякого благополучия и изъявляют полную готовность быть ему верными друзьями и служить ему искренно и повиноваться во всем; во-вторых, что они поручили доложить ему, что тот клятвенный мирный договор, который они заключили с ним прежде, они готовы твердо соблюдать и теперь... и, наконец, в-третьих, что владельцы же казакские приказали передать, что к ним в руки попали сын Баба-султана Обейдулла-султан и некоторые из его эмиров, как-то: Джан-Мухаммед-аталык Найман, Шах-газы-бий Дурман и многие другие знатные лица, и что, если государь прикажет прислать их к нему живыми, то они это сделают, если же велит доставить их головы, то они и это исполнят... Государь, выслушав посланца, пожаловал его одеждою и наградил. Вслед за тем отпустил он его и отправил с ним вместе казакам своего эмира Сурхун-аталыка. Владельцам казакским велел он передать от себя поклон, объявить, что он жалует им четыре города в Туркестанской области, и

сказать, что если они действительно преданы ему искренно, то должны быть послушными и прислать пленных, как можно скорее... В субботу, 27-го числа, приехал снова Абдулле (который тогда шел уже обратно из Сайрама и был опять невдалеке от Ташкента) посланец казакский с уверениями в дружбе и преданности...

СОБЫТИЯ 1579 г., МЕСЯЦЫ НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

...Абдулла еще не успел приехать назад с охоты (на которую он отправился вскоре после своего возвращения из похода) как в столичный город Бухару прибыл из Ташкента снова Кош-кулак-бий в качестве посланца. Здесь, на свидании с некоторыми из вельмож и сановников, он сообщил, что прислан затем, чтобы (уверить государя в преданности Бабы и) объяснить ему, что владельцы казакские пришли из Дашти-Кипчака со злым намерением добиться себе земель от Бабы, что Баба, чувствуя себя не в силах им сопротивляться, решил испросить на этот счет нужных приказаний.

Киндже-Алишигаул... привез посланца к государю в тот самый день, когда Абдулла вздумал снова ехать на охоту, именно к реке Аму по дороге к Чегарджу. Посланец доложил дела государю; вместе с тем, по свойственной ему врожденной дерзости, он к прочим своим просьбам присовокупил требование Андижана. Разгневанный государь велел задержать посла до возвращения Дустум-бия, сына Бултурук-бия (посланного к Бабе) и стеречь его накрепко. Но Дустум-бий еще не приезжал в Ташкент, как уж Баба-султан по невозможности справиться с бесчисленными толпами казаков вошел с ними в мировую сделку и уступил этому безбожному племени области Ессы (Туркестан) и Сабран. Мало того, Баба и казаки, свидевшись и посоветовавшись друг с другом, условились восстать, перейти Сейхун (Сыр-Дарью) и напасть на окрестные места. Государь узнал об этом по благополучном возвращении своем в Бухару с охоты в половине месяца рамазана... Приехал к Абдулле (под Несеф или Карши) нарочный от Ибадулла-султана (брата Абдуллы и правителя Самарканда) с донесением, что толпа неприятелей перешла Сейхун и возвратилась, разграбив ближайшую местность. Султан спрашивал государя, какие меры ему угодно принять против врагов. Случилось же дело, судя по донесению, вот как. Когда известие о том, что государь (по болезни) не выезжал никуда в праздник рамазана, дошло до слуха неприятелей, то Баба-султан, ненавидевший Абдуллу, несмотря на все оказанные им благодеяния, тотчас же перетолковал с владельцами казакскими, всегда готовыми ко всякого рода буйству. С общего согласия решили так, что Сарбан-султан казакский, который прежде в продолжение нескольких лет служил Абдулле, перейдет через реку Сыр и нападет на земли Бухарские, лежащие к северу, а Буза-хур-султан с братьями своими двинется грабить Самаркандскую область. Первый начал Буза-хур-султан: со своею шайкою он переправился через Сейхун, принялся грабить и, дойдя до места Кенбай, возвратился, захватив огромную добычу... (Вскоре после того, как получено было донесение Ибадуллы) Сарбан-султан и с ним множество даштцев — отчаянные головы, в бою

бесстрашные, — явившиеся, подобно волкам, одетыми все в шкуры... с лицами, подобными коже на щитах, съеженными и полными морщин, с глазами, которых не видно из-за складок их бровей... — с своей стороны перебрались через реку Сыр, двинулись по направлению к Бухаре, ворвались в некоторые из туманов ее, прилегающих к Туркестану, и ушли, отбив весь попавшийся им там под руки скот. Государь, услышав об этом... немедленно в половине зилькааде (в конце декабря 1579 г. или в самом начале января 1580 г) отправился из под Несефа к Миankалю.

СОБЫТИЯ 1580 г., МЕСЯЦЫ АПРЕЛЬ — ИЮНЬ

Абдулла вел войну с Бабою и стоял под Ташкентом. Самого Бабы в городе не было; он ушел к Туркестану...

(В понедельник одиннадцатого числа раби 1-го) нарочный приехал к Абдулле (из под Сайрама) от Шагум-бия и Джултай-бия и донес, что владельцы казакские действительно погибли от руки Баба-султана. Нарочный привез с собою и человека, который выбежал от казаков и знал все подробности происшествия. Государь потребовал его к себе и расспросил. Человек показал, что дело случилось следующим образом. Баба-султан как скоро увидел, что ему с государем не справиться и ушел к Туркестану, послал Джан-кулы-бия к Джалым-султану, который был отцом его жены, просить его: взять с собой побольше людей и прийти в одно из селений туркестанских, чтобы там свидеться и, посоветовавшись друг с другом, собраться с силами и выступить против государя. Когда Джан-кулы прибыл к месту назначения и передал слова Баба-султана, то Джалым-султан, Хакк-Назар-хан и еще несколько владельцев казакских задумали пуститься на обман и решили между собою, что они посланца Бабы убьют, а что Джалым-султан и некоторые другие пойдут к Бабе и умертвят его. Сговорившись таким образом, они отдали приказ казнить Джан-кулы-бия. Но виды провидения не были согласны с их намерениями. Человек, которому было поручено лишить жизни эмира, сжалился над ним и отпустил его. Эмир бросился бежать и, доехав до Баба-султана, пересказал ему все, что слышал. Между тем Джалым-султан, не подозревая ничего, отправился к Бабе с двумя сыновьями своими, двумя сыновьями Хак-Назар-хана и с многочисленною толпою людей. Султаны съехались на берегу реки Шараб-хане. Тут, переговорив друг с другом, они постановили с общего согласия, что Баба-султан поедет с ними к Хак-Назар-хану и что положатся они на ханское решение. Условившись в этом, все султаны вместе отправились в путь, как вдруг дорогой Баба-султан, сидя верхом, схватил за повод лошадь Джалым-султана и приказал своим людям обнажить мечи и нагрянуть на Джалыма и других четырех сулганов. Прежде чем злонамеренная шайка успела опомниться, ее уже перерезали и кровью ее обагрили степь... Вслед за тем Баба велел Буза-хуру итти на Хакк-Назар-хана и попытаться умертвить его. Нельзя не заметить, что хотя об эту пору Баба-султан и не был на столько силен, чтобы быть в состоянии одолеть владельцев казакских, однако ж ему удалось это сделать. Совершилось это, ко-

нечно, не иначе, как по предопределению свыше и благодаря счастливой звезде великого государя. Счастье же за правду было потому, что с того времени, как Баба-султан уступил безбожному казакскому народу, желая от него избавиться, область Туркестанскую, обстоятельство это очень боспокоило и тревожило государя... (В пятницу 27-го числа раба II-го) пришло еще известие со стороны казаков. Узнали, что Шигай-хан, который тайно доброжелательствовал государю, решившись выказать преданность свою на деле, выступил против Баба-султана и его домочадцев и настиг их на берегу реки Таласа, но что, когда дело дошло до битвы, то Шигаю не посчастливилось: он повернул тыл и, разбитый на голову, бежал. Слышно было, что Баба после побега неприятелей, двинулся немедленно вслед за ними, и захватив все их кибитки и скот, которые ему дорогой попали под руку, возвратился и подошел к Сайраму.

...Абдулла принужден был снова вооружиться против Баба-султана. Он выступил [1581 г.] в поход из Самарканда в начале джумади 1-го (в июне) был в Узкенде и оттуда в половине рамазана (в октябре) возвратился в Бухару, где и встретил праздник.

...Вскоре Абдулла перенес свой лагерь в место Каратал (близ реки Сыра). Тут Шигай-хан, который с давних пор уже владел в Даште и степи, и доброжелательствовал государю, явился в стан вместе с сыновьями своими, Тевеккель-султаном и другими. Через посредство некоторых сановников и знатных лиц, он удостоился счастья быть представленным Абдулле. Государь, которому врождены были доброта и щедрость, принял хана весьма благосклонно, осыпал его милостями, пожаловал ему Ходжент в удел, обласкал его и даже в честь его устроил великолепный, истинно царский пир... (Из Узгенда) государь двинулся в обратный путь к столице. Дорогой он отпустил Шигай-хана в Ходжент, бывший его уделом; Тевеккель-султана же оставил при себе.

... Когда Абдулла прибыл в Диззах [1582 г.]..., то здесь присоединился к его победоносному войску с толпою казаков и храбрых воинов истинно преданный и послушный ему Шигай-хан, пользовавшийся его особенным расположением... В четверг 19-го числа (раби 1-го) снявшись с места, государь прибыл на реку Сабран. В пятницу 20-го числа перенес он свой лагерь на берег реки Чатырлы. Тут в течение целых суток пропадал сын государев, доблестный и благородный Абд-ул-Мумин-султан, да будет он всегда славен и велик. Царевич в то время, когда государь шел с реки Сабрана, вздумал поохотиться, увлекся и заблудился. Государь, не зная, что случилось с сыном, был очень озабочен, как вдруг на другой день, когда войско уже стояло на Джикдалыке, Яны-бегадур-султан, младший брат Шигай-хана, явился в лагерь вместе с царевичем. Обрадованный государь похвалил Яны-бегадура и пожаловал ему большую сумму денег... (В четверг 4-го числа раби II-го) государь (уже бывший в Даште), велел владельцам казакским, Шигай-хану, выросшему в степи, опытному в делах и много пережившему на своем веку, и сыну его, Тевеккель-султану, который отличается храбростью и славится ею по всему Дашти-Кипчаку, итти в передовом полку и быть в голове... у правой руки; впереди же у левой руки приказал находиться эмиру Джултай-бию, Ходжам-кули-кушбегию, Турды-мирзе, сыну Али-Мердан-бегадура, и его брату со

всеми есаулами, как-то: с Худай-бирды мирзою, Ак-Мухаммед-мирзою и другими, и со всеми караулами, как то с Ак-Саид-караулом и другими. За ними вслед выступил сам хан. В этот день, т. е. в четверг 4-го числа, войско перешло Кендерлик и стало на Тирс-Кендерлике. Тут случилось дело, которое на время спасло Бабу. При переходе через Тирс-Кендерлик Ходжам-кули-кушбеги послал вперед лазутчиками, трех человек своих; они нечаянно в окрестностях могилы Джучи-хана... наехали на людей Баба-султана и попали в плен. Когда их привели к Бабе, и ему объявили о приближении государя, то он немедленно велел троих пленных казнить, а сам со страху оставил кочевья, следовавшие за ним из под Ташкента и окрестных мест в большом числе со всем добром и имуществом, наскоро захватил семью свою и пошел по направлению к мангытам, в сопровождении Буза-Хура и тех только людей, которые были в силах поспеть за ним... Передовые полки государя, узнав об этом, прибавили хода. Утром в пятницу 5-го числа Шигай-хан встретил людей, оставленных Бабою, разбил их и захватил богатую добычу... и много скота. С своей стороны Джултай-бий, Ходжам-куликушбеги и прочие настигли около Сарайли же и Турайли кочевье, начальником которого был Куляка-бай Дурман, разграбили его и отбили огромное количество баранов, лошадей и верблюдов... В это время в войске ханском начинал оказываться большой недостаток в съестных припасах, потому что поход уже длился долго, и степь, где находились отряды, отстояла от заселенных мест на три или на четыре месяца пути...

...Возвращение Тевеккель-султана, Джултай-бия, Ходжам-кули-кушбегия и других эмиров и военачальников в ханский лагерь с отбитым ими множеством людей, рогатого скота, верблюдов и баранов, положило конец беде и водворило довольство в войске. Хан благодарил начальников. В пятницу 5-го числа был на Сарайли и Турайли. В субботу 6-го числа он расположился лагерем вблизи Сарайли, не доходя могилы Джучи-хана. В воскресенье 7-го числа хан оставался спокойно на месте. Здесь же провел он для отдыха, не трогаясь никуда, и понедельник 8-го числа. Между тем получено было верное сведение, что Баба-султан и Буза-хур-султан были на Улуг Таге и ушли оттуда как только услышали о приближении Абдуллы. Тогда государь, оставив на месте при орде снова царевича Абд-ул-Мумин-султана с Хасан-ходжою накибом, Кучук-Огланом и Джан-гильды-бием, сам выступил... и с остальным войском прибыл вечером на Улуг-Таг, прекраснейшее изо всех мест Дашти-Кипчака. Тут, в час молитвы перед сном, узнал он, что его передовые полки были близко от Баба-султана и Буза-хура, но итти вперед не решились, потому что врагов много, а у них людей мало. Государь в ту же ночь отправил в погоню за неприятелем Исфендияр-султана со всею левою рукою, сам же на другой день двинулся вслед за ним и прибыл на Иланчик... Здесь Шигай-хан и прочие султаны явились к государю... (Вскоре) прибыл к Абдулле, который стоял опять на Улуч-Таге, с своим отрядом Исфендияр-султан, посланный в погоню за врагами. Он проходил трое суток и, не найдя нигде неприятеля, решился, по совету эмиров, возвратиться. Не явились только с Исфендияром Тевеккель-султан и Дуст-мирза-чури-агасы... а также эмирзаде Недер-курчи, Мухаммед-Али. Халкаман-мирза, Джан-

Мухаммед-Хафиз и некоторые другие из войска ханского. Напав на след многочисленной толпы, они пустились догонять ее, думая, что, быть может, в ней находятся Баба-Султан и Буза-Хур-султан. После шести-семи суток хода завидели они наконец на берегу р. Саука толпу шедших неприятелей, остановились и дали ей время перебраться на ту сторону Саука; затем сами переплыли реку и пошли на врагов. В эту минуту чури-агасы обратился к султану с предложением: «Дайте нам, сказал он, вступить прежде вас в бой; известно, что неприятели боятся войска ханского гораздо более нежели вас; если вы пойдете первые, то они, пожалуй, вообразят, что имеют дело с одними казаками и будут драться с большим ожесточением; тогда даже самая победа может обойтись нам дорого». Предложение было принято. Чури-агасы с людьми ханскими устремился первый и напал на неприятеля... Враги были рассеяны и разбиты). Победители с богатою добычею пошли назад и, прибыв на Улуг-Таг, присоединились к государю.

...Когда Абдулла, возвратившись с Улуг-Тага, осаждал Сабран, Тевеккель-султан, стоявший на Ак-курганских лугах...) где паслись под его присмотром лошади ханского войска, с своей стороны узнал случайно, что султан (Тагир) пробрался через проход Сунглук. Не медля нисколько он бросился за ним вслед. Так как предопределению было угодно, чтобы Тевеккель в продолжение некоторого времени пользовался милостями и благорасположением государя, то ему удалось нагнать Тагира, которого не узнали и обошли войска, высланные султаном (Ибадуллою). Тевеккель, захватив Тагира, представил его сначала Ибадулле. Ибадулла похвалил Тевеккеля, велел связать Тагира, взял его с собою, и в четверг 25 числа... привез в ставку ханскую. Государь не захотел видеть Тагира и отдал его под присмотр Ибадуллы; с Тевеккель-султаном же обошелся весьма милостиво и пожаловал ему золотую одежду, богатый головной убор и дорогой пояс... Во вторник 17 числа месяца реджеба Абдулла продолжал осаждать Сабран, Тевеккель-султан представил государю голову убитого Бабы, а с нею вместе Джан-Мухаммед-аталыка, Латиф-султана (сына Бабы) и некоторых других пленных... Государ, желая достойным образом отличить Тевеккель-султана, пожаловал ему богатую одежду, даровал большую сумму денег и сверх всего этого назначил ему в удел область Аферинкент, лучшее место в целом Согде самаркандском.

(Хафиз Таныш, Вельяминов, 279—312).

О ТЕВЕККЕЛЕ

Когда убиение Абд-ул-мумин-хана сделалось известным в земле Туркестанской, то Тевеккель, хан казакский, видя, что в Мауранахре нет достаточно сильного государя, собрал многочисленное войско из племен туркестанских и кочевых узбеков и двинулся с ними на Мауранахр [1538 г.]. Жители того края не были в силах противостоять столь многочисленной толпе, и большая часть из них покорилась поневоле. Тевеккель-хан, подчинив себе Туркестан и Мауранахр, именно Ахсы, Андижан, Ташкент и Самарканд вплоть до Мианкаля. Оставил брата своего Ишим-султана с 20 000 человек в Са-

марканде, а сам с 70 000 или 80 000 человек двинулся к Бухаре с целью овладеть ею. Так как в Бухаре было не более 15 000 человек, то Пир-Мухаммед-хан и эмиры бухарские, не находя возможным выйти неприятелю навстречу в чистое поле, укрепили башни и стены и решились, сидя в городе, защищаться против врага. Тевеккель-хан подступил к обширной столице ханства, и войска его, разделившись на части, кругом обложили город. Бухарцы стали ежедневно выходить из тех или других ворот и тревожить неприятеля вылазками, нанося ему каждый раз чувствительный урон в людях. Битвы происходили таким образом в продолжение одиннадцати дней. На двенадцатый день весь гарнизон, который находился в Бухаре, высыпал из города. Завязалось жаркое дело, которое длилось от восхода до заката солнца. В этот день бухарцы одержали победу. Войско казакское было разбито. Тевеккель-хан с трудом укрылся в своем лагере; большая часть людей его рассеялась и бежала. Вечером бухарцы, возвратившиеся в город, стали при звуках музыки праздновать победу. Тевеккель-хан после претерпенного им поражения не решился оставаться на месте; ночью он велел зажечь множество огней в лагере, и, пользуясь темнотою, тайком отступил. Вскоре беглые из его войска добрались до Самарканда и передали Ишим-султану все дело. как оно было, а вместе с тем и известие об отступлении хана. Ишим-султан, радраженный неудачею, немедленно послал нарочного к брату и велел сказать ему: «Стыдно и очень стыдно, что столь многочисленное войско, какое было при государе, могло быть разбито горстью бухарцев и вынуждено бежать; если хан явится беглецом в Самарканд, то легко может и то случиться, что самаркандцы не захотят более нам повиноваться. Пусть хан снова идет назад; я с войском, находящимся при мне, соединюсь с ним». Тевеккель-хан последовал совету брата и возвратился. Через несколько времени присоединился к нему Ишим-султан. Решено было возобновить военные действия. Между тем, как только что Тевеккель-хан отступил из-под Бухары, Пир-Мухаммед-хан и его приверженцы вышли из города с тем, чтобы преследовать разбитого хана и отобрать места, которыми он успел овладеть; множество людей со всех стран и концов Мауранахра стеклись к ним, движимые желанием содействовать со своей стороны изгнанию пришлого врага. Бухарцы встретились с неприятелем в Узун-сакале Миянкальском. Начались схватки. В это самое время Баки-султан брат Дин-Мухаммед-хана, бежавший с поля битвы Пули-салярской от ударов победоносного войска Кызылбашского, являлся к Пир-Мухамед-хану. Случилось это вот как. Дин-Мухаммед-хан, как мы сказали выше, разбитый при Пули-Саляре, бежал раненый с поля сражения и на пути погиб. Брат же его Баки-султан, искавший так же спасения в бегстве, успел с некоторым числом людей добраться до Андхуда. Затем он переправился в Карки... и поехал к Бухаре. Пир-Мухаммеда в городе не было: он преследовал Тевеккеля. Жители Бухары, не имея от своего хана дозволения, не решились сами по себе впустить Баки-султана в город. Султан вынужден был своротить с Мазари-ходжа-Бега-ед-дин и отправиться в лагерь к Пир-Мухаммеду. Он и настиг хана в Узун-Сакале. По своем приезде Баки через посредство эмиров был допущен к хану и представился ему тем порядком, который в подобных случаях обыкновенно

соблюдается у султанов Чингизова рода. Эмиры Пир-Мухаммед-хана вообще были весьма довольны появлением Баки-султана. Тотчас же употребили они его в дело с неприятелем. Баки-султан несколько раз сражался с войсками Тевеккель-хана и большею частью оставался победителем. Так, между прочим, погиб от его руки Абд-ул-васи-бий, один из знатнейших эмиров Абдуллы и соучастник в убийстве Абд-ул-мумин-хана. Эмир этот, забыв все благодеяния, которыми он пользовался со стороны бухарских государей, перешел на службу к Тевеккель-хану; собственно, он и подбил его вторгнуться в Мауранахр. Схватки между бухарцами и казаками продолжались около месяца. Баки-султан и Пир-Мухаммед-хан во все это время сражались неутомимо и дружно. Наконец Тавеккель-хан, потеряв терпение, произвел всеми своими силами нападение на армию Пир-Мухаммед-хана. Завязалась кровопролитная битва. В этом бою, хотя и погибли от руки воинов Тевеккель-хана Сеид-Мухаммед-султан, родственник Пир-Мухаммед-хана и Мухаммед-Баки аталык, диванбеги, тем не менее и сам Тевеккель-хан получил рану и успеха не имел никакого. Затем он отступил и ушел в Ташкент; там он заболел и умер. Что касается Пир-Мухаммед-хана, то он в награду за услуги, оказанные Баки-султаном, пожаловал ему с согласия лиц благомыслящих управление Самаркандской области и возвратился к себе в Бухару. Баки-султан довольный и счастливый прибыл вскоре в Самарканд. Самаркандцы, сильно пострадавшие под владычеством чуждого войска, сочли привет султана за особенное для себя благополучие. Они с радостью поспешили к нему навстречу и беспрекословно признали его власть над собою. Через несколько времени, через посредство шейхов Накшбендиев заключен был между ним и начальником народа казакского, пребывавшим в Ташкенте, мир на том условии, чтобы войска Самаркандские не предпринимали никаких неприязненных действий против Ташкента.

(Искендер-мунши, Вельяминов, 347—352).

ПОТОМКИ ШЕЙБАН-ХАНА, ПЯТОГО СЫНА ДЖУЧИ-ХАНА, СЫНА ЧИНГИЗ-ХАНОВА, ЦАРСТВОВАВШИЕ В ТУРАНЕ У КАЗАКОВ, В КРЫМУ И В МАУРАНАХРЕ

У Чингиз-хана сын Джучи-хан; у него сын Шейбан-хан, его сын Багадур-хан, его сын Джучи-буга, его сын Бадакул, его сын Мунга-Тимур, его сын Бик-кунди-углан, его сын Алий-углан, его сын Хаджи-Мохаммед-хан, его сын Махмудек-хан, его сын Абак-хан, его сын Тулук-хан, его сын Шамай-султан, его сын Узар-султан, его сын Багадур-султан. У помянутого выше Махмудек-хана был сын Муртаза-хан, у этого сын был Кучум-хан. Кучум-ханом пресекся род этого дома. Кучум-хан сорок лет царствовал в Туране. Жизнь его была долга; под конец ее он ослеп. В тысяча третьем году [1595 г. н. э.] русские отняли Туран из рук Кучум-хана. Кучум-хан, убежав, скрылся у народа мангыт и там отошел к божию милосердию.

РОД ТУКАЙ-ТИМУР, ЦАРСТВОВАВШИЙ У КАЗАКОВ

...У Чингиз-хана сын Джучи-хан, его сын Тукай-Тимур, его сын Узь-Тимур, его сын... Ходжа, его сын Бадакуль-углан, его сын Урус-хан, его сын Коирчак-хан, его сын Берак-хан, его сын Абу-саид, по прозванию Джанибек-хан. У этого было девять сынов в таком порядке: Ирандчий, Махмуд, Касим, за ним следовали Итик, Джаниш, Канабар, Тениш, Усюк, Джаук.

ИСТОРИЯ ДЕТЕЙ ШЕЙБАН-ХАНА, ПЯТОГО СЫНА ДЖУЧИ-ХАНОВА

Прежде сказано было, что Джучи-хан дал повеление, чтобы народ его удела выступил с ним для завоевания государства маджаров, башкурдов, руси, корелы и немцев и приготовился к трудам семилетнего похода; но прежде нежели собралось войско, он заболел и умер. Также сказано было, что Чингиз-хан, который в то время был еще в живых, дал повеление внуку Бату, которому прозвание Саин-хан, в сих словах: «прими на себя власть отца и иди в земли, в которые хотел итти он», и что в то время, когда Саин-хан собирал войско, умер и Чингиз-хан. По прошествии двух лет сделался ханом Огдай-хан; он снова повелел Саин-хану предпринять поход. В этом походе Саин-хан завоевал один за другим русские города и дошел до Москвы. Там соединились между собою государи Корелы, Немцев и Руси; оцепивши свой стан и окопавшись рвом, они отбивались в продолжение почти трех месяцев. Напоследок Шейбан-хан сказал своему брату Саин-хану: «дай мне тысяч шесть человек в прибавок к воинам, которые при мне; ночью я скроюсь в засаду в тылу неприятеля; на следующий день, вместе с рассветом, вы нападите на него спереди, а я сделаю нападение на него с тыла». На следующий день они так и сделали. Когда разгорелся бой, Шейбан-хан, поднявшись из засады, устремился с конницей; доскакав до края вала, он, спешась, перешел через вал. Внутри вала стан оцеплен был со всех сторон телегами, связанными железными цепями: цепи перерубили, телеги изломали, и все, действуя копьями и саблями, пешие, напали на неприятеля — Саин-хан спереди. Шейбан-хан с тыла. В этом месте избили они семьдесят тысяч человек. Все эти области сделались подвластными Саин-хану.

Когда Саин-хан, возвратившись из этого похода, остановился на своем месте, сказал Орде, по прозванию Ичен, старшему из сынов Джучи-хана: «В этом походе ты содействовал окончанию нашего дела, потому в удел тебе отдается народ, состоящий из пятнадцати тысяч семейств, в том месте, где жил отец твой». Младшему своему брату, Шейбан-хану, который также сопутствовал своему брату Саин-хану в его походе, отдал в удел из государств, покоренных в этом походе, область Корел; и из родовых владений отдал четыре народа: кушчи, найман, карлык и буйрак, и сказал ему: «Юрт [область], в которой ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата, Ичена: летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам

Иргиз-Суук, Орь, Илек до горы Урала; а во время зимы живи в Аракуме, Каракуме и по берегам реки Сыр — при устьях рек Чуй-су и Сари-су».

Шейбан-хан послал в область Корел одного из своих сынов, дав ему хороших беков и людей. Этот юрт постоянно оставался во власти сынов Шейбан-хановых; говорят, что и в настоящее время государи корельские — потомки Шейбан-хана; эта земля далека от нас, потому один бог, верно, знает, истинны ли, или ложны эти известия. Шейбан-хан в показанных областях проводил лета и зимы и по прошествии нескольких годов умер.

(Абулгази, чагат. изд., 156, 157, 158—160).

Шигай-хан имел много жен. Из них наиболее известны три. От них были у него дети: от Баим-бекемы: Сеид-кул-султан, Ондан-султан и Алтын-ханым; от Яхшим-бикемы, бывшей родом из Джагатаева улуса: Тукай-хан, Ишим-султан и Султан-Сабир-бик-ханым; от Дадым-паным, дочери Бурундук-хана: Али-султан, Сулум-султан, Ибрагим-султан и Шагим-султан. Ондан-султана знает всякий. Он был чрезвычайно храбр и превосходно стрелял из лука; не проходило битвы, где бы он не отличался. Во время Шигай-хана Ондан всегда ходил в передовом войске. Его нельзя не помнить. Убили его калмыки. Лишился он жизни тридцати лет от роду; покоится же под сению Ходжи-Ахмеда-Ессевия [т. е. в Туркестане], да будет над ним милость божия. Ондан имел много жен и наложниц, взятых им как со стороны из разных мест, так и из среды своих же сородичей. Наиболее известны две старшие жены его. От них родились у него дети: от Алтын-ханымы, дочери Булат-султана, сына Усяк-хана (государь правоверных, да продлит господь бог время царствования и управления его), Ураз-Мухаммед-хан и Татлы-ханым; от Чуюм-ханымы, дочери Кимсин-султана, сына Бурундук-хана: Кучак-султан. Кучак постоянно ходил в передовом войске у государя правоверных, Тевеккель-хана. Он и теперь еще у себя дома жив.

(Сборник летописей, 362—366).

2. ПО ЕВРОПЕЙСКИМ ИСТОЧНИКАМ

В XVI и XVII вв. при ханах Касыме, Хак-Назаре, Шигае, Тевкеле, Ишиме и Тявке Казакский союз в борьбе с узбеками и тимуридами на юге и с ногайцами на севере добился значительных успехов. Казаки овладели городами Туркестаном и Ташкентом (последний был столицей казакских ханов с 1534 по 1723 г.).

В начале XVI века Иовий и Герберштейн познакомили Европу со странами, граничащими с Россией на востоке.

Иовий, итальянский литератор, опубликовал в 1525 г. книгу о России. В этой книге он изложил те сведения, которые получил от посла московского великого князя Василия Ивановича к папе Клименту VII, Дмитрия Герасимова. Иовий познакомился с этим послом по приказу папы и латинская книга о России была плодом их бесед.

Герберштейн, австрийский дипломат, два раза посылался в Россию (в 1516 и 1526 гг.) для переговоров о московско-польском союзе против турок, угрожавших тогда границам Германской империи. Его книга «Записки о Московии», написанная на латинском языке и вышедшая в 1549 г., была первым обстоятельным и достоверным описанием России в европейской литературе. Для описания соседних с Московией государств он пользовался как сведениями, полученными при расспросах, так и одним «Русским дорожником», не дошедшим до нас. Отрывки из Иовия и Герберштейна нами взяты по переводу Малеина (СПБ, 1908 г.).

В средине XVI века в Казакстане побывал английский путешественник Дженкинсон. Он два раза (в 1558 и 1560 гг.) ездил в Персию, чтобы открыть для английской торговой компании надежный путь в эту страну. Он пользовался особым расположением Ивана Грозного и добился ряда привилегий для английской торговли. В 1558 г. он проезжал через страну ногайцев, находившуюся тогда в очень бедственном положении благодаря войне и голоду, и потом из Астрахани по морю на восток. Шторм выбросил его на берег Мангышлакского полуострова, и он через степи этого края вверх по Аму-Дарье пробрался до Бухары. Наши отрывки взяты из книги «Известия англичан о России XVI века», перевод Серединина (Москва, 1884 г.).

К концу XVI столетия относится «Краткая сибирская летопись», найденная в Кунгуре и приписываемая тобольскому дворянину Ремезову. Летопись рассказывает об участии казаков в борьбе ногайцев против русских. Царевич, о котором в ней идет речь, это Уразмухаммед, сын султана Ондана, племянник хана Тевкеля. Он был в плену у сибирского хана Кучума, потом гостем его победоносного соперника Сейдака, попал в русский плен, побывал в Москве и в 1600 г. получил от московского царя Бориса Годунова Касимовское царство. Он был ярым сторонником «Тушинского» царя и погиб в ставке последнего в Калуге в 1610 г. Летоисчисление, применяемое в кунгурской хронике, ведется от «сотворения мира», т. е. за 5509 лет до н. э.

«Книга Большого Чертежа», составленная в 1627 г. на основании ранее (1600 г.) изготовленной, но не сохранившейся карты, дает географические сведения также и о Казакстане. Наши отрывки взяты из книги Макшеева «Географические сведения Книги Большого Чертежа о Киргизских степях и Туркестанском крае» (СПБ, 1879 г.).

В этом разделе помещены кроме того отрывки из донесений послов Ивана Грозного Даниила Губина и Семена Мальцева и из грамоты Ивана Грозного купцам Строгановым, которые взяты из Н. М. Карамзина «История Государства Российского», т. IX, СПБ, 1842, примечания 245 и 661, и из А. Левшина «Описание киргиз-кайсакских или киргиз казакских орд и степей», ч. II. СПБ, 1832, стр. 47 (донесение Д. Губина).

ИОВИЙ И ГЕРБЕРШТЕЙН О ТАТАРАХ

...С востока соседями Московии являются скифы, ниже именуемые татарами, народ кочевой и во все века славный своей воинственностью. В качестве домов татарам служат повозки, крытые войлоками и кожами; за этот образ жизни древний мир называл их амаксовиями

(живущими в повозках). Взамен же городов и замков у них есть неизмеримой величины лагери, окруженные не рвами или деревянными укреплениями, а беспредельным количеством конных стрелков. Татары разделяются на орды; на их языке слово это означает собрание единомыслящего народа, наподобие государства. Во главе каждой орды стоит единый император, выдвинутый или своим происхождением, или воинскою доблестью, ибо они часто ведут войны с соседями и весьма тщеславно и свирепо состязаются о власти. Известно, что число орд почти бесконечно, так как татары занимают весьма широкие и пустынные местности, вплоть до Китая [Cathayum], славнейшего государства на краю восточного океана. Живущие ближе других к московитам там известны им по торговым сношениям и частым набегам.

(Иовий, 257—8).

...Татары разделяются на орды, первое место среди которых и по своей славе, и по многолюдству заняла Заволжская Орда, ибо говорят, что все остальные орды получили начало от нее. Орда же на их языке означает собрание или множество. Впрочем, всякая орда имеет особое название, а именно: Заволжская, Перекопская, Нагайская и многие другие, которые все принадлежат к магометанской вере; но, если их называют турками, они недовольны и считают это как бы бесчестьем. Название же бесермены [Besermani] их радует, а этим именем любят называть себя и турки.

... Татары... это люди среднего роста, с широким, жирным лицом, с косящими и впалыми глазами; волосы отпускают только на бороде, а остальное бреют. Только более именитые мужи носят за ушами косы и притом очень черные; телом они сильны, духом смелы; падки на любострастие и притом извращенное; питаются с приятностью лошадями и другими животными, не разбирая рода их смерти, за исключением свиней, от которых воздерживаются по закону. Насчет голода и сна до такой степени выносливы, что иногда выдерживают это лишение целых четыре дня, предаваясь тем не менее необходимым трудам. И в свою очередь, получив что-нибудь на съедение, они пресыщаются выше меры и этим обжорством до известной степени вознаграждают себя за прежнюю голодовку... И таким образом, обремененные пищей и трудами, они спят по три или четыре дня подряд. В то время как они спят таким глубоким сном, литовцы и русские, в область которых они делают внезапные набеги и угоняют оттуда добычу, пускаются за ними в погоню и, откинув всякий страх, повсюду поражают их, неосторожных, обремененных пищей и погруженных в глубокий сон без караулов, в беспорядке. Если их во время разъездов станут мучить голод и жажда, то они обычно подрезают жилы у тех лошадей, на которых сидят и, выпив их крови, утоляют голод; кроме того, они думают, что это полезно и для животных. Так как они почти все кочуют без определенных жилищ, то обычно направляют свой путь по наблюдению звезд, главным же образом северного полюса [полярная звезда], который они называют на своем языке Железный кол...

...При набеге на соседние области, каждый ведет с собою, смотря по достатку, двух или трех лошадей, чтобы... когда устанет одна, иметь

возможность пересесть на другую и третью, усталых же лошадей они меж тем ведут на поводу. Узды у них самые легкие, а вместо шпор они употребляют бичи. Лошадей они употребляют только холощеных, потому что таковые, по их мнению, более выносливы... Одежда у них одна и та же как для мужчин, так и для женщин, да и вообще эти последние нисколько не отличаются по убранству от мужчин, за исключением того, что окутывают голову льняным покрывалом и точно также носят льняные штаны, (Caligis) наподобие корабельных служителей на море. Царицы их, являясь перед народом, обыкновенно закрывают лицо. Остальной народ, живущий в рассеянии по полям, носит одежду, сшитую из овечьих шкур, и меняет ее только тогда, когда от долгого употребления она станет совершенно потертой и разорванной. Они не остаются долго на одном месте, считая за сильное несчастье долго пребывать на одном и том же месте. Поэтому иногда, рассердившись на детей и призывая на них тяжкое несчастье, они обычно говорят: «Чтобы тебе, как христианину, оставаться всегда на одном месте и нюхать собственную вонь». Поэтому, стравив пастбища на одном месте, они переселяются в другое со стадами, женами и детьми, которых везут с собой на повозках. Впрочем, живущие в селениях и городах следуют другому образу жизни...

Царство Казанское, город и крепость того же имени, расположены на Волге, на Дальнем берегу реки, почти в семидесяти немецких милях ниже Нижнего Новгорода; с востока и юга по Волге это царство граничит с пустынными степями, с летнего же востока смежны с ними татары, называемые шейбанскими [Schibanski] и кайсацкими [Kosatzki].

(Герберштейн, 140—145).

...За татарами Казанскими прежде всего встречаем татар с прозвищем ногаи [Nagai], живущих за Волгою, около Каспийского моря, по реке Яику, вытекающей из области Сибирской. Они не имеют царей, а только князей. В наше время эти княжества занимали три брата, разделившие области поровну между собою: первый из них, Шидак, владел городом Сарайчиком [Scharaitzik, Saraitzick — нем. изд.] за рекою Ра, в направлении к востоку, и страною, прилегающей к реке Яику; другому, Коссуму, принадлежало все, что находится между реками Камой, Яиком и Ра; третий из братьев, Шихмамай, занимал часть области Сибирской и всю окрест лежащую страну. Слово Шихмамай значит святой, или могущественный. Эти страны почти все богаты лесом, за исключением той, которая простирается у Сарайчика: она степная.

(Герберштейн, 157).

ТОРГОВЛЯ ТАТАР С МОСКВОЙ И ПЕРСИЕЙ

...Южные татары не доставляют ничего, кроме стад быстрых коней и знаменитых белых материй, не тканых из нитей, а сваляных из шерсти; из них приготовляются... епанчи, служащие хорошей защитой от

дождей и всякой непогоды и весьма красивые. У московитов же татары берут взамен шерстяные рубашки и серебряную монету, пренебрегая всякими телесными украшениями и излишней обстановкой и утварью и довольствуясь одним только войлоком для крепкой защиты от невзгод сурового климата. Равным образом и врага отражают они, полагаясь на одни только стрелы. Впрочем, всякий раз как они решают, что им следует сделать набег на Европу, их государи покупают в наше время у персов железные шлемы, брони и сабли.

(Иовий, 259).

...Золота и серебра они, кроме купцов, почти не употребляют, а в употреблении у них только обмен вещами. Поэтому, если живущие вокруг них народы достанут сколько-нибудь денег от продажи их имущества, то покупают на них платье и другое необходимое для жизни. Границ друг с другом (я говорю о степных татарах) у них нет никаких.

(Герберштейн, 144).

НОГАЙЦЫ В СРЕДИНЕ XVI ВЕКА

...Вся земля на левом берегу Волги от Камы до Астрахани и далее по северному и северо-восточному берегу Каспийского моря, граничащая с землей татар-туркменов, называется землей мангытов [Mangat] или ногайцев. Население ее магометанское; в бытность мою в Астрахани в 1558 г., оно совершенно было расстроено гражданскими усобицами, голодом, мором и т. п. бедствиями до такой степени, что в этом году померло до 100 тысяч человек; подобного бедствия здесь не запомнят, так что ногайская земля, изобилующая пастбищами, остается теперь не населенной, к великому удовольствию русских, издавна ведущих с ногайцами жестокие войны.

Ногайцы во время своего процветания жили так: они делились на несколько обществ, называемых ордами. Всякая орда имеет своего правителя, которому повинуются как королю; правитель называется мурза. У ногайцев нет ни городов, ни домов, а живут они в открытых полях; всякий мурза, или король имеет около себя свою орду, с женами, детьми, скотом. Когда скот съест всю траву, они перекочевывают в другое место. Во время кочевок их жилища — палатки — ставятся на повозки или телеги, перевозимые с места на место верблюдами; в этих повозках они возят своих жен, детей и все богатство, которого у них очень немного. У каждого мужчины по меньшей мере 4 или 5 жен, не считая наложниц. Монеты они вовсе не употребляют, но обменивают скот на платье и прочие необходимые вещи. Они не занимаются ни ремеслами, ни искусствами, за исключением военного, в котором они очень опытны. По преимуществу это народ пастушеский, владеющий множеством скота, составляющего все его богатство. Они едят много мяса, главным образом, конину, пьют кумыс, которым часто напиваются до пьяна; народ это мятежный, склонный к убийствам и грабежу. Зерен они не сеют и вовсе не употребляют хлеба. Смеются над тем,

что христиане едят хлеб; презирая нашу крепость, они говорят, что мы живем едой верхушек трав и пьем из них же выделанные напитки; чтобы достичь их силы и крепости, рекомендуют есть много мяса и пить молоко.

(Дженкинсон, перев. Середонина, 38).

НА МАНГЫШЛАКСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

...Так мы подвигались вперед; 17 августа [1558 г.] потеряли из виду землю, в этот день мы проплыли 30 лье... Штормом мы были отнесены к другому берегу залива, против Мангышлака; здесь берег низменный, суда никогда не пристают, потому что здесь нет удобных гаваней, так и по причине грубости тамошнего населения.

Мы послали кой-кого из наших переговорить с правителем и с жителями касательно приема и снабжения нас верблюдами для перевозки наших товаров к гор. Селлизуру, до которого от места нашей высадки 25 дней пути. Наши посланцы возвратились с благоприятным ответом и великолепными обещаниями. 3 сентября мы разгрузили свое судно, и я с товарищами был любезно принят правителем и его народом. Но еще до отхода нашего отсюда, мы узнали, что это за дурной и грубый народ, потому что они ежедневно постоянно надоедали нам спорами, кражами, выпрашиванием и заламыванием двойных против обыкновенного цен за лошадей, верблюдов, припасы; заставляли нас платить за воду, которую мы пили. Это заставило нас поторопиться и условиться с ними как за наем верблюдов, так и за то, что мы покупали у них припасы и др., по цене, которую они просили. За каждого верблюда, несущего 400 ф. мы платили 3 русских кожи, 4 деревянных блюда. Государю или правителю народа мы заплатили одних вещей 9 штук, других 14; денег они не употребляют. 14 сентября, когда все было готово, мы выехали из этого места; наш караван состоял из 1000 верблюдов. После пятидневного пути мы пришли во владение другого государя. На дороге к нам подъехало верхом несколько татар, хорошо вооруженных, служителей этого государя, Тимур-султана, правителя Мангышлакской земли, куда мы намеревались пристать, если бы нам не помешала буря. Подъехавшие татары остановили наш караван именем государя, открыли наши товары и забрали то, что сочли лучшим для своего государя, не заплатив денег, но за тем, что взято было у меня (9 предметов — после долгих споров), я отправился к самому государю; я представился ему, просил его ко мне милости и охранного листа для путешестия по его стране, чтобы никто из его народа не смел грабить и отнимать у меня; он уважил эту мою просьбу и принял меня весьма вежливо, приказав угостить хорошенько мясом и кумысом; хлеба они не употребляют, равно как и других напитков, кроме воды. Однако, он не отдал мне денег за отнятое у меня, что на русские деньги стоило рублей 50, впрочем пожаловал мне грамоту и лошадь стоющую рублей 7. Так я и отправился от него, очень довольный тем, что ушел: о нем мне рассказывали как о сильном тиране, и если бы я не явился к нему, то было уже приказано (как я узнал) ограбить меня совсем. Этот султан живет в поле, у него нет ни крепости, ни города; когда я был у него, он сидел в небольшой круглой

хижине, сделанной из камыша, покрытой снаружи войлоком, а внутри обитой коврами. С ним был великий митрополит этой дикой страны, столь же уважаемый здесь, как римский епископ в большей части Европы, и другие важнейшие из его сановников; султан с митрополитом расспрашивал меня много о нашем королевстве, законах и религии, так и о причинах моего прихода сюда и о дальнейших моих намерениях. На все это я отвечал так, как казалось мне лучше, и им понравились мои ответы. Простившись с ними, я вышел и догнал наш караван, и мы продолжали свое путешествие. Шли мы 20 дней от морского берега по пустыне, не видели ни городов, ни жилищ; припасы везли с собой, нужда заставила нас отдать на съедение одного верблюда и одну лошадь с нашей стороны, так как то же сделала и другая сторона (персы и татары). В продолжение 20 дней мы не находили воды, та же вода, которую мы доставали из старых глубоких колодцев, была очень солона, а иногда 2—3 дня нам приходилось итти и без такой воды. 5 октября мы опять пришли к заливу Каспийского моря [1], где мы нашли свежую и приятную воду; здесь нас встретили таможенники короля туркменов, взявшие пошлины по 9 штук для короля и его братьев; после этого они уехали, мы же, чтобы освежиться, провели здесь день.

(Там же, 41—43).

БОРЬБА КАЗАКОВ ЗА ТАШКЕНТ ПРИ ХАНЕ ХАК-НАЗАРЕ

...Во время моего пребывания в Бухаре пришли караваны из всех названных стран, за исключением Китая: причина, почему оттуда не пришли караваны та, что еще за 3 года до моего сюда приезда началась и все продолжалась война варварских и кочевых народов, язычников и магометан, против двух больших татарских городов, прямо на дороге из Бухары в Китай; война велась на границах этих городов, которые называются Ташкент и Кашгар; народ воевавший с Ташкентом, называется кассаки, магометанской веры, а с Кашгаром воевали кинги, язычники и идолопоклонники. Оба эти варварские народа очень сильны, живут в полях без городов и жилищ; они почти подчинили себе Ташкент и Кашгар и занимали такое положение на дороге, что ни один караван не мог бы пройти не ограбленным. 3 года уже ни один караван не приходил сюда из Китая, и не было никакой торговли между Бухарой и Китаем. Когда путь свободен — до Китая 9 месяцев пути.

(Там же, 52).

КАЗАКИ ПО ДОНЕСЕНИЯМ ПОСЛОВ ЦАРЯ ИВАНА ГРОЗНОГО

(Даниил Губин, посол к ногайцам, 1534 г.).

...А казаки, государь, сказывают добре сильны, а сказывают, государь, Ташкен [Ташкент] воевали, и Ташкенские царевичи, сказывают, с ними дважды бились, а казаки их побивали...

(Левшин, II, 47).

[1] Здесь Дженкинсон ошибается, он приехал, вероятно, к озеру Сары-камыш (на границе теперешних Каракалпакии и Туркменистана).

(Семен Мальцев, посол к ногайцам, 1569 г.).

...Послал меня царь и государь в Нагаи к Урусу Мурзе, и аз государские дела сделал и Казатцкие орды Акназара Царя и Шигая Царевича и Челыма Царевича, а с ними 20 царевичев, приход их был на Нагаи, и бой писал...

(Карамзин, 50).

Иллюстрация из «Сибирской летописи».

ИЗ ГРАМОТЫ ЦАРЯ ИВАНА ГРОЗНОГО КУПЦАМ СТРОГАНОВЫМ [1574 г.]

Аз Царь и В. [еликий] К. [нязь] Якова да Григория [Строгановых] пожаловал на Тахчеях и на Тоболе реке крепости им поделати...

...А льготы на Тахчеи и на Тоболь реку с реками и с озеры и до

вершин на пашни дали есми от Троицына дни л. 7082 до Троицына дни л. 7102 на 20 лет...

...Почнут к ним в те новые места проходити торговые люди Бухарцы и Казацкие Орды, и из иных земель, с лошадьми и со всякими

Иллюстрация из «Сибирской летописи».

товары, а к Москве которые не ходят, и им у них торговати беспошлинно... (Карамзин, 151—2)

ВЫДЕРЖКИ ИЗ «КРАТКОЙ СИБИРСКОЙ ЛЕТОПИСИ [КУНГУРСКОЙ]»

Статья 22.

Царь Кучюм прииде от Казачьи орды со многими вои[1], и побив царя и князя Етигера и Бекбулата, и прославишася Сибирской царь

[1] Воинами.

и дани со многих низовых язык [1] взяша и городки свои распространиша по многим местам названми своими владеша.

Статья 42.

Собрание же вои Чюваши, Казачьи орды, Вогуличи, Остяки и вси Татарове отпустив Кучюм из города своего с сыном своим Маметку-

Иллюстрация из «Сибирской летописи».

лом по Тоболу на встречу Ермаку; сам же учинив засеку под Чюваши на Иртыше реке и грады окопми укрепив и на усть Тоболу крепкую стражу поставив.

Статья 93.

92 году [1583] сентября в 10 день, прииде от Карачи [2] оманщик

[1] Народов.

[2] Карача — название у ногайцев, крымских татар и др. самых знатных беков. Здесь речь идет об одном ногайском феодале.

посол и на посольстве шертовал [1] по своей вере, прося у Ермака на оборону людей от Казачьи орды. И по совету, поверя безбожию их, отпустил атамана Ивана Кольцова с 40 человеки. Егда же приидоша до Карачи и внезапу избиени быша. Доиде слых до Ермака, яко изби-

Иллюстрация из «Сибирской летописи».

ени, восплакася велми. Видев же нечестивии, яко Кольцов убиен, начаша во многих местех в волостех и улусех побивати Руских.

Статья 123.

Князь Сейдяк владелец бе, и Салтан царевич Казачьи орды, и думной Кучюмов пущаше за птицами ястребов. И воевода послаше послов к Сейдяку, чтобы жити им в мире и приехал бы к нему во град, любезно да советуют и живут побратски и заедино.

---

[1] Клялся, присягал.

Статья 124.

Егдаж доидоша послы к Сейдяку, он же советова с Салтаном и Карачею; и по совету, взя с собой 100 человек, и приидоша к воеводам во град, и седоша за столом и бояшеся, глаголя оману в слове. Сейдяк же задумался, ни пьет, ни ест. И воевода глаголя к Сейдяку: что на нас мыслиши зло? И взяв чашу поднесе ему, и рече всем трем:

Карта казакских степей по «Книге Большого Чертежа»
(из книги Макшеева «Географические сведения Книги Большого Чертежа»)

аще не мыслите на нас зла, выпейте чашу сию во здравие. Егда же Сейдяк приим нача пити, и поперхну в гортани его. По сем и Салтану, таж и Караче; обличе бо их зломыслие бог.

Статья 125.

Воевода же и вои видят, что мыслят зло, и с тихостью махнув рукою казакам, и нача бить поганых. Видев же Сейдяк убийство своих, кинулся в окно, за ним Салтан и Карача, и пойманы быша и связаны быша; а стоящеи вне града слыша, яко побежден Сейдяк и вси с ни-

ми, от великого страха побегоша и во град свой Сибирь не внидош но мимо. Протчии ж слыша во граде и набежа, и устремишася на Вагай до Кучюма.

Статья 126.

Лета 7097 [1528] сентября в 10 день, посла воевода Данило Чюлков Сейдяка, Салтана и Карачю ко государю к Москве. Егдаже привезоша казаки их к Москве, и повеле их государь крестити и указал им корм и вотчины на прожив. Есть же род тот и до днесь.

КАЗАКСТАН ПО «КНИГЕ БОЛЬШОГО ЧЕРТЕЖА»

А на устье тое реки [Илек] остров Кош-Яик. А промеж тех протоков и реки Яика, на острову Казачий город (стр. 70).

А от тоя горы 170 верст гора Улутова, по нашему Великая гора, а в ней олово (стр. 208).

А от усть реки Кендерлика 150 верст, с левые страны реки Сыра, град Сунак, против Карачатовой горы.

На реке же на Сыре, от Сунака града 90 верст, град Ясырван.

А от Ясырвана града 100 верст град Тюркустан, от Сыра реки от берега 20 верст.

А от Тюркустана 140 верст, на реке на Сыре, град Аркан.

А от Аркана 60 верст, на полуденной стране, град Янгурган, от Сыры реки 10 верст.

А от Янгургана 70 верст Акнурган град.

А от Акнургана 110 верст град Саирям, от реки 20 верст.

А от Саиряма 160 верст, с ночные стороны реки Сыры, град Такшур, от реки Сыры 30 верст (стр. 74).

А от верху реки Бузувлука на полях, и до Синего моря кочевье все Больших Ногаев. А от верху Бузувлука, то все Больших Ногаев кочевья до Синего моря 1350 верст (стр. 151).

А промеж озера Акбашлы, и реки Саук, и езера Акколь и по обе страны реки Зеленчика, и реки Кендерлика, и реки Сарсы и песков Кара-кум, на тех местах на 600 верст, кочевья Казацкие орды (стр. 74).

А промеж реки Кендерлика и реки Сурсы, Казацкая кочевая орда, до Калмыки (стр. 208).

VII.

КАЗАКСТАН В XVIII ВЕКЕ

В отличие от всех предидущих разделов, для этого раздела имеется изобилие материала, что, с одной стороны, заставило тщательно выбрать самые характерные моменты и, с другой дало возможность тематически систематизировать материалы. Конечно, здесь не могло быть и речи о том,

Часть карты Витсена 1687 г.
(из книги Берга «Аральское море»).

чтобы исчерпать материал, даже литературный, не говоря уже об архивном, который вообще не включался по плану в данную книгу, кроме некоторых, особенно известных и характерных документов.

Главным источником этого раздела являются труды той группы ученых, которые участвовали в экспедиции Академии наук 1768—1774 гг. Руководителем этой экспедиции был германский ученый Паллас. Его книга «Путешествие по разным провинциям Российской империи» является одним из

важнейших источников для изучения состояния восточных окраин России в этот период. Он проехал западную и северную часть Казакстана (Уральск, Гурьев, Троицк, Семипалатинск). С ним ехал Николай Петрович Рычков, сын оренбургского историографа, умерший в должности директора Астраханского шелкового завода и издавший в 1772 г. «Дневные записки путешествия в Киргиз-Кайсацкую степь». Он ехал в 1771 г. с отрядом, под командой генерал-майора Траубенберга, посланным для преследования волжских калмыков из Орска в Тургайские степи до Улу-Тау и оттуда приехал обратно в Троицк. Другая часть экспедиции Палласа находилась под руководством шведского ботаника Фалька, приглашенного директором Петербургского ботанического сада по рекомендации знаменитого Линнея и покончившего самоубийством в Казани в 1783 г. С ним в начале экспедиции был немецкий энтограф и естествовед Георги, который потом путешествовал самостоятельно. Фальк ехал из Астрахани в Оренбург отличной от Палласа дорогой. Он, как и Георги, имел множество бесед с местными жителями, причем многие сведения, приводимые Фальком и особенно Георги, почерпнуты, очевидно, из этих бесед. Из Оренбурга его дорога пошла вдоль границы до Омска. С Фальком ездил некий Барданес, молдавский грек, имевший уже тогда за собой жизнь, полную приключений. Этот Барданес два раза путешествовал вглубь Казакских степей. Другой участник экспедиции, ботаник Гмелин, побывал в западном Казакстане; он позже близ города Дербента попал в плен к персам, и там умер. На ряду с трудами путешественников, проезжавших через Казакстан, важными источниками являются сочинения П. И. Рычкова, оренбургского чиновника (начальника канцелярии губернатора Неплюева, позже заведывающего инородческими делами). Он опубликовал в 1759 г. свою «Историю Оренбургскую», в которой базируется на местном документальном материале, и в 1762 г. свою «Оренбургскую топографию». Кроме того, нами использован труд одного китайского чиновника (1773 г.) о джунгарах.

Первая часть настоящего раздела, содержащая общие сведения о казакских ордах, показывает, как смутны все еще были представления Европы о Казакстане. Смешение казаков с бурутами (киргизами), с русскими казаками, с уйгурами — в этом отношении особенно характерно. Множеством таких ошибок страдает особенно книга Страленберга, шведского офицера, в 1709 г. попавшего в русский плен, жившего 13 лет в Сибири и описавшего ее. Не на много яснее сведения, содержащиеся в знаменитой «Энциклопедии» Дидро. Статья в «Энциклопедии, подписанная буквой «Д», составлена, без сомнения (это показывает частичное дословное совпадение текста «Энциклопедии» с соответствующей главой его главного сочинения), французским ориенталистом Дегинем, автором многотомной «Истории гуннов», представляющей собой несколько обработанный перевод китайских историков. Учитывая большую распространенность и авторитет «Энциклопедии», эти сведения можно считать типичными для состояния знаний о Казакстане у передовой интеллигенции Европы накануне Французской революции.

Характеристики, данные авторами казакскому народу, ненаучны, как всякие характеристики народов, упускающие из вида социально-классовую обусловленность и историческую изменяемость всяких «свойств» народов; характеристики эти очень противоречат друг другу.

Вторая часть раздела дает нам довольно подробную и живую картину хозяйства Казакстана, особенно его скотоводства в этот период. История с неудачными попытками казакского хана Нурали перейти на сенокошение, на фоне современного развития машинно-сенокосных станций и мощного подъема ударничества среди трудящихся казаков, может служить ярким примером изменчивости «свойств» казакского народа в зависимости от социального строя.

Этот же отрывок особенно ярко показывает с каким нескрываемым шовинистическим презрением смотрели на казаков указанные путешествен-

Карта Ремизова
(из книги Берга «Аральское море»).

ники, бывшие по существу лазутчиками молодого российского капитализма в будущих его колониях.

Третья часть показывает нам политику русского царизма, направленную к овладению торговыми путями через казакские степи. Подробно останавливаются источники на описании торга с киргизами в Оренбурге, Троицке, Петропавловске и Семипалатинске. Оренбург был создан на месте теперешнего Орска (1734 г.), потом перенесен на Красную гору (1739 г.) и, в конце концов (1742 г.), на место, где он находится сейчас. Троицкая ярмарка была открыта в 1750 г., Петропавловская крепость возникла в 1755 г., Семипалатинская крепость — в 1718 г., примерно, на 16 верст ниже теперешнего города по Иртышу. Все документы красочно говорят о колониально-грабительском характере торговли с совершенно неопытными в этом деле киргизами (казаками), а также об опасностях езды через казакские степи. В этом отношении особенно характерно описание поездки в Хиву

двух английских купцов, Томпсона и Гогга, совершенной в 1740 г. Гогг, между прочим, на обратном пути в степи был ограблен, тогда как Томпсон раньше покинул Хиву и через Бухару и Персию благополучно вернулся на родину.

Четвертая часть раздела содержит сведения о государстве казаков. Если учесть, что все вышеуказанные путешественники были в Казакстане

Часть карты Ганзея
(из книги: Jonas Hanway's nieuwe en wetenswaerdige Reizen. Haerlem. 1755)

накануне пугачевщины, то можно прямо сказать, что на классовые противоречия эти преданные существавашему строю писатели, закрывали глаза. Как идиллически они рисуют зажиточную жизнь яицких казаков, которые немедленно после этого вряд ли от хорошей жизни подняли знамя восстания! Как фальшиво они говорят о богатой жизни всех «киргизов» (казаков), давая одновременно не мало фактических намеков на существование жесточайшей эксплоатации не только рабов, но и маломощных скотоводов со стороны казакских феодалов, ловко прикрывающих эту эксплоатацию старыми формами родовой жизни!

Пятая и шестая части дают сведения о быте и об идеологии казаков

XVIII-го века. Сравнение с аналогичным материалом более позднего периода или, что, конечно, ввиду скудости источников труднее, более раннего периода даст много важных сведений для истории Казакстана, ибо этнографические сведения, хронологически определенные, и только такие, являются ценнейшим источником исторического познания.

Седьмая часть дает сведения об отдельных городах Казакстана. Эта часть, с одной стороны, дополняет предыдущие многими сведениями хозяйственного и др. характера, с другой, должна возбудить интерес к изучению прошлого края. Если в предидущих разделах мы имели дело прежде всего с киргизами (казаками), то здесь перед нами встает жизнь русского населения пограничных военных линий — Оренбургской (Гурьев, Уральск, Илецк), Уйской (между Троицком и Тоболом), Ишимской (от Тобола до Омска) и Иртышской (от Омска вверх до Усть-Каменогорска). Интересны сведения о горной промышленности в западном Казакстане и, особенно, в Алтайском предгорном районе. Некоторые сведения даны и о китайской пограничной линии.

Восьмая часть освещает важнейшие исторические события жизни казакского народа, причем в качестве хронологической границы взят 1780 год. Ибо события, наполняющие последние два десятилетия XVIII в. (более энергические вмешательства русских властей во внутренние дела орд, создание Ханского совета, восстание Сарым Датова) — более целесообразно соединить с матриалами по XIX веку. Освещены в этом разделе борьба вокруг русского подданства и характер этого «добровольного подданства». Освещена до известной степени борьба казаков с джунгарскими владетелями, которые при Галдане (1677—1697) и Церен Рабдане (1697—1727) создали мощное государство и вытеснили казаков с их старых мест на северо-запад. Правда, после смерти Галдана Церена (1727—1745) китайцы использовали создавшуюся междуусобицу для обратного покорения Джунгарии. Освещена дипломатия ханов Средней орды, лавирующих между китайцами, которые в 1759 г. уничтожили власть джунгарцев, и Россией. Освещено бегство волжских калмыков (тургутов), притесняемых царской бюрократией, через Казакстан в Джунгарию. Освещено участие казакских масс вопреки своим ханам в башкирском и пугачевском восстаниях и использование племенной вражды русским царизмом; освещены грабительские походы казакских феодалов к своим соседям, наивно объясненные Н. Рычковым изобилием лиц у казаков и недостатком их у соседей.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Рычков, Петр Иванович. История Оренбургская (1730—1750) Оренбург, 1896 (цит.: Рычков, Ист. Оренб.) и его же: Топография Оренбургская. Оp. 1887.

2. Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПБ. 1773. Тт. I и II, часть 1 (цит.: Паллас, I и II).

3. Pallas P. S Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches St. Petersburg. 1773. Bd. II. T. 2, (цит. Паллас. II2)

4. Falk, Joh. Peter. Beiträge zur topographischen Kenntnis des Russischen Reiches. St. Petersburg. 1785—1786 Bd. I—III (цит.: Фальк, I, III).

5. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Имп. Академией наук. Т. 7. СПБ. 1825. Содержит часть дневника Фалька и дневник Барданеса (цит.: Фальк, VII).

6. Рычков, П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887 (цит.: Рычков, Топ. Оренб.).

7. Rytschkow, Nikolaus.—Tagebuch über seine Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches. Übersetzt von A. H. Hase Riga. 1771. (цит. Рычков, Дневник).

8. Георги, Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПБ. 1799. Часть II (цит. Георги).

9. Jonas Hanways nieuve en wetenswaerdige Reisen. Haarlem. 1755 г.

10. Gmelin, Sam. Gottl. Reise durch Russland zur Untersuchung der drei Naturreiche. I. Teil. St. Petersburg. 1784. (цит. Гмелин).

11. Imbault-Huart, Camille.-Recueil des documents sur l'Asie Centrale. Publications de l'école des langues orientales virantes. Vol. XVI, Paris, 1881; В нем: Notices géographiques et historiques sur les peuples de l'Asie. Centrale de Si Tou Tché (цит. Эмбо).

12. Diderot et D'Alambert. Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers... Berne et Lausanne. T. XXXII. 1780.

13. Си-юй-вань-узян-лу (ботаник Западного края), изд. 1773 г. В книге Иакинфа: «Описание Чжунгарии и Восточного Туркистана. Часть I и II, СПБ, 1829 (цит.: Иакинф).

14. Пугачевщина. Т. I и II Центрархив. М.—Л. 1926 и 1929 г.

15. Strahlenberg, Philipp Joh. Der Nörd-und Östliche Teil von Europa und Asien. Stockholm, 1730 (цит. Страленберг).

16. Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург 1898 г. В нем хронологический перечень грамот (цит.: К.).

Необходимо оговорить одно обстоятельство, вытекающее из условий работы Алма-Ата. В Гос. публ. б-ке КАССР, на основе книжных фондов которой по преимуществу составлен настоящий сборник, «Дневник» Н. П. Рычкова есть лишь на немецком языке. Часть работ Палласа и Фалька имеется в русском переводе XVIII века, остальные места переведены с немецкого языка для настоящего сборника. Отсюда разница стилей использованных отрывков.

1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О КАЗАКСКИХ ОРДАХ И РОДАХ И ИХ КОЧЕВЬЯХ

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ

В Европе встречаются будзянские, крымские, кубанские (или скибанские), казанские и касиновские, а в малой Ногае — ногайские татары. В Азии и в Большой Ногае обитают астраханские, увинские и башкирские татары, к западу же от Каспийского моря — дагестанские и комуцкие, а также татары, живущие около сибирских городов Тюмени, Тобольска, Тары и Томска. Кроме того, родственные племена имеются в собственной Большой Татарии, как-то: кочующие узбеко-туркмено-уган-булучские и кергезские (не киргизские) или брутские татары, а также каракалпаки и казачья орда [Kosaci Hordae]. Все они — мусульмане, но татары, живущие в Сибири, как, например, якутские, киргизские, братские [бурятские], саянские или сойотские — еще язычники. Однако и эти татары, как и первые, имеют почти одинаковое наречие с турками. Все народы, указанные в этом параграфе, называются татарами.

(Страленберг, 34—35).

Всех киргизов имеется три орды (по кирг. Dshius): Большая, Средняя и Малая. Большая орда совершенно отдельна от двух других, за ней обычай закрепил наименование буруты...

Орды Малая и Средняя кочуют обе в пределах одной и той же степной территории, бок о бок друг с другом. Чтобы избежать всяких повторений, я буду описывать обе эти орды одновременно, так как у них совершенно одни и теже установления, один и тотже уклад существования, и обе уже связаны с Россией рядом политических отношений...

Издавна киргизы разделились на три отдельных орды, т. е. скопища [Horden или Orden], а каждая орда — на десять центурий, или тысяч. «Кёргер», люди степи, — так называют киргизы Большую Орду [Koerger]. Обе других орды присвоили себе наименование «кир-казак от слова «кир» — пустыня и «казак» — смельчак [в нем. тексте «казак» переводится Wagehals]...

(Фальк, III, 540).

Сей народ называет сам себя Киргис-хазак, под которым именем он известен и своим соседям россиянам и калмыкам. Но киргизцы рассказывали мне следующее происхождение сего имени. Прежде жили они купно с турками и распространялись до Ефрата; там управляли ими особливые владельцы, из числа коих Иазыд-хан был последний в сей стране. Сей хотел овладеть турецким престолом и для того умертвил двух Магометов внуков Хозан и Хусанн именуемых и родившихся от его дочери. Но как сие смертоубийство открылось, то турки как его, так и всех киргизцев из их жилищ прогнали вооруженною рукою. Потом они были соседи нагайским татарам, но, наконец, и сами были завоеваны и прогнаны из той степи, которою они ныне владеют. После того их орда поддалась некоторому Кергис-хану коего подданные были соседи дзюнгорам и

монгалам; и помянутый Кергис-хан употреблял их только в военную службу. Но они и ему сделавшись неверными, переселились в нынешние свои жилища, и оттуда принесли с собою имя киргис-хазак, которое значит кергис-ханского военнослужащего; да они и думают, что все российские казаки, как свое название, так и военнодействие от них приняли.

(Паллас, I, 567—568).

У киргизцев вид точно такой же милый и свободный, как у казанских татар. Глаза у них, которые поменее, может быть и от того единственно, что они более сжимают веки по причине желтеющих степей и ослепляющего снегу, веселы, а не грозны. Они одарены от природы изрядным разумом, любят пустоши, пышны, прокладны, ласковы, любострастны и, следовательно, не кровожаждущи. Грабительства их, также жестокость и несправедливости можно почесть паче следствиями сурового и необузданного их рода жизни, нелепого стремления к мщению и ложных понятий о чести и смелости, нежели природным к тому влечением, почему они совокупно с распространением торговли с Россиею нарочито и во нравах своих исправляются. Женщины их похваляются за домовитость, за добросердечие и за сободезнование о невольниках, которым облегчают они часто побеги и не без собственной своей опасности.

(Георги, II, 123—124).

По своей наружности и по своему нраву киргизы, которых я описываю, совершенно похожи на татар, рослые, с хитрым взглядом. Глаза у них маленькие, но зато большие, оттопыренные уши, в высшей степени примечательные. Боевой отваги у них нет, но к грабежу склонность большая. При этом, однако, они не кровожадны и щадят своих пленных.

(Фальк, III, 540).

Молодые люди лицом нарочито пригожи, и то, может быть, происходит от смешения с калмыцкими и другими похищенными женщинами. Ибо старые отчасти имеют лицо страшное, жидовское, и по причине леностного жития, телом очень толсты и нелепы.

(Паллас, I, 572—573).

В протчем киргизцы люди боязливые и толь мало склонны к кровопролитию, что лучше стараются взять кого-нибудь в плен, нежели лишить жизни. С невольниками поступают милостиво, естьли они служат им верно. С чужестранцами обходятся ласково; однако, всегда употребляют хитрость и наблюдают свою корысть: ибо когда они приезжают в российские жилища, то хозяевам дарят неважные вещи в том намерении, чтобы после выманить себе подарок поважнее. Они поздравляют по татарскому обыкновению, и правую руку другого жмут обеими руками, но старых знакомых обыкновенно обнимают на крест. Язык их мало разнится от татарского, однако, имеют высокое произношение и обыкновенно употребляют замысловатые речи.

(Паллас, II, 580—581).

Хотя в обхождении с людьми они вообще мало церемонятся, но в отношении всех, кого они не намереваются ограбить или взять в рабство, они очень гостеприимны. У них почти нет бранных слов. В гневе они говорят: «пусть тебя возьмет калмык». «Раб без ушей» — самое большое у них ругательство.

(Фальк, III, 572).

Впрочем, хотя в «Примечаниях» 1734 года, под № 29 [«Примечания Импер. Академии наук»] и означено, якобы Абулхаир-хан больше ста тысяч человек в поле поставить мог, но по нынешнему сведению их людства из обоих орд, ежели б их можно было соединить, от сорока до пятидесяти тысяч легко и скоро может собраться, а ста тысяч не чаемо. Может быть, по тогдашнему рассуждению, включены тут были и Большой орды киргизцы и каракалпаки, о которых Абулхаир-хан, чтоб им в подданстве российском быть, старание прилагал.

(Рычков, Топогр. Оренб. 111).

В каждой орде считается тысяч до тридцати кибиток, или семей; да они не меньше могут поставить и ратоборных людей, но сия смета полагается только, применяясь к известным частным аймакам в рассуждении числа находящихся в них душ.

(Георги, II, 122).

Определение сил каждого аймака, а также и каждой орды в целом выходит еще более шатким. Я попробовал все таки вывести среднюю из различных выкладок. Сила каждой отдельной орды получилась у меня примерно по 100000 стрелецких луков. Кроме этих орд, имеются еще китайские киргизы. Это, главным образом, остатки в долине Джунгарии от Средней орды после ее общего отхода на запад, не увлеченные этим отходом или прямо задержанные китайцами. Число всех этих киргизов должно представлять большую или меньшую, но во всяком случае не незаметную величину. Китайцы держат их для земледелия. Поэтому они живут оседло, в селениях. Их пища — главным образом, хлеб, а стада у них маленькие.

(Фальк, III, 542).

Никто не запомнит, с каких времен и по каким причинам разделились киргизцы на три орды, из коих одна называется Большою, другая — Среднею, а третья — Малою.

Большая орда дружна с буруттами, да и почитается за один с ними народ и при том еще коренной, от коего произошла Средняя и Малая орда. Они кочевали наибольше на юге и поселились в Алтайских горах, кои суть склонившийся на север хребет Индийских гор и по которым они и называются алтайскими киргизами. Еще и ныне кочует орда сия по ту сторону Ташкента, при реке Верхнем Сырте, около Туркестана и пр.

Она может нарядить до 30000 человек конницы, из коих, однако ж, разве только третья часть к произвождению войны способна. Она так же, как и другие орды, разбойничает и производит грабежи не только на землях спокойных своих соседей, но и над купеческими

караванами, как то сделалось в 1738 году у Ташкента над российским караваном. Соонгарцы довольно старались подвергнуть ее своему игу, но храбрость ее и неприступные горы сохранили ее независимость, и она вступила с соонгарцами в союз единственно для отвращения от себя соонгарских набегов.

Киргизцы Большой орды, или бурутты, живут во всегдашних зимних деревнях, но летом обитают по большей части в тростниковых шалашах, однако ж очень редко переменяют место своего жилища. Некоторые из них упражняются несколько в земледелии, а в прочем гораздо прилежнее, основательнее и мужественнее, нежели прочих киргизских орд народы, однако ж, напротив того, более их склонны к воровству и разбоям.

С Среднею и Малою ордою тоже самое было. В начале нынешнего столетия уступлены они соонгарцам, но должны были так же, как и соонгарцы, очистить Сибирь совершенно, после чего и заняли киргизцы те степи, которыми они ныне владеют. Каждая орда имеет особливого хана и свои разведенные места, которые разделены ими несколько по улусам. Степи их простираются: на западе до реки Урала (кирг. Диек); на севере — до Уя и новой Сибирской, или Ишимской, линии, от Тобола до Иртыша; на востоке — до реки Суразы, Хивы, Туркестана и проч.; на юге-востоке и юге до Сыр-Дарьи, так же Аральского озера и Каспийского моря. Обширные сии степи, которых западною и юго-западною частию Малая, а больше на восток и на север простирающеюся страною Средняя орда владеет, состоят большею частью из открытых и сухих лощин с песчаными местами и солончаками; плодоносных же полей мало, а лесистых мест и того меньше. Они недостаточны также и хорошею водою. Премногие озера нарочито или несколько изобильны солью, а таких, в каких чистая вода — мало. Знатнейшие их реки, кроме так называемых порубежных рек, суть: верхний Тобол и Ишим, впадающие в Иртыш, так же Ёмба, Иргис и Тургай, из коих первая — в Каспийское море, а прочие в Аксакальское озеро впадают.

(Георги, II, 120—121).

Киргизы Большой орды. Сей народ располагается кочевьями своими позади прочих двух, то-есть Меньшей и Средней киргизкайсацких же орд, состоящих в подданстве Российской империи, а именно около рек Чирчика (коя течет близ Ташкента), Арыша и Каляса, по ту и по сю сторону Туркестана, також и к Ташкенту, коего обывателей (ибо они военные люди) весьма часто раззоряют, а особливо на полях упражняющихся в земледельстве грабят. Да и на купеческие караваны, от них и к ним идущие, чинят частые нападения, как-то в 1738 году и на российский караван, отправленный из Орской крепости, при тайном советнике Татищеве, в Ташкент, не допустя оный до Ташкента дня за два, нападение учиня, весь разбили. Впрочем оные киргизцы того ж отродия, как и прочие две орды. И хотя сия орда Большою именуется, но людством против Меньшей и Средней гораздо менее: ибо более десяти тысяч человек на войну никогда из них не собираются. Ныне состоит она некоторым образом в протекции, или паче в союзе, зюнгорского вла-

дельца; и хотя в ней свои ханы бывали и старшины знатные есть, но поступают они большей частию по воле зюнгорского владельца, чего ради и ташкентские обыватели оному же владельцу в протекцию отдались ,боясь, чтоб им от сей Большой орды возсе разоренным не быть.

(Рычков, Топогр. Оренб., 18).

Талас течет на юге параллельно с Цуи [Чу], она менее и впадает в озеро. По ней живут буруты или киргизцы Большой орды, а потому здесь часто встречаются орды, несмотря на то, что Средняя орда, с открытия ей Зюнгарской степи, редко бывает при Цуи...

(Фальк, VII, 43—44).

О кочевьях Малой и Средней орд... Вообще надлежит знать о жительствах обоих орд [Средней и Малой], что к России за предел оных почитается, с одной стороны, начав от Каспийского моря, река Яик до Верхояицкой крепости, а оттоль перешед на вершины реки Уя вниз до реки Тобола на Звериноголовную крепость, отсюда ж на реку Ишим и вверх по Иртышу, оставляя по течению сих рек левую сторону в их стороне. За внешние ж их пределы, начав от Каспийского ж моря, с устья реки Эмбы, может почтен быть по генеральной оренбургской ландкарте... весь 44 градус ширины с верхнею частию Аральского моря к реке Сыр-Дарье, где она означенный градус пересекает, а оттоль на реку Сарасу, которая киргизцев от зюнгарцев отграничивает; отсюда ж паки [опять] на вершины Ишима реки, которую окружность обе оные орды кочевьями своими занимают, яко тут не только городов, но и никакого жила, кроме их киргиз-кайсацких кочевьев, не имеется. Однако ж по пространству степи так они располагаются, что иногда дня два или три, а иногда и больше, конною ездою до улусов их пустоты бывает. Сие, как выше означено в рассуждении обоих орд вообще, а о каждой порознь известно следующее.

Меньшая киргиз-кайсацкая орда кочует обыкновенно летом: 1) по двум рекам Бердам и по впадающим в них речкам, из которых первая Берда впала в Яик, выше Оренбурга верстах в пятнадцати, а другая верстах в семидесяти, немного ниже Красногорской крепости; 2) по реке Илеку (до которой от Оренбурга конной езды один день) и по впадающим в оную с обоих сторон многим речкам. Илек же впал в реку Яик немного пониже Илецкого городка, но и по самому Яику нередко они располагаются, хотя им то, а паче близ крепостей, непозволительно, для бережения лугов и сенных покосов; 3) по реке Кобде, коя течет за рекою Илеком в полуднях и впала в Илек близ устья оного, и по впадающим в Кобду речкам, коих есть там много; 4) по реке Ибеит и по текущим в нее речкам. Ибеит же впадает в реку Яик против Ильинской крепости, до которой от Оренбурга сто пятьдесят четыре версты; 5) по реке Ори, коя впала в Яик ниже Орской крепости верстах в четырех и по впадающим в оную многим речкам, а особливо с левой стороны по Минлибаю, коя в Орь реку впала от устья Орской крепости верстах в двадцати, да

по Камышле, коя вошла в Орь с правой стороны, от устья конной езды полдня; 6) по реке Мурзабулаку, коя впала в Яик ниже Орска верстах в пятнадцати, и по другим в Мурзабулак впадающим речкам; 7) по рекам Ярлыке и Кумаке, кои сошлись в одно устье и впали в Яик выше Орска верстах в двадцати пяти, и по впадающим в них многим речкам; 8) по реке Сундуке и по текущим в нее речкам, которая впала в реку Яик против Кизильской крепости, расстоянием от Оренбурга вверх по Яику четыреста пятьдесят четыре версты. Однако ж случается иногда и то, что по оным рекам и речкам, особливо ж по Ори, Минлибаю, Камышле и по другим, в реку Орь впадающим, тако ж по Ярлыке, Кумаке и по Сундуке и Средней орды киргизцы по нескольку кочуют. Ибо у них между собою в том никакого раздела нет и споров не бывает.

Зимовья ж сей орды знатнейшие суть следующие, а именно: от Оренбурга к стороне Орской крепости: 1) по двум рекам, называемым Камышла-Иргиз и Таил-Иргиз, которые вышли от севера из-за Орских вершин и впали в реку Улу-Иргиз, коя, также вышед с северной стороны, впала в озеро Аксакал. Вершины всех оных от Орской крепости скорою ездою дней около трех; 2) по озеру Аксакалу, до которого от Орской крепости в правую сторону конной езды дней с семь. Из оного ж озера вышли разные протоки и впали в реку Сыр-Дарью; 3) при урочище, называемом Кара-Кум, то-есть черный песок, которое есть по сю сторону Сыр-Дарьи, а от Аксакала расстоянием один день, а от Орской крепости дней с восемь. Отсюда по самую Сыр-Дарью пошли пески и киргизцы, кочуя тут, довольствуются водою из выкопанных колодцев и из текучих ключей; 4) при урочище Турнаке; Турнак же называется большой камень, который лежит на самом устье Сыр-Дарьи на берегу. Сие урочище от Оренбурга расстоянием конной езды дней с пятнадцать. В другую ж, то-есть в сторону Каспийского моря, сей же Меньшей орды киргизцы зимуют по Эмбе и по текущим в нее с обоих сторон речкам, почти до самого ее устья, где она в Каспийское море впала. Ближайшее к сей реке расстояние от Оренбурга дней восемь; 5) по ту сторону реки Эмбы, при урочищах Большом и Малом Бурсуках, то-есть песках, от Эмбы реки конной езды дня четыре, от Оренбурга ж прямо в полдень дней двенадцать, где зимуя, довольствуются снежною водою, а пока снегу нет, то из колодцев; 6) при озере Каракуле, между Эмбы и Яика рек, расстоянием от яицкого Антонова форпоста три дня; 7) по двум рекам Уиле и Киile, которые текут с западной стороны в озеро Каракуль, расстоянием от Оренбурга до тех мест дней шесть или семь; 8) по рекам Галдыгаиты и Бултурды, которые вышли с полуденной стороны и впали одним устьем в реку Яик. Казаки называют их Утвы. Расстоянием они от Илецкого городка вниз дня полтора. Кроме означенных урочищ нередко случается, что оная орда, за недостатком кормов по самому Яику зимует, а иногда табуны их лошадиные и на сю сторону Яика реки перепускаются. Но в таком случае для спокойства их киргиз-кайсацкого берутся от них аманаты. Тако ж и сие случалось, что многие улусы около Аральского моря, а иногда и в Каракалпацком владении, зимовали.

Впрочем, вся Меньшая орда разделяется на две части: одни на-

зываются алчинцы, а другие — семиродцы, по их именованию джатыр, из которых первые гораздо сильнее последних.

Роды ж, или аймаки, знатнейшие в сей орде: 1) Алчинский, в котором настоящие алчинцы; 2) Адажский; 3) Машкарский; 4) Таминский; 5) Табынский; 6) Китейский; 7) Кара-китейский; 8) Чумакайский; 9) Чиклинский; 10) Джигал-Байлинский. Понеже они к Хиве и к трухменцам смежно находятся, да и от волжских калмык, а паче когда они к Каспийскому морю и к реке Яику прикочевывают, весьма недалеко живут: то по особливой их склонности к войне и воровству бывают у них с теми народами частые сражения, особливо хивинских и других, через орду в Оренбург и из Оренбурга проезжающих, купцов обижают и грабят и тем в распространении оренбургской коммерции великое помешательство причиняют. И хотя о пресечении того несколько уже лет старание прилагается, но по беспутству и бессилию владельцев их и старшин и по ветреному состоянию сего народа, доныне почти никакого успеха в том нет. Что до бывших от них на Волжских калмык нападений принадлежит, то от сего удерживаются они ныне расположенными от Яицкого города вниз по реке Яику яицкими казаками, которых для того на тамошних форпостах всегда тысячу человек содержать велено и содержатся. Ибо им, идучи на калмык и оттуда возвращаясь, реку Яик необходимо переходить надлежит. И хотя они иногда по морю, да и сквозь форпосты прокрадывались к калмыкам, однако, не редко случалось, что они, возвращаясь от калмык с добычею, переловлены, а иногда и на смерть побиваемы были, отчего уже они ныне на воровство туда не так охотно отваживаются. Да и русских купцов, когда они в Хиву или в Бухары из Оренбурга едут и оттуда возвращаются, не грабят, а довольствуются грабежом одних тамошних народов. Людства в сей орде по смете уповательно быть до двадцати тысяч кибиток. Богатство их состоит наипаче в лошадях и в баранах, которыми они в Оренбурге и в Хиве торгуют, однако пред недавним временем некоторые из киргизцев, а особливо ж те, кои посмышленее и к воровству не склонны, покупая в Оренбурге разные товары, у себя в орде торговать стали, да и хлеб (которого они прежде не употребляли, а довольствовались одним мясом и молоком) выменивать и в пищу зимою употреблять начали, из чего можно недеяться, что они со временем также могут быть, как и башкирцы, которые сначала не только хлебопашества и другой домашней экономии, но и домов себе не имели, да и поныне такие из них еще есть, а паче на сей стороне Урала, что для одной зимы, да и то самые худые хижины содержат, а летом, по старому обыкновению, со всем своим скотом, с места на место переходя, кочуют.

Средняя ж киргиз-кайсацкая орда знатные кочевья имеет в нижеписанных местах, а именно: 1) дальние улусы обыкновенно кочуют по реке Сарасу, которая вышла из Зюнгар и течет близ Туркестана, расстоянием от Орской крепости от пятнадцати до двадцати дней конной езды; 2) по вершинам реки Ишима, расстоянием от реки Жилана в левую сторону дней шесть, а от Орской крепости дней пятнадцать; 3) по реке Жилану, которая вышла от Зюнгарской стороны из горы, называемой Улу-Тау, то-есть большая гора, и скры-

лась в землю от Орска в левую сторону расстоянием скорой езды девять дней, а от реки Большой Турт до оного Жилана — один день; 4) с вершин Тобола реки по оной и по впадающим в нее рекам и речкам до устья Уя, при котором построена Усть-Уйская крепость, от Оренбурга расстоянием девять сот шестнадцать верст; 5) по рекам Чертанлыку и Гилкувару, кои впали в реку Тобол недалеко от вершин оного, и по впадающим в те две реки мелким речкам, расстоянием от Верхояицкой крепости конной езды полтретья дня; Верхояицкая ж от Оренбурга пять сот восемьдесят две версты; 6) по реке Каят, коя впала в Тобол пониже Чертанлыка и Гилкувара, и по текущим в Каят мелким речкам, от Усть-Уйской крепости расстоянием конною ездою дня два; 7) по озеру Чалкару, которое находится при горе Карачатау, куда надлежит ехать вверх по... Камышле до вершины оной, а с тех вершин до помянутого озера три дня, и так будет оно от Орска в левую сторону; 8) по трем рекам, называемым Ул-Куяки, которые вышли от вершин Тобола и впали в реку Тургай. До вершин их расстояния от предупомянутого озера два, а от Орска влево пять дней; 9) по речке Текутурмас, коя вышла из гор от стороны Тобольских вершин, и впала в реку Сара-Тургай, расстоянием от Улкуяков день, а от Орска влево семь дней; 10) по реке Сара-Тургай, коя вышла с сибирской стороны от вершин Ишимских и впала в Большой Тургай, расстоянием от Текутурмаса полдня, от Орска ж влево семь дней с половиною; 11) по реке Большому Тургаю, которая вышла из гор неподалеку ж от Ишимских вершин и впала в озеро Аксакал, расстоянием от Сара-Тургая полдня, от Орска же влево восемь дней; 12) по озерам, именуемым Карсак-Баши, коих в Тобольских и Сара-Тургайских вершинах есть немало; 13) по Аксакалу озеру, от Орска с левой стороны, при котором по правую сторону обыкновенно Меньшая, а по левую Средняя орда кочуют, и тем озером обе орды разделяются; 14) по Усь-Узюке, то-есть по трем истокам, которые вышли от полудня из Бухарской стороны и впали в Аксакал озеро, по ту сторону оного. Сверх сих еще разные речки и урочища есть, где оная орда кочевьями своими располагается; но они не все ведомы и не так знатны, для того сюда и не внесены.

В сей Средней орде генерально четыре рода состоят, яко то: Найманы, Аргинцы, Увак-Гирейцы и Кипчаки, из которых Найманский против всех прочих людnее и богатее.

...Аргинский же род разделяется на девять поколений: 1-е именуется у них Чакчат, 2) Чарджит, 3) Тюртюул, 4) Караул, 5) Каракисяк, 6) Канджагалы, 7) Атчай, 8) Тараклы, 9) Кулчан-Аргинское. Кипчаки ж разделяют себя на пять колен, а именно: 1) Кипчакское само собою, потом 2) Кунделен, 3) Узун, 4) Танабуга, 5) Карабалык-Кипчакское. Сия орда пред Меньшею людnее и богатее, а особливо лошадьми, которые у них больше и лучше, нежели в Меньшей орде находящиеся. Да и народ сей орды посостоятельнее; сего ради и купцы азиатские для торгу в Оренбурге и в Троицкую крепость чрез улусы Средней орды охотнее и безопаснее ездят, да и лесов, по сказкам посланных туда из Оренбурга людей всякого звания, находится там довольно, которых в Меньшей орде весьма

недостаточно. Ежели кто похочет все вышеписанное с тем сличить, что в «Примечаниях» Императорской Академии Наук 1734 года, по № 28, 29, 30 и 31 о Киргиз-кайсаках и башкирцах показано: то подлинное в описании обоих оных народов окажутся немалые разности, но мы в доказательство вышеписанного более ссылаемся на нынешнее обоих тех народов состояние, ибо писано то самое, о чем от самих тех народов, тако ж и от бывалых там людей, в разные времена уведомленность...

(Рычков, Топогр. Оренб., 96—104).

...Что касается орды Малой, я привожу следующие сведения об ее составе из отдельных аймаков, или илов [Illen], очень неравных по удельному весу между собою.

1) Аймак Алача, или Алача-Ил, в Рычковской «Оренбургской Топографии» — по Алчинской волости; 2) Байбакте; 3) Машкар; 4) Касельгурт; 5) Тана, у Рычкова — Таминский ил; 6) Серкеш; 7) Тасдар; 8) Аслен; 9) Адай, у Рычкова — Адашский; 10) Берш; 11) Узенбемер; 12) Диагус; 13) Тукмер-Адай; 14) Бойбат; 15) Кашай; 16) Тассеке; 17) Кеншальбан; 18) Моат; 19) Табиш; 20) Картмалтак; 21) Балакша; 22) Дисменей-Караш.

Информировавшие меня киргизы отозвались полным незнанием относительно волостей, не вошедших в приведенное перечисление. Но в Рычковской «Оренбургской Топографии» упомянуты еще несколько волостой (Китейская и др.).

Средняя орда [по кирг. Orta Dshius] имеет аймаки, или «илы», следующего наименования:

1) аймак Атагни, владыкой этой волости является властвующий как хан салтан Аблай. В аймаке — 9 улусов или «уру»; 2) Найман ил или аймак, заключает в себе 16 улусов, — самый многолюдный и богатый своими стадами аймак; 3) Кипчак — аймак из 12 улусов; 4) Аргинаймак из 6 «уру»; 5) Увак-Гирей-ил — 14 улусов.

Мой перечень расходится с перечнем Рычкова, и я думаю, что есть и еще аймаки, не названные ни у меня, ни у него.

(Фальк, III, 541—542).

Из статьи «Тартары» в энциклопедии Дидро. Тартары или татары, — народ, заселяющий почти весь север Азии. В настоящее время этот народ делится на три различные нации: 1) татары в собственном смысле; 2) калмыки; 3) монголы. Остальные языческие племена, рассеянные по всей Сибири и по берегам Ледовитого океана, являются, собственно говоря, племенами дикими, разъединенными, хотя и происходящими от древних татар.

Татары в собственном смысле исповедуют магометанство, хотя у большинства из них в религии больше языческого, чем магометанского. Все татары подразделяются на множество народностей. Главные из них: 1) барабинские татары; 2) татары-башкиры и уфимские татары; 3) татары будзинские; 4) татары-калмыки; 5) татары Казачьей орды 6) крымские татары; 7) татары черкесские; 8) татары дагестанские; 9) татары кубанские; 10) татары-монголы; 11) та-

тары-ногаи; 12) татары-телангуты; 13) татары-тунгусы; 14) татарьі великой Бухарии; 15) татары-узбеки.

. . . . . .

5) Татары Казачьей орды — одна из ветвей татар-магометан, обитающих в восточной части Туркестана, между реками Эмбой и Сырт [Сыр-Дарьей]. Они — среднего роста, очень смуглые, с маленькими черными блестящими глазами и с густой бородой. Они стригут свои волосы, чрезвычайно густые и черные, на четыре пальца от головы и носят круглые шапки в четверть аршина высотой из грубого сукна или из черного войлока, с меховыми полями. Одежда их состоит из хлопчатобумажной рубашки, из брюк бараньей кожи и из хлопчатобумажного же стеганого халата, называемого русскими китайка. Зимой сверх этого халата они надевают длинную шубу из бараньей шкуры, служащую им летом в качестве тюфяка. Чрезвычайно тяжелые сапоги их из лошадиной кожи сделаны таким образом, что каждый из них может изготовить их сам. Оружие их состоит из сабли, лука и пики, так как огнестрельное оружие вплоть до настоящего времени у них весьма мало употребительно.

Они всегда на лошади, в пути или на охоте, представляя заботу о своих стадах их женщинам и нескольким рабам. Они живут по большей части в палатках или юртах, кочуя в направлении калмыцкой границы и реки Эмбы, чтобы быть всегда готовыми к набегам. Летом они весьма часто забираются высоко в горы и проникают далеко в Сибирь к западу от реки Иртыша (Iris).

Кара-калпаки, заселяющие западную часть Туркестана около побережья Каспийского моря являются верными союзниками и родственным народом татар Казачьей орды, сопровождая, обычно, последних в их кочевках, если имеется в виду какое-либо большое дело.

По вероисповеданию татары Казачьей орды — магометане, но у них нет ни корана, ни мулл, ни мечетей, так что их религия выражается в немногих вещах. Они имеют хана, который живет, обычно, зимою в городе Ташкенте, а летом кочует по берегам Сыр-Дарьи и у калмыцкой границы. Однако, их особые мурзы, весьма могущественные, оставляют хану немного власти. Эти татары могут вооружить самое большее 30 тысяч, а совместно с кара-калпаками — 50 тысяч конных воинов.

КИТАЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Казак, по китайски Хасак, есть большое владение, лежащее от Или к северо-западу. Это есть древняя Давань.

В 21-е лето правления Цянь-лун (1756 г.), когда китайские войска вступили в земли Казачьи, хан их, Аблай, вышел навстречу им и вступил в подданство китайское, почему и получил от государя грамоту на княжеское достоинство и календарь. С сего времени все его владение причислено к Китаю. Здесь не знают постоянного пребывания по городам и селениям. Землепашеством не занимаются. Живут в войлочных кибитках, питаются от скотоводства. Живут разсеянно и не составляют поколений. Земли их состоят из разлогов и низменных гор, привольных травою. Владельца называют би, а друг друга называют по имени. Ныне государем у них Аблай-би. Владения его довольно обширны, многолюдны. Скотоводство здесь весьма

значительно: богатые содержат до 10 000 рогатого скота и лошадей, а овцам счета не знают. Жены по порядку от брата к брату поступают. Сыновей на 16 году возраста отделяют и снабжают частию скота, чтоб могли жить сами по себе. На пиршествах употребляют верблюжину, коневину, говядину и баранину; вино делают из кумыза. Вообще употребляют деревянную посуду, а богатые имеют медную и оловянную. В количестве одеяния поставляют щегольство, так что летом, в сильные жары, ходят на пиршества, одевшись в восемь и девять рядов платья. Очень любят китайский фарфор и чай. Разные выбойки, парчи и плис предпочитают всему, а гродетуры, атлас и тафты не очень уважают. Они не имеют ни законов, ни учреждений; мало слушают и приказаний своего государя. Ежели кто провинится, то преступника судят на общем сборе. За малые вины штрафуют скотом, а за большие — общим приговором, предают смерти и разделяют между собою имущество виновного, не относясь к государю. В военных делах владелец советуется с народом; нежелающего итти в поход не принуждают.

Ежегодно платят Китаю из рогатого скота и лошадей одну голову со ста, а с овец — одну голову с тысячи. Илийский главнокомандующий посылает в их владения чиновников для сбора сей подати. При первоначальном требовании владелец и старшины встретили великие затруднения. Владелец всячески убеждал их, и, наконец, принужденно согласились внести сей ясак. После сего, опасаясь худых последствий, ежегодно сами отдают его сполна и без замедления. Казаков две орды. Первая, принадлежащая Аблаю-би, граничит с Или и Тарбагатаем, находится под покровительством Китая и ежегодно пригоняет скота на границу для промена на шелковые материи. Казаки, обитающие к северу от них, составляют другую орду, которая многочисленнее сей и не зависит от Китайской державы.

(Иакинф. 144—146).

2. ХОЗЯЙСТВО КАЗАКОВ

СКОТОВОДСТВО

Богатство киргизцов собственно состоит в скотоводстве, а наипаче много у них лошадей и овец. Верблюдов имеют они гораздо меньше, а коров и того еще меньше, по той причине, что их зимою без обыкновенного корма не можно хорошо содержать в степи. Во время переезда с одного места на другое возят они свои вещи на быках и верблюдах.

(Паллас, I, 581).

Скотоводство у киргизов самый распространенный, почти единственный в сущности промысел. У них необыкновенно большие стада прекраснейшего скота.

(Фальк, III, 542—543).

Все вообще киргизцы кочуют, живут всегда в подвижных юртах

и ради скотоводства, главного и почти единственного упражнения, странствуют в своих степях. Поелику они в рассуждении перекочевок сообразуются своим стадам, то летом пребывают наибольше в лежащих ближе к северу, а зимою в склонившихся больше на юг степях. Звериный промысел и рыбная ловля могут почитаться побочными только их упражнениями; о землепашестве же, которое и без того в большей части сухих и солончаками изобильных их степей было бы не прибыльно, они и не думают.

(Георги, II, 126).

Я не видал у них никаких других верблюдов, кроме двугорбых.

...У богатых киргизцов верблюдов доят, и сказывают, что их молоко синевато, густо и вкусом приятно. Киргизцы почитают верблюжье молоко за весьма здоровое, и заквашенное придает больше хмелю, нежели кобылье молоко; при том же из него выходит лучшее вино, но сметана на нем не садится. В зимнее время должно больше стараться о верблюдах, нежели о прочей скотине, а именно покрывать их войлоками или камышевыми рядинками и во время жестокой стужи расставливать большие войлоки или камышевые рядинки между кибитками для их прикрытия.

(Паллас, I, 581—582).

Верблюды имеются почти у каждого киргиза, по большей части двугорбого типа (кирг. Aire Tyje). Их отличают от верблюдов одногорбых (Nar Tyje) и находят, что они и быстрее бегают, и больше поднимают, и могут обходиться без пойла и без фуража более долгое время. В силу этого они лучше для длительных перегонов, и все бухарские и хивинские караваны пользуются верблюдами именно этого типа. С одногорбых зато сходит гораздо больше шерсти, и в обиходе в силу этого они полезнее, и, кроме того, они лучше переносят холода. Есть у них верблюды, говорят киргизы правда, одногорбые, но самый горб у них несколько раздвоен, какой-то промежуточный тип. Но лично я не имел случая видеть таких верблюдов и не знаю, насколько можно доверяться в этом вопросе словам азиатов, меня осведомлявших. Верблюдов обоих типов киргизы неизменно оставляют всегда под открытым небом. Зимою они их ушивают в войлок, который облегает их корпус как своего рода попона, и больше не прилагают по отношению к ним никаких предупредительных забот. Верблюды питаются грубыми травами, зимою подбирают ветки ив и разных кустарников, но в общем едят мало.

Они большие охотники до одного мелкого степного кустарника Cytifus hirfutus [ракитник], а также до Hedifarum Alhagis, Robinia, Echinops fparroceph и до других грубых соленых растений.

Если в течение долгого времени им не попадается никаких просоленых растений и если им удается, наконец, напасть на последние и поесть их, то они страдают поносом. Если они наедятся соленых растений и затем пропотеют от бегания или других причин, то вся их шерсть по всему телу пропитывается соленым выпотом настолько, что ночами к ним стараются подлезть коровы, овцы, козы и лижут их. Они сами также вылизывают друг друга, вызывая тем у себя желудочные камни.

К концу зимы у этих животных бывает случный период. Верблюды-жеребцы в это время очень дичают, делаются злы, скрежещут зубами и вообще опасны. Верблюды обоих полов стремятся подлечь друг к другу, и так проходит около часа, прежде чем совершится самое соитие. Кобылам в эту пору подвязывают под хвост небольшой защитный кусок войлока, который потом, дней через 8, убирают. Если кобыла не приняла, она попрежнему стремится подлечь к жеребцам, *но если оплодотворение совершилось, кобыла отходит прочь* сама. Непринявшим опять подвязывают войлок, и через три-четыре недели бывает вторичная попытка сделать оплодотворение. После нормального соития снимают войлок, и жеребцы к ней больше не пристают. Носит самка больше году, около года она кормит верблюжонка, а на третий год она годна к следующему оплодотворению.

Верблюдов уже сосунками приучают припадать на колени, что необходимо для накладки вьюков. Приучают посредством путов на ногах и при каждом снижении непременно приговаривают «тиок-тиок», чтобы верблюд признал слово и по этой команде немедленно становился на колени сам. На второе лето верблюду прокалывают нос острым стержнем толщиною с крепкое перо, в прокол продевают тонкую веревку и время от времени ее продергивают, чтобы расширить отверстие. Когда эта операция вся заканчивается, верблюда начинают приучать уже к делу. Их объезжают мальчики, держа в одной руке продетую сквозь нос верблюда веревку, а в другой расщепленный спереди стэк. Этот раструб стэка ездок упирает в конец веревочки, недалеко от носа верблюда и двигает по ней раструб в ту или другую сторону, смотря по тому, куда направить верблюженка. Последний по третьему году уже тащит пять-шесть пудов. Верблюдов-жеребцов кастрируют (если кастрируют) именно в этом возрасте. Зажимают мошонку, вырезают прочь семенной мешок, все место выклада прижигают, смазывают маслом и перевязывают. Перевязку стараются возобновлять почаще. Если обнаруживается опухоль, то верблюда заставляют встать на камни над пепелищем костра, еще горячим, чтобы согреть больное место. Иногда верблюды паршивеют. В этих случаях их обмазывают черным дегтем — кара-май (Karamai), который находится недалеко от Сакейса (Sakeis) и в др. местах степи.

Употребляют верблюдов для езды, во-первых, и для несения тяжестей, во-вторых. При перемещении становищ верблюд обыкновенно тащит кибитку с ее основою и верхом. В дороге недалекой взрослый верблюд потянет пудов сорок, но бухарцы в своих длинных переездах грузят на сильного верблюда всего только 15—16 пудов, а более слабым дают не больше десяти пудов. Из верблюжьей шерсти выделывают сученую ткань, а из лучших сортов готовят армяки, одежу особого покроя, вроде камзола. Шерсть не стригут, а вычесывают по мере того, как она вылинивает сама. Шерсти с верблюда должно сойти столько же, сколько ее берут с четырех овец. Что касается молока, то оно сливается вместе с конским для употребления как кумыс, если не оставляют для жеребенка. Чистое верблюжье молоко дает масло и сыр. Самая отдача молока налаживаетея как и у лошадей: сосунка на день привязывают тут же, а кобылу неоднократно поддаивают. Если сосунка или хоть чучела сосунка налицо нет, кобы-

ла молока не дает. Мясо верблюда принадлежит к числу вкусных блюд. Из кожи взрослого верблюда выходят самые большие и самые прочные меха или бурдюки. Если верблюда не сдают на убой, то он обыкновенно дотягивает до сорока лет. Одного верблюда расценивают как шесть или даже десять коней, что равносильно денежному расценку от 40 до 60 рублей.

(Фальк, III, 543—545).

Киргизская лошадь, — вроде русской, но побойчее и полегче. В Средней Орде очень много тигровой масти (по-узбекски — Argali, по-казакски — Tsehari). За такие экземпляры в Бухаре платят большие деньги...

(Фальк, III, 543).

Киргизские лошади мало разнятся от калмыцких, однако, обыкновенно бывают ростом несколько выше. Они равномерно дики и быстры, да и привыкли во всю зиму промышлять себе корм, разгребая снег копытом, и через то облегчается прочему скоту паства. Если же выпал большой снег, то киргизцы оной рагребают лопатами для мелкого скота. Лошадей своих разделяют на табуны, и при каждом оставляется только один жеребец, а излишних жеребцов они кладут. Табунный жеребец служит в табуне кобыл вместо пастуха и сгоняет их вместе. Но ежели кобыла отделится и поймется с другим жеребцом, то он уже больше не припускает оной к своему стаду. Все кобылы обыкновенно случаются в одно время и жеребятся в апреле и мае месяцах.

(Паллас, I, 582—583).

Скотоводство их вообще башкирскому подобно. Да и самый род лошадей и рогатого скота таков же. Только киргизские в рассуждении того, что, бродя в теплых степях, не столько холодом и голодом изнуряются, как башкирские, бодрее, дичее и пригожее. К упряжкам очень трудно их приваживать, и за одним овсом околели бы они с голоду, если вы вдруг перестали давать им и другой корм; почему и надобно так делать, чтобы они исподволь к тому привыкали.

(Георги, II, 126).

Рогатым скотом завелись они еще недавно. Они похищали себе на развод оный у калмыков стадами и не мешали его размножению. По примеру калмыков употребляют они его, кроме обыкновенного заимствования от него разных выгод, к верховой езде, и прокалывают ему на такой конец, как верблюдам, в носу хрящ.

(Георги, II, 127).

Что касается рогатого скота, то киргизы его не очень ценят и не имеют к нему ни малейшего пристрастия. Племенной скот, из которого образовались их стада, краденый у калмыков или у башкир. Они держат стада на воле круглый год, но с недавнего времени, однако, начали сенокошение. В 1770 году хан ходатайствовал пред Оренбургским губернатором о том, чтобы разрешено было ханскому народу нанимать илецких казаков для обучения косьбе. Ходатайство было удовлетворено. Расплачивались с казаками, отдавая им овец за

их труд. Работу киргизов казаки описывают очень смешно. Замах косы у них то срывается выше травы, то тыкается в землю; эти ленивцы то и дело дают себе передышку и все таки никак не могут передохнуть. Киргизы держат рогатый скот не исключительно ради молока, масла, кожи; все больше и больше входит у них, на подобие калмыков, передвижение и возка тяжестей силами того же рогатого скота, ради чего быкам и коровам во множестве прокалывают часть носа.

(Фальк, III, 545).

Они ко всякой работе так непривычны, что и от самого малого труда почти обливаются потом и тотчас устают. Примером тому служит и следующее. В 1770 г. хотел хан, последуя российским сельским хозяйствам, чтобы накошено было несколько сена для хворого скота, и достал себе на такой конец небольшие, в один только аршин длиной, российские косы. Но киргизы его не только или заносили их выше травы, или задевали землю, но и после всякой замашки, при чем нередко и сами опрокидывались, долго отдыхали, а напоследок и вовсе бросили косы, так что хан принужден был для сего нанять казаков [русских].

(Георги, II, 129).

Киргизские овцы очень велики и при том весьма безобразны. Они ростом выше родившегося теленка и так толсты, что старые, в хорошее время года, весом бывают по четыре и по пяти пудов. Они видом несколько подобны индейским овцам; у них кривые, горбатые носы, нижняя губа долее передней, большие повислые уши и на шее по одной и или по две мочки. Вместо хвоста носят они курдюк, который у больших баранов бывает весом от 30 до 40 фунтов, и от 20 до 30 фунтов вынимают сала из курдюка. И только сим они разнятся от индейских баранов. Впрочем шерсть на них нарочито долгая, склочившаяся; а особливо на задней части смешанная с жесткими волосами; цветом желтоватая и по большей части белая. Некладеные бараны все с рогами, да и кладеные по большей части бывают с рогами. У иных баранов на голове по четыре, пяти [?] и по шести рогов, так как у исляндских. Хотя некладеные бараны ходят в стаде во все лето, но с апреля до октября месяца подвязывают им войлок под брюхо, дабы они овец не оплаживали. В октябре дают им волю, и потому овцы всегда ягнятся весною. Тоже употребляют средство и у быков. Во всю зиму овцы сами ищут себе корму под снегом, и снег служит им вместо воды, отчего они бывают несколько тощи, но весною скоро опять становятся тучны. К тому много способствует короткая зима и еще сие, что снег в степи скоро сходит на многих соленых местах, и овцы, питаясь солоноватою травою, тучнеют. Может быть, сие обстоятельство тому причиною, что восточные овцы у киргизцов и калмыков от излишнего жиру составили особливый род, и вместо хвостов сделались у них такие большие курдюки, делающие их безобразными, да и в других местах, в коих держат только сих баранов и овец, с другим родом не мешают. Киргизские овцы обыкновенно носят по два ягненка, и скотской падеж у них не известен, потому, что скот в степи совершенно препоручен натуре; и так как овцы

у киргизцов чрезмерно размножаются, и стада их многочисленны. Обыкновенная, но не смертоносная болезнь киргизских овец в том состоит, что у них в последнем желудке делаются всякие из шерсти или из разжеванных травных частиц свившиеся катышки, которые бывают покрыты черным лаком, да и окаменелое корою. Если какая скотина сделается больна, то киргизцы оную убивают.

(Паллас, I, 583—584).

В овечьих стадах держат они и коз для собирания молока и шкур. Козы так же, как и овцы имеют удивительный вид; ибо они по большей части без рог; члены у них обросли длинною пестрою шерстью и уши повислые.

(Паллас, I, 584—585).

У овец их хвосты широкие, головы большие, уши повислые. Для овечьих заводов степи их весьма привольны, и потому они не только, не взирая на то, что их много бьют, не уменьшаются, но и самые овцы бывают чрезвычайно велики. У них есть овцы вышиною с осла, у которых облившиеся жиром хвосты бывают весом и по пуду. Шерсть на них белая, черная, серая, пестрая; да и рыжая всем киргизским и широкохвостым овцам общая. Баранина служит ежедневною и нередко через долгое время единственною пищею прожорливым киргизцам; но при всем том, поелику многие овцы ягнятся двойнями, могут они не только сами есть великое множество ягненков, но и продавать овец в весьма знатном числе в Россию и Хиву. Мясо этих овец слаще, нежели обыкновенных; и имеющие чистый вкус люди примечают, что оно от благовонных полыни родов бальзамом отзывается. Ягненки так вкусны, что ежегодно посылается некоторое число оных из Оренбурга в Санкт-Петербург для придворного стола. Киргизские мерлушки всех прочих, кроме бухарских, славнее, дешевле, больше расходятся, и почитаются первым товаром в киргизских торгах. Они бывают всех вышеупомянутых цветов. От самых лучших такой же лоск, как и от бухарских, и они волнисты, простые же мелкокурчаты, а на худших волос прямее. Дабы иметь побольше волнистых мерлушек, то обшивают они ягненков, как только родятся, холстом, от чего волос остается волнист и мягок. Когда же ягненки подрастут уже так, что холст лопнет, то убивают они их, дабы скорее содрать с них шкуру. Но такое хозяйство ведется только при малых стадах или у богатых людей, имеющих у себя многих невольников. Овечья их шерсть жестка и к произвождению ею торгов не годится, но употребляется только ими на валяние войлоков и толстого сукна.

(Георги, 127—128).

Овцы у их тяжелого калмыцкого типа с коротким увесистым курдюком (Kujruk), с отвислыми ушами. Рогов у этой породы по большей части не бывает. Они ходят всегда по воле, фуража им не готовят, и держать их поэтому дело совсем легкое. На тысячу овец они считают достаточным водить 30—50 баранов. Чтобы эти бараны, так сказать, не ошибались и могли знать только настоящую случную пору, а не делали бы овцам ягнят преждевременно, им подвешивают

куда надо кусок войлока и снимают этот войлок только когда придет время.

Овца — столь же необходимое животное в обиходе, как и лошадь. Баранина — ежедневное блюдо киргиза, и подолгу бывает, что больше ему нечего даже и есть, и ему никогда не претит есть ее голую, без хлеба, без соли, без сала. Мясо овцы очень деликатно, скорее всего по причине множества в степи трав типа подорожника. Курдючное сало до того нежно, тонко на вкус, что в русских кухнях его употребляют как масло. Бывают овцы, курдюк которых, будто бы, дает целый пуд сала. Что касается шерсти, то она коротка, груба, густа. Поэтому ее гонят больше всего на войлока, столь необходимые киргизу. По своему существу шерсть киргизской овцы может быть и не так уже груба, как она становится от того, что овцы всегда, круглый год, на вольном воздухе. Стригут овец два раза в год. Ножницы — длиною в поларшина. За каждую стрижку с барана сходит по два фунта шерсти. Шерсть не сортируется. Из бараньих шкур они делают себе зимнюю одежду, а также доставляют их в готовом виде в Оренбург. Насколько видным является киргизское овцеводство, можно заключить хотя бы из размеров менового оборота с Оренбургом. В 1769 г. сдано было в обмен 140000 живых овец; в 1770 — 138000. Все это не считая ни ягнят, ни бесчисленного множества шкур как овечьих, так и ягнячьих. Приведенные цифры не максимальные, в иные годы отпуск бывает еще больше. Эти счастливые овцеводы не жалуются ни на какую заразу среди этих животных. У овец, коров, телят зачастую обнаруживают желудочные камни по килограмму. Это последствие того, что скот облизывает покрышку киргизских кибиток.

Коз держат сообща с бараньим стадом, а так как козловые шкуры лучше всех, то поэтому самих козлов кастрации не подвергают. В Оренбург их доставляют массами. Коз уберегают от преждевременного потомства таким же образом, как и овец.

(Фальк, III, 545—546).

ОХОТА

Киргизцы, препровождая умеренную пастушью жизнь, обыкновенно упражняются в звериной ловле; при чем они имеют ту выгоду, что уменьшают число опасных их стадам лисиц и волков... Для ловли зверей употребляют они ученых орлов. В пространной степи ездят на лошадях за охотою, и, конечно, не можно себе представить лучшего случая к звериной ловле. Мне рассказывали, как они убивают сайгаков, по-их акик называемых. Сии звери зимою по большей части водятся в оброслых камышом местах, и как они телом очень нежны и легко бывают ранены, то киргизцы в некоторых местах срезывают вершины у камыша и оставляют только высокие стволы, на которые прыгающие сайгаки попадают брюхом: и так они, загнав сих зверей в такие места, легко ловить могут.

(Паллас, I, 585).

Хотя большая половина сих богатых и праздных скотоводов упражняются в звериной ловле только для забавы, однакож промысел

сей, доставляя им дичину и мягкую рухлядь, приносит великую пользу. В степях их водятся волки, простые и степные лисицы, язвецы [род барсука], красная дичь, сайги, горностаи, сурки, и другие звери. В местах их, лежащих больше на восток и юг, водятся не в таком множестве, а отчасти редко, дикие овцы (аркал), так называемые калмыцкие коровы (по-кирг. сугунь, по-калм. сарлык), серны (каракуйрук), чекалки [земляной зайчик], барсы (юлбарс), дикие ослы (тарпан) и другие. Кроме разных ловушек, силков и прочего, гоняются они за зверями на лошадях верхом, при чем употребляют гончих своих собак и беркутов, коих они покупают наибольше в Оренбурге весьма дорогою ценою, и учат их так, что они преследуемому зверю уцепляются когтями своими в глаза и тем еще лучше, нежели собаки, побег его останавливают, после чего преследователь убивает его тяжелым своим кнутом.

(Георги, I., 128).

...Что касается охоты, то в этой области киргизы усердствуют больше ради утехи, нежели только, чтобы непременно что-нибудь добыть или заработать. Но часто добывают они мяса и меха для себя и для продажи. За волками, лисицами, корсаками охотятся всегда верхом и забивают зверя кнутами. В помощь себе часто берут на охоту собак. Киргизская собака представляет собой обыкновенную борзую (Canis grajus). Зверя на охоте бьют и из фитильных ружей, но очень редко, — скорее никогда. Пользуются для того луками и стрелами. В западни, расстанавливаемые охотниками (самые приборы, капканы, получают из Оренбурга), ловятся все названные звери, а сверх того еще бобры и выдры. Но всего больше утехи доставляет киргизу охота с беркутом. Так называется у киргизов разновидность благородной хищной птицы — Falko fulvus. Их покупают также в Оренбурге по цене 6—7 руб. за штуку. Беркута можно начать прилаживать к охоте только пока ему еще нет году, а тренировать его охотнику надо самому. Когда птицу кормят, то с головы у нее снимают ту шапочку, которую держат на охотничьем беркуте всегда, кроме охоты. Кормят беркута с рук и при этом его ласкают и приговаривают ласковые словечки. С течением времени беркута начинают пускать в полеты за мясом и с каждым разом все дальше и дальше. Кормят его, как общее правило, только через день. В конце концов тащат на лошади лисье чучело, а киргиз с беркутом на руке, едет сзади, и тут сдергивает шапочку и спускает беркута. В награду за работу при этом беркуту дают немного мяса. Так делают изо дня в день в течение 4—5 недель, пока оба, учитель и ученик, не овладеют мастерством. Натасканный на дело беркут бьет по лисицам, по волкам, по зайцам, стремится вцепиться когтями в глаза и вообще задает зверю дела и задерживает его, покуда не подоспеет сам охотник. Зимою на насест беркута льют воду, потому что лед под птицей мешает ей жиреть и с этой же целью дают ей есть очень скупо. Разозленный беркут может убить своего господина. Примеры тому бывают. Вот почему с беркутами всегда обращаюся очень осторожно. Беркут остается годным к охоте лет 9—10. За одну хорошую, задавшуюся в охоте птицу, без колебаний дают пару верблюдов.

Кроме беркута рассказывают также про белого ястреба [Tuigun] как про птицу очень способную усвоять охотничью выдержку. Киргизы держатся совсем в стороне от таких занятий, как поимка птиц или рыбная ловля.

(Фальк, III, 546—547).

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА МЕЖДУ МУЖЧИНАМИ И ЖЕНЩИНАМИ. ПРОМЫСЛЫ

Отнюдь нельзя сказать, чтобы у взрослого киргиза-мужчины было очень много дел: присмотр за стадами (табунами), меновая торговля скотом и другими продуктами на русской границе, с бухарцами и др. соседями, да охота и другие ей подобные занятия. Тем сильнее загружена работою женская половина населения. Кроме обычной возни с детьми, с готовкою пищи, стирки и т. д., они же должны собирать дерево и грубый кустарник для топки и сушить для той же цели скотский навоз. Прядут верблюжью и овечью шерсть; шьют, сидят за домотканными материями; красят, занимаются дублением кожи и овчины; приготовляют войлочные платы из грубой овечьей шерсти, доят большое количество лошадей, верблюдов, коров, делают масло, сыр, кислое молоко, приготовляют кумыс; расщепляют жилы для пошивной дратвы; приготовляют бурдюки (бурдючок небольшого размера называется турвсук, большой размер употребляется для молока); при передвижении с места на место только одни женщины несут труд разобрать кибитку и собрать ее снова на новом месте; женщины варят мыло (по кирг. сабан), используя всякие жиры и пепел беэ примеси извести, и делают множество других дел.

(Фальк, III, 547).

Киргизские женщины упражняются, как и башкирки в доении скота, выделывании кож, тканье, вяляньи войлоков и других, сим подобных делах. Они ткут не холст крапивный или пеньковый, но толстое токмо сукно и камлот, и употребляют к валянию сукна мыло собственного своего варения.

(Георги, II, 130).

Почти все то, что им потребно из тканых материй и других мелочных иностранных вещей, должны они покупать у россиян или асиатских караванов или доставать себе грабежом; но ныне отвыкают от грабительства, и начинают производить торг на промен товаров. У них не делают потребных к одеянию вещей, а приготовляют калмыцкие меха на тулупы и выделывают кожи, также ткут толстые камлоты или армяки, валяют войлоки из овечьей шерсти и умеют хорошо расцвечать крашеною шерстью; сверх того, делают всякую посуду из кожи и другие нечистой работы мелочные вещи. Звериные шкуры выделывают они также, как калмыки, кислым молоком; муское одеяние по большой части состоит из оных.

(Паллас, I, 569).

Киргизцы выделывают их [козьи шкуры] следующим образом: сперва стригут шерсть с козьих кож, спрыскивают водою и, свернув в трубку, дают лежать в теплом месте до тех пор, пока начнут они вонять и волосеные корни вылезать; потом скоблят тупыми ножами, и оскобленную кожу просушивают; после того кладут в пресное, а ежели кожа толста, то в кислое молоко, и квасят четверы сутки, но по всякой день скоблят, чтобы кожа тем чище была. Напоследок сушат в тенистом месте, мнут руками и топчут ногами до тех пор, пока сделается мяхкою. Потом окуривают, опять мнут и напоследок красят темножелтою краскою, которую киргизцы сами приготовляют, а именно коренья или черенкового ревеня, или ростущего по всей соленой степи каменного чаю, который у калмыков тушуть, а у казаков желтый корень называется, варят с квасцами в воде. Некоторые варят краску с бараньим салом, дабы она прочнее была. Простуженная краска так густа, как каша размазня, и оною намазывают кожу несколько раз по обоим сторонам и каждый раз просушивают, а напоследок мнут и делают мяхкою. Такие кожи можно часто мыть, и они не теряют своего темножелтого цвета. Те же коренья употребляют киргизцы для крашения шерсти, но для красного цвета употребляется настоящая мариона, которая трава растет на низких местах при Яике и в степи, и по их кызил буяв называется. У них есть свои кузнецы, которые делают только самые простые мелочные вещи, и тоже самое должно разуметь и о их серебрениках. Сии люди не могут понять, как европейцы до такого искусства дошли, что умеют делать иглы и наперстки. Все такие мелочные вещи и многие другие товары покупают они в Оренбурге и в других пограничных местах. Но как они никаких монет у себя не имеют, то все ценят по лошадям и баранам, а вместо мелких денег служат у них волчьи и карсаковы меха и напоследок мерлушки.

(Паллас, I, 570—571).

3. ТОРГОВЛЯ, ТОРГОВЫЕ ПУТИ, ТОРГОВЫЕ ЦЕНТРЫ (ОРЕНБУРГ, ТРОИЦК, ПЕТРОПАВЛОВСК, СЕМИПАЛАТИНСК)

Прежде киргиз умел обходиться тем, что давало ему его степное животноводство и сама степь. Постепенно, однако, киргиз делался все суетнее и суетнее и становится таким все более. Они познают вкус разных новинок и приохачиваются к ним. Не к чему либо по части выпивок или лакомства, а главным образом в области нарядов, украшений, домашних удобств, где они запасаются все новыми и новыми потребностями.

(Фальк, III, 547).

Все надобное киргизцам для удовлетворения суетности и для житейских выгод получают они через торги с Россией, Бухарою, Хивою и другими соседственными областями. Всякая торговля производится обменом, причем овцы служат как будто бы размером. Торг с Россиею может почесться наизнатнейшим, потому что они посредством

оного приобретают удобно и недорого всякие надобности, и поелику российское купечество из природных русских и татарских народов верно покупает все то, чтобы они не привезли. А как купцам в степях их крайне опасно, то киргизцы принуждены сами приезжать в российские торговые места. Самые большие торги производятся в Оренбурге, где на киргизской стороне Урала, верстах в трех от города, есть знатный гостиный двор, называемый азиатским и состоящий из нескольких сот лавок, построенных четвероугольником, на подобие крепостцы. Сей гостиный двор, по средине которого есть еще и другой, меньший пространством, для бухарцев, принадлежит казне. Для безопасности не только построены все лавки лицом в нутро, но и находится в нем наряд солдат, с огнестрельными орудиями. Тут производятся почти все торги Малой орды; ибо торговля их в Уральске и других городах Оренбургской линии не велика. Средняя орда торгует наибольше в Троицке при Уе, вышедшей из Тобола реки, также в Петропавловской крепости при Ишиме, и в Омске, и Усть-Каменогорске; оба сии города лежат при Иртыше. Киргизцы торгуют беспошлинно. Российские же купцы платят пошлины по 10 со ста; но торговля сия при всем том крайне для них прибыточна, и в рассуждении того, что киргизцы от времени до времени становятся прихотливее, наравне с суетностью их возрастает. Киргизцы торгуют лошадьми, рогатым скотом, овцами, мерлушками, невыделанными кожами, верблюжьей шерстью, волчьими и лисьими мехами, войлоками и мелочью. В одном Оренбурге продают они в год около 150 000 овец, а иногда и больше: ибо они бывают всегда главным товаром. По времени, однако ж, в малом только количестве, привозят на продажу и невольников, а особливо из кызылбаш и трухменцев. Берут же, напротив того, сукна, а особливо красные шелковые и шерстяные материи, шелковые платки, готовые киргизские сапоги, кушаки, ленты, золотые бахромы, нитки, котлы, чугунники, таганы, ведры; верховую сбрую, готовое киргизское женское убранство, бисер, иголки, наперстки, серьги, перстни и кольца, огнивы и всякий другой щепетильный товар, также беркутов, муку, пшено и другую крупу.

Бухарцы, хивинцы, ташкенцы и прочие соседственные народы, упражняющиеся в землепашестве и рукоделиях, берут у киргизцев убойную скотину и верблюдов для купеческих караванов; напротив чего снабдевают их оружием, которое продавать им российским купцам запрещено, латами, бумажными материями, платьем и прочим.

(Георги, II, 136—137).

ПЕТР I В БОРЬБЕ ЗА ТОРГОВЫЕ ПУТИ ЧЕРЕЗ КАЗАКСТАН

«...Буде оная орда [киргиз-кайсаков] в точное подданство не пожелает, то стараться, несмотря на великие издержки, хотя бы до мелиона держать, но токмо чтоб только одним листом под протекциею Российской империи быть обязались».

(Из бумаг Тевкелева; цит. по книге В. Н. Витевского: «И. И. Неплюев и Оренб. Край:.» Казань, 1897, т. I, 136).

«...[Петр] через многих изволил уведомиться об оной орде, хотя де оная киргиз-кайсацкая орда степной и легкомысленный народ, токмо де всем азиатским странам и землям оная де орда ключ и врата; и той ради причины оная де орда потребна под Российской протекцыей быть, чтобы только через их во всех странах комониканцею [связь] иметь и к Российской стороне полезные способные меры взять...»

(Из бумаг Тевкелева; цит. по книге В. Н Витевского: «И. И. Неплюев и Оренб. Край...» Казань, 1897, т. I, 136).

...Покойный статский советник Кирилов, быв при его императорском величестве [Петре I] секретарем, а потом и обер-секретарем Правительствующего сената и имея довольный случай ведать о всех его императорского величества вечной славы достойные памяти высочайших намерениях к восстановлению и распространению азиатской коммерции, во время государствования императрицы Анны Иоанновны, не новую, но прежнюю материю по тогдашнему времени и по возможности сил своих представлял...

(Рычков. Топогр. Оренб. 230)

СОЗДАНИЕ ОРЕНБУРГА

(грамота Анны Иоанновны от 1-го мая 1734 г.).

«Объявляем во всенародное известие.

Какое мы попечение имеем о пользе и благополучии и расширении нашей империи, о том довольно видно из наших новых учреждений сухопутных и морских войск, такожде распорядков государственных; к тому же отправленные в разные места экспедиции явно сами показывают, что оные, несмотря ни на какие из нашей казны расходы, к пользе и славе нашей империи чинятся. Между теми начатыми делами уже самым действом, с божьей помощью, исполняется, что в Азии, в Великой Татарии, в 1731 г., киргиз-кайсацкий воинский народ, между которыми первейший Абулхаир-хан, владеющией Меньшею ордою, а потом прочие двух орд ханы, и знатные старшины, и все войско, во многом числе обретающееся, и особливый киргиз-кайсацкий народ с их ханом, без всякого движения наших войск, но из своей воли, в наше вечное подданство вновь пришли, а аральский хан и с народом такого же подданства нашего желают. И тако мы в рассуждении о сих новых наших подданных народах, кои с старыми нашими ж подданными башкирцами и калмыцкими ордами в близости живут и прежде всегда имели друг на друга нападения и тем сами себя разоряли, наипаче же отправляющейся полезной коммерции в Великую Татарию, в Хиву и в другие места, многия в пути разорения наносили: запотребно изобрели вновь построить город при устье Орь реки, впадающей в Яик, дабы через то в покое как оные орды в подданстве содержать, так и коммерцию безопасную в пользу нашего интереса и наших подданных иметь, и для строения того города особливую нарочную экспедицию в немалом числе штатских и воинских чинов отправили, понеже всякая не точию от новых, но и от старых городов желаемая польза интереса нашего не от чего иного зависит, как от порядочного учреждения и

расположения в гражданстве и от умножения жителей. Того ради сей новый город сею первою нашею привиллегиею всемилостивейше жалуем и в предбудущие времена утверждаем. 1) Сему городу, с богом, вновь строиться назначенному, именоваться Оренбург, и во всяких случаях называть его и писать сим от нас данным именем, в котором городе жалуем и даем соизволение всем и всякого народа российского (кроме беглых из службы нашей людей и крестьян, в подушный оклад положенных), купечеству, мастеровым и разночинцам, также иностранных европейских государств иноземным купцам и художникам, тутошним башкирскому народу и живущим с ними и новоподданным нашим киргиз-кайсацким... народам, и из азиатских стран приезжим грекам, армянам, индейцам, персам, бухарцам; хивинцам, ташкенцам, калмыкам и иным, всякого звания и веры, приходить, селиться, жить, торговать и всяким ремеслом промышлять и паки [опять] на свои прежние жилища отходить свободно и невозбранно, без всякой опасности и удержания. 2) Такожде в первые три года, то-есть с 1735 по 1738 год, для новости сего места ни с каких товаров в казну пошлин, опричь [кроме] определенной городской части, не имать; а кто похочет селиться и жить, тем не точию безденежно места под дворы, кладовые, амбары и лавки отводить, но и сколько возможно к строению как лесными, так и каменными припасами из казны нашей помогать; за которые истинные деньги выплачивать в нашу казну без процентов, по расположению, в десять лет».

(Рычков, Ист. Оренб., 10, 11).

1738, февраля 14.

Повелено тайному советнику Татищеву наведаться от киргизцев или от прочих тамошних народов, каким бы образом можно шерсть оттуда доставать, и на первый случай хотя малый торг учредить из казенного кошта.

(К. 5).

1738, февраля 15.

...О торге же в Яицком городке у казаков с киргизами и о взятии посылок повелено поступать по их казацким привилегиям, по которым велено только им в казацких своих юртах беспошлинно торговать, также повелено выдать присланному от Татищева капитану Лакосолову 3000 руб. для вымена у киргизцев лошадей на сукно.

(К. 5).

1766, июня 13.

В виду того, что киргиз-кайсаки что далее, то более к покупке хлеба охотятся разрешено продолжить беспошлинный отпуск хлеба впредь до указа, дабы через то киргиз-кайсаки имели более к России обязанности. Из ведомости видно, что с 16 октября 1763 г., по 22 июня 1766 г. продано киргизам: пшеницы 19620 пудов 14 ф., муки пшеничной 499 пуд. 30 ф., ржаной 4230 пуд. 28 ф., круп пшеничных 21838 п. 2 ф., полбенных 1458 п. 22 ф., ячных 703 п. 30 ф.

(К. 111).

РАЗВИТИЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ТОРГОВЛИ

До учреждения оной экспедиции по самое то время азиатские купцы: как-то хивинцы, бухарцы, ташкенцы и им подобные, к Российской стороне далее киргиз-кайсацких орд никогда не приближались, а торговали токмо в улусах обоих оных орд, которые в летние времена часто по самому Яику, и по впадающим в оный речкам располагались, да и торг их весь состоял токмо в мене бумажных их холстов и в сделанном из того по их обыкновению платье, на которые вещи выменивали они от киргизцев лошадей и баранов и, отгоняя их в Хиву и в другие места, где их не довольно, продавали с прибылью.

Из тех азиатских купцов несколько ташкентских сартов, будучи в Меньшей орде у Абулхаир-хана и уведомясь, что хан со всей своей ордою в российское подданство вступил и сына своего ко двору послал с прошением, дабы для произведения российской коммерции в Азию, а азиатской в Россию при устье реки Ори построен был российский город, и что по тому его ханскому прошению оный город строить повелено, и для того отправлен помянутый Кирилов с сыном его ханским на Уфу, сообщили о том городским своим старшинам, и с их позволения тогда ж некоторые из них с имевшимися у них товарами поехали в Уфу, с позволения Абулхаирханова и за его ханскими провожатыми, куда они через башкирь в начале 1735 года и прибыли, и, увидевшись тут с Кириловым, объявляя ему всенародное свое желание, чтобы в новом городе, для произведения с ними и с другими тамошними народами учреждена была знатная ярмарка, обещаясь впредь повсегодно в тот новый город немалыми караванами и с довольным числом товаров на ярмарку приезжать. При том и сего требовали, чтоб российские купцы с российскими европейскими товарами к ним в Ташкент ездили. За неимением в Уфе достойных и капитальных купцов, как выше упомянуто, все они для продажи имевшихся у них товаров отпущены были по их прошению в Казань с рекомендациею, чтобы им там для первого случая показано было всякое приласкание и увольнение от пошлин; где они быв и расторговався, еще в том же 1735 году в отечество их чрез Новый Оренбург (кой заложен уже был упомянутым Кириловым того года 25 августа) и отпущены.

В 1736 и в 1737 годах за бывшим башкирским бунтом проезд в новый Оренбург был не только затруднителен, но и весьма опасен; чего ради из российских купцов с товарами почти никто туда не ездил. Однако ж азиатские купцы и киргиз-кайсаки, приезжая туда, имевшиеся у них товары, тако ж лошадей и скот бывшим тогда в Оренбурге людям меняли, имая от оных надобные им вещи, у кого что было; но за небытием российского купечества вся та мена состояла в небольшом, и никаких пошлин не сбирано.

В 1738 году, со вступлением в Оренбург тайного советника Василия Никитича Татищева, вне крепости для мены с киргиз-кайсаками и с прибывшими тогда хивинцами и ташкенцами построен был меновой двор с потребным числом лавок, и о бытии тут торгу, о пошлинном и о прочих сборах учинены надлежащие учреждения. Тогда и в город Ташкент с данными от Абулхаир-хана провожатыми

отправлен был первый российский караван; но оный киргиз-кайсаки Большой орды по ту сторону Туркестана, не допустив до Ташкента дня за два, разграбили, и тем первое сие отправление учинилось бесплодно.

Что до сбора пошлин надлежит, то, по силе пожалованной городу Оренбургу привилегии, в первые три года, то-есть с 1736 по 1738 год, никаких пошлин брать было не повелено, кроме одной градской части по два процента с рубля. А в 1736 году, февраля 11 числа, по состоявшемуся именному указу, велено было ту градскую часть для новости места продолжать от того времени еще шесть лет, что следовало по 1742 год. Потом именным же указом, присланным к генерал-лейтенанту князю Урусову, от 20 августа 1739 года повелено торгу быть в новом Оренбурге (сие разумелось тогда о Красногорске) и кои купцы торговать будут в нем, с тех для приохочивания их повелено брать пошлину от того времени десять лет (и тако по 20 число августа 1749 г.) против торгующих в Астрахани иноземцев с уменьшением, а именно по три копейки с рубля, а по прошествии десяти лет велено оную брать по торговому уставу, по пяти копеек с рубля, что исполнялось.

Каким же образом с того 1738 года весь оный торг, сперва в прежде заложенном при реке Ори, а потом в настоящем Оренбурге, також и на Уйской линии в Троицкой крепости, умножился, сие отчасти можно узнавать по казенным доходам, коих для сокращения выписано и следует при сем одни годовые перечни по справке с подлинными делами, а именно:

	Всяких сборов				В том числе одних таможенных			
1738	год	1375	руб.	64 коп.	546	руб.	98 1/2	коп.
1739	„	2543	„	13 1/2 „	687	„	63 3/4	„
1740	„	4313	„	19 „	3083	„	23 1/4	„
1741	„	4524	„	73 „	3872	„	39 1/4	„
1742	„	4799	„	51 „	3384	„	50 3/4	„
1743	„	6411	„	3 1/4 „	4182	„	83 1/2	„
1744	„	6835	„	94 „	4806	„	19	„
1745	„	10719	„	13 1/2 „	6893	„	25	„
1746	„	13645	„	63 1/4 „	8027	„	95 1/4	„
1747	„	21458	„	33 „	12627	„	95 1/4	„
1748	„	33000	„	15 „	19683	„	34	„
1749	„	60267	„	98 „	44188	„	61 3/4	„
1750	„	72404	„	98 „	52506	„	84 1/4	„
1751	„	106569	„	2 1/4 „	85123	„	84 1/2	„
1752	„	90839	„	16 1/2 „	73233	„	49 1/2	„
1753	„	53301	„	69 „	33884	„	48	„
1754	„	65912	„	54 1/2 „	50362	„	64 1/4	„

В вышеписанных новых оренбургских доходах собираемые с тептярей и бобылей, хотя и новые ж доходы, изобретенные по Оренбургской экспедиции, яко ясачные и до комерции не принадлежащие, не включены, которых от 1747 года повсегодно собирается двадцать три тысячи сто шестьдесят шесть рублей восемь копеек с половиною.

Означенных с 1748 года доходов могло бы быть еще гораздо больше, ежели б азиатскими купцами вместо золота и серебра, чему

вывоз с того года начался, привозимы были другие товары, с коих пошлина берется; яко с золота, серебра и других каменьев, по силе указов и по особливому оренбургскому тарифу, никаких пошлин не брано и не берется; а по запискам и документам канцелярским, с того 1748 года и по 1755 год имелось в вывозе золота около пятидесяти, а серебра около четырех тысяч шестисот пудов, не упоминая того, что из оного и из каменьев в мену не вошло, и русскими купцами внутрь государства без всякой явки вывезено, чего за ними усматривать невозможно.

(Рычков, Топогр. Оренб., 225—229).

Нет моего намерения описывать город Оренбург, потому что в «Оренбургской Топографии» содержится столь обстоятельное известие о местоположении, учреждении и о всех зрения достойных публичных строениях сего изрядного города, что мне надлежало бы оное выписать, и невозможно бы было ничего прибавить для дополнения. Вообще сказать можно, что основание оного совершенно соответствует важному азиатскому торгу, посредством которого стараются сей город сделать главным пристанищем, и что надлежало бы оной населить зажиточными купцами, и заведенными фабриками таких товаров, которые больше покупают азиатские народы, привесть в цветущее состояние; ибо Оренбург бесспорно должен быть самым важнейшим провинциальным городом в Российском государстве. Тамошний прибыточный торг производят ныне по большей части пришельцы из отдаленных городов Российской империи, которые по окончании состоящего в промене торга отчасти разъезжаются по домам с новыми товарами и прибылью, отчасти стараются продать товары в Оренбурге на наличные деньги. Такие торговые люди по всякую весну приходят в Оренбург караванами и привозят из дальных мест и отчасти чужестранные товары, которые можно бы в самом городе или по близости оного делать на заведенных фабриках и заводах.

Самые важные азиатскими народами покупаемые товары суть всякие шерстяные материи, красной и малиновой бархат, пестреть, полотно, юфть, медные и чугунные котлы и посуда, которые вещи по большой части привозят с дальных сибирских заводов; так же всякие жестяные и железные вещицы, иглы, наперстки, стекла, пронизки и всякая к их одеянию и к конскому убору потребная мелочь, которую больше покупают киргизцы. Сверх того еще всякие красильные материи, а особливо брусковая краска [краска из корня растения бруски], крутик [иранский корень], червец [красная краска], квасцы и купорос; также сахар и некоторые меха, а наипаче бобры и куницы выменивают бухарцы на свой товар. Киргизцы еще берут у российских купцов много худой выбойки [грубый ситец] и другой материи из хлопчатой бумаги, которую россияне выменивают у бухарцов; почему на делаемые на своих фабриках товары из хлопчатой бумаги неотменно был бы большой расход, и государству проистекала бы из того великая прибыль, если бы невыделанную материю брали у самих бухарцов и хивинцов, которые уже ныне охотнее привозят неупотребленную в дело хлопчатую бумагу. Я заподлинно знаю, что в полуденной части Российского государства довольно находится

таких мест, в которых может расти хлопчатое дерево, и потому можно бы там приуготовлять хлопчатую бумагу. Конечно, в Оренбургской стране и при реке Сакмаре, где прежде сего каргалинские татара пытались было развести хлопчатое дерево, нет никакой надежды к хорошему успеху. Сии страны отчасти подвержены переменам теплоты и стужи по причине близ находящихся гор, а отчасти земля худа, глиниста и камениста, да и летом бывает чрезмерная засуха. Потому не удивительно, что ни в прежнем оренбургском саду, ниже в заведенных между Самарским городком и Пречистенскою крепостью огородах плоды не могли созревать. Если бы такие опыты были сделаны при реках Самаре, Моче, Иргисе и в нижних странах Волги, то бы конечно можно было надеяться хорошего успеха.

Главнейшие товары, которые променивают приходящие караванами азиатские купцы на вышеписанные российские вещи, суть следующие: золото, серебро, по большой части в персицких монетах и в индейских рупиях состоящее, да и самое песошное золото, также лазоревой камень, сердолик и другие драгоценные камни; множество простой и пряденной хлопчатой бумаги разной доброты, при том же довольно тканых бумажных материй и китаек; тонкие индейские и посредственные ситцы и полушолковые материи: готовые халаты разной доброты, серые и черные курчавые бухарские мерлушки, которые дорого покупают; меха диких кошек двоякого рода, манул и пулан называемых, также тигровые кожи и проч. Иногда бухарцы привозили самородную, но несколько с землею смешанную селитру, которая родится в ямах и при том в таких местах их земли, где были старинные города или кладбища. Шелк по сие время привозят только в небольшом количестве, также очень мало хороших индейских товаров, и, может быть, для того, что российские купцы мало покупают, или что бухарцы, как то они сами сказывают, не имеют прибыли от оных товаров, и по причине двойной продажи, и дальнаго, отчасти опасного провоза не могут оных ставить по сносной цене. При том же в рассуждении индейского торга должно подумать, что в северной части Индии, может быть, нет таких фабрик, на которых делают драгоценные товары, а находятся они в полуденной и к Индийскому морю ближайшей стране, из которой идут наилучшие товары: и так хотя бы бухарские купцы ревностно старались, скупая оные, привозить в Оренбург для продажи; однако не будет надежды, чтобы европейский морской торг в цене и в доброте вывозимых из Индии товаров превзойти, или токмо с оным сравняться можно было.

Еще должно упомянуть о бухарских мелочных, особливо до натуральной истории касающихся товарах, а именно: бухарцы привозят иногда разные свои плоды, как-то, например: сушеные априкосы, персики и мелкий, весьма приятный изюм, кишмиш называемый, в котором либо совсем нет зерен, или есть уже самые большие косточки. Орехи, чинар называемые, которые собирают они с букового дерева особливого рода. Порядочное червяное семя, дармика называемое, которое они получают из Индии и бросают в вырытые канавы в садах для истребления червей, и напоследок привозят иногда семена тамошних арбузов, дынь и бухарского пшена, джугари называемого.

...никакая ветвь бухарского торгу не может быть важнее и прибыточнее Российскому государству, как привоз неделанных материй. Торг шелком поныне еще не приведен в совершенство. Другая неделанная материя, которую бы можно не токмо употреблять в дело с великою пользою в государстве, но и отпускать в иностранные земли есть верблюжья шерсть, которую иные покупают у киргизцев и калмыков в немалом количестве, и при том еще изрядную по дешевой цене, а именно дают за пуд от 80 коп. до двух рублей с четвертью. Да и можно бы легко развести верблюдов внутри государства, потому что они не токмо во многих местах Башкирской страны, а особливо в Исецкой провинции очень хороши бывают и при худом содержании; но и вся степь между Яиком и Волгою составляет тучную паству для верблюдов.

Кроме оной, конечно немаловажной ветви есть еще особливый торг с киргизцами, то-есть промен скота. Почти ежегодно выменивают в Оренбурге у оного степного народа от 40 до 60 тысяч баранов на десять тысяч лошадей и гоняют в Россию. Но ныне по большей части бьют баранов в Оренбурге и в других городах на Волге и только топленое сало с немалою прибылью развозят в гавани всего государства, откуда оно отпускается в чужестранные земли под именем российского сала; летом в Оренбуге почти даром можно достать баранины, ибо купцы уже довольно имеют прибыли от сала, потому что у киргизского барана курдюк часто бывает весом больше пуда, а топленого сала выходит из оного больше 30 фунтов.

Опричь множества крупного и мелкого скота привозят киргизцы и простые мехи для промену, как-то, например: степных волков, кои шерстью худы, но легки; степных лисиц, караган называемых, коих шерсть цветом походит на волчью; такие же лисицы водятся в Калмыцкой степи; особливого рода малые лисицы, корсаки называемые, которые водятся в гористых степных местах; дикие кошки и множество мерлушек, которые бывают еще лучше калмыцких и почитаются за главный товар в меховом торгу. Еще выменивают у киргизцев всякие войлоки и шерстяные ковры, кошмы называемые, которые они делают сами разной доброты, и при том еще нарочито пестрые и красивые. Как киргизцы не очень искусны в торгу и берут при промене много худых товаров и всякой мелочи, то российским купцам приходит от них великая прибыль; но ныне они (может быть, российские купцы сами тому причиною) становятся день ото дня не токмо умнее, но и хитрее.

На Оренбургский гостиный двор, в котором происходит промен товаров, приносят для продажи орлов особливого рода, по татарски бюркут называемых, до которых киргизцы великие охотники, потому что их пускают на волков, лисиц и сайгаков и к сей охоте приучают. По некоторым движениям оных орлов узнают они их свойство и способность к учению; ибо не все бывают способны к ловле птиц и зверей; почему иной киргизец дает иногда за одного орла хорошую лошадь, напротив того за другого не токмо не хочет дать барана, ниже корсаковой мерлушки, которая у них почитается за самую малую монету. Потому охотники долго сидят пред орлом и примечают его способности. Еще должен я упомянуть, что башкирцы и калмыки

держат не мало верблюдов, а в Оренбурге продают бухарцам, которые отъезжают в свою землю обыкновенно с тяжелым обозом, нежели приходят в Оренбург с легкими товарами. Напротив того, они променивают охотно малых своих ослов, которые им в пути служили, но мало находится к тому охотников по той причине, что в России еще нет ослиных заводов, да и не начинали разводить лошаков, которые особливо пригодны в походах.

(Паллас, I, 346—353).

ОРЕНБУРГСКИЙ АЗИАТСКИЙ МЕНОВОЙ ДВОР

Меновой двор, на котором с азиатскими народами через все лето до самой осени торг и мена производятся, построен на степной стороне реки Яика в виду из города, растоянием от берега версты с две, ибо ближе строить его было невозможно, потому что прилегло все место низменное и водопоемное. Для въезда и выезда сделаны двое ворот со сводами, из которых над теми, кои к реке Яику и к городу, для таможенного директора изрядные и довольно просторные покои, а над другими, кои на степь и бывает в них въезд и выезд азиатских народов, — пограничная таможня. Лавок вокруг всего двора 246, да анбаров 140, кои все внутрь двора и со сводами. Внутри ж того менового двора построен особливый двор для азиатских купцов и называется Азиатским, имеет также двое ворот, из коих над теми, что к таможне, построена изрядной архитектуры церковь во имя Захария и Елисаветы. На сем Азиатском дворе таких же лавок 98, да по углам по два, итого восемь анбаров. Всего-на-все сто сорок восемь анбаров и 344 лавки. С них полавочных денег положено в год 4854 рубля. Большая часть того менового двора покрыта уже листовым железом, а остальные лавки покрывают. По углам, кои на степь, сделаны две батареи, и поставлены на них пушки. В рассуждении пространства и хорошества сего строения можно объявить, что внутри государства для купечества толь великое здание едва где имеется ль. Записного в Оренбургское гражданство купечества в подушном окладе состоит только еще 29 душ, а при том и оренбургским казакам, из коих много людей пожиточных, торги иметь дозволено, и торгуют они немало.

(Рычков, Топогр. Оренб., 248).

На меновом дворе имеется команда солдат и несколько пушек, а в степи в летнее время, пока происходит обмен, стоит поблизости полк из нескольких сотен казаков. Зимою киргизы, появляющиеся в небольшом количестве, проводятся для торговли отрядами под военным конвоем в Гостиный двор, в город, и вечером их опять выводяг в степь.

(Фальк, I, 184—185).

1777 г. 18 октября

...Тариф для пограничных Оренбургской и Троицкой таможен...

...Взималось с лошадей по пять копеек с рубля по оценке, с баранов крупных 10 коп., мелких 3, козлов больших 3 к., средних 2 к. и мелких 1 к., с беркутов или орлов, для ловли зверей у киргизов употребляемых, от 1 до 5 руб. со штуки, отпускаемой из России.

Запрещен вывоз в Азию: пистолетов, стали, пряжи пеньковой и льняной и свинцовой дроби.

(К. 131).

ОТКРЫТИЕ ТРОИЦКОЙ ЯРМАРКИ (1750 г.)

По общему тайного советника [Неплюева] с бригадиром Тевкелевым определению, в марте месяце учиненному для Средней киргизской орды, началась сего лета на Уйской линии, в Троицкой крепости, ярманка, и учреждена была во всем на таком же основании, как и Оренбургская; ибо хотя бригадир Тевкелев и представил, как то в 1748 году упомянуто, чтобы для той орды ярманке быть в Орской крепости и для того б тут построить гостиный двор и прочая, но от бывшего в прошлом 1749 году великого наводнения неудобность там явно сказалась, что не только близ оной крепости лежащие места вокруг на великое расстояние все понимало, но и, в самую ту крепость ворвавшись, вода причинила многое повреждение и не мало убытку казенного и партикулярного [частного].

(Рычков. Истор. Оренб. 92).

ТРОИЦКИЙ ТОРГ

Крепость [Троицкая], в которой находится главное начальство всей Уйской и верхней Яицкой линии, довольно пространна. Она четыреугольна, укреплена деревянною стеною, по углам имеет разкаты [легкая насыпь для пушек] и развалины, а по фланкам четыре башни; сверх же того снабжена довольно артиллерией, рвом и рогатками. Публичные в оной здания суть: изрядная каменная соборная церковь положением на южной стороне, другая церковь, деревянная; дом для главнокомандующего; палата канцелярская и несколько изрядных офицерских домов. В прочем, кроме сих и дома таможенного директора и нескольких нововыстроенных купеческих домов, нет больше хороших жильев; все ж сии домы и прочие выстроены правильными улицами, коих названия по углам на черных досках означены. Через Уй сделан мост, и по ту сторону оного на киргизской стороне лежит меновой двор, где торгуют азиатскими товарами, состоит оный из деревянного пространного четыреугольника, разделяющегося на сени; влево биржа для бухарцев, вправо для внутренних купцов, и из большого, кругом мелочными лавками обстроенного места для киргизской торговли. Укреплено оно несколькими... башнями и рогатками; сверх же всего того обнесено еще рвом и надолбами [преградами]. Около Уя построено еще для купцов и торгачей несколько въездных дворов и харчевен.

... Сколько мог я изведать, то торгуют здесь большею частию приходящие из Ташкента, а бухарцев и хивинцев мало. Товары, караванами привозимые, суть: сырая и пряденая бумага, шерсть, толстый и тонкий бумажный холст или чалдар, различной доброты и ширины выбойки, между коих превосходнее ташкентские, а индиянские редки; полушелковые полосатые и травчатые материи, и из оных сшитые халаты, бумажные и полушелковые поясы, бумажные набитые завесы, убрусы и рубашки, худого разбору бархаты, кудрявые и плами-

стые мерлушки, цитварное семя и несколько из сушеных плодов. Попадается иногда китайское серебро, также бухарские и персидские золотые деньги. Отпускаемые отсель товары суть: различной доброты красные и малиновые сукна, иностранный бархат, яицкие камлоты, или тонкий армяк, среднего разбору пушной товар, как-то: бельи брюшковые и хребтовые мехи, лисьи, корсаковы, заячьи и выхухольи, а на опушку выдрьи и бобровые, российские красные и черные юфти, из мелочи: железные замки, иглы, булавки, всякие бисеры, болоболки, зеркала, сученый разного цвету шелк, сахар, бумага, красильные составы, а именно: квасцы, купорос, кошениль, бразильское дерево, брусковая краска; белилы, простая бумага и проч.

Сравнивая вообще, то здешняя с азиатскими купцами торговля маловажнее оренбургской, и привозимые ими товары большею частью худого разбора; напротив того, здесь гораздо важнее и прибыточнее мена с киргиз-кайсаками Средней орды, ибо они в торговле еще не столь проворны, как приезжающие в Оренбург для обмену киргизцы Меньшой орды, лошади же и протчий скот их лучше, почему внутренние купцы и имеют в сей торговле выигрыш, а киргизский скот в Троицкой дешевле, чем в Оренбурге. Здешняя орда богата рогатым скотом, и между приводимым в обмен оного множеством попадаются быки превосходной величины и доброты, да и лошади здешние больше и крепче, хотя они дики и необузданнее получаемых из Малой орды, а овцы и козы почти равны величиной и свойством. Сверх того, сии киргизцы на продажу привозят мехи волчьи, красные лисьи, караганские и корсачьи, так же мехи мерлушечьи, овечьи и яловичьи, верблюжьи войлоки и одежду, большие войлоки и бурки или епанчи, шубы из жеребьих кож, шерстяные и волосяные канаты и прочие сего рода вещи.

Для виду, сколь далеко простираются прихоти и роскоши сих кочевых народов и в чем они имеют нужду, сообщаю я здесь росписание тех товаров и мелочей внутренними купцами им весьма дорого променяваемых, и за кои они, кроме скота и пушного товару, выменивают иногда и китайское серебро. Ордою сею за скот получаемые товары суть: красные и малиновые от самого лучшего до наихудшего разбора сукна, яицкие камлоты лучшей доброты от киргизских, каламенки, белый и синий холст, на салфетки и на полотенца полотно, китайка, китайский и иностранный бархат, старые и новые шелковыми и полушелковыми материями покрытые меха, беличьи, лапковые, лисьи и протчие хорошие лисьи, выдровые и бобровые мехи на опушку шапок, тонкие шелковые платки, пестрый холст для платков, бумажные и шелковые астраханские пояса, юфти и сафьяны, различные женские приборы, косы, кисти, нагрудники, битые жестянки, стеклянные пронизки, бисеры, жемчуг, улитки, змеиными головками называемые, зеркала, гребешки, бритвы, иглы, булавки, шелк для шитья, белилы и румяна, также различная литая и кованая железная рухлядь, котлы, треножники, таганы, цепи, конские уборы, замки, капканы, топоры, ножи, ножницы, огнива, пряжки медные, железные и оловянные пуговицы, ливеры, игольники, табакирки, трубки, табачные роги, медь в кусках и досках и олово, железные проволоки, нечто из оловянной посуды, деревянные крашеные и простые стаканы, блюда,

маленькие обитые сундуки, материалы, к крашению надобные, квасцы, купорос, сера, красный воск, сургуч, смола, крупы, ржаной и пшеничный хлеб, простой чай, сено и пр. Все товары, большею частью внутри государства производимые, кои продавая дорогою ценою, делают сию киргизскую торговлю немаловажною.

(Паллас, II, 1, 379—384).

СЕМИПАЛАТИНСК

У последней речки [Каменки], там, где песчаные холмы снова тесно подходят к Иртышу, лежит крепость Семипалатная, на берегу бокового рукава, которых здесь много у реки, которая хотя здесь и очень широка из-за многих островов, но довольно мелка. По причине ширины реки и наличия многих островов у крепости не могли установить перевоза. По этой же причине обычная здесь меновая торговля с киргизами и азиатскими караванами производится на 15 верст выше по течению реки, где имеется пикет и меновой двор. Согласно новому плану туда же должна быть перенесена и крепость. Некоторые предварительные приготовления к этому уже ведутся. Старая крепость представляет четыреугольник, обнесенный рвом и деревянными стенами с 2 башнями. Внутри этих стен выстроены казармы. Там также находятся: деревянная церковь, 2 квартиры для комендантов, здание канцелярии, склад для провианта и пороховой склад. Выше и ниже крепости расположены два предместья, в них обоих около 200 домов. И крепость, и предместья окружены рвом и частоколом. Верхнее предместье меньше и отделяется от крепости речкой, здесь же находится деревянная таможня.

Жители частью купцы, частью казаки и отставные драгуны, которые и составляют большинство.

(Паллас, II, 2, 498—499).

В 2 верстах от маяка находится Меновая площадь на Иртыше, где производится торговля с азиатскими купцами и киргизами. Чтобы попасть сюда, надо переехать безымянную речку с крутыми берегами и дном, усыпанным камнями. На Меновой площади много деревянных домиков или лавок, разделенных на улицы; они окружены рогатками и рвом. Они назначены для жилья и складов товаров, частью для здешних русских и татарских купцов, частью для бухарцев, приезжающих сюда с караванами. Здесь находится перевоз через Иртыш, а на той стороне несколько изб, где останавливаются киргизские купцы.

...Из Малой Бухары караваны идут по большей части из Ташкента, и в настоящее время здесь находится несколько караванов, которые торгуют плохими хлопчатобумажными товарами.

Эти люди много грубее и упрямее вежливых бухарцев из Большой Бухары. Собственно, в прежнее время здесь самой выгодной была меновая торговля между киргизами и здешними купцами, так как люди из Средней орды, живущие по Иртышу, еще очень доверчивы и по дорогой цене покупают всякие здешние домашние вещи, так что купцы, которые не любят далеких путешествий, а ведут тор-

говлю здесь, все же имеют значительный барыш при торговле скотом. К тому же лошади и быки, пригоняемые из Средней орды, обыкновенно больше и сильнее.

Киргизские овцы здесь частью крупной породы, частью мелкой, калмыцкого отродья. Больше всего их пригоняют из южных улусов. Лошади стоят здесь от 4 до 15—20 рублей, крупный рогатый скот от 2 до 4 рублей, овцы от 30 до 70 копеек за голову.

(Паллас, II, 2, 502—503).

Семипалатинск стоит с деревянным укреплением между двумя форштатами [предместьями]; в нем находится 120 человек драгун, 80 козаков и инвалидов и, сверх того, свободных людей 183 души мужского и 166 душ женского пола; они наиболее питаются скотоводством, имеют небольшие огороды и частию производят торг. Земледелие в бесплодной степи не удобно.

На левом берегу Иртыша находится небольшой меновой двор в виде шанцев [укрепления], в котором так, как в Петропавловске, производится с киргизцами меновой торг.

(Фальк, Борданес, VII, 21—22).

Похищения людей, скота и товаров, коими обижают киргизцы наибольше каракалпаков, бухарцев, персиян, туркменцев и других соседей, охотнее же, но с вящшею опасностию, калмыков, а россиян изредка, хотя между ими и запрещены, однако ж они не токмо не стыдятся грабить, но и хвастая еще между собой такими удальствами, которые нередко походят на сумазбродства, не иначе, как будто храбрыми подвигами и воинственными упражнениями. Кроме случайных грабительств, перебираются они поодиночке на удачу за границу, больше же соединяются в шайки, кои нередко имеют и знатных предводителей. Когда они вздумают разграбить караван внутри или вне своих степей, то вступают о том и целые улусы в заговор. Многие киргизцы попадают во время грабительств своих в неволю или лишаются жизни и пропадают таким образом без всякого взыскания. По случаю небольших грабежей, остается всяк при том, что кому захватить удастся; после большого же похищения бывает дележ по усмотрению. Скотину всяк про себя оставляет, и поелику уведенные жены служат мужьям в честь, то и их по большой части из рук своих не упускают, невольниками же и товарами поступаются своим богачам за скот, или продают первых и бухарцам. Сие делают они особливо с русскими людьми, отчасти для того, чтобы не было никакой привязки, а отчасти и потому, что бухарцы большие дают за них деньги, почитая их искусными и к земледелию способными.

Российское средство к отвращению киргизских грабительств за границею состоит в линии, или стоящих рядом укреплениях. Где реки не составляют предела или рубежа, там от одного укрепления до другого натыканы в землю и загнуты прутья, дабы объезды могли по полостям оных приметить, были ли там киргизцы, которые обыкновенно приезжают верхом, и когда о том удостоверяются, то стараются их переловить. Российский скот пасут также вооруженные и верховых лошадей при себе имеющие пастухи. Если же при всем том

учинят киргизцы грабежи или разобьют в степях своих торгующие с Россиею караваны, то российские начальники требуют у хана всему тому возвращения, а когда ни хан, ни знатнейшие их люди не возмогут сделать того, чтобы все похищенное отдано было обратно, то посылается несколько войска, состоящего наибольше из башкирцев, в орду, где первый улус, какой бы ни попался, принужден бывает в отвращение от себя беды, указать тому войску то, от коего разграбление сделалось; после чего приводит войско некоторое число киргизцев и скота для рассчету в Оренбург. При сем рассчете все киргизцы, как скоро возвратятся те люди, кои пропадали, отпускаются немедленно в их аймаки. Емлемые по одиночке хищники наказываются и отсылаются в находящиеся по крепостям остроги.

(Георги, II, 129).

Если они хотят куда итти сильными партиями, или действительно предстоит война, — то бывают у них большие собрания для совета, и выбирают одного из старшин или начальников себе предводителем. Малые грабежи чинят они малыми партиями, не требуя совета от всеобщего собрания, и если они с российской границы отгоняют табуны лошадей или хватают людей, то делают наипаче в то время когда они со своими стадами удалились из оной страны. Ибо пока они кочуют в близости, то сами наблюдают, чтобы никакой наглости учинено не было для того, дабы в противном тому случае невинные и неимеющие времени так скоро удалиться со своим скотом не могли пострадать за виноватых. Вообще избирают они такое время для чинения набегов, когда грабителей поймать не можно. Примечено, что сии соседы опасны, а особливо в тех местах, где на российской стороне ровная голая степь, а на киргизской горы, в коих они укрываться и удобного случая ожидать могут.

(Паллас, I, 579—580).

У всех на глазах, всенародно, снаряжаются киргизы на разбой, затем возвращаются с награбленным имуществом назад. Киргизы нисколько не стыдятся таких насильнических деяний, они не кладут пятна на человека, напротив, — у них такие дела выставляются на показ, как признак выдающейся храбрости, как дело ловкости. Самые знатные киргизы даже собирают вокруг себя шайки для грабежа в соседних странах. Каракалпаки, аральцы, ташкентцы являются всегдашними жертвами насильничества этого народа.

(Рычков, Дневник, 346).

А киргиз-кайсаки время от времени сибирской стороны верст на 300 жительства опустошали, где ныне одна степь; равно же и в Казанской губернии от них чинено, особливо же в 1717 г.: один киргизский владетель, тысячах в 10, под закамский пригород Новошешминск подступал и, взяв оный, многое число людей в полон побрал, но оные добрым поступком полковника Суяза отбиты, и те киргиз-кайсаки с немалым уроном ретироваться [отступить] были принуждены.

(Рычков, Ист. Оренб., 3).

Что принадлежит до производимого здесь [в Троицке] торгу, который купцы предпочитают оренбургскому, то я об оном немного пересказать могу, ибо возгоревшееся с год тому назад [1769] с киргизцами несогласие удалило все, для торговли сюда приезжавшие, по границе живущие, киргизские орды и причинили опасность и всем азиатским купцам шествовать сюда караванами. А как с месяц тому отряженный регулярных и легких войск деташемент ходил по степи даже до Ишима, не видев ни одного киргизца, то и не остается надежды к примирению сего года с ними. Хотя ж во время моего здесь пребывания и присланы были от сильнейшего Средней орды начальника, Аблай-султана, посланные; но статьи и требования их столь показались высокомерны, что оных никак удовлетворить было не можно. Под крепостью расположена и теперь в лагере довольное число казаков и башкирцев, слава о здешних расположениях устрашила толико киргизских воинов, что по достоверному известию, кроме нескольких ватаг, не показывается никто из них по всей степи даже до гор Улутау, Каречестау, Каратау и пр., в кои они с семьями удалились; о сем же самом уверяли и приехавшие в сем годе из Ташкента купцы, коим удалось сие путешествие кончить, не видев ни одного киргизца. Напротив того, другой караван, за первым следовавший, не был столь счастлив и задержан киргизцами до самой поздней осени.

(Паллас, II, 1, 380—381).

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ КАРАВАН ЧЕРЕЗ КАЗАКСКИЕ СТЕПИ

Тогда же [в 1738 г.] по договору с ханом отправлен был в Ташкент торговый караван, в котором разных товаров, годных для тамошних мест, отпущено было по цене близ 20000 рублев, в том казенных тысячи на три. В оном караване командиром над всеми купцами отправлен был поручик Карл Миллер, да для описания тракту и географических примечаний послан был геодезии подпоручик Кошелев. Который караван Меньшую и Среднюю орду хотя благополучно прошел, но будучи в Большой киргиз-кайсацкой орде, прошед уже город Туркестан, а до Ташкенту дни за два не дошед. Большой орды старшина Конгильда с товарищами при урочище Балакам-Пир 2 числа ноября незапно напал, весь оный караван разграбили, а людей, бывших при том, в плен побрали, кроме вышепомянутого поручика Миллера, которого тамошний же верный старшина Кунай-мурза в Ташкент под своим охранением привез, и из отбитых верблюдов, у воров отняв одного, товарами навьюченного, ему, Миллеру, на тамошнее содержание отдал. И едва он и Миллер по многим затруднениям мог пленных от него людей собрать и с ними из Ташкента ни с чем выехать, причем киргиз-кайсацкой Средней орды Джанбек-тархан довольную службу показал, ибо, уведомясь о том грабительстве, сам нарочно в ту Большую орду посланцев своих о свободе его, Миллера, и бывших с ним людей к тамошнему Табарсхану и к помянутому Конгильды отправил.

(Рычков, Ист. Оренб., 39).

1767, декабря 31.

Высочайший указ на имя оренбургского губернатора за № 928.

Для развития торговли с Средней Азией и распространения торговых сношений до Индии признавалось необходимым обеспечить безопасность проезда купеческих караванов через Киргизскую степь. Но пока киргизы в поведении своем и нравах не смягчатся и больше «людскости» возымеют, в чем не следует отчаиваться, остается воспользоваться их корыстолюбием как средством к безопасному сопровождению караванов. Признано возможным выдавать киргизам в награду за безопасное сопровождение караванов по 1% со стоимости товаров и по этому предмету войти в соглашение с ханом Нурали, старшинами и народом. (К. 113).

1771, июня 20.

Высочайший указ Оренбургскому губернатору.

Во время следования из Бухары в Оренбург караванов с товарами, принадлежащими армянам Петрову, Григорьевым и друг., киргизы разграбили товаров на сумму 28512 р. 70 к., кроме каменьев, лошадей и верблюдов, которым цена неизвестна.

Предписано оренбургскому губернатору удовлетворить потерпевших, соображаясь с состоянием киргизского народа тем способом, какой окажется возможным, склонением ли хана или захватом киргиз из тех родов, которые участвовали в грабеже. (К. 119).

ГОСТЕПРИИМСТВО КАЗАКОВ

В обхождении между собою и с иностранцами, которые у них не в полону, поступают правда они не вежливо, но при всем том их угощают и дружески принимают. Здороваются они между собой по татарскому обычаю, и ставят перед гостей своих самое лучшее, что у кого случится, и при том для чести убивают обыкновенно овцу и готовят пятипалую есту (бишбармак), которую они, как сказано выше сего и в рассуждении башкирцев, втискивают гостям в рот пальцами. Сие делается и над знатными у них людьми, когда они едят не одни: но они и сами наблюдают сию учтивость, когда едят у них низшего состояния люди. И сам хан оказывает таковое снисхождение своим гостям. Ежели кто ни-есть из иностранцев подружится со знатным или по одному только богатству почитаемым киргизцем, то он сообщаясь с ним пользуется в ордах гораздо большею безопасностию, нежели когда бы имел при себе и военную стражу, коя никак противу больших шаек устоять бы не могла. Грабители тотчас отстают от своего намерения, как скоро киргизец уверит их, что иностранец его приятель, и ежели кто-нибудь из киргизцев обещается такое покровительство оказывать, то нарочито можно на слово его надеяться. Приняв сию предосторожность, многие российские купцы, а особливо из татарских народов, предприемлют с великою выгодою путешествие в Бухару, Хиву и другие области.

(Георги, II, 134).

В вечеру [17 августа 1769 г., у Калмыковской крепости на р. Урале] приехали мы к киргизцам, которые тогда кочевали в боль-

ших войлочных кибитках в приятной долине. Степные народы обыкновенно умеют выбирать себе место для кочевания и наилучшим образом наслаждаться выгодами, переходя с одного места на другое. Казалось, что киргизцы боялись нас больше, нежели мы их. Кроме старых баб и нагих ребят, бегающих около малого раскладенного огня, не видно были никого в кибитках, потому что молодые женщины спрятались, а мужчины собирали находившиеся в разброде стада. Как скоро они уверились о безопасности, то господа и слуги к нам собрались, показывали веселое лицо и подчивали нас приятным кисловатым из кобыльего молока приготовленным кумысом, которого не можно выпить одну чашку, чтобы не почувствовать в голове хмелю, как то я имел случай приметить в моих провожатых. Хотя киргизцы весьма ласково нас приняли, однако мы не отважились у них ночевать; и так, осмотрев их домоводство и с ними простясь, поехали мы в сумерках назад в крепость; и тогда я в первый раз увидел появившуюся в сем году комету, которую имеющие острое зрение казаки, видели уже за две ночи наперед, то есть 15 числа августа.

(Паллас, I, 566—567).

Азиатские караваны, в российские торговые города приходящие по опасной, киргизцами обитаемой степи, полагаются на защищение начальников тех аймаков, через кочеванье коих лежит их дорога. Караваны называют их караван-пашами, и за надежное прикрытие или провожание платят им по договору товарами, так что по объявлению бухарцев, у коих я спрашивал, дают по 10 и по 12 рублей с каждого навьюченного товарами верблюда.

(Паллас, I, 580).

ПУТЕШЕСТВИЕ ТОМПСОНА И ГОГГА ЧЕРЕЗ КАЗАКСТАН

11-го июня [1740 г.] мы отправились оттуда [из г. Самары] в сопровождении военного конвоя в юго-восточном направлении по проторенной дороге через пустыню протяжением в 300 верст. 17-го мы прибыли в город Яик, принадлежащий казакам, подданным России. Там мы обменяли свою европейскую одежду на татарскую и, обеспечив себя верблюдами, лошадьми и другими необходимыми вещами, отпустили своих русских защитников.

Только с большим трудом мы могли найти несколько калмыков и татар для нашей службы. Яицкие казаки отказались от этого. Они много рассказывали нам о бедствиях, испытанных ими самими, о том, сколько народу грабили и убивали на пути в Хиву. Но это не отпугнуло нас, ибо мы решили мириться со всеми трудностями. Тем более, что один бек или глава киргизских татар [1] прислал нам 2 человек в качестве проводников, и мы надеялись на большой авторитет этого главы и его готовность защищать нас.

Между тем нам очень посчастливилось, так как мы встретились еще с несколькими киргизскими татарами, бывшими в Яике по торговым делам и направлявшимися домой. Мы присоединились к ним, и

[1] Вероятно, бек Ян, прозывавшийся батыром, или героем, упоминаемый ниже. Примечание голландского издателя [который, очевидно, смешивал казакское имя Жаныбек с европ. именем Ян, Иоанн, Иван].

таким образом нас составилась группа в 20 всадников. 26-го июня мы выехали из Яика в восточном направлении по бездорожной пустыне, делая каждый день по 60 верст или по 15 часов езды. Татары находили дорогу по горам, долинам и рекам, которые они знали. Днем и ночью мы должны были быть на страже и караулить, ибо мы знали, что в пути могут встретиться разные группы и что, если они из одной и той же орды, то по меньшей мере, нужно ожидать столкновений, если же они принадлежали к разным ордам, то более сильная часть убивает побежденных пожилых людей, а молодых делает рабами.

7-го июля мы увидели пред собой группу всадников. Наши спутники преследовали их и взяли 3 калмыков с 7 лошадьми. Они считали это богатой добычей. Самое лучшее было то, что от этих калмыков мы узнали о местонахождении орды, к которой мы ехали. 11-го июля мы приехали к одной группе киргизов, у которых осталось большинство наших попутчиков, так что мы были вынуждены продолжать путешествие только с двумя нашими проводниками.

До 16-го мы ехали в северо-восточном направлении и прибыли к орде нашего друга Яна Бека Батыра. Он оказал нам любезность, послав нам навстречу своего сына и нескольких друзей. В их сопровождении на другой день мы приехали к его кибитке. Мы проделали от реки Яика дорогу в 200 часов (800 верст).

Упомянутый глава татар сидел на ковре в своей палатке. Когда мы вошли, он встал и приветствовал нас. Он усадил нас с собою, взял большую чашку кумыса, сделанного из кобыльего молока, выпил и дал нам. Мы преподнесли ему небольшие подарки, которые он тотчас же распределил среди своих товарищей. Спустя несколько дней мы преподнесли ему более ценный подарок и заявили о нашем намерении ехать в Хиву и там открыть торговлю, указав, что если бы это удалось нам, мы направили бы туда большие грузы и тогда были бы в состоянии вознаградить его более за все оказанные нам услуги. В своем ответе бек уверил нас, что окажет нам все услуги, которые в состоянии оказать, чтобы помочь нам в этом предприятии. Он настаивал, чтобы мы переждали, пока уменьшится сильная жара и пока достаточно отдохнут наши вьючные животные и лошади, бывшие от напряженного путешествия в очень слабом состоянии.

Киргизские татары, одним из владетелей которых он является, занимают очень обширную территорию, граничащую с башкирскими татарами на севере, с черными калмыками и гор. Ташкентом — на востоке, с кара-калпакскими татарами и Аральским морем на юге и с рекой Яик на западе. Они делятся на три орды, или племени, находящиеся под верховной властью одного хана. Та часть или племя, которая граничит с русской территорией, находилась под властью Яна Бека, имя которого при всех случаях сопровождается титулом батыр, т. е. герой.

Киргизские татары живут в палатках, состоящих из деревянного остова, покрытого верблюжьим войлоком. Они умеют очень ловко ставить эти палатки и транспортировать их при перемене места. Они не остаются на одном месте более 2—3 дней. Их пища состоит из конского и бараньего мяса и того, что они добывают на охоте. Питье

их — кислое, перебродившее кобылье молоко. Они пьют его ежедневно и часто пьянеют от него. У них нет ни злаков, ни какого бы то ни было хлеба. Отправляясь в дорогу, они берут с собой маленький запас сыра, который они называют крутом. Размоченный в воде, он является их главным питанием во время пути. Деньги среди них почти не известны. Их богатство состоит из скота и лисьих и волчьих шкур. Частично они обменивают их у своих соседей на одежду и другие необходимые товары.

Их религия — магометанство, но они не очень религиозны. Язык их очень похож на турецкий. Они — сильный и храбрый народ, но дикий, невежественный и предательский. С чужестранцами, пока те находятся под их защитой, они очень любезны, ибо считают самым большим позором обесчестить или обидеть гостя. Но как только последний уехал, иногда его друг и защитник бывает первым, который ограбит его.

...Киргизские татары обращают также мало внимания на многие большие преступления, в особенности почти не понимают позорности грабежа. Обычное наказание в этом случае — только вернуть владельцу отнятое у него. Что касается убийства, то оно карается отобранием у убийцы его имущества. Иногда наказание за это преступление тяжелее, и убийца со всем своим семейством отдается в рабство ближайшим родственникам убитого.

Мы оставались у Бека Яна и совершали путешествие вместе с ним до 8-го августа, оказавшись к этому времени на 51½° широты, в пяти днях пути к востоко-юго-востоку от Оренбурга. Этот город недавно был построен русскими как пограничная крепость против киргизских и кара-калпакских татар [1], а также как место торговли с этими татарами мехами, текстильными товарами и ревенем.

Получив от Бека Яна указания о дальнейшем пути и взяв в качестве проводника одного из его друзей, мы присоединились 8-го августа к одному каравану киргизских и туркменских татар, состоящему, примерно, из 60 человек. С ними мы ехали на юг 8 дней, ежедневно по 50 верст или 12½ часов. Мы встретились с несколькими группами, не сделавшими нам ничего плохого. К нам присоединились лишь несколько туркмен, подвергшихся ограблению и только бегством спасших свою жизнь.

16-го августа мы достигли Аральского моря, находящегося в 22 днях пути от Оренбурга и 12 — от реки Яика. Мы ехали на юг вдоль очень высокого и крутого берега, где испытывали затруднения, чтобы один раз в два дня получить немного воды, которая к тому же была такая горькая и соленая, что лишь крайняя нужда заставляла нас пить ее. Кара-калпакские татары живут на восточном берегу этого моря, при впадении в него реки Сыр, а аральские татары — к югу, при впадении реки Амо. Последние, занимаясь для своего пропитания рыболовством, употребляют лишь очень маленькие лодки и не могут

---

[1] Г-н Томпсон дает к этому следующее примечание: «в 1748—1749 гг. эти татары привезли на 440 000 гульденов серебра и вели большую торговлю с русскими. Наибольшая часть этого серебра взята при ограблении персидского лагеря в 1747 г., сопряженного с убийством Шаха Надира». Примечание голландского издателя.

отплывать далеко от берега. Говорят, что это море нельзя переплыть меньше чем в 35 дней, поэтому его окружность считают больше 1000 англ. миль [1500 км]. В этом крае водится очень много диких лошадей, ослов, антилоп или козлов, и волков. Здесь есть также дикое и злое животное, называемое жолбарсом и приблизительно такое же, как тигр. Татары говорят о нем, что оно настолько сильно, что может унести лошадь.

3-го сентября мы покинули Аральское море и прибыли в низменную местность, заросшую камышом и до колен покрытую стоячей водой. Нам рассказали, что это русло Оксуса, который протекал между Аральским морем и Каспийским озером и устье которого много лет тому назад было закрыто татарами.

5-го мы приехали в город Юрганц, который, повидимому, был большим и очень населенным местом, а теперь представляет из себя лишь кучу развалин, ибо осталась лишь одна мечеть. Здесь наши попутчики были очень религиозны: они молили небо о хорошем пути...

(Ганвай, I, 392—396).

4. КЛАССЫ, ГОСУДАРСТВО И СОСЛОВИЯ

Среди всех видов скота коней киргиз ставит выше. Лошадь киргизу, как и башкиру, дает почти все, что ему нужно. Киргизское семейство может прекрасно существовать, если у него есть полсотни коней и прочего скота в соответствующей тому пропорции. Такой полсотни не насчитает у себя только ничтожное меньшинство; обыкновенно у киргиза лошадей гораздо больше; даже у рядового киргиза «черной кости» свободно может оказаться в владении и тысяча и даже две тысячи голов коней. Я уже упомянул, что у богатых киргизов считают во владении по 5 и даже 10 тысяч голов коней. Такие богачи не могут даже знать с точностью численность своих стад.

(Фальк, III, 543).

Табуны их состоят из лошадей, верблюдов, рогатого скота, овец и коз. От них они заимствуют свое пропитание и одеяние, так же как и самое благосостояние, и сия их слава купно с соучаствованием в советах доставляет им преимущественные места и пр. И у самого простого, но доброго скотовода, редко бывает меньше 50 или 30 лошадей, в половину против того рогатого скота, 100 овец, нескольких верблюдов и от 20 до 50 коз. В Средней же, особливо, орде есть, как слышно и такие люди, у которых табуны содержат в себе до 10000 лошадей, до 300 верблюдов, от трех до четырех тысяч рогатого скота, около 20000 овец, и больше 1000 коз. Имеющие тысяч по пяти лошадей и по соответствующему числу рогатого скота люди есть и в Малой орде.

(Георги, II, 126).

В сравнении с другими кочевыми народами наших стран живут киргизы очень хорошо. При необузданной своей вольности, и видя

совершенную удобность нажить себе нужное для достаточного пропитания множество скота, не хочет никто из них быть у другого рабом или слугою, но желает, чтобы всяк поступал с ним так, как с своим братом, почему богатые люди никак не могут обойтись без невольников (язюрен), и чем больше у кого рабов, тем больше придают они великолепия и тем лучше для его табунов. Знатным служат одни только невольники, да и у самого хана есть оных больше пятидесяти. Для людей препровождавших и прежде жизнь свою по примеру киргизцев невольничество ни мало не тягостно, потому что господа обходятся с невольниками своими как будто бы с родственниками, содержат их тою же пищею и снабдевают всякими надобностями, для привыкших же к иной жизни людей довольно оно тягостно. Покушение спастись от неволи побегом и согласие с женами подвергают пленников, да и самих жен, строгостям, от которых иные и умирают.

Поелику не всяк может иметь довольное для табунов своих число невольников, то богатые наделяют скудных скотом, а сии в знак благодарности приглядывают за скотиною своих благодетелей. Ежели табуны чьи-нибудь скоро размножатся, то он почитает сие благодатию и разделяет по бедным людям знатное число скота. Ежели сей податель пребудет в благосостоянии, то наделенные им люди не бывают ему за то ни чем обязаны, если же он по причине скотского падежа, расхищения, по иным каким несчастиям лишится своих стад, то наделенные им прежде приятели дают ему такое же число или еще и с приплодом скота, хотя бы у самих их и весьма мало затем оставалось. И потому богатый человек делает посредством таковых благотворений табуны свои как будто вечными.

(Георги, II, 130—131).

Правительство в тех ордах по большей части походит на демократическое, ибо кто в каком роде старее и богаче, того и почитают. Но власти надлежащей не только старшины, но и сами владельцы над народом почти не имеют, разве тогда, когда для добычи ездят или защищаются от неприятелей своих, ханам и старшинам своим повинуются, и по их приказам собираются и поступают.

(Рычков, Ист. Оренб., 72).

Многочисленный киргизский народ живет в неограниченной вольности в сравнении калмыков, которые так много малых властителей над собой имеют. Каждый киргизец живет так, как вольный господин, и потому киргизцы не так страшны, как другие неприятели. Однако каждое поколение или аймак имеет над собою главного, которому все происшедшие от одного колена оказывают добровольное послушание. Имеющие у себя в ведомстве большее число подчиненных называются ханами и султанами. Также есть еще и другие чины оным подсудные, а именно: дворяне, бии именуемые; почтенные люди старинного поколения, ходжа, и еще другие, мурзы называемые. От Российской империи определенный и жалование получающий хан пограничной Малой киргизской орды невеликую имеет власть над своими вольными людьми, и столько ему повинуются, сколько он может

приобресть себе подчиненных своим богатством и подарками. Он так же не имеет права их судить; но по всякий год бывает три собрания старшин и главных из каждой фамилии или поколения, которое тогда решает случающиеся ссоры.

(Паллас, I, 578—579).

Дворянство их многолюдно: нижний род оного называют они ходжами, а средний бии, высший же состоит из салтанов. Ходжи их не отрасли Мугаметовы, как то у туркестанцев и других народов, но единственно честной природы люди. Бии же должны иметь богатырей, а салтаны или князьки, начальников народа своими предками. Поелику женщин они покупают, то и в родословии совсем их не числят. Не только колена, но и самые роды или аймаки, рачительно наблюдают взаимный союз и избирают себе старшин из знатнейших и самых богатых дворян. Начальникам их нет ни малейшего жалования; да и повиновения малым чем больше оказывается против того, какое бы и без начальства изявляемо им было по богатству их и прилеплению к ним как простого народа, так и других богачей. И самому хану оказывается честь и повиновение больше по старшинам, которые бывают отчасти его братья, салтаны, дядья или их друзья. Да и такие определения, которые сделаны с общего согласия всех аймакских начальников, исполняются народом токмо по толику, по колику они ему угодны; и всяким частным человеком, когда только предвидит он себе из того пользу, нарушаются.

(Георги, II, 124).

Знатные их и богатые люди живут точно так, как и простолюдины; и потому станы их по большему только числу юрт для жен, детей и невольников, а самих их, когда едут верхом, по множеству провожатых узнавать можно. С народом обходятся они по-братски; и поелику все-равно вольные люди, и всяк, как скоро разбогатеет, становится так же знатен, то простые люди почитают знатных не за велико: в юртах их садятся они возле их непрошенные, едят вместе, говорят, что на ум взбредет, и исполняют такие только их приказания, которые покажутся им полезными. Хану оказывают они, правда, не строгое повиновение, однако ж отменное почтение, как будто бы священной особе. Прежний, Россиею утвержденный, хан Малой орды Нур-Галий, разумный, справедливый, и России весьма преданный, имел у себя стада, из 1 000 лошадей, 400 рогатого скота, 200 верблюдов, около 4000 овец и нескольких сот коз состоящие, почему он в рассуждении богатства был человек средний; да и по причине множества князьков, которым долженствовал способствовать в разведении табунов и тем самым доставлять им знатность, так, как и ради большого расхода на овец при великом его семействе, невольниках и частых посещений посторонних людей, не мог никак, не имея никаких доходов, великого нажить себе богатства; однако ж жил в орде всех прочих великолепнее, в чем способствовали ему наипаче получаемые из России дары. В стану его было великое множество юрт, из коих преимущественнейшие изрядно украшены. Он и семейство его носили платье из дорогих материй и бархату. Около его

бывает иногда много, а иногда и мало старшин, и так далее. Народ величает самого хана тахсир-ханымом и тахсир-падшеймом, супруг его просто ханымами, князьков тахсир-салтанами, а княжон ханымкаями, т. е. ханскими дочерьми. У сего хана было четыре супруги и восемь наложниц, из коих первые были дочери знатных, наложницы же простых киргизцев, отчасти и невольницы, а особливо похищенные калмычки. Со всеми ими прижил он 25 детей. Из князьков его Бег Галий — ханом у айраклианских, а салтан Пир Галий — у прочих трухменцев. Все его князьки или сыновья, кроме двух самых младших, женаты на дочерях знатнейших киргизцев и сами — уже старшины волостей в обоих ордах, и по ним то и сам хан был силен. Поелику хан, последуя предписанию алкорана, дочерей своих за родственников выдавать не может, а уступить их простого состояния людям за надлежащий выкуп по пышности своей не соглашается, то многия из них оставалися незамужни, и иные уже в летах. И самим киргизцам удается видеть ханских женщин только при перемене стана, ибо они в таком случае едут верхом в наилучшем своем убранстве на хороших лошадях или верблюдах.

Если киргизец попадется хану своему навстречу в степи, то сходит с лошади и, подошед к хану, говорит: дай тебе бог счастия (алла арбау). После чего треплет его хан легонько рукою или только плетью по плечу, и сие почитается у них как будто благословением.

(Георги, II, 135—136).

Каждая орда подразделялась на несколько волостей (по-кирг. аймак), а волость в свою очередь распадалась на более мелкие подразделения — улусы, или колена. Все они имеют свою знать, родовитые семейства «белой кости». Из рядовой знати выделялись фамилии особо знатные и, наконец, князья, которых по-киргизски называли салтанами. Из обоих первых классов этой знати выбирались старшины улусов; предводители аймаков были все из князей. Что касается деревень и вообще незначительных становищ, то в старосты таковых можно было выбирать и «черную кость», т. е. киргизов из простого народа. Эти маленькие поселки как общее правило скопляли в себе юрты родичей потомков одного и того же семейства, дедовского или же более дальнего. Таких дедов киргизы называли аксакал, что значит седая борода. Предводители улусов, уже не говоря про волости или аймаков, народом не выбирались, а только знатью и при этом самое избрание нуждалось в утверждении его ханом. В этих должностях сыновья как общее правило заступали места отцов, но предводителю не полагалось каких-либо поступлений от населения, и у него не было над ним сколько-нибудь значительных прав. Предводитель — это только самый богатый, самый уважаемый человек в аймаке, его оракул. Вот почему влияние предводителей на местах было огромное, не взирая на всю формальную незначительность их власти, и потому они становились сильным орудием управления в руках хана, который через них мог сделать очень много.

...У ханов все доходы — от их собственных стад, и больше у них нет никаких иных поступлений. У Нур-али до 100 верблюдов, до 3000 коней, до 1000 голов рогатого скота, до 5000 овец и до тысячи

коз и сверх всего до 100 ослов. Еще богаче салтан Аблай, но хан берет тем, что ему доходят русские подарки, до 600 руб. наличных денег, не говоря о прочем. К князьям никто из киргизов в услужение не идет, потому что князья в их глазах (так мыслит даже «черная кость») — это их братья. Поэтому знатный киргиз держит в услужении иноземных рабов и рабынь, иногда человек до 50. В дополнение к этому в окружении хана находится непременно несколько старшин. Таким образом, вся обстановка ханской жизни, помимо роскоши его юрт, его выездов и его одеяния, отличается особенным блеском, какого не может быть даже у аймацких князей.

(Фальк, III, 541—542).

Ни у кого из киргизов нет такой власти, чтобы покарать по усмотрению хотя бы самого тяжелого преступника, ни у кого, даже у самих владык-правителей, уже не говоря о военных начальниках. Чем сильнее род, к которому кто-нибудь принадлежит, тем больше его влияние и авторитет, ибо в случае надобности он может пользоваться силою своего рода для своей защиты, помимо всякого правосудия. Двинуть киргизов на какое-нибудь дело можно лишь с одобрения многочисленных родовых глав; веление самого хана имеет сравнительно мало значения.

(Рычков, Дневник, 344).

СУД И ОБЫЧНОЕ ПРАВО

Яко судии имеют старшины в улусах, а хан в вершении тяжебных дел больше, нежели в правлении, властен, поелику всяк вступается за употребительные у них законы и требует, чтобы оные были наблюдаемы. Законы их утверждаются частию на алкоране, а частию на старинном обыкновении, в особых же случаях на естественной справедливости.

Кто убьет мужа, тот подвергается гонению его родственников на два года, в течение которых могут они его убить, не навлекая на себя через то наказания. Если же он жизнь свою между тем сбережет, то должен дать родственникам убиенного сто лошадей, одного невольника и двух верблюдов. Пять баранов или овец берутся взамену одной лошади. За убиение жены, ребенка или невольника, так же, как и за осквернение женщины, за которым последуют безвременно роды, полагается наказание в половину противу вышеписанного. Но во всех случаях мирят тяжущихся друзья и приятели, причем обиженные больше или меньше уступают.

Изуродование человека почитается в половину противу лишения жизни. Большой палец стоит 100, малый 20, а прочие от 30 до 60 овец. Лишение ушей считается у них толико ужасным пороком, что человек претерпевший сей урон, хотя и безвинно, отнюдь им несносен. Кто в гневе соперника своего хватит за бороду или за детородный уд обоего пола, тот по произволению судей истязуется крайне строго. За похищение какой ни есть вещи взыскивают в девять крат больше, и так далее. Никому не дозволяется за самого себя присягать; и ежели брат или приятель сделать того не пожелает, или не может, то тот, на кого вступила жалоба, обвиняется.

(Георги, II, 125—126).

У киргизов нет ни каких-либо правовых норм, ни судов для решения правовых споров. Только в отношении убийства и воровства имеется у них странный порядок, заведенный их предками. Кары за то и за другое преступление установлены следующие.

Убийца ни в каком случае не отвечает за свое преступление головой. Возмещением являются карательные платежи; совершивший убийство вносит: сотню коней, одного пленного раба, двух верблюдов, суконный кафтан высшего качества, [мех] чернобурой лисицы, ястреба или беркута, один панцырь и другие предметы военного обихода. Все это следует ближайшему наследнику убитого. В случае, если личного имущества не хватает, то остаток взыскивают с родственников убийцы, и родственники не могут в этих случаях возражать против этого обычного права, и все подчиняются этому ненарушимому порядку. Это установление называется у киргизов куном.

Причинение увечья или лишение трудоспособности приравнивается к убийству наполовину, и сообразно тому в пользу потерпевшего идет половина куна, положенного за убийство. Несколько лет тому назад сам правящий хан Нур-Али был принужден подчиниться этому обычному праву и заплатить положенное за увечье, нанесенное киргизу. Это произошло следующим образом. Одна калмычка, рабыня киргиза, жившего неподалеку от ханского двора, не могла снести буйного нрава и побоев своего господина, убежала от него и укрылась в кибитке самой любимой из ханских жен. Разгневанный господин ее, однако, преследовал ее со всею поспешностью не отставая ни на шаг, ворвался в самую кибитку, где беглянка искала себе спасения и отнюдь не задержался тем, что в кибитке в ту минуту находилась сама ханская жена. Ханским женам вообще от киргизов бывает не слишком то много почета, особенно, если киргизы чем-либо взбешены. Не стесняясь присутствием хозяйки, киргиз тут же принялся ругать и бить рабыню и поднял на ноги весь ханский улус. На крики сбежались узбары, — так называлась служилая дворня хана, — и выволокли вон дерзкого нахала, нанесши ему при этом определенные повреждения. Последовал осмотр избитого собравшимися киргизами, и было признано, что потерпевший не способен более к произведению потомства. Хан тщетно пытался защитить себя ссылкою на наглый образ действий потерпевшего в присутствии его жены. Народное собрание принудило его заплатить половину того куна, какой полагается за убийство.

Совокупность законоположений, направленных против воровства, носит у киргизов название айбана. По силе этих законов задержанный с лошадью или с овцою похититель, приведенный к старшине улуса, повинен уплатить 27 лошадей или овец.

Дело редко доходит до того, чтобы какой-нибудь киргиз попал под этот суд против воровства: среди своих киргиз, в общем, не дает прорываться своим воровским склонностям, раз он досыта удовлетворяет эти склонности в соседних странах.

(Рычков, Дневник, 344—346).

ВОЕННОЕ ДЕЛО

Оружием нашего вспомогательного киргизского отряда были копья, сабли, стрелы и кремневые ружья. Стрельба из ружей производилась с помощью фитилей из тополевой коры. Они делали это таким образом: когда нужно было изготовиться к стрельбе, брали отрезок фитиля, натирали порохом, затем высекали огонь на этот трут, который тут же принимался тлеть. Не было ни фитильной полки, ни какого-либо курка, а вместо всего этого в начале ствола была прорезана сквозная ложбинка, куда перед самым моментом выстрела и загоняли тлеющий трут, производивший разряд. Стрельба была очень меткая. Точную наводку облегчала штативная рогатка, приделанная к середине ружья (рогатка употреблялась и у русских казаков). С лошади так стрелять нельзя. Поэтому перед тем, как пустить в ход ружья, всегда старались спешиваться и устанавливать опорные рогатки, и тогда, говорят, выстрелы становятся действительно опасны для противника. При дождливой погоде их ружья были непригодны, так же, как и при стрельбе с лошади. Не только сырел фитиль и принимался тлеть очень туго, но терял силу и самый заряд от сырости, проникавшей в порох через отверстие и дуло. Так снаряжались киргизы для борьбы со своими противниками. Оружие покупалось, главным образом, в Ташкенте. Жители этого города — лучшие ремесленники всех этих мест. Что же касается пороха, то киргизы вырабатывают его сами в своих улусах. Сколько мне известно, они умеют приготовлять два вида пороха, а именно: черный и белый. Но они держат в секрете это изобретение, почти неизвестное у других народов. Я надеялся прознать что-нибудь о деле, но никак не был в силах удовлетворить свое любопытство. В данном случае не помогли ни мои дружественные связи, ни ласковые слова, ни угощения, на которые я не скупился. Ответ их был один: «Порох мы делаем так же, как его и в вашей стране делают. Искусство нашей выработки не заключает в себе ничего особенного. Все, необходимое для изготовления пороха, добывается в наших же местах». Отправляясь в бой, киргиз берет с собою трех и даже четырех коней; самого лучшего коня он приберегает для самого дела и до того ничем его не обременяет, на остальных он гоняет вперемёнку сам и везет захваченные им в дорогу запасы. Смена лошадей дает им полную возможность делать за день без всякого напряжения 60 и даже 80 верст.

Одеяние, в котором отправляются в поход, отличается от обыкновенного тем, что в спину верхней одежды непременно вшиваются два мешочка из сукна или из кожи со вложенными в них написанными на особых листках молитвами. Так заведено у всех киргизов в походе, не только у знатных, но и у рядовых бойцов. Молитвенный текст, зашитый в один из мешочков, предназначен охранять носителя от недугов и от вражеского оружия. В другом мешочке — тоже писаная молитва, но о другом — быть храбрым и неустрашимым в схватке.

(Рычков, Дневник, 342—343).

Во время войны навешивают они [киргизы Большой орды] на себя великое множество колокольчиков и побрякушек, которые производят страшный шум и пугают неприятельских лошадей.

(Георги, II, 120).

Набор оружия у киргизов в общем таков: лук (кирг. dia) и стрелы (ок), копья (naisa), простые сабли и, наконец, ружья. Некоторые из воинов (batyr) выходят в строй в панцырных рубахах. В походе это — обыкновенно — предводители отрядов, их отличает наличие особого крылышка на шапке.

(Фальк, III, 542.)

Во время положенной обще на мере [сообща намеченной] и народом подтвержденной войны собираются все, к ратованию способные люди в определенное место, всяк, по примеру башкирцев, с двумя или больше лошадьми и вооружен. Толпы сии соединяются и вступают в поход под предводительством избранных военачальников. Поелику всяк сам себя содержит, то войско их не имеет надобности ни в казне, ни в житницах. Множество их все опустошает. Чего они из попадающихся им стад не съедят и которых неприятелей мужеского пола не перерубят, тех так, как жен и детей, уводят в неволю. Когда воинственное странствование им наскучит, то они сами собою мало-по-малу возвращаются на прежние свои места, почему войско ежедневно тогда убывает. Когда они встречаются с неробеющими неприятелями, то ни мало в деле своем не успевают. Из луков стреляют они очень худо. Огнестрельные их оружия без курков, почему и палят они из них еще и ныне по старинному обыкновению, поджигая порох фитилем. Они не могут и прямо из рук палить, но сходят с лошади, ложатся на землю и ставят ружейный ствол на приделанные к нему рожны, что все выжидать неприятелям иногда становится и скучно. Ежели они в предприятии своем не успевают, или к тому еще и поражение претерпят, то всяк спешит ближайшею дорогою в свой улус. При всем том одерживают они обыкновенно победу над такими неприятелями, которые не мудренее их в военных действиях.

(Георги, II, 124—125).

5. БЫТ КАЗАКОВ

ЖИЛИЩА

Жилища их суть подвижные юрты, совсем подобные башкирским, только огромнее и чище. Знатные и зажиточные люди покрывают их белыми войлоками и при том имеют особые юрты для жен, детей, стряпни и съестных припасов, а иногда и для хворого скота. Место для разводу огня сделано посередине юрты под полою вершиною крыши. Около оного лежат войлока или персидские ковры, а иногда и тюфяки. Внутренность юрты или шалаша, украшена бывает у богатых пестрыми, нередко шелковыми материями. Кругом стоят молочные мешки и сундучки, на стене висит оружие, верховая конская сбруя, наилучшее одеяние и сему подобное.

Домашний скарб сходен также с башкирским. Крущовых [металлических] сосудов не ставят они ни во что; напротив того, превеликие из березового суку выделанные миски так им милы, что за нарочито великую чашку дают иногда и лошадь.

Станы их, поелику аймаки охотно пребывают в союзе, довольно заключают в себе юрт, но очень обширны. Около ханского собственного стану наберется юрт около тысячи; напротив того, иногда на 50, да и на 100 верстах не попадается ни одна юрта. Ради пастьбы переменяют они как зимою, так и летом станы, о чем аймаки в отвращение всякого притеснения вступают между собою в условия. Поелику они жгут почти один только скотский кал, то юрты их в зимнюю пору холодны.

(Георги, II, 131).

Жилище киргиза — это передвижная разборная палатка, совершенно одинаковая с теми, какие употребляются у башкир. Это остов из обручей, окрашиваемых иногда в красный цвет (употребляют для этого глину, кровяную сыворотку или кислое молоко). Весь остов увешивается серыми, а у знатных киргизов белыми войлоками и крепится арканами...

(Фальк, III, 548).

Киргизцы, по обыкновению других степных азиатских народов, живут в войлочных кибитках, которые от калмыцких разнятся только тем, что обыкновенно бывают гораздо больше и чище, так что в их кибитке больше 20 человек сидеть могут. Вообще киргизцы наблюдают во всем чистоту гораздо больше, нежели калмыки.

(Паллас, II, 568—9).

ОДЕЖДА

...В молодых летах оставляют только усы, а старые имеют косички, бороды на подбородке и около зевов рта, или целые бороды; однако, притом не бывает у них волос на нижней губе и на подбородке.

... Летом носят они короткое кожаное платье троякого вида. Простая одежда слуг и бедных людей делается из летних шкур сайгачов, выворотя шерстью наверх, и такое платье называется иргак; несколько познатнее и более употребительное одеяние называется дака, которое шьют из кож разной шерсти мертвых жеребят и притом так, что посреди спины и на обоих плечах принаравливают гривы в шов для украшения. Также некоторые носят летнее платье из выделанных козьих кож без шерсти. Такое одеяние называют они кожанами, которые употребляют и яицкие казаки для того, что они мягки и не портятся от дождя...

Мужское платье у киргизцов, кроме верхнего одеяния, обыкновенно состоит в бумажном полукафтанье и в китайчатой или пестрядинной рубахе, которая делается распашная и вместе с полукафтаньем накладывается пола на полу, а потом опоясываются крепко. Но верхнее платье подпоясывают ремнем, на котором обыкновенно висит пороховница с порохом и мошня с пулями, потому что зажиточные киргизцы обыкновенно имеют огнестрельное оружие. Летние у них шапки войлочные, обложены материею, вышиты пестрыми узорами

Казак верхом (Из Георги).

и опушены бархатом, кверху острые, с двумя широкими повислыми полями и одно обыкновенно заворачивают. Зимние шапки подложены мерлушками или овчинами спереди и сзади, с круглыми, а по сторонам острыми повислыми полями. Впрочем, они еще носят, по татарскому обыкновению, черную пестровышитую скуфью [тюбетейку], которою прикрывают обритую догола голову. Богатые носят бухарские сапоги и покупают по дорогой цене. Такие сапоги шьют из шероховатой ослиной кожи по особливому образцу с длинными носками; подошвы подбиты гвоздями с острыми шляпками или под них

подложены железные скобки, и вообще так не способны, что никакой европеец не может в них ходить без того, чтобы не покачиваться на сторону. Но киргизцы редко стоят на ногах и почти всегда сидят на лошадях, потому у всех ноги кривые, и нет из них ни одного, который бы хорошо ходил...

Простое платье киргизских жен состоит в синей нераспашной рубахе, и сверх оной дома ничего не надевают, также в длинных штанах, в портянках, которыми обвертывают себе ноги, а потом надевают туфли. Голову обвивают белыми и пестрыми платами, составляющими всегдашний головной убор, по-их джаулок называемый. Сперва кладут на голову аршина в три длиною полотенце, около которого обвивают свои заплетенные в две косы волосы. Концы полотенца, обернув под шею, завязывают на голове, и так шея спереди оными, а сзади висящим концом плата покрывается. Потом, взяв еще аршин в пять длиною и на две ладони шириною сложенное борами такое же полотенце, обвивают верхушку головы так, что почти цилиндрическая чалма из того выходит. Когда они лучше наряжаются, то помятутый джаулок бывает из тонкой полосатой материи. Сверх синей рубахи надевают тогда другую, шелковую, с хорошими или просто вышитыми цветами из бухарской материи, подпоясываются кушаком из такой же материи, из какой джаулок и, сверх всего, надевают еще широкий бухарский халат. Для прикрытия титек завешивают оные под верхнею рубахою пестрым вышитым платом, всю грудь и верхнюю половину брюха покрывающим.

Но у них есть еще другое украшение, джажбау называемое и состоящее в лопасти, которая пришпиливается на затылке под джаулоком. Сперва висит длиною до трех аршин узкая лопасть из пестро вышитой материи, и такие лопасти привозят бухарцы совсем готовые. Лопасть затыкают за пояс, от которого висят до подколенок две, в палец толщиною, обшитые бархатом косы с большими кистями из черного шелку. Женщины закидывают оные наперед через плечо, а девки носят назади, связав кисти вместе. У такой косы привешены еще простирающиеся до подколенок снурки с пестрыми кисточками, бисером, наперстками и с другими гремящими вещицами. Под джаулок подкладывают еще очелок [передняя часть головного убора], унизанный серебряными блестками или малыми монетами.

(Паллас, I, 569—574).

Одеваются они по восточному обычаю, но обыкновенно лучше, нежели другие татары. Мужчины голову бреют и оставляют только усы да хохол. Штаны у них широкие. У полусапогов их каблуки долгие, острые, носки острые же, и они под подошвами усыпаны гвоздями. Шов нередко строчат и золотом. Рубахи редко кто носит, а вместо оных служит долгий, тонкий нательник. Подобное сему нижнее платье, из какой ни есть или и из шелковой материи делаемое, называется у них талан, а верхнее платье, коего рукава делаются широкие, книзу суженные — талков. Пояс заменяет у многих сабельная портупея, и у иного привешен к оной табачный прибор, огниво и нож. Нижняя шапочка, или скуфейка, вышита и востра. Верхняя шапка подобна так, как и у башкирцев, кеглю, но не спускается, а де-

лается с ушками, которые загибаются и придают ей вид корабля. Вершина шапки украшается по большей части кистью. Платье шьют они себе из китайки, сукна, а особливо красного, или из шелковых, также из пестрых и дорогих материй, штофов и проч, и опушают верхнее одеяние, по большей части выдрами. Мужчины всегда накутывают на себя много одежи, почему и в таком случае, когда спотыкнется под ним лошадь, редко приключается беда.

Лошадьми своими хвастают они почти столько же, как и самими собою. Они украшают наилучших лошадей великолепными седлами.

Казачки (из Георги).

покрышками и уздами и садятся на них обыкновенно вооруженные, имея всегда при себе короткую... плеть. Когда собираются на звериную ловлю, то надевают большие, до самых рук достающие долгие штаны (шаровары), в которые забирают верхнее и нижнее платье, почему и сами кажутся странствующими штанами.

Одеяние киргизских женщин совсем сходно с одеянием казанских татар. К волосам прицепляют они обыкновенно широкое, корольками покрытое и кисточками распещренное украшение (куйрук), совершенно подобное тому, какое в употреблении у черемисянок. По будням покрывают они голову фатою, в праздничные же дни надевают чепцы,

башкирским подобные и покрытые монетами и прочим. Многие, а особливо знатные, обвертывают голову разными материями, похоже на турецкую высокую чалму. Девки заплетают волосы во многие маленькие косы. Дочери знатных людей и салтанши отличаются от прочих торчащими в волосах, наподобие рогов, пригожими цаплиными шеями. Богатые и знатные женщины носят платье шелковое, отчасти из дорогих материй и штофов, суконное и очень часто бархатное; да при том окладывают они платье свое нередко снурками и золотыми позументами или опушают выдрою.

(Георги, II, 132—133).

Киргизы подстригают себе бороду так, что остается только небольшая бородка с характерным отдельным пучком на подбородке. На голове они носят шапочку, сплетенную из волос (takia), под шапку конусной, но отнюдь не остроконечной формы, с двумя отдельно подшитыми к шапке кладными боковинками-наушниками. Весь этот головной убор называется tebetei. В летнее время киргизы носят кожаные сапоги из красного сафьяна с очень острыми, загнутыми вверх носками и очень высокими и узкими каблуками. Зимою они укутывают ноги обертками и носят белые валеные сапоги с особыми чулкообразными башмаками. Нижнее платье носит наименование иегда (liegda), делается оно из шелковой или вообще из какой-нибудь легкой материи и надевается прямо на тело безо всякой рубашки. Платье верхнее состоит из шаровар (киргизское слово — Schalwar) и суконного сюртука. Этот сюртук (чекбер) имеет свой определенный фасон, его всегда стараются безукоризненно выдержать. На кожаный пояс подцепляют огниво, табакерку, нож, пороховницу и обыкновенно еще мешочек для всякой всячины.

Таков полный убор киргиза из Средней орды.

Что касается киргизок, то можно сказать, что нижнее платье у них такое же, как у мужчин: белья, собственно, нет никакого, и такие же панталоны; сапоги тоже одинаковые. Платье верхнее также по образцу мужского. Шелк, бархат, вообще дорогие материи употребляются в одеянии знатных киргизок еще чаще, чем у мужчин. Не принадлежащие к знати киргизки повязываются татарским таштаром, покрывалом, таким образом, что голова покрыта им как чепцом, а по спине свисает длинный спуск. Все разукрашено бахрамою, галунами, часто даже побрякушками. Весь спуск, кроме того, расшивают шнурами, кистями, лентами и тоже побрякушками.

Богатая, знатная киргизская женщина, кроме того, носит длинное ожерелье, которое облегает и грудь, и плечи сзади. Оно состоит из кораллов и небольших монет, серебряных или даже золотых, главным образом, бухарских. Также разукрашена у нее и высокая шапка с широким и длинным спуском.

(Фальк, III, 548—549).

ПИЩА

В разсуждении пищи и питья наблюдают предписания магометан. Самая общая их зимняя ества—баранина, а летом питаются почти одним только кумызом. Все прочие ествы, мяса, дикие коренья, ко-

торые у них такие же, как и у барабинцев, молочные и мучные кушанья и проч. употребляются у них частию в торжественные только дни, а частию и для перемены. Все их естьы приготовляются весьма просто, не всегда с надлежащею чистотою и приправляются иногда одною только солью. Поелику муку и крупу могут они получать только из России, Бухарии и Хивы, то иному едва удастся и на всем его веку хлеб и кашу видеть. По причине изобилия в молоке перегоняют они кумыз и получают чрез то молочное вино (арак). Не имея недостатка в мясе, могут они в зимнюю пору утолять жажду свою мясною жижицею. До жиру такие они охотники, что часто сало и масло голое из горсти едят. Они вообще добрые и ненасытные едоки; четверо их, возвратясь с звериной ловли, уберут за один прием иногда и целую овцу или барана.

(Георги, II, 133).

Баранина — ежедневная и главная пища, как у нас хлеб. Едят ее всегда в одном виде — вареную, без соли. Из баранины, реже из какого-либо другого мяса, киргизы приготовляют свое любимое блюдо бишбармак, кушанье, забираемое в рот всей пятерней.

Козу [казы] — это жирные копченые колбасы из конины. Мясо кладут еще парным в соленую воду, потом наполняют им кишки, коптят их и провяливают под потолком юрт на провесе — блюдо, которое в общем подается только знатным. Джа-джа — копченая конская ветчина. Диат — любое копченое мясо. Корта — колбаса из рубленых потрохов: любой жир, нетопленый, рубят на мелкие части, крепко солят, зашивают в кишки и коптят — кушание, имеющееся всегда под рукой. Май — масло, приготовляемое из молока (коровьего, верблюжьего или овечьего), путем работы мутовкой. Им приправляется пища, а иногда оно и одно употребляется для питания.

Курт — сыр из вареной сыворотки; его приготовляют в виде маленких комков. Иремшик — особое кушанье, приготовляемое из сладкого овечьего молока, которое варят вместе с желудком или сычугом ягненка, имеет красноватый оттенок.

Кудье — особый вид супа, который варят с сыром или с куртом и с мукой (муку киргизы могут получать путем меновой торговли с русскими: вместе с крупой мука входит у киргизов все в большее употребление). Борто — крупа, которую варят в воде, добавляя молоко и масло.

Карабалама — густая молочная каша из муки с курдючным жиром. Дин — тесто из курмача, мелко размолотой поджаренной пшеницы и масла.

Челпе — печение из муки и масла. Нан — такое же печение, но только испеченное не на огне, а в горячей золе.

Птицу киргизы едят, но рыбы они чуждаются. Только отсутствие под рукою другой пищи или же нужда заставит киргиза есть рыбу.

Пьют киргизы, кроме воды — кумыз, айран, арак и всевозможные виды мясных наваров (сорпа).

(Фальк, III, 549—550).

Они так, как все татары, страстные охотники до табаку. Все вообще обоего пола курят его и нюхают; носят же нюхальный табак

за поясом в маленьких рожках. Поелику им, кроме кумызу и араку, упиваться нечем, то служит им средством же к тому и курительный табак, которого дым они в таком намерении глотают, и предпочитают простой крепкий или черкасский табак слабому... Они употребляют как маленькие китайские, так и из сучьев вырезанные трубки; но как те и другие надобно им получать от своих соседей, то большая половина киргизцев курит табак из пустых овечьих или бараньих костей. Отрезав с одной стороны у берца шишку, вынимают мозг и проверты-вают неподалеку от другой шишки в боку дыру. Когда хотят курить, то кладут с открытого конца к сию трубку шерстяную затычку, которую вжимают почти до самой поперечной дыры, дабы табак, которым они потом наполняют сию трубку или кость, оной не засыпал. При курении кладут они с открытого конца горящий трут и тянут сквозь поперечную дыру дым так крепко, что и глотают и сквозь нос излишний выпускают. Всяк довольствуется обыкновенно несколькими только добрыми глотками и подает после того трубку своему товарищу. Но и сего еще страннее общественное их курение, употребительное в таком случае, когда недостаток в трубках или курительных костях. Дабы землю скрепить и ко вжиманию сделать способною, то испускает кто-нибудь на удобное к лежанию место мочу и делает потом рукояткою своей плети в промоченной земле курительную ямку желаемой величины; после чего набивают оную табаком. Когда хотят курить, то кладут на табак горящий трут, и все охотники протыкают сквозь землю наискось пустые травяные сухие стебельки так, чтобы коснулись внизу табаку и чтобы можно было, не мешая другим, лежа на брюхе, дым всасывать. При сем способе курения объята бывает вся табачная братия приятным ей табачным дымом, и не только скорее, но и вдруг становятся все вообще соучастники курения пьяны.

(Георги, II, 133—134).

Киргизы обоих полов, даже и дети, курят табак (по-киргизски тамак) из особой трубки, которая у них носит название чалем. Трубка делается из овечьей ноги.

...Они почти всегда затягиваются нарочно, чтобы опьянеть.

...Растирая сухие табачные листья, приготовляют табак нюхательный. Нюхательницей служит маленький рожок. Его прикрепляют на поясе.

(Фальк, III, 550).

6. РЕЛИГИЯ, ОБРЯДЫ, ШКОЛА.

РЕЛИГИЯ И ШКОЛА

В начале столетия обратились киргизцы по прельщению туркестанских священнослужителей от шаманского язычества к магометанскому закону. Веру свою они почитают; но как у них нет школ, да при том и целые улусы не имеют мулл, то они не только превеликие невежды, но и крайне суеверны. Малое число находящихся у них мулл, состоит из полоненных ими российских или других каких татар,

умеющих читать и писать и потому люди сии бывают счастливы, отчасти как священнослужители, а отчасти как писцы и советники знатных киргизцев. В 1774 г. был у хана Нур-Галия один только тайный секретарь, да и тот полоненный казанский простой татарин, который едва умел вразумительно и четко писать, но разумел татарский и российский язык. Такие люди очень малое в законе своем оказывают сведение и редко имеют у себя алкоран или иные какие писания, хотя бы они и по арабски знали. В ордах беспрестанно разъезжают несколько абдалов или обрезывателей, которые, по елику получают за каждое клеймо правоверия по одной овце, имеют всегда у себя знатные овечьи заводы.

(Георги, II, 140).

...Они в своем законе тверды, но при том весьма темное имеют понятие потому, что у них очень мало магометанских духовных. Ныне в их орде находится ахун или главный поп, который обыкновенно с ханом кочует. В своем житии весьма наблюдают они магометанский закон и потому не едят нечистого, увеченного, хромого или другого поврежденного скота, а из диких в пищу употребляют только сайгачей, степных лошадей и оленей.

(Паллас, I, 575).

Магометане киргизы очень плохие, невежественные и суеверные. Ни мечетей, ни школ у них нет совсем и мало служителей культа, мулл. Муллы все тоже очень невежественны. В силу всего этого киргизы не умеют ни читать, ни писать. По киргизским степям разъезжает несколько операторов обрезания. За совершение этой необходимой правоверному магометанину операции, взимается хорошая плата — овца и эти люди очень богаты. Но их тоже не хватает. У киргизов можно встретить даже подростков, мальчиков лет 14, еще не обрезанных.

(Фальк, III, 551).

Школ у них нет и хотя потому редко кто на своем языке писать умеет, однакож язык у них, по утверждению знающих людей, нарочито изрядное татарское наречие, конечно, потому, что они татарами окружены и ни с какими иными народами обращения не имеют.

(Георги, II, 124).

Среди татарских казаков нашелся Орфей, который сыграл нам на киргизской флейте, но камни не были растроганы его игрой. Этот инструмент принадлежит к типу монохордов с 2 неравными струнами, на манер лютни, выпуклая часть которой суживается книзу и только до половины закрыта декой. Когда по струнам из лошадиных волос проводят смычком, сделанным из этого же материала, то раздается звук, подобный клику лебедя, да и самый инструмент походил на лебедя по внешнему виду.

(Паллас, II, 494).

КАЛЫМ И СВАДЬБА

Жен они себе, по восточному обыкновению, покупают и имеют их, как магометане, до четырех, а иные держат еще сверх того и на-

ложниц, коих они содержат почти не хуже, как и самих жен, да и приживаемых с ними детей почитают законными. Почти все мелкие люди имеют только по одной жене. да и той бы негде было им взять. если бы они урывками не похищали женщин у своих соседей. Они наибольше подстерегают калмычек потому, что они по их сказкам, к удовлетворению похоти наилучшее имеют телосложение и долее всяких других женщин равняются с молодками, почему и знатные киргизцы на них женятся, когда согласятся принять магометанский закон. Напротив того, как персианки, так и персиане (кызылбаши) настолько им ненавистны, что выдают их и за своих невольников. Когда кто впервые жениться хочет, то дает за природную киргизскую девку около 50 лошадей, 25 коров, до 100 овец, несколько верблюдов или невольника и латы. Я положил здесь среднюю цену. Скудные женихи дают и гораздо меньше, богатые же и в несколько крат больше. Другая жена покупается гораздо дороже первой, а за третью платят и того еще больше, и так далее.

Свадьбу... играют у невесты в новой юрте. Перед сочетанием, посадя невесту на ковер, носят девку прощаться; причем следуют за нею девки же и поют песни. Когда известно станет, что невеста вышла нечестным порядком, то гости убивают на другой день верховую женихову лошадь, разрывают свадебное его платье и ругаются над молодою. Но тесть должен наградить молодому весь сей убыток. Буде же все благополучно, то веселятся несколько дней пированием, пляскою, песнями, рассказами, борьбою, ездою взапуски, стрелянием в цель и проч., при чем молодые определяют удальцам в награждение праздничное платье, убранство, а иногда и лошадей, но на прощание одаряют и их гости скотом и прочим.

Кто имеет не одну, но несколько жен, тот отводит каждой особую юрту, в коей воспитывает она своих детей, как ей заблагоразсудится. Многими детьми они хвастают и бесплодные должны быть у плодородных почти служанками. Знатные дают детям своим пышные имена, как например: Нур-Галий — великое светило; Ир-Галий или, как многие выговаривают, Ерали — высокий муж; Дост-Галий — высокий приятель; Батыр — богатырь, храбрый муж; Темир-Ир — железный человек; Бет-Галий — высокий князь и так далее.

(Георги, II, 137—138).

Свадебные обычаи киргизов мало чем отличаются от башкирских и татарских. Богатый киргиз берет за себя двух, трех, даже четырех жен. За первую жену он дает в качестве калыма приблизительно полсотни лошадей, сотню овец, несколько рабов или вместо них верблюдов и ко всему этому прилагает еще панцырную рубаху. Родители невесты неохотно отдают дочь во вторые жены, ибо только первая жена является настоящей хозяйкой. Бедный киргиз берет себе только единственную жену и калым обычно состоит из десятка лошадей и двух десятков овец, бывает даже дешевле. Свадебные празднества и увеселения составляют, как и у башкир, обеденное пиршество, музыка, танцы, борьба и конские бега. Киргизы любят иметь много детей и пируют при появлении ребенка. Их мужские имена: Мамбет, Мерген,

Даланту, Джумагул, Хадир, Бектемир, Байтемир и др. Имена женские: Чабдора, Макполь, Ойслу, Мирвут и мн. др.

(Фальк, III, 550—551).

У киргизов калым оплачивается сообразно имущественному состоянию жениха, во-первых, и с достоинствами сговоренной невесты, во-вторых. Наименьший платеж за невесту состоит из одного раба, 30 или 40 лошадей и некоторого военного снаряжения. В день свадьбы отец невесты разбивает у своего жилища, но несколько поодаль, белую кибитку. Здесь, обыкновенно и надлежит совершаться всем свадебным обрядам.

(Рычков, Дневник, 349).

БОЛЕЗНИ, ПОХОРОНЫ, ПОМИНКИ

Киргизцы часто доживают до великой старости, да и престарелые бывают бодры и здоровы. Обыкновенные у них болезни: лихорадка, кашель и удушье, да и распространилась между ими нечистая болезнь, по их курузаслан называемая. Я не слыхал, чтобы они были подвержены жестокой горячке, которая у калмыков весьма опасна бывает. Иногда заражаются они оспою, которую они чичак называют, и то случается от обхождения с европейцами. Но они оспы так боятся, что тех больных, на которых она появится, оставляют и по нужде ставят им пищу только издали, а если такой больной приблизится к их жилищу, то они не стыдятся пускать в него из луков стрелы.

(Паллас, I, 585—586).

При беспечной и простой жизни, в чистом воздухе открытых своих степей, редко претерпевают они болезни и многие бывают и на старости еще крепки. Приключающиеся же им наибольше хворости суть: короста, лихорадка, кашель, да сверх того страждут иные любовною заразою (курузаслан). Бывала между ими несколько раз и оспа (чичак), но не опустошительная. Продолжительные болезни почитают они действиями диавола и противополагают им суеверие. Лечатся же они наибольше рожечным кровопусканием, при чем употребляют малые рожки [банки], прижиганием больного места чернобыльными клубками и серою, которую растерши, принимают в мясе.

(Георги, II, 138—139).

Для погребения мертвых копают они могилы или вколачивают в землю колья, переплетают хворостом, кладут мертвого поверх земли в платье, покрывают ветвями и засыпают землею. Но подле головы, обыкновенно лежащей к северу, вколачивают толстый кол и не вынимают оного до тех пор, пока совсем сделают могильный бугор, а как оный кол вынут, то остается дыра в могилу. В каменистых местах складывают они кучу камней над мертвым телом. Потому не удивительно, что во всех степях находится множество таких могильных бугров, коих число и впредь умножаться будет. Однако, по большей части, хоронят они мертвых около могил тех успоших, коих за святых почитают и при том подле старых мечетей, а особливо в таких местах, где уже много старых могил находится.

(Паллас, I, стр. 586).

С покойниками своими поступают так же, как и прочие магометане. Могилы роют неглубокие: напротив того, многие набрасывают на них груды каменьев. Когда мужчина умрет, то самое лучшее его платье изрезывают в лоскутки и разделяют для памяти по его приятелям. Иные замечают также его юрту небольшим значком и втыкают в могилу копье. Дабы не иметь повода к печальному воспоминанию умершего, некоторые сваливают на могилу его и всякую домашнюю рухлядь, детские колыбели и сему подобное. Богатые и знатные люди желают быть преданы погребению у гробов своих святых или прежних ханов, либо родственников, куда отвозят их верхом. А когда в летнюю пору за отдалением кочевья от таковых мест, сделать того не можно, то обрезывают они у покойника мясо и хоронят оное вместе с внутренностью вблизи, а кости отвозят в желанное место и погребают их возле святых или, как они говорят, белых костей, то есть возле знатных покойников.

По знатным покойникам правят они в том году, в котором помер, трое поминок. Вдовы и дети при том сетуют, приятели собираются с наивеличайшею пышностью и смотрят, превознося похвалами покойниковых верховых лошадей, оружие и добрые качества, при чем все вообще угощаются. Вдовы, оплакивая покойников, говорят при том им в похвалу, что они были в любви верны, щедры и благоразумны, походили, сидя на лошадях, в латах, на богатырей, глядели за табунами и похитили посредством храбрости своей стольких то невольников, брали в добычу скот и так далее. Жены калмыкской природы хвастают при том отменною покойников к себе ласкою, поелику мужья нажили их не как других выкупом, в скоте состоящим, но с опасностию собственной своей жизни и по богатырской любви, и проч. На последних поминках определяют вдовы удальцам в верховой езде в награждение некоторых лошадей, платье и оружие покойных своих мужей. Всякий улус правит сверх того ежегодно общие поминки на кладбищах; и при сем случае, по языческому обряду, убивают там лошадей, предлагают мясо их покойникам, а напоследок между разговорами, убирают оное и сами. Ежели кто приблизится к могиле своего приятеля, то начинает с ним говорить и кладет на гроб клочек вырезанных из гривы верховой его лошади волос. Подобные сим обряды, только попростее, наблюдают они и в разсуждении умирающих жен и детей.

(Георги, II, 139—140).

Через несколько дней после похорон, наследник умершего, вступивший в обладание его имуществом, устраивает публичное поминальное пиршество. При этом выполняются следующие обряды: наследник ко дню торжества должен пожертвовать некоторую часть своего имущества, как-то: одного или двух рабов, столько же верблюдов, панцырь, десяток или дюжину коней, некоторое количество овец и т. п. Назначение этого пожертвования такое. Должен состояться большой состязательный пробег и все добро, выделяемое из имущества при этом пожертвовании, идет на призы наездникам, признаваемым искуснейшими определением многолюдного сборища, которое следит за ходом состязания. Поэтому каждый наездник, не исключая самого

наследника, старается держать в готовности и в порядке свою лучшую лошадь. Чтобы все обошлось без путаницы, наездники выбирают из среды старшин — двух нарочитых посредников, чтобы тем лучше засвидетельствована была умелость и ловкость всех этих лихих наездников. Из этих руководителей один остается там, где состязание начинается, а другой находится в указанном месте, где все участники состязания должны съехаться. Никто не может определенно сказать, сколько верст в той дороге, покрыть которую полным ходом должны наездники. Но из разных рассказов об этих состязаниях надобно заключить так, что весь пробег имеет никак не менее 40 верст. Ибо когда все участники, совместно с указанными старшинами, отправляются на бега, то по началу они едут потихоньку и так продолжается с вечера до следующего полудня, а вечером, когда свалит жар, — уже начинают гоньбу в обратном направлении до самого того места, где их ожидают призы, угощения, увеселения, приготовленные для них согласно установившемуся обычаю. Получает раба, а также лучшие вещи, выставленные для раздачи на призы, тот наездник среди всех состязавшихся, который приезжает раньше всех, следующему за ним достается панцырь, третьему — верблюд. Наезднику, признанному четвертым, достается кармазиновый кафтан и красивый головной убор. Пятый получает коня в полном снаряжении, с седлом и сбруей. Остальных сотязавшихся удовлетворяют дачей коней или овец. После раздачи призов, обязанностью наследника является показать народу принадлежавшие покойному ценнейшие вещи. Тут же должен при этом стоять на показе любимый конь покойного в самом полном, лучшем своем уборе, покрытый черной попоной. На других лошадях раскладываются лучшие платья умершего, его военное снаряжение, богатые ковры и кибитки. Все эти вещи по порядку одна за другой привязываются к натянутой веревке, а рядом стоят жены умершего, утопающие в слезах, равно и его рабы и его рабыни. Замысел всей этой церемонии заключается в том, чтобы показать собравшемуся люду, как много имущества сумел приобрести за свой век умерший, и этим вселить в уме народа высокое о нем мнение. На той кибитке, где лично проживал умерший, водружают небольшой черный значек, обозначая тем траур, в который повергнута оставшаяся после умершего семья.

(Рычков, Дневник, 347—349).

КОЛДУНЫ

Чем меньше у киргизцев находится духовных особ, тем больше у них различных чародеев. Мне сказывали, что их считается шесть чинов. Первые называются фалча, которые предсказывают из книг и по звездам, и сие искусство почитается за науку. Потом следуют предсказатели, яурунчи называемые, которые по бараньей лопатке предсказывают о будущих делах и на всякий вопрос ответ дать умеют. Сказывают, что такую лопатку должно оскоблить ножем, а не прикасаться к ней зубами; ибо в противном тому случае она не годится к чародейству. Если прорицателю предложат вопрос или он сам что задумает, то кладет оную лопатку на огонь и ждет, пока на плоской стороне появятся седины и трещины, по коим он и предвещает. Сии

люди по их объявлению, так искусны, что могут угадывать, как далеко находится отправившийся в путь человек. Сказывают, что некогда партия калмыков, имевших при себе такого предсказателя, учинила великое похищение у киргизцев. После чего партия сих также со своим прорицателем погналась за непрятелями, но калмыцкий чародей разумел свое ремесло столь хорошо, что своих земляков заблаговременно уведомил о погоне и чем ближе сии приближались, тем больше он советовал удаляться. Но как киргизский чародей сие приметил, что их предприятие неудачно будет, то употребил следующую хитрость. Он велел киргизцам оседлать лошадей передом на зад и самим сесть также назад лицом. Через что калмыцкий гадатель пришел в замешательство: он видел на своей кости, что киргизцы назад воротились и советовал калмыкам остановиться, и так киргизцы их нагнав, взяли в плен со всею добычею. Сие приключение рассказывали сами киргизцы, но было ли оное в самом деле, того сказать не могу.

Третий род чародеев называется бакша и киргизцы сим больше всех других верят. Если просят у них совета, то они велят сперва привести хорошую лошадь, барана или козла для употребления в жертву. Потом бакша начинает петь чародейные стихи, бить в обвешанный кольцами чародейный барабан, кобиц называемый и напоследок скакать и ломаться. Все сие делав с полчаса, убивают приведенный скот на жертву и кровь испущают в особливый сосуд. Кожу берет себе, а мясо едят при том находящиеся, и собрав кости пестрит красною, синею краскою, и бросает от себя к западу, куда выливает и испущенную кровь из скота. Напоследок еще несколько времени чародействует заклинаниями и ответствует на вопрос.

Еще есть чародеи, рамча называемые, которые льют коровье масло или сало в огонь и по цвету пламени предсказывают; причем также приносят в жертву и употребляют заклинания. Но сих чародеев мало почитают.

Сверх того есть еще колдуны, а по большей части колдуньи, джадугар называемые, которые околдовывают невольников и других пленников, так что они на своем побеге заблуждаются и опять попадаются в руки своему господину или хотя они и уйдут, однако опять скоро попадут киргизцам в неволю. На такой конец вырывают они у пленника несколько волос из головы, спрашивают его имя и ставят посреди кибитки, на расчищенном и солью посыпанном месте, на котором они обыкновенно раскладывают огонь. Потом колдунья чинит заговоры и в то время приказывает пленнику трижды отступать назад, на свои ступени плевать и каждый раз выскакивать из кибитки. Напоследок сыплет пленнику на язык несколько золы, на которой он стоял и тем колдовство кончится. Яицкие казаки верят, что если пленник объявит настоящее свое имя, то сие колдоство бывает действительно.

(Паллас, I, 575—578).

В среде киргизов живут ворожеи, при том с различными специальностями. Баксы могут изгонять дьявола, знать минувшее и будущее, выявлять грабителей, играть с людьми злые шутки и т. д.

Диакса — по части дождя, грозы и ветра. Он их может наслать или, наоборот, предотвратить. Эти дела диакса делает при помощи особого крапчатого камня, величиной с куриное яйцо.

Такие камни теперь расцениваются в Бухаре, где их отыскивают, уже наравне с десятком, даже с дюжиною коней. Когда нужен дождь, диакса лезет со своим камнем в воду и привязывает его к камышу. И вот, на расстоянии не более, как одного дня пути, уже набираются облака и конечно, разрешаются грозой, дождем, ветром. Когда осадков становится достаточно, диакса лезет опять в воду и забирает свой камень. Во время военных столкновений он присоединяет к камню еще бурдюк с водой и вот устраивает во вражеском лагере злейшее ненастье в то время, как у своих в лагере погода самая чудесная. И так далее, и так далее — по этой дорожке выдумок, на которую увлекает киргиза его вера по отношению к этим обманщикам.

(Фальк, III, 551).

Между ими есть великое множество волшебников, которых главнейшие названия суть следующие: фалши — суть звездочетцы, которые по небесным знакам предсказывают и самые безделицы, благополучные и несчастные дни распознают и так далее. Диагзы или месяцесловоделатели суть такие люди, которые не только наперед знают, когда будет погода, но и сами могут располагать дождем, ветром, жаром и проч. и при том в состоянии удерживать и насылать гадину. При дворе каждого знатного киргизца бывает обыкновенно один диагза. Бакзы походят на языческих шаманов или камов. Они хвастают, что имеют знакомство со злыми духами, призывают их при разных шалостях, при чем иные употребляют и барабан, повелевают им такое то дело исполнить, выгоняют их вон, делают жен и стада плодородными, лечат больных, предсказывают будущее и сему подобное. И для того все обиженные диаволом должны искать у них помощи. Многие из сих волшебников живут весьма достаточно.

(Георги, II, 140—141).

Вечерами на военной квартире хана Нурали занимались черной магией, которую представлял один из самых видных яурунчей, т. е. ворожеев. Цель ворожбы была — узнать настигнем ли мы калмыков или нет, и вернемся ли благополучно, разделавшись с ними; кроме того, узнать еще, что сейчас делается у калмыков. Ворожей делал свое дело при помощи овечьего курдюка, а именно курдюк сжигался на огне, покуда от мяса не остался только пепел да кончик костей. По взгляду ворожея, извилины некоторых линий на пепле курдюка предуказывали все будущее. Ворожей разглядывал остаток кости с глубоким вниманием и в конце концов поведал собравшимся кругом него следующее: вчера вечером с калмыками соединился некий невидимый дух, по имени аврах. Под его воздействием народ оробел, стал собираться в сходбище, взволнованный угрозой появления русских войск. Но сегодня, и тоже все в полдень, к ним явился другой аврах и навел еще больше страху, чем первый. Он выявил зловещие предзнаменования, которые нужно понимать не иначе, как предвестие пред-

стоящей гибели. В конце концов судьба калмыков определится в связи еще с третьим аврахом. Если он прибудет к калмыкам через день после второго авраха, то он снимет с них тот неприязненный рок, который ввергает в ужас весь народ. Так гласили прорицания ворожея. Киргизы все, не исключая самого хана, верили в искренность и правоту этого прорицания. Легко видеть, что такими прорицаниями, допускающими двоякое истолкование, ворожей обезопашивал себя, свой кредит и уважение к себе у народа, что бы там ни случилось. В самом деле, если калмыкам предстояло натолкнуться на какую-нибудь катастрофу, то на развитие событий в этом направлении указывали слова прорицания первого. Если же предстояло произойти совсем обратному, то скажется, что ворожей в своих предсказаниях упомянул о том, что аврах третий может спасти калмыков от беды. Так занимаются киргизы ворожбой с целью приоткрыть грядущее. Весь этот случай, коему я был очевидцем, проливает полнейший свет на обманные уловки хитрого предсказателя.

(Рычков, Дневник, 392—394).

7. УКРЕПЛЕННЫЕ ВОЕННЫЕ ЛИНИИ И ГОРОДА КАЗАКСТАНА В XVIII в.

О ТУРКЕСТАНСКОМ ВЛАДЕНИИ (1762 г.)

...В туркестанской большой мечети есть гроб одного, по их закону за святого почитаемого, который именуется Ходжа-Ахмет, и есть один из семи святых, коих магометане за знатнейших почитают, и великую честь их гробам воздают, да и верят, что сей святой в жизни своей чудеса творил, которые якобы и доныне у гроба его бывают. Что же собственно до города Туркестана принадлежит, то расстоянием оный от Орской крепости легкой езды дней десять, или пятнадцать, по пути к Ташкенту, не доезжая до оного дня за два или за три. Оный стоит при речке, называемой Карасу, то есть черная вода. Улицы в нем кривые, и весьма тесные так что поперек инде [кое-где] меньше одной сажени. Домов в нем по томашнему обыкновению строенных, однако гораздо хуже ташкентских, с тысячу. Крепостного строения регулярного нет, токмо имеется круг всего жилья стена глиняная, и вокруг нее небольшой ров с водою. Мечетей в нем три, из которых одна древней и хорошей работы, и имеет в себе многое число разных покоев; в ней погребен вышеупомянутый магометанский чудотворец. В сем городе никаких базаров нет, а жители со всеми торгами отъезжают в Ташкент. На полях родится пшеница, просо, ячмень и хлопчатая бумага. В одном днище от сего города, сказывают, аки б есть гора, именуемая Каратау (то есть черная), где прежде добывали золото, но ныне ташкентцы оного не добывают, сказывая, что никто тому не умеет. Прежде сия провинция собственно имела в себе городов до тридцати, а ныне более десяти нет. Онымы городками и народами владеют ныне киргиз-кайсацкие владельцы Большой и Средней орд, однако с позволения зюнгарского владельца, который над сими местечками, яко же и над Большою киргиз-

кайсацкою ордою, недавно учинился государем. В городах сего владения счисляется жителей по сей росписи:

	Расстояние от Туркестана верстами	Число домов или семей
Туркестан	—	до 1000
Курлак	около 20	„ 300
Икан	„ 20	„ 300
Саурар	„ 50	„ 100
Атрар	„ 40	„ 40
Ташанак	„ 15	„ 100
Августау	„ 40	„ 40
Сюрю	„ 8	„ 70
Сосак	„ 70	„ 40

Всего в оном владении считается ныне около двух тысяч семей, которые все люди пахотные, и от помянутых владельцев на подобие крестьян употребляются.

(Рычков. Топогр. Оренб., 20—21).

ГУРЬЕВ

Гурьев городок, по течению реки Яика на правой стороне, от устья, где сия река протоками впала в море Каспийское, 10 верст, от Оренбурга по нынешнему исчислению 744, от Яицкого городка 474, а от Астрахани с 400 верст. По сказаниям яицких старшин и тутошных старожилов, построен сей городок для рыбного промысла, купцом из великороссийских городов Михаилом Гурьевым еще в то время, когда в имевшемся оттуда неподалеку татарском городе Сарачике владельцы находились, за что сначала помянутый купец оным владельцам платил дань; но как скоро крепостное строение привел он в оборонительное состояние, и усмотря, что татары ничего ему сделать не могут, от оного платежа отказался, и так усилился, что промыслы свои мог он безпрепятственно производить. Могло статься, что то было, как ниже значится, около тех времен, когда оные татары в междоусобные сметения приходили, а наконец и в рассеяние пришли; однако задолго до того, как яицкие казаки с Дону и из других мест на реку Яик (о чем ниже будет показано) сбираться стали, что и яицкий войсковой атаман Бородин с старшинами, в бытность его в Оренбурге 1759 года, уверял. Для строения городовой каменной стены, работные люди им, Гурьевым, были приведены из Астрахани и из других мест. Говорят, яко бы тогда как зачато было строить, все оное место с той стороны, отколь татар опасались, задернуто было парусами, в тот вид, дабы они мнили, что то суда торговые и рыболовные стоят, а не крепость строят...

До отдачи оного городка из ведомства Астраханской в Оренбургскую губернию, были тут казенные рыбные промысла, и для непропуска рыбы вверх при самом Гурьеве делался через всю реку Яик учуг или перебой, которого в вешнее время, когда бывает вверх Яика реки ход осетрам, белугам и севрюгам, с обоих сторон отворялось сажен на десять; но понеже из того между яицкими казаками и астраханскими рыбными промышленниками случались великие споры,

и весьма затруднительные разбирательства, того ради войско Яицкое принуждено было просить, чтоб весь казенный доход, который от тех гурьевских учугов происходил, платежом положить на них, а оный бы учуг уничтожить, и рыбе б вверх Яика дать вольный проход. Что, по представлению о том от вышеречного господина действительного тайного советника [Неплюева] в Правительствующий сенат, и определено, и в том в Государственной камер-коллегии заключен с тем войском контракт, по которому платят они ныне в Оренбургскую губернскую канцелярию за те гурьевские учуги прежнего казенного дохода 4692 руб. 69 коп., да кабацких и таможенных по 714 руб. 9 коп., итого по 5 406 руб. 78 коп. в год.

(Рычков, Топогр. Оренб., 250—252).

Хотя Гурьев городок не велик, но из всех при Яике находящихся крепостей почитается за правильную и хорошо построенную. Сия крепость состоит из толстой четвероугольной каменной стены, на углах которой находятся бастионы, а при северном и южном куртине [валы, объединяющие бастионы, главные части укрепления] построены равелины [укрепления, находящиеся вне основного вала]. В крепости сделаны одни только ворота на восточной стороне к реке Яику. На той же стороне находится часть старинной каменной стены, которая захвачена в новое крепостное строение. Она вышиною была больше 2 сажен, и складена из толстых кирпичей; но ныне от солоноватого основания [стена] внизу так осыпалась, что скоро обвалится. Кроме комендантского дома почти нет ни одного хорошего строения. Церковь, жилые дома, анбары и ветхие казармы для гарнизона все построены деревянные; и только пороховой магазин каменный. Кроме крепости имеют казаки и другие жители построенные вниз по Яику жилища, и число домов простирается до ста, считая и с находящимся в крепости строением. Гарнизон тогда состоял из одной роты пехоты и 60 человек казаков, и кроме оных живет там несколько астраханских купцов и ремесленников. В сем месте пропитание было бы довольно, если бы зажиточными жителями увеличен был торг с находящимися в соседстве во всю зиму киргизцами, да и когда бы самое место имело хорошее положение. Хотя зимою приезжают купцы из Астрахани, и с прибытком производят малый торг с киргизцами; но сей торг можно бы гораздо больше распространить. Что касается до местоположения, то почти не можно сыскать толь вредного здоровью места, как Гурьев городок с весны до осени обыкновенно бывает. Крепость стоит на солоноватом болотном месте, которое весною понимает прибылая в устье Яика морская вода от южных ветров. В крепости земля несколько выше поднята насыпью, однако везде солонавата и глиниста, так что никогда влажность не высыхает. Потому беспрестанно вбирают в себя там гнилой вонючий воздух, хотя и ветреная стоит погода. Дома наполнены тараканами и стоногими червями. Если выйти на вольный воздух, а особливо из крепости, то нападают комары, при том же летом там водятся и оводы. При таких обстоятельствах не удивительно, что многие из гурьевских жителей больны бывают; однако болезени не столь опасны, как то бы думать надлежало, и число умерших в стоящем там 6 лет гарнизоне весьма

мало, хотя и нет нарочно определенного лекаря. Пришельцы, пока еще не привыкнут к тамошнему воздуху, обыкновенно бывают больны; при том же в сих местах весною приключается цынготная и многие другие болезни, от которых тамошние жители обыкновенно лечатся листьями черенкового ревеня, и кореньями цветочного тростника, который здесь татарским именем чакен называют.

...Что здесь есть соль под землей утверждают находящиеся на другой стороне Яика в киргизской степи соленые озера, из коих стоящему в Гурьеве городке гарнизону позволено брать соль безденежно. В мае или в другой летний месяц посылают туда команду за солью, которая отправляется на больших лодках вдоль морского берега, и в тихую погоду доходит в два дни, а если благополучный ветр, то и в один день до находящегося близ моря холма. От того места, где пристают, считается до устья Яика 60 верст. Потом входят в морской залив, и приставши там берут соль из находящихся между холмами озер и носят на плечах к лодкам. Соленые озера разного вида и величины. Весною на иловатом дне соли не бывает, ибо вся претворяется в густой рассол. Но летом лежит на черном иле твердый чистый белый соленый череп толщиною почти в пядень. Сказывают, что во всякое время находится в сих озерах твердая каменная соль под илом, которая вышиною меньше пядени. Рассол, содержающий в себе много горькой соли, берут некоторые люди с собою, и оным моются от чесотки и другой сыпи. В числе сих озер есть одно такое, в котором находится красный ил и садится красная невкусная соль, почему оно и называется Малиновое озеро.

... Около городка Гурьева во всех заливах в рукавах реки Яика находится великое множество всякой рыбы. Но права яицких казаков запрещают гурьевскому гарнизону ловить рыбу сетьми: ибо думают, что рыбу тем отгоняют и препятствуют ей итти к вершине реки. Однако солдаты умеют в мелких местах речных рукавов ловить для себя рыбу, а особливо сазанов, двузубчатыми баграми, по тамошнему сандовы называемыми, и им сие позволено в рассуждении простой рыбы, которую там белою, а осетров красною называют... Примечено, что ныне рыба больше входит в Яик двумя устьями, из коих один Подстепной, а другой Бухарка называется. Но прежде сего больше шла в Быковку и в другой яицкий рукав, Белый Ильмень именуемый; а ныне они сделались очень мелки. Из морских рыб доходит иногда до Гурьева, так называемая рыба рогатка, которая почитается предвестницею бурной погоды.

... Как во всех камышевых странах при Яике, так и здесь находится множество кабанов. Казаки по большей части зимою ходят на кабанов с собаками не без опасности, и бьют их из ружей и копьями. Сии дикие свиньи питаются одними только камышевыми корнями, и бывают так велики, что иногда попадается кабан весом до 15 пудов. Щеть у них на голове и на ногах синеватая или черноватая, а на теле желтоватая. Поросята щетью бывают сивожелтые с желтоватыми пятнами, и трудно их приучить к рукам. У здешних кабанов нарастает на спине сала без малого в ладонь толщиною, но оно во время варки почти совсем расходится; напротив того у них твердое и хорошое мясо, почти нимало дикого вкуса не имеет.

В сих местах не мало ловят и выдр; а зимою приходят из моря и тюлени в Яик, и как при здешних морских берегах, так и при островах бьют их много на льду. Тюлени в Каспийском море столь же велики и шерстью такие же, какие водятся в Балтийском море, но нигде я не видел столь тучных тюленей, как каспийских, а особливо осенью. Они видом больше подобны наполненному салом мешку, нежели зверю, потому, что голова и передние ноги салом почти заросли. Их кожи с висящим салом обыкновенно продают астраханским купцам по дешевой цене. Из Астрахани много отпускается тюленьего сала, которое употребляют при выделке юфти, а особливо в казанских заводах. Также в Астрахани делают из оного с поташем серое мыло, которое несравненно хорошо для валяния и чисчения шерстяной материи, и под именем астраханского или татарского мыла продается небольшими плоскими брусками.

...Едва подумать можно, чтобы на такой земле родился огородный овощь и употребляемая в кушенье зелень; однако у господина бригадира есть сад, в котором растут дыни, огурцы, свекла, хрен, капуста и морковь; а особливо петрушка очень хорошо родится. Напротив того не можно развести табаку, сельдерея, немецкой капусты, земляных яблок и арбузов. Из самых лучших семян родятся только малые и худые арбузы, несмотря на то, что земля имеет в себе довольно влажности. Однако дыни и плоские тыквы, горлянки или долгошейки называемые, родятся хорошо, и тамошние жители сеют их для того, что делают из них питейную посуду.

(Паллас, I, 617—628).

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЯИЦКОГО ГОРОДКА [УРАЛЬСКА]

Начало сего яицкого войска по известиям яицких старшин произошло пред сим за 270 лет, и тако около 1474 года, от бывших на Каспийском море разбойников, у которых предводителем был некто из донских казаков именем Нечай. Сей, будучи внутри государства, по разным местам разбои чинил и, прибрав станицу себе подобных людей человек до 800, учинился атаманом и с тою артелью отлучился на Волгу, где будучи приготовил себе всякие суда, чтобы не только по рекам, но и по морю возможно было ходить. Сплыл в самое Каспийское море и тамо многие купеческие персидские и армянские караваны разбивал. И в наибольшее усиление пришед, мыслил о дальнейших своих успехах, но единожды будучи морскою погодою разбит, с несколькими своими судами занесен был к тому месту, где река Яик в помянутое море впадает, и тут собравшись с оставшею разбитою артелью несколько дней пребывал. Уведомясь же через пленных тут людей, что вверх по той реке от устья верстах в 60 имеется хивинского владения городок называемый Сорочин, коего развалины поныне еще видны, со всеми своими людьми на судах пошел и оный приступом взял. А по взятии оного еще вверх по реке далее поплыл, и прибыв к устью речки называемой Кубеж, выше нынешнего городка верстах в 40, первое селение, что было около 1484 года, учинил. А хивинцы, возымев от него, Нечая, великую опасность, оставая те места, откочевали близ Аральского моря и тамо

на речке Уранчаге город Урганич построили. Но Нечай, уведомившись о том, собрав свою команду, о поиске над ними учинил совет. И хотя на том его совете некоторый беглый из России дьяк, к его ж Нечаевой артели приставший, представлял ему многие затруднения в толь отдаленное место через пустую степь итти, но он не только того не послушав, но, осердясь на того дьяка, на оной горе повесить его приказал (коя гора и по ныне дьячий городок называется), а сам со всеми своими людьми, оставя в начатом своем селении только больных и к походу невозможных, за оными хивинцами к новому их городу Урганичу пошел. Куда прибыв он оный городок, однако, по многим их, хивинцев, сопротивлении, взял и женившись тамо на жене тамошнего хана, кой имел тогда войну с бухарцами, в отлучке был, несколько время со всеми своими людьми там пребывал. Наконец, по совету той жены и людей своих, опасаясь ханского возвращения, оттоль обратно к Яику со многим богатством пошел. Но помянутый хан, собрав многое число разных людей, за оным Нечаем погнался и нагнав его несколько держал в осаде. И понеже он, Нечай, осажден был в самом безводном месте, то принужден был сдаться, и потом от оного хана со многими людьми побиты, а остальные, пошед к предначатому своему селению, тут жили. А после спустя лет сорок на то место, где ныне Яицкий городок, перешли, и время от времени принимая в сожительство свое беглых из великороссийских городов, так как и ныне, умножились.

(Рычков, Истор. Оренб., 34).

ИЛЕЦК

Илецкая крепостца или защита, на самом том месте, где добывают славную илецкую соль, от Оренбурга за реку Яик прямо в киргиз-кайсацкую степь расстоянием 62 версты, около которой и киргизцы часто кочевьями своими располагаются. Добывание оной соли уже издавна на том месте, сперва от башкирцев, а потом и от крепостных обывателей, чинилось, но о построении сей крепости определение учинено уже в прошлом 1753 году, октября 26 числа, по состоявшемуся в Правительствующем сенате того ж 1753 года мая 24 числа, указу коим в Оренбурге и в принадлежащих к оному новых крепостях и селениях учредить казенные соляные магазины, и продажу илецкой и эбелейской соли чинить по тогдашней указной цене по 35 копеек пуд, для чего тогда ж и соляное правление в городе Оренбурге учреждено. Явившийся тогда подрядчик, оренбургских казаков сотник Алексей Углицкий, обязался той соли заготовлять и ставить в Оренбургский магазин четыре года, на каждый год по пятидесяти тысяч пуд, а буде вознадобится, то и более, ценою по 6 копеек за пуд, своим коштом, а сверх того в будущий 1754 год летом построить там своим же коштом, по указанию от инженерной команды, небольшую защиту оплотом с батареями для пушек; тут же сделать несколько покоев и казарм для гарнизона, и провиантский магазин, и на все жилые покои в осеннее и зимнее время ставить дрова, а провиант, сколько бы там войсковой команды ни случилось, возить туда из Оренбурга на своих подводах, что все и учинено...

(Рычков, Топогр. Оренб., 253).

Здесь [в Илецке] через Урал проложен деревянный мост. Место укреплено частоколом и имело в 1770 году 350 служилых казаков, а также 12 пушек. Главное занятие этого гарнизона уральских казаков — скотоводство, рыболовство же, ввиду того, что река у Уральска запружена — незначительно. Здесь казака, имеющего 50 лошадей, 30 штук рогатого скота, около 100 овец и от 10 до 20 колод пчел, называют уже очень богатым. Некоторые имеют на русской стороне небольшие пашни. Так как скот их пасется по киргизской степи, то пастбища должны посменно охраняться. Своим жестоким обращением с похитителями скота, которых они застреливают и беспощадно добивают кнутами, они внушили такой страх киргизам, что посещения последних очень редки.

(Фальк, I, 176—177).

МЕДНЫЕ РУДЫ В ЗАПАДНОМ КАЗАКСТАНЕ

Песчаник, содержащий медную руду (кремнистую медь или медную лазурь) находится... в Общем Сырте, вниз по реке Сакмаре до Оренбурга... в киргизской степи — на левом берегу Урала, в горных пластах, идущих параллельно с Общим Сыртом, у речки Сагиз, в холмистых грядах в верховьях Тургая, по ручью Джеслы-кенгер. Во всех этих местах встречаются шурфы и следы прежних горных разработок сланцев. Во всех пластах песчаникового сланца, местами попадается медная руда; слои ее, мощностью от 2-х дюймов до 3-х локтей (=почти 3-м аршинам), залегают в верхних и глубоких до 20-ти и более саженей — мощных пластах песчаникового сланца, то небольшими прослойками, то крупными массами на протяжении нескольких сажен; по временам руда эта встречается лишь в виде одного цельного слоя, а иногда имеется несколько слоев ее, разделенных пустыми залежами песчаникового сланца, расположенных или близко один около другого или же рассеянных по шиферному пласту. В зависимости от высоты гор и глубины залегания насыщенного кремнистой медью песчаникового сланца, медная руда добывается или в рудниках с дневной поверхностью, иначе говоря в летних рудниках (ямы и ледяные ямы), глубиною от 2-х до 4-х сажен или же в так называемых зимних рудниках глубиною в 5, 10 и до 20 саженей, оборудованных, как полагается в горном деле, штольнями, шахтами, штреками, забоями и пр. с деревянными креплениями или без таковых. Выработка в таких сухих рудниках, производящаяся кирками, кайлами и заступами, очень легка. Руда поднятая наверх вместе с пустой породой, выделяется на дневной поверхности и содержащая хотя бы только свыше одного процента меди, поступает в склад. Все рудокопные работы производятся вольнонаемными людьми — отчасти крестьянами, бежавшими от помещиков, а отчасти людьми, принадлежащими владельцам рудников,—под наблюдением опытного и более развитого крестьянина; последний в качестве начальника [приказчика] руководит работами и выдает заработок и съестные продукты. Рудоразработка (отделение руды от пустой породы) производится стариками, слабосильными мужчинами, женщинами и детьми. Рудокопы получают ежедневно 8 копеек, рудоразборщики 3—5 коп.; подобная оплата труда вполне для них достаточна,

так как владельцы заботятся о том, чтобы снабдить рабочих самыми необходимыми продуктами, как-то мукой, крупой, мясом и проч.,— по наивозможно дешевым ценам. Выделенная руда вольнонаемными возчиками, главным образом башкирами, отвозится на санях на ближайшие заводы, принадлежащие владельцам рудников. На сани возчики нагружают руду, не взвешивая ее, и в таком количестве, какое смогут увезти их лошади. На заводе руда взвешивается и возчикам уплачивается за нее попудно и по расстоянию; таким образом, например, возчики, доставляющие руду с Каргалинских рудников около Оренбурга на Твердишевский завод, находящийся в 150-ти верстах от указанных рудников, получают с пуда 5 коп. В общем такой заработок здесь, где почти нет необходимости в наличных деньгах, надо считать довольно значительным в особенности, если принять во внимание, что один человек в состоянии управиться с 3—5 одноконными санями, а каждая лошадь может увезти за один раз от 25 до 35 пудов, и что дорогою возчикам совсем не приходится расходовать денег, ибо они, возвращаясь порожняком на рудник, оставляют на станциях сено и пр.

(Фальк, II, 70—72).

ПОЛН. СОБР. ЗАКОНОВ № 13408, Т. XIX.

1770, янв. 30.

Принимая во внимание, что около Оренбурга, а особливо за Яиком рекою обитают кочевые народы, которые заводчиками, добывающими в тех местах руды, по неведению их нравов и внутренних между ими происхождений, могут быть доводимы до озлоблений, предложено горнопромышленникам впредь испрашивать дозволение от оренбургского губернатора, который по мере усердия и ревности к приращению государственных интересов, должен давать дозволение.

(К. 115—6).

1780, 10 марта.

Именной Высочайший указ на имя оренбургского губернатора...

«Господин генерал-поручик и Оренбургский губернатор Рейнсдорф. Я желаю, чтобы Вы приказали без замедления сделать и поспешили ко мне доставить верную карту и описание реки Эмбы с устьями впадающих в оную рек и ручьев от вершины ее до устья, коим втекает она в Хвалинское (Каспийское) море. Пребываю впрочем вам благосклонная Екатерина».

(К. 131).

УЙСКАЯ ЛИНИЯ [ОТ ТРОИЦКА ДО ТОБОЛА]

...Лежащие по Уйской линии редуты в хорошем порядке и обыкновенно состоят из деревянной четыреугольной крепосцы, обнесенной рогатками с двумя раскатами, каждый об одной пушке; выстроенные в оных казармы для жильцов довольно выгодны; между редутов и крепостей везде расставлены укрепленные рогатками пикеты, из коих при каждом маяк и караульные, в свое время сменяющиеся... Крепость [Степная] состроена на киргизской стороне реки и по сей причине тако наречена; она по введенному обыкновению четыреугольная, деревянная, и кроме квартир для начальствующего штаба, деревянной

церкви и нескольких изрядных обер-офицерских домиков расположено в ней более двухсот жильев по правильным строительства чертам; но как теперь в крепости токмо половина обыкновенного гарнизона осталась, то многие из жильев стоят впусте. Крепость сия претерпела сего году нападение от киргизской разбойнической шайки, состоящей более нежели из тысячи человек, которые прежде в окрестных сосновых борах мало помалу гору устилающих скрывались; они, делая на крепость слабохранимую слепую атаку, увели между тем всех на пастбе ходивших гарнизонных лошадей, а с ними и определенных для бережения караульных, из коих в первом нападении жару некоторые и убиты; гарнизон, лишась своих лошадей, не мог преследовать ушедших хищников.

(Паллас, II, I, 396—8).

ИШИМСКАЯ ЛИНИЯ

Ишимская линия или ряд укреплений для прикрытия границы против нападения и грабежей Средней киргизской орды, является продолжением Оренбургской, Уйское отделение которой доходит до Тобола, и представляет собой самое западное отделение Сибирской линии. Она была заложена в 1752 г. и идет от Тобола до Иртыша, у которого начинается Иртышская линия, начиная с Омска. Ишимская линия расположена большею частью прямо с запада на восток на 300 верст в длину и состоит из 8 укреплений и 17 редутов между укреплениями, которые все кроме Петропавловского находятся у озер. Между укреплениями и редутами то там, то здесь расположены небольшие лагеря чужих, сюда командированных казаков или башкир. От одного места до другого разъезжают постоянно патрули... Вдоль пути полукругом воткнуты в землю пруты, по которым заметно, проезжали ли границу киргизские всадники. В таких случаях лошади вышибают прутья. В 1771 году вдоль южной стороны дороги начали устраивать заграждения из столбов с двумя горизонтальными перекладинами, высотою в четыре фута. Перекладины эти грабители должны обязательно перерубать и поэтому не только легко бывают открыты, но также легко могут быть настигнуты, так как на обратном пути они должны задержаться у перекладин, если не находят прохода. Жители укреплений — казаки инвалиды. Гарнизоны состоят из двух полков драгун — Ревельского и Азовского и двух гарнизонных батальонов.

...Кабанья крепость у Кабаньего озера в 48 верстах от Пресногорковской, укреплена бревенчатой стеной, рогатками и кольями. Бревенчатая стена имеет деревянные батареи, каждая с одной пушкой. Гарнизон крепости составляют 80 казаков и рота драгун. Возле крепости имеется слобода, в которой живут казаки и инвалиды, около нее находится небольшой лагерь, примерно из 50 башкир, под начальством сотника. Люди эти каждый год меняются и живут в камышевых шалашах, которые они умеют зимой хорошо утеплять. Такая же слобода и такой же лагерь имеется при всех укреплениях и редутах.

Пресновская крепость в 40 верстах от Кабаньей и Становая крепость — в 55 верстах от предыдущей — такие же, как и

Кабанья. Среди казаков этих крепостей в 1771 году было 9 запорожских казаков, переселенных сюда в наказание с Днепра и одевавшихся по турецки.

Полуденная крепость расположенная на 53 версты далее [от Петропавловской], стоит, как и все последующие, на берегу Камышловского озера и укреплена рвом и земляным валом в виде четырехугольника. Ввиду того, вода озера негодна для питья и только лед дает чистую воду, в укреплении имеется много ледников и таким образом лед заготовляется зимой на целый год для всего гарнизона для питья и варки и может летом сохраняться.

(Фальк, I, 254—256).

ИРТЫШСКАЯ ЛИНИЯ НИЖЕ СЕМИПАЛАТИНСКА.

Крепость Железинская получила свое имя от одноименной речки, которая впадает в Иртыш с киргизской стороны. Она находится на высоком выступе берега, около которого Иртыш, извиваясь по обширной низменности, делает изгиб, омывая берег у крепости. Это выступ защищенный с других сторон низменности крутым высоким берегом и рядом частокола, со стороны границы (киргизской) охраняется устроенным по новым правилам укрепленьем с одним бастионом и двумя полубастионами. Это укрепление состоит из прочного земляного вала (покрытого дерном) и глубокого рва. Но еще и до настоящего времени оно незакончено. В одной части находится прочная деревянная башня с воротами для въезда и выезда, а у пристани для судов стоит старый деревянный бастион с пушками. Внутри крепости расположены новая деревянная церковь, дом начальника и коменданта крепости, квартиры офицеров, казармы, конюшни, склад для провианта, пороховой склад и несколько частных домов. За стенами крепости сейчас же выше по Иртышу находится слобода, а ниже — много частных домов. На низменности около крепости расположены сады. Кроме того по обоим сторонам реки, особенно киргизской, раскинулись прекрасные луга, где в изобилии растет дикая спаржа превосходного качества, доходя до дюйма в толщину. Пограничная линия с киргизами проходит по высокому краю степи, лежащей на той стороне.

Станица Черноярская подобно большинству малых постов, не имеет правильного укрепления. Кроме казарм и конюшен выстроенных около сторожевой башни (внутри четырехугольника) в ней имеется еще около 15 казачьих домов. Берег Иртыша, высота которого не превышает сажени, состоит здесь из чернозема, почему и называется черный яр, отсюда и название поста. Подобные черные берега в южных областях по Иртышу, где встречается только песок и глина, являются редкостью.

Форпост Коряковский. Последнюю половину пути до Коряковского и всю дорогу оттуда до Ямышевской нельзя проделать без сильнейшего отвращения. Повсюду на дороге, вокруг постов, на всем пространстве лежат разлагающиеся трупы лошадей, павших во время эпизоотии, шкуры с них не сняты, они валяются даже не засыпанные хотя бы немного землей. В высшей степени вредная для

здоровья небрежность, которую должно искоренять и наказывать местное начальство. Так как эпизоотия недавно свирепствовала среди лошадей, то ужасное зловоние свежей падали было тем сильнее. Эта эпизоотия бывает ежегодно около Корякова, а потому окружающая его местность и дорога к нижеописываемому озеру выглядят не лучше чем поле битвы, где бросили убитых лошадей, не зарыв их в землю. Но несмотря на это, этот форпост является одним из наиболее населенных и лучше обстроенных на Иртыше. Высокая открытая степь, где он расположен, и низменность с красивыми островами реки делают его местоположение очень приятным и не требующим исправления или улучшения. Из укреплений здесь еще ничего не видно. Стоящий здесь во главе гарнизона подполковник имеет превосходный жилой дом, недавно выстроенный; кроме него здесь живут также в хороших домах комиссар соляного ведомства и купец или подрядчик [по поставке соли], на котором лежит забота о транспорте соли. Так как кроме живущих здесь казаков и многих отставных, построившихся здесь, великое количество добровольных поставщиков соли, то здесь имеются две значительных слободы или квартала, разделенных на улицы. Выстроены также два склада для соли, в которых по распоряжению правительства имеется постоянный запас в несколько сотен тысяч пудов соли. Большой запас соли, приготовленный для отправки, лежит в кучах, покрытых рогожами. Транспорт соли, доставляемой из Коряковского соленого озера, расположенного в степи в 22 верстах от Иртыша и давшего свое имя этому месту, производится на барках или плоских судах. Их строят из соснового леса в 15-ти верстах ниже Семипалатинска. Они поднимают от 17 до 18 тыс. пудов. На них отправляют соль вниз по Иртышу до императорских соляных амбаров у Чуваш, недалеко от Тобольска. 5-го июня я совершил поездку, чтобы осмотреть эти важные соляные озера. Здесь проложена очень широкая дорога; она ведет в степи к Таволжановскому соленому озеру, отстоящему отсюда на 40 верст. Эта же дорога... ведет к Оби, и с Оби везут муку на Иртыш по этой же дороге крестьяне слободы Бердской и Малышевской.

...Коряковское озеро издали имеет белый цвет. Его берега в одном месте не превышают сажени и состоят из чистого песка и глины. Вдалеке виднеются небольшие лес и горы. Озеро имеет продолговатую форму, вытянутую с запада на восток, загнутую на восточном конце к югу. Этот восточный конец шире и имеет 3—4 залива. К южному концу подходит болото, из которого вытекает ключ с негодной для питья водой, с сильным привкусом серы. Здесь протекают и другие источники, привкус серы в которых сильнее; они дают красный осадок. Подобная же почва находится в северной окрестности озера.

...Соль покрывает коркой все илистое дно озера. Летом эта корка достигает толщины в ладонь и состоит из чистейших мелких кристаллов поваренной соли. Хотя влажной весной, при таянии снега, эта корка тает, но в мае она уже снова начинает образовываться. Размеры озера значительны... На глаз оно имеет 6 верст в длину и 4 версты в ширину. Оно настолько мелко, что если переезжать его на лошади, когда корка соли достаточно крепка, то соляной раствор не доходит

до брюха лошади. Ломом разбивают соляные корки на дне и из озера соль вывозят лошадьми и на телегах. Но лошадей после этого надо мыть в ямах, которые вырыты на берегу и где скопляется вонючая, но слабо соленая вода, чтобы едкий рассол не причинил им вреда. Плата за провоз соли от озера до Иртыша составляет от 6 до 8 рублей за сто кадей, что равно приблизительно 1000 пудам. Вследствие того, что в Ямышевском озере в течение нескольких лет соль не откладывалась, то Екатеринбургская, Тобольская и Томская губернии снабжались солью только из этого озера, и вывозили отсюда ежегодно 300 000 пудов соли. Да сверх того в последние годы здесь брали 150 000 пудов для Исетской провинции и Уийской линии. На западной стороне озера с юга выстроены 2 караульных поста, где живут несколько драгун, несущих охрану озера. Там, приблизительно в 30 саженях от озера, выкопан колодец, вода которого сильно пахнет тухлыми яйцами, но и люди и скот пьют ее за неимением лучшей.

Семиярский лес. Из леса [вокруг Семиярска], который должен доставлять дешевый материал для плотничных и столярных работ для императорских Колыванских и Воскресенских серебряных рудников, вывозят еще и теперь для всей линии, расположенной по Иртышу, лучший строительный лес, и из него же почти ежегодно строят многочисленные суда для транспорта Ямышевской и Коряковской соли. Для этой цели лучше было бы пользоваться лиственным лесом, которому сильно вредит понижение уровня воды в Иртыше; им могли бы пользоваться еще долгое время, если бы здесь велось правильное хозяйство.

Грачевский форпост получил свое название от грачей, которые здесь держатся большими стаями в течение целого лета. Вместе с обыкновенными воронами и скворцами они поедают саранчу, которая выводится здесь ежегодно в таком большом количестве, что в середине июня на горах уже с трудом можно найти зеленую травку. На половине расстояния по направлению к соседнему посту находятся известняковые каменоломни для потребностей крепостей на Иртыше и особенно для нового строительства в Омске. Здешние горы состоят из известняковых скал, тянущихся к югу и отламывающихся слоями под углом в 45 градусов. Камень сбрасывают с горы и обжигают здесь на месте в больших кучах. Эту работу выполняют ссыльные преступники. Для рубки и подвоза леса командирована сюда сотня казаков, которые сменяются каждые три года. Для производства этой работы здесь выстроена казарма и горные избушки для рабочих.

(Паллас, II, 2, 462—494).

АЛТАЙСКИЙ ПРЕДГОРНЫЙ РАЙОН

Утром мы взобрались на последние песчаные холмы, над которыми на высокой равнине на Иртыше расположен Ново-Шульбинский форпост. Так как по случаю калмыцкой экспедиции там находился главный штаб, и все квартиры были заняты, то я, не задерживаясь здесь, проехал в деревню Старо-Шульбинскую, расположенную дальше в 3 верстах по реке Шульбе, на месте открытого здесь в 1740 г.

Демидовского завода и форпоста. Она населена отставными солдатами и крестьянами. Шульба — красивая река, которая течет между скалистых холмов к Иртышу. Весной она многоводна, летом сильно мелеет. Эта река запружена между холмами; там устроен довольно большой пруд для нужд небольшого плавильного завода, который еще не вполне достроен. Причина этого заключается в том, что рудник и заводы отошли от Акинфия Демидова. От прежде выстроенных заводских зданий не осталось следа, так как старый строевой материал от них, чтобы он не пропал зря, несколько лет тому назад пережгли на уголь, который был использован при работе в рудниках Змеиной горы. .

...Прилегающая деревушка состоит из 20 домов, находящихся с наружной стороны земляного вала и рва, которые служили защитой для старых зданий.

...Здесь оканчивается Шульбинский лес, который тянется по берегу Иртыша от Семипалатной. Ширина его значительна уже от Талицкой, здесь же он еще расширяется вдоль по Шульбе. Вследствие соседства этого прекрасного леса и многих месторождений меди, которых так много на Шульбе, как и на Убе, о чем свидетельствуют безчисленные донесения и уже начатые разработки, здесь можно с выгодой устроить медный завод.

Обнаженные пологие горы между Шульбой и Убой и по обоим сторонам этих рек состоят большею частью из слоев шифера (сланца), серого, черного и других цветов. Так, на Шульбе встречаются снизу прекрасные плиты черного шифера, который может быть использован для различных работ. В некоторых местах встречается также красный песчаниковый сланец.

В этих горах руды встречаются большей частью в опущенных поверхностных наклонных жилах, которые найдены на небольшой глубине, но еще не исследованы всесторонне, хотя главным образом они, повидимому, содержат медь. Около этих месторождений руд находятся безчисленные следы старых шурфов и наружных работ неизвестных нам степных народов, которые некогда так прилежно занимались разработкой всех месторождений руд в Алтайских горах, что до настоящего времени открыто мало месторождений руд, где бы не было следов их работы. Они добывали золото и медь, которые и теперь находят в их могилах по Иртышу. Эти могилы состоят большею частью из куч камней, образующих холмы. Нередко, особенно в Колыванских горах, находят такие могилы. Они очень распространены по Енисею. Кроме того, сходство медных орудий, оружия и домашней утвари, находимых в древнейших могильниках на Енисее и Иртыше так велико, что заставляет думать, что горы, богатые рудами и находящиеся между двумя реками, разрабатывал один и тот же народ. Кроме жильных месторождений меди, имеются также холмистые горы между Шульбой и Убой, полные кварцевых друзистых жил смешанных с кубообразным шерлом с темным рыхляком и желтяком, на которые очень похожи жилы, содержащие золото, обычно встречающиеся около Екатеринбурга.

...Кроме того, дорогой [между Шульбинской и Шемонаихой] я видел слева вдали очень большой холм, насыпанный на самой высо-

кой точке всей этой местности. Давным давно артель крестьян в 150 человек с большим трудом насыпала этот холм. Но труды их не были бесплодны: согласно существующим преданиям они добыли 1 пуд 10 фунтов золота, что и поделили между собой. Поэтому и холм называется Золотарский бугор.

[В местностях вокруг села Красногорского] основаны новые колонии и деревни. Эти колонии и деревни населены частью польскими эмигрантами, выходцами из России и принадлежащими к православному вероисповеданию, частью — бывшими крестьянами, выходцами из центральной России, или теми, которые за небольшие преступления сосланы в Сибирь, частью добровольными колонистами (переселенцами) из густо населенных местностей Сибири. Такой деревней и является Красноярская, насчитывающая в настоящее время до 20 домов. Она основана 3 года тому назад и ее новые обитатели большей частью сосланные.

В течение первых 3 лет они получают ежемесячно достаточное количество провианта и небольшое денежное пособие.

...Нет никакого сомнения, что эти селения могут с выгодой заниматься земледелием, так как многие, даже большая часть из них, расположены в очень хороших местах, хотя некоторые не так счастливы в выборе местоположения, однако по близости имеются прекрасные участки земли, куда они легко могут переселиться. Когда эти новые селения будут под хорошим руководством, возможно найдут средство помочь им в затруднениях из-за недостатка леса, за которым многим приходится обращаться на сторону. Возможно и хорошее средство борьбы с бродяжничеством, когда Колывано-Воскресенское горное управление и заводы научат труду и прилежанию праздношатающихся. Среди поселенцев многие, повидимому, даже желают этого и все, при изменившемся руководстве, возможно, выиграли бы. В настоящее время все поселения основанные по верхнему течению Иртыша и его притокам, подчинены канцелярии коменданта в Усть-Каменогорске, которая вменяет в обязанность войскам, стоящим на границе, ловить находящихся в бегах плательщиков подушного налога из этих селений. Деревня Красноярская принадлежит к числу тех, которые имеют достаточное количество плодородной земли для земледелия. Но поселенцы уверяют, что на высоких местах вследствие жары и обычной засухи рожь не дает урожая. Но такой дождливой погоды, как этим летом, когда за весь июль едва ли выпало пять дней без сильных гроз и проливных дождей, не запомнят даже старожилы в этой местности. Такая погода в этом году была повсюду около гор, даже в горах шли дожди весь июнь. Главная жалоба этих и других деревень, расположенных по Убе, это — нездоровая местность. Главная причина — вода этой реки, вызывающая лихорадку у тех, кто ею пользуется, особенно у вновь прибывших. Так как крестьяне неосторожно лечат лихорадку обыкновенно сильно действующими средствами, то следствием этой болезни являются параличи и другие нервные заболевания, которые истощают людей и делают их неспособными к труду. Хотя Уба горная река и поэтому можно предполагать, что она имеет хорошую воду, особенно потому, что почва там большею частью гравиевая, однако высокие

глинистые берега, омываемые этой рекой и многие минералы, находящиеся в этих горах и содержащие различные руды и особенно медь, очень сильно портят воду, а около Красноярской, где от деревни вверх идет высокий глинистый берег — при каждом дожде вода становится такой мутной, что и при кипячении не очищается. Вместо того, чтобы уничтожить это зло, отыскав хорошие источники, беспечные крестьяне предпочитают терпеть все вытекающие отсюда неудобства.

...Деревня Шемонаиха состоит из 30 дворов. Она расположена на месте бывшего здесь раньше форпоста; его старые укрепления и казармы стоят еще, предоставленные, как это обычно здесь, гниению. Теперешние жители — поселенцы, переведенные из Польши. Это русские поляки, они знают по-русски, принадлежат к греческому православному вероисповеданию. Отцы их происходят из Подолии и других пограничных польских провинций. Надо отдать честь этим поселенцам — они трудолюбивые хорошие земледельцы. Только вследствие зимних холодов и господствующих здесь ураганов, они все еще как то не привыкли к здешней местности, да и сама местность не вполне подходит для земледелия, так как хлеб не дает хорошего урожая на каменистых сухих высотах, кроме того, и почва обыкновенно слегка соленая. Они хотят здесь заняться пчеловодством и развести такие же прекрасные фруктовые сады, как в местах прежнего своего жительства.

...Здешние горы и долины изобилуют цветами, которые дают великолепный ароматичный мед, и крестьяне, желая обеспечить пчелам более обильную взятку, усиленно начинают здесь сеять гречиху, что они уже делали раньше в Польше. Жители Шемонаихи настолько убеждены, вследствие перенесенных в начале болезней, во вредности воды Убы, что предпочитают для питья и приготовления пищи брать воду из другого отдаленного источника.

Я послал осмотреть несколько рудников, расположенных по ту и другую сторону Убы. Большая часть рудников была открыта благодаря старым шурфам; эти рудники по преимуществу содержат медь. В некоторых добывают свинец и руды, содержащие серебро, из которых наиболее часто встречаются: серая песчаная руда, темносвинцовая охра и рудожелтый свинец, которые по большей части содержат белый смешанный свинцовый шпат. Первые из них иногда содержат шлихи золота, и наконец, зеленую и синюю медные руды, а также содержащий в себе железную руду ротель, с медным цветом или без него; они особенно заметны в рудниках у рек Таловки и Шемонаихи. Таловка протекает по другой стороне, выше реки Шемонаихи, которая в этом месте вытекает из гор по направлению к Убе. На Таловке находится ближайший рудник — Николаевский, отстоящий около 5 верст от деревни Шемонаевской и 2½ от Таловки. Работы ведутся в шахте, почему углубились на несколько саженей в слое, содержащем охряную руду с желтяком. Здесь содержится также свинец, некоторое количество золота и немного серебра. Шахта идет с юга, пересекается гнездом руд, содержащих медь и переменяет свое положение, будучи оттеснена к западной стороне, к долине.

...Так как руда здесь совершенно скрылась, то и разработки здесь прекращены. В 8 верстах дальше на Таловке находится Таловский, или Больше-Горский, рудник, открытый здесь в 1752 г. по соседству со старым Чудским рудником, но в этом же году он был оставлен вследствие незначительности [рудных запасов]. Но в 1764 году разработка началась снова. Тогда в ответвлении жилы, идущем в горы, нашли что охряная руда залегла гнездами, но не шла далеко в горы, будучи обрезана красным и пестрым глинистым шифером, который также подходит к рудам с севера. Тогда там принялись за разработку; после того как добыли большую часть руды, отправили в общем около 40 000 пудов. Но этот рудник полностью еще не истощен: при пробе оказалось, что руды этого и прежних рудников содержат от 1 до 14 фунтов свинца и от 1/4 до 4 золотников серебра на пуд.

(Паллас, II, 2, 503—520).

КОЛЫВАНСКИЕ РУДНИКИ НА АЛТАЕ

Когда статский советник Акинфий Никитич Демидов, в 1730 году начинал сии заводы, вся страна Оби до хребта была совершенно пуста, и только что посещаема зюнгорскими калмыками и им подавшимися нагорными жителями, каракольцы называемыми, а иногда кочующими киргизскими ордами. В одно время с заводом, для сообщения с оными, установлены от Оби зимовья, и при оных поселено по семье крестьян... Первое заведение положено в 1727 году у подошвы синей сопки, на взгорье оной, Колыван называемом, на коем первая медная руда, из всех в сей стране открытых, была на подобие втекшей прекрасной лазури и зелени в узкую кварцевую жилу, между крепким камнем, остатки коея я еще нашел у находящейся, тут шахты, на 15 сажен, как сказывали, простирающейся, на отбитых от руды каменьях. По прошествии двух лет, завод сей перенесен почти за 6 верст далее к реке Белой и состоял тогда из плавильни, из четырех венгерских печей и одного медного молота, палаты для чищения медной руды с двумя горнами и с одной литейною печью, из ручной молотильны, пильной и мучной мельницы, четырех обжигательных горнов, одной железной и котельной кузницы и кирпичного сарая. Поелику река Белая водою недостаточна, то в 1733 году из находящегося у подошвы высокой горы озера Белого, никакого истока не имеющего, прорыт в Белую канал и сделана шлюза, через что недостаток воды довольно был награжден.

В руде сей плавильный завод имел изобилие, но и такое еще, которое доставляло от семи до осьми процентов и сверх сего чистую медь. Все при заводе потребные материалы, как-то известь, глина, кирпичная земля, в огне постоянные камни находятся также в близости. Но должно опасаться недостатка в дереве. Ибо окололежащие леса не обширны, и нигде нет сплошного, да и бревенчатого также мало, но оный состоит из рассеянных по горам елевых, сосновых, пихтовых, березовых и тополевых рощ; другие же большие леса лежат не близко, и отделены столь диким хребтом, что никоим образом оный сюда возить не можно. Выгода при сих заводах была превосходная: черная медь, которая так как большая часть здешних

руд должна была содержать в себе несколько серебра, была частью отвозима неотделенная вниз по Чарышу, через Обь или также и по Иртышу, в Тобольск и далее в Невьянские заводы; частью же на месте очищаема и переделываемая, по большей части в посуду, продаваемую в Сибири и калмыкам.

Уверяют, что демидовские заводские служители, сколь ни были они незнающи, содержание золота и серебра многих здешних руд довольно знали, и потому разные остатки, особливо от чудской работы и в старых копях видимое еще на поверхности самородное золото на известных им еще с 1732 года Змеевых горах нарочно не трогали. О чем также в 1732 году, когда ассессор Кайзер, и с ним капитан, после достоинство фельдмаршала получивший, Фермор для осмотрения здешних заводов посыланы были, ничего еще совершенно известного не получено. Но 1744 года частию самим статским советником Демидовым, а частию некоторым ему изменившим немецким штейгером было открыто богатство Колыванских руд; а первым еще в феврале прислана в высочайший кабинет проба серебра, весом в 27 фунтов и 80 золотников, которое, по его уведомлению, бергмейстерами на Колывано-Воскресенском медном заводе выплавлено из 233 фунтов меди, отчего воспоследовало повеление, через именной ея величества блаженной памяти императрицы Елизаветы указ, находящемуся в Туле бригадиру, потом бывшему генерал-майору Бейеру отправиться с находящимся при нем поручиком, после бывшим коллежским ассессором Улихом на вышеупомянутый завод, и там от всех руд, кои поселе для медного завода добываемы были, по нескольку пуд при себе приказывать растоплять, и все, что из каждой руды получено будет, вместе с серебряными пробами, исчислением издержек, присылать в кабинет ее величества, и так далее. Он прислал в 1745 году 11 июня известия, что руды разных рудников, а особливо Змеевой горы, были опробованы и из 5490 пуд черной меди выработанной руды выплавлено 55 пуд черной меди, от коей отделено 6 пуд 9 фунтов и 69 золотников серебра, которое по малым пробам должно в себе содержать до 8 фунтов золота, и оное... препровождено за сим известием. Сверх сего бригадир Бейер привез с собою при исходе упомянутого года 2 пуда 13 золотников золота и 33 пуда 37 фунтов и 33 золотника серебра, полученного из остальных выработанных руд. Кроме же сего 246 пуд серебросодержащей меди отпущено было под смотрением Улиха на Невьянский завод, из коей получено серебра 7 пуд 4 фунта и 24 золотника. И так в сем году получено при делании проб серебра 44 пуда 21 золотник и 12 фунтов 32 золотника золота, что по нынешнему основанию составит 44000 руб. с вычетом же издержек одного выигрышу более 26000 руб. Тогда все Демидовские рудники были немедленно запечатаны, а на Змеевских поставлен караул. В мае же 1747 года бригадир Бейер отправлен был вторично принять Колыванские и начатые уже тогда Барнаульские и Шульбинские рудники с их округами, находящимися там пушками, оружием и инструментами для добытия руды, также и там находящихся мастеровых и мужиков под владение ее императорского величества, и оные оценить, поелику цена оных должна быть зачтена в подати статского советника Демидова и его наслед-

ников, короне должные ими. И с сего времени Колыванский завод и все на Алтайском хребте найденные руды и находящиеся рудники принадлежат высочайшему императорскому владению.

...Плавление руд с того времени производилось в Колывани в десяти и менее печах, а наконец с 1752 года, только в шести, как позволял умаляющийся лес, и что продолжалось до 1766 года, пока оные заводы ради совершенного недостатка лесу должны были быть оставлены, а добывание медных руд из около лежащих ям, кои не заслуживали быть отвозимы в Барнаул, стало быть производимо, на время пока лес опять выростет, что и весьма удобно быть может.

(Паллас, рус, текст, II, 2, 312—317).

КИТАЙСКАЯ ГРАНИЦА

Китайская пограничная линия, состоящая, подобно российским линиям, из многих окопов и постов, идет от севера к югу по западной стороне Зюнгорских гор...

Киргизцы не только что не смеют переходить сию линию, но должны еще жить от ней на 20 или на 25 верст, если они не хотят, чтоб китайская пограничная стража, состоящая из монголов на казацком учреждении [организованных по образцу русских казаков], похитила их скот и после сильных побоев отпустила их обратно. И так они живут гораздо далее от границы; напротив того, киргизцы не имеют таких строгих правил на границах их южных соседей, каракалпаков, хивинцев, арабов [?], ташкентцев и проч. Границы здесь весьма неопределительны, и часто киргизцы ездят в хивинские и другие города.

(Фальк, VII, 30—32).

На сих землях собственно обитали чжуньгары, которые, пропитываясь скотоводством, мало пеклись о земледелии. По размещении здесь китайских войск, ощутили недостаток в хлебе; почему заведены военные поселения, и степные места употреблены под землепашество. Шесть тысяч туркестанских семейств обсевают землю и вносят в казну хлеб, которого только что достает на продовольствие войск. На жалование и фураж офицерам, и солдатам на овощь ежегодно доставляют сюда из Китая более полумиллиона ланов серебра да несколько тысяч кусков атласа и гродетура, что все променивают казакам на рогатый скот, овец и лошадей, которых по оценке продают, а деньги на содержание войск употребляют. Сверх сего собирается серебром около 40000 ланов поземельных и пошлинных денег, которых со взносимыми с туркестанских городов хлопчатою бумагою, холстом и прочими податями довольно становится на годовые издержки. Как деньги, по редкости их, были здесь дороги, то в 39-е лето правления Цян-лун (1774) государь дозволил с Аксу, Яркяни и и Бюгура брать в зачет хлеба от 7 до 8 000 гинов меди, из которой отливают деньги на Илийском монетном дворе. Одному генералу ежегодно предписывается отправляться с пятьюстами солдат на казачьи и киргизские границы для сбора ясака. С рогатого скота и лошадей берут одну голову со ста, а с овец одну голову с тысячи.

Олотские тайцзии и беки туркистанских городов в исходе каждого года отправляются поочереди к Пекинскому двору с данию. Казаки приезжают через три года, а для киргизов не положено срока. Если же приезжают, то вместе с очередью туркистанскою в исходе года.

...Здесь построен земляной город [Чугучак] окружностью в несколько ли; в нем определены два экспедитора, три письмоводителя, один судия и семь офицеров для караула. Как поставили здесь гарнизон, то нужен стал хлеб: почему заведено военное поселение из 1000 человек китайских солдат с одним военным начальником и полковником, а для охранения сего места поочереди присылают сюда из Или 1500 манчжуров и монголов. На жалованье им ежегодно доставляют несколько десятков тысяч шелковых материй, которые променяваются казакам на рогатый скот, овец, верблюдов и лошадей. Сей скот продают с оценки, вырученную же сумму употребляют на расходы.

(Иакинф, Чжунгария, 107—110).

8. ВСТРЕЧА ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШСЕТВЕННИКОВ С КАЗАКСКИМИ ХАНАМИ И СУЛТАНАМИ

ФАЛЬК У СУЛТАНА АЛИ (1770)

Киргизский хан Нурали прибыл со своей ставкой и остановился на Илеке, всего в 50 верстах от Илецкой защиты, при впадении Илека в Урал, с левой стороны Урала. Близость мне показалась выгодной, чтобы увидеть этого правителя кочевников и его лагерь, поэтому я в сообществе с Георги и при достаточном конвое отправился из Оренбурга вниз по линии через укрепления — Чернояр, Татищево, Озерное и Рассыпное — в Илецкую крепость. Между укреплениями имели стоянки казаки и башкиры в небольших лагерях из камышевых палаток. Они пасли своих лошадей, также как и население укреплений пасет весь свой скот, под защитой вооруженных пастухов, что выглядело необычайно.

29 сентября [1770 г.] я направил двух знатных татар к хану, чтобы запросить его, согласен ли он на мое посещение и смогу ли я совершенно безопасно к нему приехать.

Татары по всему Илеку вверх встречали небольшие киргизские лагери и при впадении Камчатки в Илек, 70 верст выше устья, вступили в ставку хана, состоящую, приблизительно, из 20 кибиток.

Хан их очень вежливо принял и ответил им, что я в полной безопасности могу к нему приехать, а также вернуться обратно, — ставка его простоит еще несколько дней, сам же он должен на следующий день уехать в отдаленные улусы, чтобы уладить раздоры. Короче говоря, он мне отказал в приеме.

Посланные татары ничем не были обижены киргизами, напротив, куда они не приезжали — их всюду угощали мясом и кумысом.

За это время нам удалось увидеть торжественное открытие осен-

него рыбного лова илецких казаков, которые явились для этого в полном вооружении.

Тем же путем мы вернулись обратно в Оренбург.

Наследник хана Али султан, лучше удовлетворил мое любопытство. Он остановился в киргизской степи всего в нескольких верстах от Оренбурга, чтобы по возможности добиться у губернатора распоряжения приостановить продвижение русских карательных отрядов, сам же в Оренбург не явился.

Для моего приема он назначил 5 ноября [1770 г.], время после обеда. Я явился с Георги, Барданесом и егерем в сопровождении хорошо одетых казаков. Лагерь султана состоял, приблизительно, из 320 кибиток, между которыми его кибитка была самая большая и покрыта белым войлоком. Вокруг паслись верблюды и лошади. Пол кибитки был устлан коврами, на которых лежали подушки. У его постели висели шелковые занавеси, а кругом были развешены красивые луки, кувшины, ружья, сабли и седла.

18-летний султан сидел, поджавши ноги, на подушке в богатом одеянии, опоясанный серебряной саблей; вокруг него сидело несколько старшин, одетых в ярко-красное. Мы должны были с покрытыми головами сидеть на маленьких сундучках. Он вежливо принял мои подарки, состоявшие из головы сахара и обыкновенной табакерки, вполне прилично задавал вопросы и отвечал сам. На прощание он мне подарил лошадь, которую я не принял.

(Фальк. I, 20—21).

РЫЧКОВ У ХАНА НУРАЛИ (1771 г.)

Здесь [близ Тургая] мы сразу очутились в виду становища хана и окружающих его киргизов. Мы направили путь на ханские кибитки; хан был здесь, в кругу своих старейших. Все они собрались, чтобы встретить нас и приветствовать. Со стороны старшин нам было дано понять, что мы отнюдь не должны подъезжать к хану вплотную, но спешились бы за несколько сажен и только таким образом приблизились бы к самому тому месту, где он находился. Мы подчинились этому требованию и вошли в среду окружающих хана лиц. При нашем появлении они встали со своих мест все. Хан восседал на ковре с обоими своими сыновьями, которые рассаживались около него непременно в порядке старшинства. Направо сидел султан Ишим. Место султана Пирали было по левую руку отца, несмотря на то, что он носил титул хана туркоманов.

...С самого первого момента нашего свидания, хан засвидетельствовал те чувства радости и удовлетворения, которые испытывал он при получении известия о приближении русских войск,—войск, прибытия которых он давно ждет с нетерпением. Все речи хана выказывали усердие, самое ревностное, выполнять высочайшую ее императорского величества волю. Особенно заслуживают внимания его соображения относительно бегства калмыков.

Он всегда сожалел, что с самого того момента, как он подчинился скипетру русскому, все же не было у него случая выказать на деле свое верноподданническое рвение и свою верность всемилостивейшей государыне. Бегство волжских калмыков даст ему теперь этот желан-

ный случай. И он сочтет за честь отдать все силы свои на пользу предприятия и доказать свое рвение. С тех пор, как он стал под защиту русского государства, — продолжал хан — русским пришлось вести две войны с иноземными царствами. Одна война — с прусса-ками [1756—1763 г.], другая в настоящее время — с турками [1768—1774 г.]. Но ни в той, ни в другой войне он еще не имел счастья быть использованным. Между тем, это его каждодневное желание, равно как и желание его подданных. Во всякое время, в каждый час, готовы мы выступить в поход против врагов России. Когда хан высказал все, что хотел, наш подполковник выявил перед ним всю совокупность тех затруднений, в силу которых мы не могли сомкнуть с ним свои силы ранее, и в конце концов уговорил его остановиться на таком решении: на этом месте ждать прибытия русских войск. При этом уговорились, что после соединения обоих войск оставить на месте весь тяжелый обоз и преследовать убегающих изменников облегченными, ускоренными маршами. Чтобы оставленный обоз обезопасить от покушений со стороны степного населения, хан обязан приставить к обозу особых хранителей по одному человеку от каждого киргизского рода. Эти люди не должны уходить от обоза, дабы отвратить все возможные опасности. На все ему высказанное хан, во всенародном присутствии, изъявил свое полное согласие. В конце беседы хан сказал: если мы задержимся хотя бы в малейшей мере и не поспешим вперед с крайней быстротой, то калмыки, уже 13 дней тому назад проследовавшие через здешние места могут успеть дойти до гор Алтая, а тогда с ними ничего не поделать и не только в силу одних лишь [природных] условий той местности, а еще и потому, что они смогут, прежде чем мы попадем к горам, вступить в Джунгарские пределы. Там, в тех землях, если им удастся осесть и устроиться, им можно будет обеспечить себе в борьбе с нами ряд преимуществ и выгод, каких они в настоящее время, изнеможенные зимнею дорогою, без надежной опорной базы лишены совершенно. От этих разумных рассуждений ханских могла быть польза несколько раньше. Но теперь у нас оставалась только самая слабая надежда догнать этих калмыков, бежавших с такою поспешностью и ушедших так далеко.

(Рычков, Дневник, 369—371).

БАРДАНЕС У СУЛТАНА МАМЕТА (1771)

[24-го июля 1771 г.]. Сегодня посетили наш лагерь 3 сына стоявшего от нас в 7 верстах султана Мамета со свитою. Майор Зубов их угостил и потом послал в мою ставку. Старший сын Ахмет, 20 лет от роду, был одет в черные атласные шаровары, кафтан тонкого красного сукна с шелковым кушаком, на голове шитая золотом скуфейка и хорошая киргизская шапка, а на бедре сабля. Другие, один 16-ти, а младший 14-ти лет были одеты как обыкновенные киргизы, но немного почище. Все они имели веселый и мужественный вид. Они сидели у меня на войлоке, отвечали на мои вопросы сколько умели, отведывали мои сухари... При прощании приглашали они меня поутру на другой день к своему отцу. Я согласился.

26-го июля. Сего числа пополудни поехал я в стан султана или

князя Мамета, старшины малого улуса Средней киргизской орды и удостоен был благосклонным приемом. Его стан или деревня (аул) состоял из 8 войлочных юрт, или кибиток, из коих 3 для его фамилии белые войлочные и чище, прочие же были простые для его служителей и пастухов. До приема султаном сыновья его разговаривали со мною. Кибитка его была большая, разделенная завесою; посреди висел большой железный котел с говядиною и крупами на огне, кругом стояли малые и худые ящики, на которых лежали кожаные мешки с платьями и проч. Против входа позади котла разостлан был персидский ковер с подушкою, на котором сидел султан с супругою, сложа ноги накрест. Я должен был сесть в стороне поодаль. Султан имел от роду 60 лет, был сухощав с небольшою черною бородою; на нем было шелковое платье и шитый золотом колпак. Он имел вид проницательный. Супруга его лет сорока была весьма сановита и сидела в полушелковом бухарском платье и в шелковом платке на голове, как носят обыкновенно татарки и армянки; с головной повязки по обоим щекам висели корольки.

Сделав им низкий поклон, поднес я князю в дар фунт мыла, зеркало, купленное мною в Омске за 7 копеек, кольцо, за которое я заплатил 3 копейки, несколько игол, извиняясь, что я так мало взял с собою. Он уверял, что ему от русского приятеля все приятно, а она сказала, что в степи такие вещи очень полезны.

Она потом спросила, пью ли я кумыс или квашеное спиртовое кобылье молоко. Я сказал, что пью и тогда поднесли мне кумыс, а потом хороший чай без сахару и меду, вареный только с молоком в фарфоровых чашах.

Если бы султан при ответах и рассказах менее занимался строганием лучины большим ножом, то беседа наша была бы довольно приятная. Он расспрашивал о здравии монархини, изъявлял свою приверженность к Российской империи. Он сам преследовал калмыков и несколько человек взял в плен и велел, действительно, позвать 6 или 7 калмыцких мужей и жен, кои были его рабы, но в хорошем содержании. О калмыках предполагал он, что якобы они перешли через горы в Зюнгорию, что нам их воротить не можно, что напротив того, киргизские орды получают от нашего преследования великую пользу, поелику калмыки уходят далее и избавляют их от таких лукавых и гордых соседей и т. д. Наконец, дружески отпустил он меня с мехом хорошего кумыса и овцою, дав для провожания несколько киргизцев.

(Фальк—Барданес, VII, 15—18).

9. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАЗАКСКИХ ОРД С СОСЕДНИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

РУССКОЕ «ПОДДАНСТВО» МАЛОЙ ОРДЫ

Киргиз-кайсакской Меньшей орды Абул-хаир хан претерпевал великие разорения и обиды, с одной стороны от зюнгорских калмык, которые время от времени разными киргиз-кайсацким ханам в вели-

кой Татарии принадлежащими городами завладели и непрестанно их утесняли, а с другой стороны — от смежного им башкирского народа. Не меньшая ж опасность им была близ реки Яика (где лучшие к кочеванию их места) пребывать, ибо башкирцы на их киргизские улусы непрестанные чинили набеги и многие тысячи лошадей у них угоняли, а управляться с ними было не без труда за такими ж нападениями, с зюнгорской стороны чиненными. И тако он, Абулхаир, будучи пред прочими киргиз-кайсацкими владельцами гораздо умнее, принужден искать и просить о принятии его со всею той Меньшею ордою в российское подданство, и с тем в 1730 году посланцев своих отправил от себя с башкирским старшиною Алдаром к уфимскому воеводе, к коему он, Абулхаир-хан, особливое о том письменное прошение ж прислал. По прибытии онаго Алдара и по получении от тех посланцев известия, бывший тогда уфимский воевода бригадир Бутурлин нарочно из уфимских дворян в жилища Алдарова посылал, чтоб он и с посланцами на Уфу приезжал; почему он Алдар, и те посланцы в Уфу, в июле месяце, и прибыли, а потом купно с ним, Алдаром, ко двору е. и. в.[1] они, посланцы, отправлены.

Между представлениями его ханскими знатное было сие: 1) что они от зюнгорского владельца и от его калмык обижены, и когда будут под протекциею е. и. в., то могут все свое владение от них со временем возвратить... 2) сам себя в ханстве содержать может, ссылаясь на волжских калмык, как е. и. в. между таким же диким народом ханов утверждает и народ в покорение приводит, 3) могут соседей своих хивинцев и аральцев в подданство е. и. в. привесть и за то в милости быть.

По которому его ханскому прошению в том же 1731 году, в мае месяце отправлен был к нему, хану, коллегии иностранных дел переводчик мурза Тевкелев и с ним из геодезистов Алексей Писарев да Михайло Зиновьев для описания мест, из уфимских дворян и казаков, да из башкирцев лучшие люди: вышеупомянутый Алдарбай (кой в бывшем бунте главным предводителем был), Таймас тархан батырь и еще некоторые, с такою инструкциею, что б помянутого хана со всею ордою в подданство совершенно утвердить и присягою верности обязать, о состоянии же сего народа и тамошних мест обстоятельное известие получить. С которым и означенные ханские посланцы, бывшие у двора е. и. в., с грамотою к нему, хану, (в которой он о принятии в подданство и милостию е. и. в. обнадежен) отправлены...

По прибытии переводчика Тевкелева в киргиз-кайсацкую орду, так скоро, как спознали киргизские старшины о причинах приезду его, Тевкелева, и учинилось у них великое смятение, и часто во многолюдстве для убивства оного Тевкелева и бывших с ним собирались. А при том и на хана своего нападали за то, что он, без ведома и совету их, посланцев своих ко двору е. и. в. отправлял и о принятии в подданство просил, чего они никогда не желали и не намерены. Хан, как его, Тевкелева, с находящимися при нем людьми при всех таких нарочных собраниях защищал, так и народ непрестан-

[1] Здесь и далее «е. и. в.» означает — «ее императорское величество».

но увещевал и вразумлял, толкуя им, какое они благополучие от подданства российского получать могут, приводя в пример волжских калмыков и уфимских башкирцев, под державою российской благополучно живущих и что они пришед в такое ж подданство, от неприятелей своих в безопасности будут. Тевкелев такожде, будучи, о нравах сего дикого народа довольно сведущ, так добро против всех их угроз поступал и, не спасаясь ничего, умел им говорить, что они, многажды собравшись на убивство его и находящихся при нем людей, сами со страхом, а иногда со многим удивлением к нему разъезжались и поставляли его за такого умного, который больше человеческого разума имеет. При чем и бывшие с ним, Тевкелевым, башкирские старшины не малую верность ко успокоению того своевольного народа старание прилагали, а особливо Таймас батырь будучи у киргиз-кайсаков славным башкирским наездником (или богатырем), который за то, как выше явствует, потом в 1734 г. и тарханом пожалован.

По таким долговременным бывшим затруднениям, наконец, до того дошло, что на одном большом и последнем их киргиз-кайсацком сборе наибольшая часть согласилась, конечно, Тевкелева убить, к чему бывшие тогда в орде ушлецы из волжских калмыков киргизов весьма возмущали и научали, чтобы его, конечно б, Тевкелева, с товарищами убить, а живого от себя отнюдь не отпущать, толкуя им то, что российские люди ими, киргиз-кайсаками, так, как и башкирцами, овладеют. И тако во оное собрание призван был он, Тевкелев, нарочно один, коему тут, сильными и без всякого страха чиненными от него представлениями, помогательством же ханским и одного знатнейшего киргиз-кайсацкого старшины Букенбая-батыря, так посчастливилось, что все противной партии противу его, ханских, и букенбаевых представлений не только спорить не могли и безгласны учинились, но и большая часть из того собрания купно с ханом и с помянутым киргиз-кайсацким знатнейшим старшиною Букенбаем ее и. в. в присягу в верности учинили, и хан на том основался, чтоб сына своего ко двору ее и. в. послать.

По таком счастливом его, Тевкелева, успехе партия Абулхаир-ханова хотя уже умножилась, и комиссия, ему, Тевкелеву, порученная, лучший вид возымела, но такое состояние недолго пребывало, ибо по принятии присяги противная партия, а паче Средней орды владельцы и старшины, в такое огорчение и смятение пришли, что и сам Абдулхаир-хан опасаться стал, как бы ему помянутого Тевкелева и находящихся при нем людей безвредно от зломыслящего народа сохранить. А при том у него, Тевкелева, и к содержанию его тамошнему нужное оскудевать начало, и сам он в такое отчаяние принужден был впасть, что из их воровских рук вскоре вырваться ему невозможно, того ради умыслил: имевшихся с ним геодезистов Писарева и Зиновьева и с некоторыми из имевшихся с ним уфимских дворян и казаков с Таймасом тарханом отпустить в Уфу, испрося у хана надежное провожание, и с ними о всех своих происхождениях в коллегию иностранных дел обстоятельную ведомость учинил, также и уфимскому воеводе о надлежащем сообщить приказал, а сам в киргиз-кайсацкой орде остаться был принужден.

1732 г. По получении оной ведомости в государственной военной коллегии иностранных дел, немедленно отправлено было из той коллегии иностранных дел на Уфу денег тысяча рублев со определением, чтоб уфимский воевода всевозможное старание употребил, дабы на оные деньги, купя лошадей или товаров, часто помянутого Тевкелева чрез верных башкирцев из тех воровских рук выкупить, или б пойманными киргиз-кайсаками (ежели есть в поимке) обменить; а буде в поимке нет — то, захватя возможным образом, за свободу их еще Тевкелева требовать. И тако об успехе порученной ему, Тевкелеву, комиссии вся надежда совсем было пропала.

Между тем, по отправлении Писарева на Уфу, хан со своими улусами и с ним, Тевкелевым, откочевал вблизости Аральского моря, во владение нижних каракалпак, в котором владении Абулхаир-хан, будучи особливо почитаем, склонил каракалпацкого Каип хана и со всем его народом в подданство российское и в том они при Тевкелеве присягу в верности учинили. И понеже хан, будучи тут, от противной себе партии прежде происходивших многих препятствий освободился, то Тевкелеву гораздо удобнее было свою комиссию с лучшим успехом в действо производить, и помянутого хана в верном подданстве пребывать так утвердил, что он обещал для такого своего верного подданства (как то в записках его Тевкелева значится) каждый год в Москву сына своего присылать, а старшин киргиз-кайсацких обнадежил склонить, чтоб у каждого роду давать по одному человеку жить в построенной крепости, якобы для киргиз-кайсацких дел судьями, вместо политических аманатов. И с тем, особливо же с прошением своим о построении города на устье реки Орь, с бухарской стороны впадающей в Яик, отправил с частопомянутым Тевкелевым ко двору ее и. в. сына своего Ерали салтана и брата своего двоюродного Нияз салтана с несколькими киргиз-кайсацкими старшинами. Также и от Большой киргизской орды Елдар хан с прошением российского подданства с ним же, Тевкелевым, посланцев отправил. И тако сия первая Тевкелева комиссия паче всякого чаяния благополучно окончание возымела.

В генваре месяце 1733 г. означенный Тевкелев с ханским сыном и с киргиз-кайсацкими старшинами к немалому удивлению прибыл на Уфу благополучно, где ханский сын и помянутые старшины с приличным почтением и угощением были приняты и удовольствованы квартирою. А Тевкелев, разгласив о себе, что заболел тяжкою болезнию, ездил на почте в С.-Петербург для обстоятельного о всех своих делах государственной коллегии иностранных дел донесения, отколь он, возвратясь по данному ему указу, в том же 1733 г. с помянутым ханским сыном и с киргиз-кайсацкими старшинами, за провожанием нескольких уфимских дворян, и с бывшими с ним предупомянутыми башкирскими старшинами в С.-Петербург ко двору е. и. в. отправился.

В начале 1734 г. часторечённый Тевкелев с ханским сыном и с киргиз-кайсацкими старшинами, также и посланцами от Большой киргиз-кайсацкой орды и с прочими при нем бывшими, в С.-Петербург прибыл. И 10 февраля имел он, ханский сын, с дядею своим и старшинами у ее и. в. публичную аудиенцию...

Девятого числа того ж [июль, 1738] вышед с командою из Озерного [Татищев и его люди] продолжали путь к Оренбургу, в котором следовании явились к нему, тайному советнику, посланные в киргиз-кайсацкую орду башкирский верный старшина Таймас-тархан-Шаимов и один яицкий казак и доносили, что Абулхаир-хан и киргиз-кайсацкий де народ в немалое сомнение пришли, уведомясь, яко он, тайный советник, идет в Оренбург со многим числом войска, и аки б при нем 6000 человек одних калмык имеется, и народ де уговаривал его, хана, чтоб он в Оренбург для свидания с ним, тайным советником, не ездил, и при том спрашивали, отдастся ли им Ерали салтан, в Оренбурге содержанный. Но Таймас, будучи не глуп, против всего того умел приличным образом ответствовать, что они из того довольны оставались. Однако принужден был присягу учинить, что по приезде их к тайному советнику никакого худа им не учинится, но все ее и. в. милость получат. Но хан и старшины, еще на том совершенно не утвердясь, послали с ним, Таймасом, старшину своего Букенбая батыря, аки бы просить позволения, с каким числом старшин и когда тайный советник прикажет ему, хану, в Оренбург приезжать, а в самой вещи то думали, чтоб уведомиться о подлинных намерениях тайного советника, а особливо же, сколько с ним военных людей и подлинно ль с ним от шести до восьми тысяч волжских калмык. Ибо хотя Таймас и объявил, что калмык при нем, тайном советнике, только до двухсот человек, да и то крещенные, но сни тому весьма не верили. Тайный советник означенного старшину Букенбая, приняв ласково на пути и наградя его, отправил обратно к хану с помянутым башкирским старшиною Таймасом тарханом, а сам следовал в Оренбург, куда он 15 июля со всею своею командою имел церемониальный вход с надлежащею его чести пушечной пальбою и стал в лагерь подле Яика близ устья Ори реки...

16 и 18 трактован публично содержавшийся в Оренбурге ханский сын Ерали салтан с имевшимися при нем старшинами, и при том подарено ему от тайного советника на платье сукно кармазинное, парча золотая, сайдак, серебром оправленный, лисица черная, печать в серебре, на которой его салтанское имя вырезано, узда конская с набором серебряным. А 19 числа отправлен к хану переводчик Араслан Бахметов и частоупомянутый Таймас, которые по многим бывшим с ним, ханом, разговорам едва могли его уверить, чтоб он для свидания с тайным советником поехал. И 31 июля прибыв в близость Оренбурга лагерем остановился. А к Абулмамету и Аблаю салтанам того ж 31 числа отправлен был геодезии прапорщик Норов с подарками и звать их к такому же свиданию.

По прибытии хана в лагерь, отправлен к нему от тайного советника один поручик для поздравления с приездом, и при том на довольство старшинам некоторые съестные и питейные припасы были посланы, что все хан принял весьма благодарно. И хотя старшины его представляли ему, хану, чтоб наперед тайному советнику в его лагерь приехать с малыми людьми, но хан то не принял, а требовал, чтоб прислан был к нему полковник Тевкелев, чтоб с ним было людей не более десяти человек, почему и он, хан, на разговор с ним с толикими ж людьми выедет. И тако он, Тевкелев, и с ним пору-

чик, прапорщик, капрал и десять человек гренадеров 1 числа августа были посланы. Хан напротив того выехал с бо́льшим своим сыном Нуралием салтаном, и при них знатных старшин было 10 человек. Как съехались, то по киргиз-кайсацкому обыкновению пали все на землю, при чем хан и старшины по своему закону, подняв руки на небо, читали молитву о многолетнем ее и. в. здравии, а по прочтении молитвы хан Тевкелева короткими словами просил, зачем он к нему поиехал. Тевкелев ему объявил, что он прислан от тайного советника Татищева, который уведомился что старшины его ханские в лагерь его тайного советника ехать опасаются, боясь, будто будут удержаны, что им внушено весьма неправильно, и ехали б без всякого опасения, ибо как хан, так и все люди его почитаются за подданных ее и. в., а таким обманным образом, как мнят, не только с подданными, но и с неприятелями с стороны ее и. в-ва не поступается.

На то из знатных его ханских старшин Джанбек батырь ответствовал, что они довольно знают о безопасности и суть ее и. в-ва верные подданные, но хану де будет через то обида и пред другими владельцами стыдно, ежели наперед поедет к тайному советнику, ибо он — владельный, а тайный советник командующий, и для того тайный советник, хотя под образом какой охоты, в нескольких человеках от лагеря в степь выехал, а напротив того и хан также выедет и тако увидясь тогда или опосля в лагерь его, тайного советника, ехать. На что Тевкелев, сколько мог, изъяснял, коль неприлично то требование их, и что они не к тайному советнику, но в лагерь ее и. в-ва войск и для учинения ее и. в-ву присяги в верности ехать долженствуют, при чем никакие партикулярности обсервовать [особенные исключительные формы соблюдать] не надлежит. Однако хан на том остался, чтоб ему о сем со старшинами советовать. И по многим посылкам едва к тому приведено, что хан согласился в третьем числе августа к тайному советнику со старшинами своими приезжать и присягу в верности учинить. В которые переписки употреблявшийся переводчик Араслан, принужден был присягу учинить, что хану, старшинам его и народу никакой при том обиды и удержания не учинится.

(Рычков, Ист. Оренб., 5—8, 36—37).

СРЕДНЯЯ ОРДА

Что до Средней орды принадлежит, то она всегда особливых своих владельцев имела. В то же время, как Кириллов из Санкт-Петербурга отправляем был, находился в сей орде Шемяка-хан, чего ради с ним, Кириловым, на имя сего хана и грамота дана была особая. В сей грамоте именно назначенно, что оный Шемяка-хан в бытность переводчика Тевкелева в орде 1731 года в подданство Российское вступил, и присягу верности учинил; потому он, равномерно как и Абулхаир-хан, в оной грамоте именован подданным: но киргизцы его, преступя ту присягу, ходили на башкирцев войною, а потом и сам он, хан, собравшись с киргизцами, дважды на башкирцев ходил; будучи ж от башкирцев побеждены, в последнем приходе помирились, и он, хан, по прежнему, а старшина и войско (то есть бывшие с ним киргизцы) вновь присягали, и о принятии в

подданство с прошением нарочных своих посланцев на Уфу присылали, которые к ним и назад отпущены. Впрочем тою ж грамотою дано знать об отправлении Кирилова и Тевкелева, и что учиненная оным Шемякою-ханом по первой его присяге проступка, ежели он и киргизцы его в подданство Российское верно прийти и быть желают, из милосердия к киргиз-кайсацкому народу прощается. Что ж ему, хану, и всему войску кайсацкому Средней орды (как и Абулхаиру, так и к сему хану в тогдашних грамотах киргиз-кайсацкий народ именован был киргиз-кайсацким войском) делать, и как поступать в том сосланность на Кирилова и Тевкелева, яко указ о сем они объявят.

С Абулхаир-ханом из владельцев Средней орды не только при первом свидании, но и после, никто, никогда не приезживал, потому, что они род свой ставят гораздо выше, нежели оное поколение, от которого Абулхаир-хан призошел. Приезжал токмо с Абулхаиром один из... старшин Джанбек батырь, который почти всегда Абулхаир-хана больше, нежели Средней орды владельцев придерживался. А хотя от помянутого тайного советника, в тогдашнюю ж его Оренбурге бытность, и в Среднюю орду к знатнейшим владельцам, к Абулмамет и Аблаю султанам (ибо Шемяки-хана тогда в живых уже не было), посылан был нарочный офицер с тем, чтоб они для свидания с ним, для учинения присяги и для принятия присланной к ним грамоты, к нему приехали; но они, прислав от себя посланцев, ответствовали тогда, что в подданстве и верности пребывать все усердно желают; для учинения ж присяги будут к нему, тайному советнику, предбудущею весною. Во то ж время отговаривались дальним расстоянием, (кочевали они тогда близ Иртыша), но в самой вещи можно было усмотреть, что хотелось им одним и самим собою, а не вместе, или по примеру Абулхаир-ханову, приехать.

Между тем Абулмамет салтан по избранию тамошнего народа в 1739 году учинен был в той Средней орде ханом, а на место тайного советника Татищева, в том же году к Оренбургской комиссии главным командиром определен генерал-лейтенант князь Василий Алексеевич Урусов, который, как для усмирения продолжавшихся тогда башкирских замешаний, так и для заграничных дел, а паче для принятия помянутых Средней орды владельцев и всей оной орды в точное подданство и утверждения их в том присягою, отправился из Самары мая 13 дня. При нем было тогда регулярных и нерегулярных пять тысяч восемьсот семьдесят восемь человек; и имев он для поисков над ворами башкирцами лагерь свой несколько времени в вершинах реки Сакмары, при озере Талкасе, в Оренбург прибыл 25 числа июля.

Означенные Средней орды владельцы Абулмамет-хан и Аблай салтан (которые между собою братья, чаятельно, двоюродные) с их лучшими старшинами и со многим числом народа 24 августа туда ж прибыли. 28 числа того же месяца был им публичный прием, при чем вместо того, что Абулхаир-хан речь говорил, они оба речи свои с прошением подданства помянутому генералу лейтенанту подали на письме за своими печатьми, и как они с старшинами, как и весь их тогда бывший с ними народ, о бытии в вечном подданстве всею ордою

(Рычков, Топ. Оренб., 106—9).

Абулмамет хана Средней орды хотя вседневно ожидали, он же и к свиданию с тайным советником склонность имел и действительно было в путь отправился: но для слуха от Абулхаир-хана разсеянаго не приехал.

Абулхаир-хан во многом Абулмамету всегда завистовал, и имел внутреннее с ним несогласие, сего ради и у тайного советника разными своими представлениями старался привесть его в подозрение, но увидя, что в том не успевает, велел разгласить в орде, якобы его Абулмамета, когда в Орскую крепость приедет, помянутый тайный советник намерен и с старшинами его удержать; и тем в такое оный хан сомнение пришел, что, до Орска не доехав за день, возвратился в улусы свои, и к тайному советнику прислал письмо, в коем объявил именно, для каких причин принужден возвратиться, и свидание отложить до другого случая, а впрочем обнадежил, что он е. и. в-ву во всегдашней верности пребудет.

(Рычков, Ист. Оренб., 64—65).

БОРЬБА КАЗАКСКИХ ХАНОВ И СУЛТАНОВ МЕЖДУ СОБОЙ И РОССИЯ

Абулхаир-хан сею Абулмаметовою [см. выше] поступкою в наибольшее о себе мнение пришел, и тем наипаче тщился изъяснить, с какою отменною верностью и надеждою пребывает. Наконец, когда время к отъезду приблизилось, представил он тайному советнику, что он вместо сына своего Ходжи Ахмет салтана намерен оставить у него, тайного советника, привезенного им Чингиза и с матерью, а с его ханскою женою для которой он и в Оренбург, когда ему понадобится, будет приезжать; но понеже она была не прямая его жена, но подложница из пленниц калмыцкой природы, которую он хан нарочно с собою привозил, следовательно и помянутый Чингиз не прямой сын его был, но побочный; а указами повелено переменять его ханских детей, от настоящей его ханши рожденными, наблюдая при том, дабы они, как у него, так и у ханши его, были в равном люблении, то ему хану на сие сказано, что такой перемены без указу ее и. в. учинить невозможно, разве он хан отдаст на перемену объявленного Ходжи Ахмет салтана кого из родных его братьей, или от настоящей его ханши рожденных детей, при котором, ежели ему угодно, и оный Чингиз может быть принят.

На сей ответ Абулхаир-хан столь озлобился, что с сердца не хотел более у тайного советника сидеть, и встав со стула, не простясь пошел, выговоря при том, что он не из под сабли, но из воли своей в подданство ее и. в. вступил; и по многим затруднениям едва успокоился и остался на том, что б тайному советнику о сем его ханском требовании писать ко двору ее и. в., а ему хану на то резолюции ожидать.

... Абулхаир же хан сперва для свидания с ним тайным советником хотя и обещал немедленно приехать, но когда увидел, что по желанию его сын его Ходжа Ахмет побочно рожденным от него Чингизом переменен быть не может, но требуется на смену его из детей от настоящей его ханши рожденных, то не только от того свидания отказался, и со многими непристойностями к тайному советнику

в разсуждении той перемены писал, но и народ свой на такие противности возбудил, что сперва отгоняли лошадей, а потом и убивства и наглые злодейства чинить отважились. Наконец, и до того дошло, что они собравшись, по имевшимся тогда известиям, с тысячу с двести, а по другим объявлениям и до двух тысяч человек, под предводительством некоторого незнатного, однако у присяги бывшего, салтана Дербешалея, ханского свойственника, и разделясь на разные партии, одни из поселенных при урочище Разсыпном черкас, кои тогда при Илецком городе у жнитвы хлеба находились, мужского и женского полу и с ребятами, всего восемьдесят два человека, а с захваченными в других местах до ста человек пленили, а другие неприятельские нападения чинили на редут Честного креста, между Сорочинской и Новосергиевской крепости имеющейся, а некоторые и под оную Сорочинскую крепость ночною порою тайно подбегали, в намерении, что б содержавшегося тамо ханского сына скрасть, однако никакой удачи не получили, и от показанного редута с немалым их уроном отбиты; что все, как выше означено, от того произошло, что перемена салтанова сына по его ханскому намерению не учинена. Для сих противностей взято было из разных мест воинских людей к находящимся на линии в прибавок, по собрании коих едва оные пакости и наглости киргиз-кайсацкие удержаны; но в производимом Оренбурском строении, также и при других крепостях, в назначенных работах из того замешания не мало остановки не воспоследовало.

По таким произшедшим от киргиз-кайсак злодействам... тайный советник Неплюев принужден был, поруча Орской крепости команду бывшему при нем полковнику Пальчикову, ехать с поспешением в Оренбург, дабы о прекращении оных злодейств по совету с генералом майором фон-Штокманом основательное определение учинить, куда прибыв в первых числах августа, со всеми бывшими там штаб-офицерами имели совет, как против киргиз-кайсацких поступок оборонительно ли, или наступательно поступать. Но понеже все военные люди, как в Оренбурге имевшиеся, так и во всех крепостях расположенные, с самого начала весны упражнены были многими работами, которых покинуть было невозможно; также многие крепости, а особливо главный город Оренбург, остались бед надлежащего укрепления, и лошади как у регулярных и нерегулярных людей, за многими работами были в безсилии, того ради для сих важных вин рассуждено было поступать сперва только оборонительною рукою, а между тем бы исправляться нужнейшими строениями, а особливо укреплением города Оренбурга, и другими к дальнейшим действиям надлежащими приуготовлениями. И оные разсуждения указом е. и. в. из правительствующего сената присланным апробованы [одобрены]. Затем приложено старание, дабы произшедшее тогда от башкирцев многое воровство отгонами от киргиз-кайсаков лошадей добрыми средствами прекратить, что по многим и затруднительным перепискам едва успокоено. Между тем Абулхаир-хан, который при всех вышеписанных замешаниях покрывал себя видом верности, и извинял себя, что киргиз-кайсаки в противность его воле то чинят, и якобы он их удержать от того не может, видя, что те его замыслы ко освобождению помянутого сына его ничего не предуспели, хотя и начал стараться, чтоб

от таких наглостей киргиз-кайсаков удерживать; но понеже они первыми и нечаянными набегами несколько ободрились, то вдруг оные пакости прекратить и самому ему уже было не легко. И тако оные набеги хотя и малыми их партиями до самой почти осени продолжались, и унялись более уже тем, что увидели подвигнутые на них поибавочные войска. Тогда ж и помянутый хан из захваченных при Илеке людей из воровских рук двадцать семь человек в сентябре месяце выслал, а достальные предбудущею весною, собрав таким же образом, высвободить обещал...

Абулхаир-хановы наглые поступки за неперемену сына его причинили еще многие затруднения; ибо он за то не только на тайного советника злобу свою продолжал, но в улусах киргиз-кайсацких разглашал, якобы идет на них российское войско, советуя киргизцам, чтоб они все вдаль откочевывали. Но старшины его, ведая по каким причинам он так поступает и разглашает, ничего по воле его не делали, и насмехаясь ему в глаза говорили, чтоб он сам хан, куда хочет, бежал, а им бежать не от кого и не куда. Он же от тайного советника сего лета неоднократно требовал и сего, чтоб по письмам его из приезжающих в Оренбург и из присылаемых от него киргизцев удерживать. Но понеже примечено было, что он сего требовал в том виде, дабы ему такими удержаниями киргизцов над некоторыми родами усилится, а других тем самым возбудить на противности, истолковав, что с ними в Оренбурге как со злодеями поступается и прочая. Того ради в том от тайного советника всегда ему хану отговорки чинены, с изъяснением, для каких резонов по здешнему рассуждению такие задержки чинить несходственно; но он, не уважая всех тех резонов, с великою неумеренностью оного удержания, а по их именованию баранты, требовал, нарекая тайного советника, что он по представлениям его ничего не делает, и ко двору е. и. в. о просьбах его не доносит, а между тем народ к противностям, как выше означено, возбуждал.

(Рычков, Ист. Оренб., 65, 73—74; 82—83).

ОБМЕН АМАНАТОВ. СМЕРТЬ АБУЛХАИР-ХАНА

В половине мая месяца [1748] бригадир Тевкелев отправился из Оренбурга в Орскую крепость, взяв с собою привезенного из Казани ханского сына Ходжу Ахмет салтана с тем, чтоб тамо, увидевшись с ханом, оного салтана другим сменить, и в прочем по данной ему инструкции исполнение учинить.

Хан прибыл туда 27 июня с двумя своими сыновьями Нуралием и Айчуваком, из которых Нурали между всеми его детьми старший. По условию с ним, бригадиром, на смену Ходже Ахмет салтану оставил он Айчувак салтана аманатом, который между рожденными от настоящей его жены Пупай-ханши, по старшинству из живых тогда детей был четвертый. За тою сменою оным бригадиром постановлено было с ним, ханом, следующее: 1) чтоб русских пленников, скот и пожитки забрав — привести в Оренбург немедленно, 2) хан дал письменное обязательство, чтоб впредь киргизцам никаких продерзостей не чинить, 3) знатным старшинам с Айчувак салтаном

в аманаты дать детей своих, которых он бригадир тогдаж по сведению своему и принял, 4) что до отдачи пленных калмык принадлежит, то он, бригадир, смотря на его ханское и народное состояние, склонился принять от него, хана, на имя, е. и. в. челобитную, в которой он на тех калмык принес великие жалобы за причиненные от них киргиз-кайсакам многие грабительства и раззорения и просил разсмотрения; а бригадиру Тевкелеву обещал, ежели за тем его челобитием об отдаче их последует высочайшее повеление, то он и народ по тому исполнять должны, и тех пленников отдадут безпрекословно; почему он, бригадир, в той отдаче калмыцких пленников до воспоследования указу и отсрочил. Однакож, донеся о том в Государственную коллегию иностранных дел, представил свое мнение, чтоб об оной отдаче ему хану и всему киргиз-кайсацкому народу наикрепчайшим образом подтвердить особою грамотою. А бежавших кундровских татар, о коих в прошлом 1747 году упомянуто собрать и возвратить обязался Нурали салтан, старший его сын. Но вместо того, чтоб ему, хану, по оным обещаниям действительно исполнить, как скоро он возвратился из Орской крепости в улусы свои, то поехал паки для грабежа в каракалпаки, где уже и смеотъ ему случилась. Ибо в том пути съехался он с Барак салтаном Средней орды, с которым у него прежде ссора была и тут особый произошел спор о пришедших в киргиз-кайсацкие улусы на житье каракалпаках, коих он, хан, желал себе присвоить, а Барак салтан не хотел их от себя отпускать, и так наконец у обоих дошло до драки. Но понеже Барак салтан был гораздо люднее нежели он, хан, то при том случае один киргизец из Барак-салтановых людей копьем до смерти его, хана, заколол; и так все его ханские хитрости и наглости кончились.

По получении ведомости о убивстве хановом принято в разсуждение, дабы возстановить на место его нового хана, хотя б и по выбору киргиз-кайсацкого народа, но чтоб они, яко подданный наоод на тот свой выбор просили от е. и. в. высочайшей апробации. Сего ради от тайного советника по согласию с бригадиром Тевкелевым отправлен был в орду нарочно переводчик Гуляев, которому велено, будучи тамо, стараться, дабы оный выбор учинен был от народа по порядку старшинства на большего его ханского сына, и чтоб с тем выбором и с прошением о возведении его на ханство от всех старшин и народа отправлены были ко двору е. и. в-ва нарочные, что без всякого затруднения учинено. И прислали они ханского зятя Джанбек салтана с несколькими людьми, желая, дабы он для испрошения на тот их выбор высочайшей апробации [одобрения] ко двору е. и. в. отпущен был, почему он Джанибек салтан 23 числа октября за провожанием одного офицера и отправлен; токмо по объявлению переводчика из старшин Средней орды, кроме одного Джанибек тархана. при том выборе никого не было...

Вышеупомянутый Барак салтан по убийстве Абулхаир-хановом боясь отмщения, из Средней орды откочевал к Туркестану и к Ташкенту, однако и оттуда прислал он к тайному советнику [Неплюеву] письмо, в котором уверял в своей непременной верности; и присланный от него Барака на словах доносил, яко ссора у них с Абулхаир-ханом за то была, что хан пришедших с ним в Среднюю орду ка-

ракалпак грабил, но при убивство Абулхаир-хановом сам он, Барак, будто б не был, и яко бы об оном сожалеет и обещал весною приехав в орду, ханским детям оное убивство заплатить по их обыкновению.

...На место ж его, Абулхаирово, по прошению Меньшей орды киргизцев и по представлению из Оренбурга от действительного тайного советника и кавалера Ивана Ивановича Неплюева, определен в 1749 году в ханы большой его, Абулхаиров, сын — Нурали, и в том достоинстве, того ж 1749 года, чрез помянутого тайного советника в Оренбурге пред народом публично объявлен, и на то ханство особливая грамота ему пожалована, который и поныне в сей Меньшей орде ханом находится. Братья же его родные, Ерали и Айчувак салтаны, в той же орде некоторыми улусами управляют. Но и кроме их, еще другие салтаны тут есть, а особливо знатен между ними Батыр салтан, у коего сын, именем Каип, как выше означено, в Хиве уже несколько лет ханствует, и обогащая отца своего разными из Хивы присылками, в киргиз-кайсацком народе его подкрепляет, и так уже усилил, что он и народ, придержащийся его, Батыр салтана, Нурали-хана весьма мало уважают, и от него ни чем не зависят.

...При начале сего года [1750] от посланного к Нурали хану переводчика Гуляева прислан был отправленной с ним кондуктор, который будучи тамо по желанию ханскому начертил и привез с собою рисунок, каким манером над могилою отца его строению быть. А понеже по тогдашним обстоятельствам потребно было его, хана, уласкивать, того ради, подавая ему надежду в том строении, писано было к нему, хану, что будущею весною отправится к нему, хану, тот же кондуктор, дабы осмотреть на том месте, где строению быть, есть ли глина, известь, вода и лес и прочие принадлежности. Между тем помянутому переводчику велено было склонять его, хана, к тому, чтоб он тело отца своего вырыв, велел перевести на Эмбу реку, впадающую в Каспийское море, в таком разсуждении, дабы на оной реке близ устья под видом гробницы и для зимования пристанище ему построить, и в потребных случаях его, хана, снабдевать, и всегда свободную коммуникацию из Гурьева городка иметь туда будет возможно.

(Рычков, Ист. Оренб., 87; 90—91; Топ. Оренб., 110—111).

КАЗАКСКИЕ ОРДЫ И РОССИЯ

Когда хан и вельможи присягают и вступают в переговоры, то орды подвергаются через то покровительству и зависимости, но не государственным законам России, и не платят на ряду с прямыми подданными податей. Орды сии так, как некоторые кавказские, обязаны быть приятелями — приятелям, а врагами — врагам Российской державы, подданным Российским, в торгах и в обхождении не только изъявлять всякое благоприятство, но так же их защищать, подавать помощь, оказывать всякую справедливость и удовлетворение и вообще поступать с ними, как со подданными одного и того же правления. Напротив того, орды получают защиту противу своих угнетателей, в торгах и обхождении те же выгоды, владеют спокойно своими землями и остаются при всех своих устроениях, законах, вере, обращении со своими соседями, не платят никакого подушного ок-

ладу, не получают никаких до устроения их касающихся повелений и вообще ни в чем не ограничиваются. В залог исполнения своих обязательств дают они по нескольку из своих князьков или знатных людей аманатов, которые в Оренбурге получают с российской стороны соответствующее условию жалованье. В условии сем выговорили они каждому аманату в день только по 15, а каждому их прислужнику по 5 копеек; чем и содержат они себя изрядно, потому что едят почти одну только баранину, которая присылается им из орды. Когда хан приезжает в Оренбург (чего однакож он без дозволения губернаторского делать не должен), то ему, как правительственному лицу, оказывается честь пушечною пальбою, преклонением знамен, музыкою, почетною стражею и пр. Большая половина их вельмож получает от правительства ежегодно подарки, которые нарочито походят на жалованье, и состоят в деньгах, материях, муке, крупе и прочем. Хан сам получает ежегодно по 600 рублей наличными деньгами, и до 20 верблюжьих вьюков со съестными припасами, некоторые вельможи — до 300 руб. а самые простые старшины — по 20 рублей. Ежели хану надобно о каком ни есть деле снестись с губернатором, то посылает одного или несколько старшин с полномочием, которые обо всем доносят словесно. Всяк из таковых посланников получает, какое бы впрочем дело ни было, алое платье в подарок. Губернатор посылает к хану по делам же приказных служителей, которые так же получают иногда дары, состоящие всегда в лошадях, но несравненно ценою низшие. Обе орды для поощрения к торговле уволены от платежа пошлин, и при том больные их, буде пожелают, снабдеваются даром от Оренбургских врачей лекарствами; но они весьма редко пользуются сим, на человеколюбии основанным, учреждением. Не взирая на все договоры, клятвы, заложников и оказываемые изобильно милости, следует сей суровой и необузданный народ при всяком случае склонности своей к хищению, коей может только полагать некоторые пределы противупоставляемая сила, а в некоторых случаях так же внушения и соучаствования их больше доброжелательных вельмож и торговые выгоды, к собственной их прибыли клонящиеся. Граница, которою служит отчасти знатная река Урал, повсюду ограждена рядом или линиею крепостей и окопов. За великие нарушения договоров орды наказываются; но они при всем том похищают иногда из российского владения людей и скот и разграбляют часто в степях своих идущие в Россию бухарские или иные какие караваны. Все, что впредь сказано будет мною о киргизцах, относится, поелику Россия не имеет с Большою ордою ни союза, ни торгового обращения, наипаче к Средней и Малой орде.

(Георги, 122—123).

1739, 20 октября.

Киргизской орды Джаныбек батырь с 2 700 человек напал на калмыков, а затем и на яицких казаков, бывших на сенокосе, причем взял в плен несколько человек. Поэтому предписано иметь крепкую предосторожность против повторения набегов.

(К. 8).

1747, 21 июля.

Секретный указ Правительствующего сената, за № 164, о непродаже киргизам огнестрельного оружия.

Постановлено: объявить секретно под жестоким штрафом всем торговцам, чтобы они отнюдь не продавали киргизам всякого оружия, пороху, кремней и свинцу даже в поделках.

Потребовано заключение Неплюева о том, не следует ли запретить продавать киргизам медь и железо.

(К. 20).

1747, 31 декабря.

Оренбургский губернатор, выведенный из терпения постоянными набегами киргизов, представлял о необходимости, в случае новых поползновений, вырубить яицкими казаками один или два киргизских улуса «до самого младенца» и тем их в страх привести, и хотя в таком случае правого с виноватым разобрать невозможно, но иных средств освободиться от их «беспокойств» — нет.

Представление это хотя и принято Коллегиею «в рассуждение», но за посылкою к киргизам бригадира Тевкелева, поручено Неплюеву иметь с ним и с яицким войсковым атаманом совет и постановить, чтобы в случае какой явной «продерзости» киргизов, не «мешать» всех их, а только некоторых на страх другим, калмыками или башкирцами смирить, а хану и старшинам объявить, что это сделано без ведома русской власти в отмщение за набеги, делаемые киргизами на калмыков и башкирцев, которые в свою защиту имеют «натуральное» право отомстить.

(К. 21).

1749, 2 ноября.

По просьбе Нурали-хана определен к нему для письменных дел бывший при отце его хане Абулхаире из ясачных татар Алмухамет Нурмухаметов, который вскоре же выдал Оренбургскому губернатору Неплюеву копию с переписки хана Нурали с зюнгорским владельцем. За эту услугу, признанную Коллегиею немаловажною, выдано Нурмухаметову в награду сукно и 15 руб. и велено ежегодно выдавать секретно от других по 15 руб.

(К. 28).

1764, 9 февраля.

Указ Коллегии иностранных дел за № 130.

Султан Средней орды Аблай ходатайствовал о дозволении ему с подведомственными киргизами и скотом перейти на внутреннюю сторону линии, ввиду того, что в степи травы выгорели, о присылке ему 10 человек хлебопашцев русских для показания и обучения киргиз земледелию и рыбной ловле и о постройке для Аблая и старшины Кулсары батыря «хором» при р. Колчанбае.

Коллегия предписала объявить киргизам, чтобы они на перепущение за линию не надеялись, потому что внутри российских границ кочевья быть не может и что если они когда впредь к переходу за линию усиливаться станут, то придется употреблять против них силу.

Десять человек русских с земледельческими орудиями и с сетями для рыбной ловли разрешено послать к султану Аблаю со взятием с него в аманаты 10 киргизов и с объявлением, что и эти киргизы будут обучены хлебопашеству и отпущены с выданными из казны инструментами.

Постройка «хором», к чему еще в 1761 г. старался склонить киргизов генерал Вейсмарн, разрешена и велено склонить к тому же доброжелательного к России Солтанамет султана.

(К. 103).

1768, 17 января.

Высочайший указ за № 80.

Хотя и желательно, чтобы назначение ханов производилось без выборов, по высочайшему соизволению, во избежание того, чтобы не усилить и не привести к большему своевольству легкомысленный и многолюдный киргизский народ и чтобы не поставить ханов в зависимость от народа, но правительство не могло знать, кто именно из султанов наиболее соответствовал ханскому званию. Было известно только, что все они вообще высокомерны, корыстолюбивы и постольку в народе сильны, поскольку с прочими злодействовать соглашаются.

Из уважения к отцу хана Нурали, хану Абулхаиру, как инициатору принятия киргизами русского подданства, народ предоставил ханское достоинство в Меньшей орде потомкам Абулхаира, но не старшему в роде, а достойнейшему, почему ханское звание должно принадлежать не только сыновьям Нурали хана, но и другим из рода Абулхаира, кто окажется достойным. В виду сего поручено послать в орду нарочного способного человека для разведывания о том, кто из султанов самый достойный для утверждения, когда понадобится, в ханском звании.

(К. 114).

1771, 17 июня.

Указ коллегии иностранных дел за № 90.

Во избежание обид и грабежей со стороны киргизов, пограничным жителям оставлено в силе прежнее распоряжение о запрещении киргизам переходить на внутреннюю сторону линий и предоставлено делать исключение только в крайних случаях таким, которые сохраняют доброжелательство к России и которых, следовательно, окажется немного.

(К. 119).

1776, 4 августа.

Указ Коллегии иностранных дел.

Пребывавший в Петербурге Римско-императорский полномочный министр князь Лобковиц заявлял, что францисканского ордена патер Иоган Дедукл Чисек, родом из Вольтау в Богемии, находившийся для духовных треб в католических колониях при Саратове, был захвачен киргизами, года два тому назад, вместе с другими колонистами, в Тонкотировской колонии и ныне находится в плену у киргизов, о чем показывали видевшие патера, освободившиеся из плена колонисты.

Коллегия предписала разведать о местонахождении патера и при-

(К. 124—5).

1779, 4 октября.

Высочайший указ Оренбургскому губернатору.

Все старания призвать хана Аблая в Петропавловскую крепость для принятия присяги на верность службы и для вручения ему высочайшей грамоты и других знаков ханского звания оказались тщетными: он уклонился от поездки под разными пустыми предлогами, а с посланными к нему офицером и переводчиком обходился очень грубо и допустил их к себе только один раз.

По разведкам оказалось, что Аблай оставался приверженным Китаю, имел в орде и лично у себя в плену много русских людей, которых по требованиям не выдавал и дозволял грабить русских и азиатских купцов. Уклонившись от принятия присяги, Аблай пожелал сохранить за собою свободу действий, чтобы делать русским всякие «пакости».

Вследствие этого предписано не выдавать Аблаю грамоту и другие знаки на ханское достоинство, а чтобы этот «варвар» сильнее почувствовал негодование, вызванное его поступками, велено прекратить выдачу ему жалованья, которое он до сих пор получал по 300 р. в год. Кроме того, чтобы умалить значение Аблая в орде, предложено постараться поставить ему «соперника», поддерживаемого со стороны правительства удобными по состоянию киргиз пособиями.

До тех пор, пока дела в Средней орде будут находиться в таком положении, рекомендовано запретить русским ездить в орду во избежание опасности от сей «дичи», а по границам везде иметь крепкую предосторожность от воровских покушений киргиз, с которыми в таких случаях управляться достаточным отпором, погонею и барантою.

(К. 129—30).

1747, 10 апреля.

Секретный указ Коллегии иностранных дел за № 220 по поводу киргизских набегов и грабежей.

...Но никакой пользы интересам государства от киргиз-кайсацкого подданства не было и неизвестно, есть ли польза от торговли с ними русскому купечеству. Ввиду сего затребовано мнение — не полезнее ли будет для наших интересов предоставить на волю калмыкам, яицким казакам, башкирам, мещерякам и другим в стороне Сибирской губернии иноверцам и русским, расправляться самим с киргизами, чтобы таким образом отогнать их от российских границ вдаль без употребления регулярных войск.

(К. 20).

1755, 25 августа.

Именной высочайший указ, о назначении хану Нурали жалованья от казны.

Согласно всеподданнейшего прошения киргиз-кайсацкого хана Нурали и по представлению Оренбургского губернатора Неплюева назначено этому хану, начиная с 1755 г., жалованье по 600 руб. в год, из них 400 руб. решено выдавать явно, а 200 руб. тайно от других, ввиду того, что хан, по обычаю, должен делиться жалованьем со старшинами и потому если бы все знали, что выдается 600 руб., то ему пришлось бы разделить всю эту сумму и себе ничего не оставалось бы. О назначении жалованья в сумме 400 руб. послана грамота

к Нурали, а о прибавке 200 руб. — письмо от канцлера, врученное хану секретно.

В указе заключаются соображения о том, что хотя с киргизов податей и не взимается, но от учрежденного с ними торга такая получается в казну прибыль, что не только весь штат управления и все тамошнее (Оренбургское) строение городское, каменное и прочее, получившее «великую славу» во всей Азии, содержится, но и на другие расходы остаются и употребляются суммы из тех доходов.

(К. 44).

...В рассуждении киргиз-кайсаков надлежит знать и сие, что они не только никаких податей в казну не платят, но и пошлин с торгу их в Оренбурге и в Троицкой крепости, где чрез все лето бывает такая ж ярмарка, как и в Оренбурге, ничего от них не берется; а берется оная пошлина за них с русских купцов, которые товары из их рук покупают, да и ханы их с народа никогда ничего себе требовать не могут; но еще сами лучших из них людей ласкают и дарят, чтобы они и народ почитали их и слушали...

В заключение сего пункта не за излишнее признается и сие сообщить, ежели б кто спросил: какая от подданства сего народа Российской империи польза есть? Ибо они, как выше означено, ясаку и никаких податей не платят, да и служеб не служат. Тому можно припомнить, какие великие вредности бывали от сего народа до вступления оного в подданство, а именно: каждый почти год набегая, они многочисленно, не только в Башкирии, но и в русских жительствах Казанской и Сибирской губерний, причиняли великие разорения, и многое число людей в плен уваживали, а особливо в стороне Сибирской губернии крайние к ним жительства такими своими нападениями от времени до времени на несколько сот верст опустошили, как то по делам в обоих оных, да и в Оренбургской губернии, значится. Сие же со вступления их в подданство не только пресеклось, но и бывших у них в плену российских подданных, как то: русских, калмык, башкирцев и других, разными образами, с 1742 года по 3 число июля 1754, высвобождено тысяча сто восемьдесять два человека. Да разных наций у сих же бывших в плену вышло двести двенадцать, из которых шестьдесят восемь человек восприяли святое крещение, да и всегда оные выходят, и киргизцы, по учиненному о том с ними условию, никакой претензии об них уже не чинят, а требуют тех токмо, кто из неподданных народов выбежав, святого крещения восприять не желают, которые им по силе указа из Государственной коллегии иностранных дел, от 16 марта 1752 года, и отдаются обратно, со всем тем, что при них ни сыщется, не упоминая той еще пользы, которая чрез них же от азиатской коммерции происходит и впредь со умножением может происходить, ежели поступки командиров к благосостоянию и к дальнейшему распространению оного надлежащими учреждениями и распорядками всегда и предусмотрительно будут споспешествовать.

(Рычков, Оренб. Топогр., 111—113).

БОРЬБА КАЗАКОВ С ДЖУНГАРАМИ И КАЛМЫКАМИ

...Между тем по той причине, что шах персидский [Надир — 1736—1747] в провинциях великой Татарии, яко то в Бухаре, в Хиве и в других тамошних местах немалые завоевания учинил, со стороны оренбургской комиссии всякие осторожности были учреждены дабы от персиян какого не было наглого и нечаянного нападения, ибо Хива, где сам помянутый шах с войском своим действительно был, не весьма в дальнем расстоянии. И по присланному тогда из бывшего кабинета указу ко упреждению его шаховых намерений всякую осторожность иметь и город Оренбург в совершенное оборонительне состояние привести было велено. Тогда ж и киргиз-кайсацкие орды немалое затруднение причинили, ибо... бывший в Башкирии возмутитель Карасакал, ушед в киргиз-кайсаки, назвался что он бывшего зюнгорского владельца Кенташи — сын, а нынешнего Галдан-Чирина брат, и ходил с некоторыми своими единомышленниками под зюнгорское владение. И причиня им некоторые пакости, оных калмык так раззорил, что помянутый им владелец Галдан-Чирин отправил на них войска своего 20 тысяч и при них несколько пушек. Которые до Яика реки гнали их, киргиз-кайсак, раззоряя так, что принуждены были разоряться от них до самого Оренбурга [Орска], который оное калмыцкое войско усмотря и по высылке уже из крепости от коменданта нарочных людей со объявлением что они, калмыки, соседственной дружбе противно чинят, нападая на подданных российских киргиз-кайсак, возвратились, но уже многое раззорение причинив, а особливо улусы Абулмамета и Аблая салтанов вконец раззорили и бесчисленное множество скота побрали, также и людей побили не мало [1741]. По которому их отступлению, командующий тем калмыцким войском владелец прислал в Оренбург знатных зайсангов объявить, какие их причины к нападению на киргиз-кайсак подвинули, а именно, что во время бывшей у них с китайцами войны киргиз-кайсаки воровством и нападениями своими покою им не давали, да и ныне тож чинить отважились. А что они российские подданные, того их владелец не ведал. Против чего объявлено было, каким образом киргиз-кайсацкие орды в подданство российское пришли, с представлением, чтоб зюнгорский владелец впредь о их противностях в оренбургскую комиссию писал, почему всякая справедливость может быть чинена; а сам бы он с ними не управлялся, и через то б соседственной дружбы не нарушал.

(Рычков, Ист. Оренб., 56—57).

1740, 25 января.

Вследствие нападения зюнгаров в числе 15 000 человек на киргиз Средней орды, владения Увак-Гирея, Абулмамета и Барака султанов кочевавших по Иртышу и Ишиму рекам, означенные киргизы откочевали к Яику [р. Урал] побросав свой скот и «тягости» и зимою намерены итти на калмыков и башкир. Предписано не допускать ни до малейшего раззорения киргизами верноподданных ее величества.

(К. 8).

Августа 24 числа [1742] хан с детьми и при них Джанбек батырь и зюнгорские посланцы приезжали к тайному советнику [Не-

плюеву] для конференции. По входе всех их в ставку, тайный советник, имев с ними несколько партикулярных разговоров, зюнгорских посланцев оставил в той ставке со штаб-офицерами, а хана, Ерали салтана и Джанбек батыря вызвал в заднюю свою ставку, и с ними начал разговор о приезде помянутых к нему посланцев, и о их комиссии, как она с честью его хана и с благополучием всего киргиз-кайсацкого народа не сходна. Хан тайного советника весьма за сие благодарил, объявляя, что их нарочно для того и привез, чтоб при свидании с ним, тайным советником, оные дела окончить. Против того тайный советник хана обнадежил, что он к пресечению всех зюнгорского владельца производимых к ним затейных претензий всякое старание приложить не оставит; и ежели нужда востребует, то может он и к зюнгорскому владельцу с приличным ответом от себя нарочного отправить, и чтоб оный владелец киргиз-кайсацкий народ ничем не утеснял, наисильнейшим способом представлять. На сие хан доносил, что у него и у всего его народа на единого бога и на е. и. в. высокосклонные милости надежда, и притом уверил о всегдашней своей верности, которую он завсегда с детьми и с народом продолжать не оставит. После того хану, салтану и Джанбек батырю учинены были обыкновенные подарки, кои они с великим благодарением приняли, и высочайшую е. и. в. милость прославляли. Потом тайный советник, оставя с ними штаб-офицеров сам вышел для разговору с зюнгорскими посланцами, и как спрашиваны они, для чего и с какою комиссиею отправлены они от владетеля своего Галдан-Чирина, то первый посланец Кашка ответствовал, что когда у них происходила долговременная и немалая с китайцами война, тогда киргиз-кайсаки, вбегая в их зюнгорские границы, причинили многие раззорения; по замирению же их с китайцами помянутый их владелец, получа случай, отправил войска своего для отмщения тем кайсакам в трех партиях по десяти, итого тридцать тысяч, из которых де войска одна партия зашед от Ташкента гналась за киргиз-кайсаками до самой реки Ори, и по таковом де войске аки бы киргиз-кайсаки к их зюнгорскому владельцу приказывали от себя такие слова: «У пребывающих в войне всегда кости обнажаются, а у живущих в миру и покое седые волосы вырастают», и просили, чтоб с ними помириться, и взять бы от них аманатов подобно тому, как зюнгорский владелец и от Большой киргиз-кайсацкой орды аманатов содержит, которая де орда в подданстве у них состоит, и за сим де они от владетеля своего присланы.

На те посланцовы слова тайный советник отвечал, что Абулхаир-хан со всею Меньшею киргиз-кайсацкою ордою обретается в подданстве у е. и. в., и тому уже двенадцать лет, как в том присягою утвердился, и ныне при их посланцах е. и. в. с народом своим присягал же; равномерно и Абулмамет Средней орды хан со всеми своими старшинами и народом в подданстве у е. и. в-ва находится, и тако сами они совсем не в состоянии, чтоб без воли е. и. в. с зюнгорским владельцем в какие либо договоры вступить, а еще менее аманатов дать. Что же касается до прекращения происходивших между зюнгорцами и киргиз-кайсаками ссор, то о добром примирении их почтится он, тайный советник, свое старание приложить, и в том киргиз-кайсацкий народ утверждать будет, дабы они в зюнгорское вла-

дение никаких впадений не чинили, о чем он и зюнгорскому владельцу через нарочно посланного от себя письменно представит.

На то зюнгорский посланец сказал, что они посредством его, господина тайного советника, весьма довольны; токмо киргиз-кайсацкий народ непостоянный, и на обнадеживаниях их утвердиться весьма невозможно; они де подобны шелудивому волку, который бегая по степи ищет таких мест, где огни раскладываны, чтоб шелуди свои очесать; тако де и те киргизцы на обе стороны, то есть: России и зюнгорскому владельцу льстят, а в самом деле ничего от них кроме воровства ожидать не должно. А хотя оные посланцы многие отговорки приносили, что им со ответом от него тайного советника возвратиться нужды нет, ибо от владельца своего не к нему, тайному советнику, отправлены, но к Абулхаир хану; однако наконец чиненными им в наисильнейших терминах представлениями, причем и хан с его старшинами был, к тому были приведены, что склонились, дабы ехать им возвратно в отечество свое со ответом ко владельцу их от помянутого тайного советника, и в ту посылку командирован был майор Миллер, яко в киргизских ордах бывалой...

Сего ж лета [1745 г.] в сентябре месяце партия волжских калмыков, переплывши реку Яик, воровски угнали от киргиз-кайсаков с тысячу лошадей, на которых воров командированная за ними яицких казаков партия, напав, имела с ними сражение, при котором из тех воров побито десять человек, да два человека пойманы, а из угнанных лошадей отбили девятьсот одиннадцать (в том числе яицких казачьих сто семьдесят лошадей), из коих угнанные от киргизцев все отданы были киргизцам обратно. А понеже от имевшихся у киргизских и у калмыцких владельцев чрез своих людей взаимных пересылок и переписок разные вредности чинились, того ради по сношению с астраханским губернатором определено, отныне такую между ими бесполезную, но еще и вредную коммуникацию вовсе пресечь, что и самым делом наблюдать начато...

Сегож лета [1749 г.] от зюнгорцев к Нурали-хану присланы были посланцы, коими тамошний владелец требовал от хана сестру его, дочь Абулхаир-ханову, в жену, кою еще Абулхаир-хан отдать ему обещал, и чтоб вместо зюнгорцев, которые находились в полону у киргизцев, отдавали ему киргизцы торгаутских, то есть волжских калмык. И хотя сие хан скрывал, но при отпуске его и с султаном в орду посланный с ним капитан Андрей Яковлев оттуда рапортовал, что хан прибыв в орду, делал по отце своем по их обыкновению поминки, при чем у него было немалое собрание народа, и с бывшими тут старшинами усоветовали они: 1) чтоб в безопасности быть от зюнгорского владельца, для того б сестру его ханскую, дочь Абулхаир-ханову, рожденную от калмычки, отдать оному владельцу в жены; 2) собравшись бы им иттить к Туркестану для отмщения Барак салтану за убийство Абулхаир-хана; 3) собрание российских пленных на том совете отложили они до тех пор, пока из походу возвратятся; 4) хан в том собрании пожалованный ему на ханство патент всему народу объявил и читал. К тайному же советнику [Неплюеву] писал он, хан, якобы зюнгорские посланцы с тем токмо присланы к нему чтоб обоим народам, то есть зюнгорцам и киргизцам, иметь между

собою дружелюбие и мир, в разсуждении ж обещанного отцом его и им собрания и отдачи пленных, напоминал он о баранте, объявляя, якоб без того он киргизцев к отдаче их принудить не может; но в самом деле видимо было, что он баранты наипаче для того требовал, дабы над народом усиливаться, а особливо старался он с братьями своими, чтоб Средней орды владельцев всех из той орды выгнать, а вместо их по улусам распределить бы своих братьев.

(Рычков, Ист. Оренб., 63—64, 81, 90).

Хан этой [Средней] орды Аблай воспользовался некогда мятежом Дауаджи и совершил несколько раз опустошительные набеги в Джунгарию. Подавив упомянутый мятеж, император Тянь-Лун во втором месяце двадцатого года своего царствования [март 1754 г.] отправил посольство к Аблаю, чтобы передать последнему свои повеления.

Шун-То-На и Танг-Ионг-А, офицеры императорской гвардии, отправленные в качестве послов, получили от Аблая следующий ответ:

«Узнав в свое время о короновании китайского императора, я не мог тогда же послать дань повелителю Китая по той причине, что я находился в местах, отдаленных от его столицы многочисленными горными хребтами и реками. В данное время силами могущественного повелителя, распространяющего свою власть до отдаленнейших пределов, Или очищено от мятежников... отныне, таким образом, все могут жить в добром согласии с джунгарами. Достигнуто поистине беспредельное благоденствие. Я искренне подчиняюсь всем приказаниям императора».

Шун-То-На и его товарищ возвратились в Или, сопровождаемые Борбубаем, послом Аблая. В это время Амурсана поднял знамя восстания в Или, но, потерпев поражение, вынужден был искать в следующем году убежища у казаков. Аблай принял его к себе. Тогда император приказал маршалам Тартанга и Катака пройти со своими войсками на территорию Аблая: первому по дороге с запада, а второму — с севера. В то время, как Амурсана направлялся к казакам, один найман-оток [глава поколения найман] по имени Налабат, хотел было помешать мятежнику проехать и захватить последнего, но это ему не удалось; но все же Налабат расположил свое войско таким образом, что Амурсана мог бежать в сопровождении только трех всадников. Итак мятежник укрылся у Аблая. Военачальники последнего выражали желание, чтобы Амурсана был схвачен и выдан китайскому правительству; однако Аблай не только этому воспротивился, но даже послал Кодзи Боркена с войсками сопровождать Амурсану, направившегося к Нуле; сам же во главе тысячи всадников выступил на запад и соединился со своим помощником у подножия Каоказалакских гор, где и расположился, поджидая нашу [китайскую] армию.

В седьмом месяце [в августе] войска маршала Тартанга подошли к Ярле, где они встретились с передовым отрядом Кодзи Боркена, силою примерно в две тысячи человек. Казаки устроили засаду за одним холмом и симулировали бегство, рассчитывая заманить китайские войска, которые начнут преследовать бегущих; но наши воины

взобрались на холм и засада была открыта. Потом они сомкнули ряды и приготовились стрелять залпами; затем, окопавшись, они устроили укрепленный лагерь, к которому неприятели не осмеливались приблизиться. По прошествии ночи Уртенг был выслан вперед с легкой кавалерией, чтобы воодушевить войска; Алихун, Оше, Канинго и Минг-Жуй командовали фланговыми войсками; маршал Тартанга и вице-маршал Чалафсунга, державший знамя главнокомандующего, находились в центре. Вся армия разом пришла в движение. Жинухун, Мачанг, Тотонго, Ортенга, каждый во главе своего племени, следовали за ней. Враги не устояли при первом же столкновении и бросились бежать по всем направлениям в полнейшем беспорядке; изрублено их было до пятисот семидесяти человек; остальные еле смогли спастись бегством. Наши войска воспользовались победой для занятия Нулы, где они взяли в плен Чулука.

Кодзи Боркен и Амурсана направились к западу с войском, состоявшим из двух тысяч всадников. Преследуемые по пятам нашими войсками они не могли уклониться от сражения, которое было длительно и кровопролитно; наши враги потеряли в битве знамя, пушки и триста сорок человек убитыми. Амурсана спасся только благодаря переодеванию. Шун-То-На по возвращении своем из посольства к Аблаю, представляя императору отчет об исполнении возложенного на него поручения, одновременно сообщил и о последних событиях. Император повелел тогда своему послу снова отправиться к Аблаю для передачи последнему высочайших приказаний.

В седьмом месяце [в августе] Шун-То-На прибыл в Боркарджун, но остановленный по дороге казаками, не смог дальше проехать; тогда он направился в лагерь маршала Катака. Последний отправил джанака [начальника] Сондубу с войсками против казакских отрядов. Сондубу разбил войска Аблая у подножия Каоказалакских гор, где расположились казаки, и отрубил головы у сотни врагов.

В руки Сондубу попало много лошадей и большое количество припасов. Аблай бежал, преследуемый по пятам нашими войсками, которые умертвили еще сотню неприятелей, захватили двести лошадей, сто ружей и взяли в плен Джаохаша. Итак, в трех сражениях мы трижды оказались победителями.

Войска прибыли затем в Ишиль и, таким образом, армии Тартанга и Катака соединились. Два казака, Лучук и Джаохаш, захваченные в плен, имели встречу с маршалами и вручили им письмо Аблая, в котором тот изъявлял желание покориться. Маршалы приказали освободить пленников и поручили им доставить Аблаю письмо следующего содержания: «император повелел нам уничтожить мятежников, а так как вы поддерживали их, то следовательно, и вас надо было бы умертвить; однако же, если вам удастся захватить Амурсану и выдать его нам, вы можете рассчитывать стать подданным нашего повелителя».

Аблай, зная, что он обманут Амурсаной, хотел поймать мятежника для выдачи его нам и затем полностью покориться императору; однако планы Аблая преждевременно получили огласку; Амурсана похитил десяток казакских лошадей и снова убежал в Джунгарию.

В двадцать втором году [1757 г.], когда маршал Чао-Гуей и дзан-дзан Фу-То вели войну на западе, Амурсана опять бежал к казакам.

В шестом месяце [июль] того же года Аблай выступил с тридцатитысячным войском с целью помочь нам захватить Амурсана; во главе передового отряда он отправил своего младшего брата Абулбиса. При встрече с нашими войсками Аблай подарил маршалу, а также дзан-дзану, каждому из них, по одному коню; в тоже время он передал маршалу письмо, в котором, признавая свои вины, выражал готовность жить отныне под властью Китая. Чао-Гуей командировал к нему одного из своих офицеров с ответом. Аблай прислал казакского вождя Кендзикора, приведшего в подарок четырех прекрасных коней, с просьбой к маршалу благосклонно принять изъявление его покорности. Аблай писал: «Со времен моих предков Ошена и Янгыра и до настоящего времени наша страна не имела возможности познать китайскую цивилизацию. Лишь теперь мы начали получать повеления императора, удостоившего изливать свои благодеяния на наши орды, обитающие на крайних рубежах его империи; я и мои подданные не находят слов для выражения своей радости и ликования. Мы ничему так не удивляемся, как могуществу императора. Я, Аблай, и все казаки, составляющие мою орду, горячо желаем воспринять китайскую цивилизацию и стать навеки подданными Срединной империи».

Император, которому было послано обстоятельное донесение обо всем происходившем, предписал принять подданство Аблая и его орду. Осенью Аблай отправил посла, чтобы засвидетельствовать свое верноподданство императору, находившемуся в то время в летнем дворце Пи-Шу-Шан. Этот посол удостоился приглашения на пир в саду Уан-Шу, где он увидал фейерверки, и всякого рода иллюминации.

Покорившись, Аблай захотел помочь нам в поимке Амурсаны; он сказал Шун-То-На, встреченному им по дороге: «Я и казаки провинились перед императором, поддерживая Амурсану; но мы почтительно полагаемся на его бесконечную доброту и надеемся, что он не отвергнет нас; мы будем его вернейшими подданными. Мы желаем поймать Амурсану для выдачи его вам. Быть может, таким путем мы искупим нашу вину? Мы теперь знаем, что Амурсана, намеревающийся искать помощи у чужестранцев — негодяй. Может ли он еще дольше жить, если действительно существует провидение?» Затем Аблай дал Шун-То-На написанное шрифтом тутучук [арабским?] письмо [пропускное свидетельство] для того, чтобы наша армия могла беспрепятственно пройти по территории казакских орд.

В том же месяце Аблай хотел захватить Амурсану в Арчаду, но безуспешно: мятежник бежал в Россию. Однакож Аблаю удалось взять в плен двух казакских вождей, сопровождавших мятежника — Обудзи и Дзибахана, выданных им нашим войскам. Кодзи Боркен, разбитый в сражении при Нуле нашими войсками в двадцать первом году [1756 г.] и вынужденный вследствие этого бежать, узнав о подчинении Аблая, сообща с другим вождем орды, Карабаратом, во главе тридцати тысяч семейств, подданных их обоих, подошел к нашей армии. «Мы не умеем ни писать, ни читать — сказал он —

и поэтому решили явиться лично для изъявления покорности». Маршал Чао-Гуей велел открыть свой шатер и приказал Кодзи Боркену сесть, повернувшись лицом на восток; сам же сел, повернувшись лицом к западу. Затем он приказал накрыть столы, на которые поставили блюда с разными животными, приготовленными в целом виде для еды. Кодзи Боркен, следуя обычаю своих соотечественников, приступил к обеду только после того, как помолился своим идолам [божкам]. Он сказал: «раз я теперь подданный императора, разве я мог бы отказываться от угощения?»

По окончании обеда казакскому вождю показали упражнения солдат в стрельбе из лука; он был весьма устрашен, увидя, какое количество стрел выпускалось и достигало цели. Уезжая, он дал обещание помочь нам в поимке Амурсаны и девять раз простерся ниц. Итак, вся орда на западе был покорена нашим оружием.

В пятом месяце двадцать третьего года [июнь 1758 г.] вождь байдзикотской казакской орды Байбурак, прозванный храбрым, взял в плен мятежника Букджахана; в шестом месяце [июль] казак Кордзин захватил Кошдзи. Оба эти мятежника были выданы китайской армии, закованы в кандалы и отправлены в столицу [Пекин]. В двадцать четвертом году [1759 г.] Аблай послал ко двору сына своего старшего брата, и вождя Бокена. Император пригласил их обоих на пир и разрешил присутствовать на испытании лучников, производившемся в саду, где обычно происходили упражнения в стрельбе.

В двадцать пятом году [1760 г.] Аблай снова отправил посла ко двору; тот был приглашен на императорский обед и получил разрешение осмотреть дворцовые сады. Императорский указ, изданный в связи с приездом посла, предписывал Аблаю более строго управлять своей ордой и не допускать казаков к переходу через границу в поисках пастбищ.

Декретом опубликованным в первом месяце двадцать шестого года [февраль 1761 г.] император даровал прощение казакским вождям Батуку и Батуру, разорившим набегами Ву-Леанг-Хай. Эти вожди сопровождали аблаевского посла, приезжавшего ко двору в шестом месяце [июль]. Офицеры императорской гвардии были посланы в Улиясутай, чтобы запретить казакам торговать там. Во втором месяце двадцать седьмого года [март 1762 г.] вождь казаков Абулмамбит отправил посольство к императору. Последний совершал в это время путешествие на юге, а потому казакские послы были приняты во временном дворце в Янь-Чау. Император подарил им шляпы и одежды.

Дзан-дзан Акуей задержал казаков, перешедших границу в поисках пастбищ; он получил приказ простить их и отпустить на свободу. В пятом месяце [июнь] было отменено постановление, запрещавшее казакам торговать в Улиясутае, но контрабанда оставалась под запретом. В седьмом месяце [август] император, будучи на охоте в Мулане, принял аблаевского посла, прибывшего засвидетельствовать верноподданничество Аблая, и вознаградил его шляпой и одеждами. Военачальник У-Мор, сопровождавший посла, получил звание офицера императорской гвардии Тянь-Цзинской Порты; ему было приказано пока поселиться со своей семьей в Или.

В третьем месяце двадцать девятого года [апрель 1764 г.] от Абулмамбита ко двору приехал посол. Император подарил ему шляпу и одежды. В тридцать четвертом году, в январе месяце [февраль 1769 г.] Абулбис послал ко двору своего сына Джордзи. В третьем месяце Аблай отправил своего сына Уали Суртонга.

В январе месяце тридцать восьмого года [февраль 1773 г.] казак Борот наследовал после своего отца Абулмамбита посольство. Одновременно ко двору прибыл и Джордзи, сын Аблая. В январе месяце сорок первого года [февраль 1776 г.] от Аблая прибыл посол, который был принят и приглашен на императорский обед по установленному порядку.

(Эмбо, 117—127).

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТУРГУТОВ (КАЛМЫКОВ) В КИТАЙ ЧЕРЕЗ КАЗАКСТАН

От сей вести [а именно, что русский царь, будто бы, хотел призвать в военную службу всех волжских калмыков] в каждом доме начался вой, в каждом семействе плач; все пришли в смущение. Убаши, видя такое волнение в мыслях, созвал больших и малых зайсанов и предложил им, что лучше всего бежать в Или. Все обрадовались и начали делать приготовления к предпринятию дальнего пути. Это был 35 год правления Цянь-Лун (1770). Погода стояла теплая; в средине 10 луны река еще не покрылась льдом, и Убаши не мог взять с собою живших по северную сторону реки. Почему убил до 1 000 русских мастеровых и торговых людей; взял около 460000 кибиток тургутов, хошотов, дурботов и олотов, и в 23 день 10-й луны [5-го января 1771] отправился в путь. На дороге разграбил четыре русские городка. Белый царь, услышав о сем, содрогнулся, и отправил генерала с несколькими десятками тысяч войск в погоню за ними. Но убашиевы люди уже перешли за Кынгэлшулу на юг, и вступили в пределы Срединного государства. И так генерал с войсками возвратился. Убаши, по вступлению в Срединное государство, пошел на Балгасинор. На пятидневном пути чрез тамошнюю песчаную степь, хотя и находятся ключи, но травы не растет ни былинки, от чего пало великое множество скота. Когда пришли в Чингис-чаганъ, страну, принадлежавшую казачьему владетелю Аблаю и бию Абурбис-ебурбаню, то казаки, опасаясь беспокойств для своих кочевьев и с завистью смотря на тургутский скот и людей, партиями устремились к грабежам; ежедневно имели между собою схватки с равною с обоих сторон потерею в людях убитыми и ранеными: таким образом, они не могли воспрепятствовать тургутам продолжать путь далее. Тургуты, употребив взятых в плен казаков вожатыми, достигли Кичикюз (Меньшой орды). Здешние жители были сильны, смелы и... опытны в боях. Начальник их Углы-нурали, бывший в достоинстве телохранителя с шариком и павлиным пером 2-го класса, почитался человеком умным. Казаки имели приверженность к нему. Как скоро он получил известие, что война тургутов в Чингис-чагани прекратилась, то ближайших жителей со скотом перевел далее, а сам с 10 000 отборных людей выступил навстречу им, и расположился на важном

проходе в Кичин-юзе; но вскоре пошел к казакам, желая, чтобы Аблай напал на тургутов с лица, а тайцзии пяти нотоков [поколений] со всех сторон обеспокоивали на средине пути, дабы передние не могли подкреплять задних. Между тем казаки и Аблай, видя, что тургуты, идущие из России в Или, уже открыли войну в Чингис-Чагани, наскоро донес илийскому главнокомандующему (китайскому), и ожидал повелений от него. Тургуты сосредоточили свои войска и Углы-нурали увидел, что по многочисленности оных трудно ему удержать их. Между тем Убаши, также опасаясь отборных войск Углы-нуралиевых, не смел итти вперед необдуманно и более полумесяца стоял в виду его. Главнокомандующий предписал казакам обратить внимание к охранению страны, и недозволять тургутам проходить чрез пастьбищные места; а кто из них окажется дерзновенным, тех предавать смерти. Углы-нурали, по получении такого повеления, послал уведомить о сем Убаши. Сей в советах с тайцзиями и ламами положил итти чрез Халатол [Каратау?]. Как сия страна изобилует скотом и пастьбищами, привольными водою и травою, то он хотел при помощи грабежей достигнуть Или, и там посмотреть на обстоятельства, но Углы-нурали крепко держался на своем посту, и Убаши простоял пред ним около пяти дней. Жители в Халатала, услышав о сем, собрались во множестве отборных людей, в намерении дать сражение, ежели тургуты покусятся войти в пределы их. Когда Убаши с прочими узнал о предписании илийского главнокомандующего, то не знал, что предпринять; почему заключил мир с Углы-нурали, и пошел к Шара-беку. Но Углы-нурали, предводительствуя жителями Кичик-юза и Халатала, выступил против чаяния тургутов, разрезал их на две части и начал грабить. В сие время побито было множество тургутов. Когда они достигли южных пределов Шара-бековых, то очутились в соседстве с бурутами. Когда услышали о сем буруты, то прыгали от радости и поздравляли друг друга с толиким даром неба. Они собрали до 100000 конницы. Убаши принужден был уклониться от них к северным Шара-бековым пределам, и вступить в песчаную степь, которая на тысячу ли пространства не имеет ни травы, ни воды. В сие время была уже третья луна, и погода настала теплая. Люди принуждены были пить кровь лошадей и рогатого скота, от чего сделалась сильная моровая язва. Сказывают, что в сие время померло до 300000 человек; из скота уцелело не более трети. Чрез 10 дней с крайним затруднением выбрели из песчаных степей: но буруты уже давно ожидали их за степями. Нападая на тургутов то с лица, то с тыла, то соединенно, то партиями, они денно и нощно преследовали и отняли у них людей и скота и имущества, гораздо более, нежели казаки. Достигши урочища Тамги, они приблизились к китайским пограничным караулам. Тогда буруты, собрав свои войска, отступили. Убаши, по приходе в Тамгу, еще имел до 280000 человек обоего пола взрослых и малолетних. Главнокомандующий отправил трех генералов с несколькими офицерами спросить о цели прихода. Убаши с тайцзиями и ламами советовался около семи дней, и наконец решился объявить, что он поддается великому императору. И так они представили Убаши главнокомандующему, которому он поднес яшмовые вещи, столовые часы, фарфоровую посуду,

ружье с замком, лагорские деревянные чаши и золотые монеты; при сем еще представил яшмовую печать с надписью из древних китайских гиероглифов, жалованную предку его домом Мин в 8-е лето правления Юн-лэ (1410 г.). После сего главнокомандующий разместил народ его по разным местам в Или, и донес двору.

(Иакинф, Чжунгария, 188—193).

УЧАСТИЕ КАЗАКОВ В БАШКИРСКОМ И ПУГАЧЕВСКОМ ВОССТАНИЯХ.

БАШКИРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1738 г.

1738, 22-го июля.

Татищев доносил, что Абулхаир-хан не верен и соединился с бунтующими башкирцами. Но так как калмыцкий хан Дондук Омбо имел намерение на киргиз-кайсаков «мартировать» и им отмещение учинить, то велено было воспользоваться этим случаем к усмирению киргиз-кайсаков, оказав Дондуке Омбо содействие в его походе на киргиз-кайсаков.

(К. 6).

БАШКИРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1755 г.

...И таким образом ушло их в киргиз-кайсакские улусы, мужеска и женска полу по смете более десяти тысяч душ, в той надежде, чтоб киргизцев привлечь на свою сторону, и совокупясь бы с ними, делать еще пакости, и оставшееся в домах и на землях их имение (кое они при побеге в бортевые деревья и в разные места скрывали) возвратить.

...С другой стороны употреблено удобь вымышленное и всевозможное старание, чтоб ушедших в киргиз-кайсакскую орду башкирцев, не допустя там утвердиться с киргиз-кайсаками, разными киргизцам внушениями, и толкованием от того собственной их киргизской опасности и вредности, поссорить, за чем в орду отправлен был нарочный капитан Яковлев, в чем и успех был; ибо киргизцы, огорчась на тех ушедших к ним башкирцев, многих побили, а по большей части разобрав по улусам своим, стали их держать, как сущих пленников, почему многие из них, услыша милостивые об них указы, обратно в Башкирию выбегать стали, причиняя киргизцам при тех своих побегах разные пакости и воровства. Сверх того, для истребования их из орды, по именному указу прислан был бригадир Тевкелев, который для сей особо порученной ему комиссии пожалован в генерал-майоры; чем оное башкирское замешательство и пресеклось и из тех бежавших в Киргиз-кайсакскую орду башкирцев по нынешнее время возвратилось в Башкирию побегами 5545; да по комиссии оного генерал-майора киргизцами выдано 737 человек, которые все с данными из Оренбургской губернской канцелярии билетами отпущены в старые их жительства...

(Рычков, Топогр. Оренб., 263, 266—267).

ПУГАЧЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ

Письмо Нурали Пугачеву (октябрь 1773)

[Оригинал написан на татарском языке]

Его императорскому величеству, самодержцу всероссийскому и протчих, и протчих, и протчих царств, великому государю Петру Федоровичу.

По выходе вашего императорского величества во время езды к городу Яику, пославши к вам человека своего Забира муллу послом и, по получении от вас указа, восприняв высочайшее ваше повеление, быв к службе вашей в готовности и пожелавши вас, посланной к вам двоекратно посол наш, не доехав до вас, за препятствием неприятелей возвратился. А мы со времении получения помянутого вашего указа, не имея никакого сумнительства, но следуя оному, хотя от генералов и бояр во учении нам благодеяния много обнадеживания было, точию не взирая на них, а в послушании высокого вашего повеления и быть в службе находимся в желании.

Да к тому посланного же от вас к брату нашему Дюсалею солтану с указом человека привез он для совету ко мне, который указ приемля за самое благо, и что вы ездите, прибирая места, благополучно, тем вас поздравляем. И бутте в здравии многие лета. А хотя от вас тому брату моему повелено, чтоб отправить людей до ста или двести, в чем и намерение было имели; а токмо народ мой, рассуждая, что де посланный туда Саидалей солтан не возвращается, а без того, почитая за невозможность, остановились. Того ради от вашего императорского величества повелено б было для безсумнительной всему моего народу к вам езды отправить Саидалея солтана к нам.

В таком случае к находящемуся близь Сиру Дарьи брату нашему Иргалею солтану, да Средней орды Аблаю солтану послав известие, и со всеми братьями и юртами вашему величеству служить будем. Как и перед сим к помянутому находящемуся по Сиру Дарьи брату своему Иргалею солтану, да Средней орды Аблаю солтану и всему народу во известие в том, что стал у нас государь вновь, почту отправил с тем, чтоб они, по получении того известия, тем же часом собравшись и сев на лошади для службы, яко государю, приехали.

Под тою копиею подписано:

Киргиз кайсацкой земли Нуралей хан печать свою приложил.

(Центрархив, Пугачевщина, ГИЗ, 1926, I, 169—170).

ПИСЬМО НУРАЛИ КОМАНДУЮЩЕМУ УРАЛЬСКИМ КАЗАЧЬИМ ВОЙСКОМ

[Оригинал написан на татарском языке]

Управляющему войском Яицким, полковнику Ивану Даниловичу Симанову.

Письмо ваше со удовольствием моим получить удостоился и, слыша о вашем благополучии, обрадовался. Что ж изволили уволить поблись Яика нам кочевать, за оное приношу благодарность мою. Киргиз-кайсаки все к войне на Русь склонились, которых я от того и возразить не в силах, почему они и мне злодеи оказались, от ко-

торых злодеев по речке Утве в вершины прочь и откочевал к Илеку; извольте оных воров собою искоренять,—я тем буду довольным. От воров табынцов очень мне постыдно, потому что из взятых нынешнею зимою, согласных злодею Пугачеву, калмык две девки ныне от меня бежали: одна Кукучь, Адяна Хахуева дочь, другая — Амархан, Чигир Габунова дочь, от кочевки. Я уже стерпимости не нахожу, что ныне время ворам и плутам, а мы, добрые люди, с бесчестием остаемся. Я считаю, что то попущает бог за наше согрешение, почему я и откочевал от них прочь и сердечно, по верноподданической к ее и. в. присяге, желаю прикочевать к России. А как бежавшие девки: одна Амархан, была взята в замужество за меня, а Кукучь — за сына моего Перели-султана, почему воры-табынцы и будут мне посмехатца, прошу для дружества оных девок, ежели вы меня признаваете за друга, ко мне возвратить. Здешние воры от часу умножаются: прошу меня оборонять и удовольствовать,—оных девок ко мне прислать. Однако, оных девок я себе взял не для того, что у меня жены нет, а только потому, что те калмыки-общники Пугачеву, как я ее императорскому величеству верноподданный, пугачевых сообщников жен и детей в рабы себе брал. Хотя вы их мне и не отдадите, то их в жены русские и калмыки не возьмут, а я без жены не буду; но, однако, прошу без отставки для дружества оных прислать и в великом безчестии меня не оставить, и ближнее дружество иметь.

Ныне я с братом моим Айчувак-султаном, от воров отделясь, нахожусь с добрыми людьми поблись вашей линии,—о тех калмыцких девках очень сокрушаюсь; ежели вы мне тех девок отдадите, то я к вам или к Оренбурху прикочевав блиско, обще с вами буду на киргизцов поступать войною; а когда тех не отдадите, то поблис вас мне кочевать невозможно, потому что и другие калмыцкие бабы, на то смотря, бежать будут, и вы себе за дружбу признавать не будете.

По нынешним обстоятельствам воры, киргиз-кайсаки, выше и ниже Яицкого городка ездят толпами ныне — с Утвинского устья воры-киргизцы к тому себя отважили, вам и мне злодеи, от которых прошу иметь осторожность, коих остановить моей силы недостает.

С сим посылаю человека моего Якшибая Миклая.

Для верности я, Нурали-хан, собственноручно обыкновенную свою печать приложил.

1774-го году, августа 6-го дня.

(Центрархив, Пугачевщина, ГИЗ, 1929, II, 293—294).

ПИСЬМО ОТ 7 АВГУСТА [1774] К ПОЛКОВНИКУ СТУПИШИНУ ОТ БРИГАДИРА СУМОРОКОВА

Посланным от меня к вашему высокоблагородию сего ж месяца от 5 числа ордером о принятии от намеряющего злодейство и нападение на российские жительства чинить киргизского султана Кутай-Менды с его подвластными киргизцами и другими сообщниками предосторожности к недопущению ни до какой удачи и предписано, но сего ж августа 6 числа обстоятельное получил я известие, что Таир султан в трех тысячах своего войска на крепости Пресногор-

ковскую или Петропавловскую, а, сверх того и вышеписанной вор Кутай-Менды и их же киргизские старшины Итега Алчабай и Таубай Тархан, по подсылке от известного государственного злодея и разбойника Пугачева, намерены ж, собрав своих подвластных киргизцев, нападать на крепости и, что в добычу получат, тем бы пользовáлись; а при том и старшины Кулсары батыря киргизцы то ж чинить намеряются. И вышеписанный султан Кутай-Менды переправились через реку Ишим при речке Тургае-Нижнем, расстоянием отсель дней восемь, в то место, где и Таир султан кочует.

В рассуждении чего, дабы вышеписанные старшины и их киргизцы и в самом деле по легкомыслию своему чего, к здешней стороне вредного, учинить не могли, вашему высокоблагородию чрез сие о принятии и по дистанции [участок военной линии] крепости Звериноголовской и далее, яко же и в прикосновенных к линии внутренних жительствах должно, наикрепчайшей предосторожности сообщаю; а о том же от меня ко всем командующим по всей новой линии наистрожайше предложено, да и 13-той полевой легкой команды командиру, господину пример-майору Эрманту, находящемуся ныне в пригородке Куртамыше, писано, с тем, чтоб он с командою своею стоял к выступлению на искоренение сих злодеев, куда потребуется, во всякой воинской готовности и исправности и о том всем крестьянам приказал объявить для того, что, может и они на киргизцов собрáтся и на них итти согласятся. Впрочем, пребываю.

На подлинном подписано тако: Степан Сумороков.

(Центрархив, Пугачевщина, II, 294—295).

КАЗАКСКИЕ ХАНЫ И ИХ ЮЖНЫЕ СОСЕДИ

Так, как у киргиз-кайсацкого хана семья большая, то соседние племена, хивинцы, туркоманы или туркмены, ташкентцы и аральцы, обыкновенно призывают к себе в правители ханских сыновей. Принимая это предложение, они, конечно, должны были переносить свое местоприбывание в столицы избравших их племен и там вести судопроизводство на основе стародавних местных обычаев. Все названные народности имели прежде своих природных ханов, но в настоящее время у них не уцелело ни одного ханского рода: они были истреблены все во время различных народных возмущений и восстаний. Так получилось, что волей-неволей названным народам пришлось призвать править ими ханов чужого народа.

(Рычков, Дневник, 369).

АРАЛЬЦЫ И КАЗАКИ

Аральцы, аралы или аральские узбеки, народ небольшой на восточной стороне и на островах Аральского моря. Сей народ, по описаниям статского советника Кирилова, имеющимся в Оренбургской губернской канцелярии, бывал хивинских ханов подданый, от коих не весьма давно отложился, и у себя своего хана от фамилии Хивинских ханов утвердили. Когда хивинцы настоящих своих ханов род перевели, и стали брать себе в ханы из салтанов киргиз-кайсацких,

Аральский хан искал себе хивинского ханства по наследству; но будучи бессилен (ибо и пяти тысяч войска собрать не может), того своего желания получить не мог, а ныне случается, что у аральцев и киргизские салтаны ханствуют, как то недавно Меньшей орды Абулхаир-ханов сын Нурали салтан (который в 1749 году на место отца его ханом утвержден) несколько времени у оных аральцев ханствовал. В их местах, сказывают, есть золотая руда и слюдяные горы, токмо никакого промыслу в том нет, за тем, что доставать и плавить не умеют. Сей народ говорит татарским языком, по наречию трухменскому. Летнею порою кочуют и пашут землю, для зимы ж имеют юрты или хижины; а по ту сторону реки Сыр-Дарьи, на одном острову, есть у них и городок, который от Аральского моря и называется Араль. Знатнейшие из оных арал-узбеков почти всегда при хивинском хане живут, от коего жалованье получают, и в военных случаях, как выше упомянуто, с трухменцами и хивинцами сообщаются. По последним известиям к оным аральцам, от утеснения киргиз-кайсакского, присоединилась не малая часть нижних каракалпак, и совокупно с ними живут.

(Рычков, Топогр. Оренб., 16—17).

КАРАКАЛПАКИ И КАЗАКИ

Сей народ надвое разделяется, то есть на верхние и нижние... Нижние каракалпаки... в подданство Российской империи присягали, и жительство имеют к Оренбургу ближе, около Аральского моря, и по реке Куван-Дарье, смежно с киргизцами...

...Верхние каракалпаки живут от устья Сыр-Дарьи, впадающей в Аральское море, вверх к Ташкенту. Пропитание их наипаче от земледелия и содержания рогатого скота, которым они весьма изобилуют, и живут зимою в юртах, а летом кочуют; и хотя есть у них свои ханы, но оные почти никакой силы не имеют, а большая сила состоит у них в ходжах, которых между ими весьма много, и содержатся в отменном почтении; ибо признают их за отродие и учеников магометовых. Людство сих верхних каракалпак хотя и не мало, но понеже они народ к войне необыкновенный, а больше в земледелии упражняются, то киргиз-кайсаки весьма часто их раззоряют, и стараются издавна, чтоб как сих, так и нижних каракалпак, из нынешних их мест выгнать, дабы во время нужды, а паче когда они опасаются со здешней стороны, туда убежище иметь. Чего ради оные верхние каракалпаки, а паче те, кои ближе к Туркестану и Ташкенту находятся, как по делам значится, отдались в протекцию зюнгорского владельца.

(Рычков, Топогр. Оренб., 17).

АБУЛХАИР И НУРАЛИ В ХИВЕ (1741)

Между всеми делами сего 1741 г. достойно примечания возвращение из Хивы еще при жизни преждереченного генерал-лейтенанта князя Урусова объявленных в 1740 г. геодезиста Муравина и бывшего с ним инженера Назимова, из которых первый тракт от Орска до Хивы и часть Аральского моря описал и ландкарту учинил, а

другой снял план городу Хиве, кой при сем сообщается. Из оных геодезист Муравин посылан был из Хивы от Абулхаир-хана (ибо тогда в Хиве на ханстве был) к персидскому Надир-шаху, который с войском своим в самое то время под хивинское владение подступал, с прошением, чтоб шах тем владением его, Абулхаира, наградил. Шах, допустя до себя оного Муравина, не только благосклоно его принял, но и довольно наградя деньгами и платьем, к хану отпустил с такою резолюциею, чтоб Абулхаир-хан сам к нему приехал, а он, шах, за соседственную дружбу, с великою российскою императрицею наградить его не оставит. Но хан ехать к нему не отважился, и уведомясь, аки бы хивинцы умыслили его, хана, убить, принужден был и с бывшими при нем российскими людьми ретироваться в киргиз-кайсацкие улусы. А шах, по выезде ханском, с войском своим подступя к Хиве, сей город приступом взял и многих жителей, а особливо таких, кои оружием действовать могли, вывел в Персию, в Хиве ж определил ханом из своих подчиненных людей и с ним оставил небольшой гарнизон. Однако по отступлении шаховом хивинцы, под игом персидским не хотя быть, вскоре оного оставленного хана убили и от персиан отложились, выбрав себе в ханы Абулхаирова сына Нурали салтана. Но сей не долго ханствовал: принужден был, так как и отец его, бежать в киргиз-кайсаки, убоясь персидского нападения.

Впрочем сего году летняя в Орской крепости ярмарка происходила благополучно, и со всего того градской части, якоже и с питейных продаж акцизу в казну получено не малое число, но хивинцев, за показанным их разорением, в приезде ни кого не было.

(Рычков, Ист. Оренб., 58).

КАИПХАН В ХИВЕ

Каип-хан долгое время ханствовал в Хиве, велением Надира, шаха персидского. Этот воинственный и победоносный властитель Персии широко раскинул свое победоносное распространение и, между причем, захватил столичный город Хиву. Каип был отправлен к Надиру Абулхаиром, ханом киргиз-кайсацким, как посланник к этому победоносному герою, чтобы вступить под его защиту. Каип сумел завоевать расположение персидского шаха и тот в ознаменование своего благоволения к Каипу отдал ему в правление Хиву. В Хиве Каип сидел долго, успел обогатиться за счет ценностей своих подданных, но в конце концов ушел от них, опасаясь предстоящей вспышки народной злобы. Дело в том, что неустойчивые, переменчивые хивинцы всегда, рано или поздно, проникаются злобой по отношению к своим правителям. Ханы у них редко кончают свои дни спокойно. По большей части они становятся жертвой этого злобного, проникнутого лукавством народа. Вот почему хан Каип не стал дожидаться, когда преступные замыслы народа созреют окончательно, и повернул обратно в Малую киргиз-кайсацкую орду, где был его отец, Батыр-хан. Батыр здесь господствовал над рядом видных и славных родов, независимо от хана Нурали.

(Рычков, Дневник, 391—392).

КАЗАКСКИЕ ХАНЫ И МАНГИШЛАКСКИЕ ТУРКМЕНЫ (1767—1775)

Несколько лет тому назад мангишлакские туркмены вынуждены были подчиниться деспотической власти. В 1767 году они подверглись нападению со стороны Нурали, киргизского хана; многие из них при этом были убиты, многие попали в плен к киргизам, остальные же, лишившись почти всего своего скота, бежали за Тюбкараган и, наконец, даже в Хиву, чтобы там найти защиту против киргиз. В Хиве они действительно нашли помощь, так как оказались полезными там отчасти, как посредники при сношениях с соседями, отчасти же из-за обмена их скота на плохие хивинские мануфактурные товары. Вместе с объединенными силами хивинцев они прогнали киргиз из своей страны. После этого они свыше года оставались еще в Хиве, чтобы оправиться, находясь в безопасности. Однако, раньше, чем они вполне восстановили свои силы, свирепствовавшая среди людей заразная болезнь, принимавшаяся ими за оспу, и начавшийся мор скота принудили их покинуть Хиву и вернуться на старое местожительство. Едва достигли они своей страны в состоянии почти полнейшего истощения, причиненого отчасти болезнью, отчасти тяжестью обратного пути, совершенного почти полностью пешком из-за недостатка лошадей, как Нурали-хан прислал к ним своих послов, дабы объявить им под угрозой их полного истребления что они должны признать своим верховным главой его сына — Пир-Али-хана. При создавшемся положении им не оставалось ничего другого, как согласиться на это. Вскоре Пир-Али-хан появился среди мангишлакских туркмен. Он ввел жесточайшие наказания, самовластно забирал себе наибольшую часть имущества богатых туркмен и отнял у них почти все огнестрельное оружие, так что последнее встречается у них сейчас чрезвычайно редко. По истечении года такого чрезвычайно деспотического властвования над туркменами, Пир-Али-хан отправился обратно к своему отцу, у которого он остается уже около двух лет. Однако, осенью сего 1775 года он снова, надо полагать — с ужасом и скорбью, ожидается в Мангишлаке.

(Гмелин, IV, 55—56).

УКАЗАТЕЛЬ

I. ИМЕНА ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ

А

АВГУСТАУ — г., в 40 км. от г. Туркестана (по Рычкову, «Топогр. Оренбург.»). — 205.

АДАЖСКИЙ род., см. адай.

АДАЙ — казакский род байулинского поколения Малой орды. — 149, 151.

АДЖАМ — народ, живший у Каспийского моря. По-турецки «аджам» означает перс. — 28.

АДРИЯ — Адриатическое море, в бассейне Средиземного моря. — 12.

АЗЕРБАЙДЖАН — нынешние Азербайджанская АССР и Тавризская область в Иране (Персии). — 105.

АЗЕРКЕНТ — г., повидимому, находился на р. Сыр-дарье между Ташкентом и Отраром. — 31.

АКБАШЛЫ — оз. Ак-сакал-барби, в которое впадает р. Иргиз; ныне оз. Челкар-тенгиз. — 133, 146, 148, 150.

АК-ЖАР — р., приток р. Тургая.—78.

АЙГЫР-ДЖАЛ — название переправы на р. Урале. — 80.

АЙРАКЛИНСКИЕ туркмены — по Рычкову часть туркменского народа. — 185.

АККОЛЬ — оз., упоминается в «Книге Большого Чертежа». — 133.

АК-КУРГАН — см. Ак-Нурган.

АККУЯЩ — местность. — 99.

АКНУРГАН — по А. Макшееву, г. Ак-Курган, местонахождение которого неизвестно; он был где-то между г. Туркестаном и г. Ташкентом. — 117, 133.

АКСАЙ — местностей с таким названием в Каз. АССР много; здесь речь идет, повидимому, о долине речки Аксая— между Иссык-кулем и Кашгаром, на караванной дороге, идущей от ущелья Зауны в Кашгар. — 99.

АК-САКАЛ (Ак-сакал-барби) — оз. см. Акбашлы.

АКСЫ — столица Ферганы при Омар-шейхе в XV в., теперь развалины.—221.

АЛАЧА — казакский род Малой орды. — 151.

АЛИ-АБАД — местечко в Мауаранахре в XVI в. — 106.

АЛМАЛЫК — г., столица Чагатаевского улуса; развалины гор. находятся около с. Хоргоса, на границе Синь-цзяна и Каз. АССР. — 41, 42, 87.

АЛТАЙСКИЕ горы, Алтай — горная система, составляющая зап. конец обширной горной страны, заполняющей юж. Сибирь от р. Иртыша (Сев. Казакстан) до Охотского моря. — 141, 145, 215, 216, 219, 221.

АЛЧИН — родовое объединение казаков Малой орды, включавшее в себя Алимулынское и Байулынское поколения. По некоторым преданиям алчин объединял все роды Малой орды. Под этим именем известен также небольшой род среди таминцев. — 149, 151.

АМУ-ДАРЬЯ, Амо, Оксус, Джейхун, Жайхун — большая р. в Средней Азии, в бассейне Аральского моря. — 31, 33, 37, 74, 103, 181, 182.

АНАКАРАДЖУЙ — в прошлом местность около г. Тургая. — 77.

АНДИЖАН — г., основан монголами, ныне на территории Узб. ССР. — 94, 97, 113, 117.

АНДХУД или Андахой — г. в Афганистане. — 118.

АНТОНОВ форпост — теперь поселок Антоновский, на р. Урале, приблизительно на средине пути между Уральском и Гурьевом. — 148.

АРАКС — р., приток р. Куры. По мнению древних писателей Аракс впадал непосредственно в Каспийское море.—12.

АРАКУМ — пески между Кара-кумскими и Барсукскими песками в Казак. АССР. — 121.

АРАЛ, Араль — г. у устья Сырдарьи, ныне Аральск, Каз. АССР.—255.

АРАЛЬСКОЕ (Синее) море (озеро) — по-каз. Арал-денгиз, т. е. Островитое

море, сев. половина его находится на территории Каз. АССР. — 137, 139, 146, 180, 181, 182, 208, 247, 254, 255.

АРАЛЬЦЫ — под ними понимались узбеки, кунраты и др. народы. — 176, 254, 255.

АРГИН, Аргын — казакский род Средней орды. — 150.

АРГУНСКОЕ озеро — см. Балхаш.

АРКАН — г., по предположению Г. И. Спасского — г. Яркент, по А. Макшееву — г. Отрар. — 133.

АРКАСИЯ — по Ибн-Халдуну один из городов тюркских народов, точное местоположение которого неизвестно. — 34.

АРМЯНЕ — народ, исторически известный со II-й пол. I-го тысячелетия до н. э. в Передней Азии. — 225.

АРТАШ — см. Иртыш.

АРТУК, Аркок — г., находился на лев. берегу Сыр-дарьи, против г. Сауран; его развалины сохранились на территории аула № 21 Туркестанского района, Каз. АССР. — 102, 104, 105, 106.

АРЧАДА — 247.

АРЫШ (Арысь?) — р., упоминаемая Рычковым около г. Туркестана, в нынешнем южном Казакстане. — 146.

АРЫШЛЯР — р., упоминаемая у Хайдера. — 99.

АСАНАШ — г., развалины которого сохранились в Кзыл-ордынском районе Каз. АССР по лев. берегу р. Сыр-дарьи, против станции Солотобе. — 44.

АСЛЕН (Аспан?) — каз. род Малой орды. — 151.

АСПИЖАБ — под этим именем были известны город и область; предполагают, что г. Аспижаб находился на том месте, где теперь с. Сайрам, около Чимкента, Каз. АССР. — 29.

АСТРАБАД — иранский (персидский) г. у Каспийского моря. — 108, 111.

АСТРАХАНЬ — г. на нижней Волге. находится в 13 км. от старой Астрахани, бывшей в XII—XVI в.в. столицей татарского Астраханского царства, в 1556 г. присоединенного к Московскому государству. — 108, 109, 122, 125, 143, 205, 206, 208.

АСУС — ныне неизвестная река, повидимому начинавшаяся в центральном Казакстане. — 30.

АТАЛЬ — см. Волга.

АТБАШИ — река и урочище в Кир АССР; в средние века там был город того же имени. — 98.

АТАГНИ, Атыгай — поколение казакского рода Аргын. — 151.

АТЛАХ — г., находившийся в древности на р. Таласе. — 32.

АТРАР — см. Отрар.

АФЕРИН-КЕНТ — населенный пункт, находившийся в Самаркандском округе, нынешней Уз. ССР. — 117.

АХСЫ — г., развалины которого находятся в Уз. ССР (в Фергане). — 117.

АЯТ, Каят — р., приток Тобола, Актюб. обл. КАССР. — 150

Б

БАБУЛ-АБУАБСКОЕ море — см. Каспийское море.

БАГДАД — столица Ирака; основана в 762 г. и стала столицей халифата; Багдад был одним из важнейших экономических и культурных центров в IX—X в. в. В 1258 г. завоеван монголами, уничтожившими багдадский халифат. С 1638 г. по 1917 г принадлежал туркам.—47, 73.

БАДАХШАН — горная страна на р. Вакша, притоке Аму-дарьи, составляющая сев.-вост. угол Афганистана; граничит с СССР. — 39, 41, 111.

БАЙБАКТЕ — казакский род Байулынского поколения Малой орды. — 151.

БАЙДЗИКОТСКАЯ казакская орда (род), упоминается у Эмбо. — 248.

БАЛАКАМ-ПИР — урочище, упоминаемое Рычковым, лежало между г. Туркестаном и г. Ташкентом. — 177.

БАЛАКША — прозвище одного из казакских родов. — 151.

БАЛГАСИНОР — см. Балхаш.

БАЛХ — г. в сев. Афганистане.—107.

БАЛХАШ, Денгиз, Ак-денгиз, Ала-денгиз, (у Иакинфа Балгасинор) — оз. на ю.-в. Каз. АССР. — 34.

БАРАБИНСКИЕ татары, барабинцы— татарское племя, живущее по р. р. Оми, Таре и близ оз. Чаны — 151.

БАРНАУЛ — г. Зап.-Сибирского края; начало городу положено в 1739 г. Демидовым, открывшим золото- и серебропла-вильный завод. — 220, 221.

БАРНАУЛЬСКИЕ рудники — смотри Барнаул.

БАРХИН — г., находившийся по предположению А. И. Малеина на р. Сыр-дарье. — 47.

БАШКИРЫ, башкирские татары, башкирцы, башкурды — народ сев. западн. тюркской языковой группы. Название башкир (башкурт) появляется впервые в начале X в. у Ибн-Фоцлана.—151, 164, 165, 182, 189, 192, 198, 211, 212, 222, 231, 240, 251.

БАШКУРДЫ — самоназвание башкир, см. Башкиры.

БЕД-ПАК-ДАЛА — Голодная степь в Каз. АССР. — 109.

БЕЖНАК — печенеги, по-иранск па-

шань — кочевники зап. Дашти-кипчака. — 30.

БЕЛАСАГ-УН, Баласагун — г. на р. Чу; предполагают, что он находился вблизи нынешнего г. Токмака, Киргиз. АССР. — 34, 41.

БЕЛАЯ — река. — 219.

БЕЛОЕ — озеро. — 219.

БЕЛЫЙ ИЛЬМЕНЬ — рукав в устье р. Урала. — 209.

БЕНАКЕНТ, Бенакет — г., находился на правом берегу Сыр-дарьи, между р.р. Чирчик и Ангрен. — 43.

БЕРДСКАЯ слобода. — 214.

БЕРДЫ — две реки, впадающие в Урал. — 147.

БЕРШ — казакский род байулынского поколения Малой орды. — 151.

БЕСЕРМЕНЫ, бисермины — по А. И. Малеину — старинное славянское искажение формы «мусульмане», по Д. Языкову — испорченное русское «бусурмане» или неверные. Земля. Бисерминов — Хорасмия. — 47, 118.

БЕХЛУ — г., находившийся на расстоянии половины фарсаха от Джикиля, а Джикиль находился на расстоянии половины мили от г. Тараза. — 32.

БИШБАЛЫК — пять городов или «пятиградье» — находились в сев. Синьцзяне. — 40, 42.

БОБЫЛИ — бездомные башкиры, подвергшиеся в 1734 г., одновременно с тептярями, переписи. — 167.

БАЙБАТ — см. Байбакте.

БОЛАТ — г., упоминаемый у Карпини. — 49.

БОЛЬШАЯ (СТАРШАЯ) ОРДА — одна из трех орд, на которые разделялся казакский народ. Занимала южную часть Семипалатинской области, а именно земли к югу от Каратала до южной цепи Заилийского Алатау, на зап. от Балхаша — нынешние Алама-атинскую и Южно-Казакстанскую области Каз. АССР. — 143, 145, 146, 147, 177, 228, 243.

БОЛЬШАЯ ХОБДА — р., см. Кобда.

БОЛЬШЕГОРСКИЙ рудник — см. Таловский.

БОЛЬШОЙ ТУРГАЙ — р., один из притоков Тургая. — 150.

БОЛЬШОЙ ТУРТ — р., упоминаемая у Рычкова. — 150.

БОРАБ — см. Фораб.

БОРКАРДЖУН — местность, где китайский генерал Тун-то-на был задержан казаками (1754). — 246.

БОРСИН — в прошлом населенный пункт между Сыр-дарьей и г. Ташкентом. — 72.

БОРСХАН — г. находился на расстоянии одной мили от древнего Тараза. — 32.

БРУТСКИЕ татары — см. Буряты.

БУДЗЯНСКИЕ, Будзинские татары — обитали между Дунаем и Бугом в Бессарабии. Будтак — название бессарабских степей. — 143, 151.

БУЗУБЛУК — р. Бузулук, впадающая в р. Самару. — 133.

БУЙРАК — народ, упоминаемый у Абулгази. — 116.

БУЛГАРИЯ, Булгары, Булгар Великий — государство на Каме и Волге с VIII по XIV в. в., язык волжских булгар принадлежал к тюркской группе.

БУЛТУРДЫ, Бултурта, — р., впадающая вместе с р. Галдыгайть в Урал. — 148.

БУЛУЧСКИЕ татары — род бурято-монголов. — 143.

БУРА-КЕЧТИ — название переправы на р. Урале. — 80.

БУРСУК Большой и Малый — урочища. — 148.

БУРТЫ, буртасы — изчезнувший народ, обитавший в IX—XIII в.в. «между хозарскою и булгарскою землями», «на берегу Оки, при впадении ее в Волгу» (Д. А. Хвольсон). Плано-Карпини называет их брутаками. — 30.

БУРУТТЫ, буруты — см. киргизы.

БУРЯТЫ, бурято-монголы — крупная ветвь монгольской народности. — 143.

БУХАРА — древний г. в Средн. Азии, ныне входит в состав Уз. АССР. — Бухара—страна. — 32, 34, 43, 44, 101, 103, 105, 109, 113, 115, 118, 119, 122, 127, 140, 149, 152, 156, 162, 163, 174, 175, 178, 195, 203, 237.

БУХАРКА — одно из устьев р. Яика. — 207.

БЫКОВКА — рукав в устье р. Урала. — 207.

БЮГУР — г. в Вост. Туркестане, в Харашарском округе, находился в 680 ли от Харашара на запад (Иакинф, ч. III, ст. II). — 221.

В

ВАГАЙ — местность, орошаемая р. Вагаем, прит. Иртыша. — 133.

ВЕНГРИЯ — государство западной Европы. — 57.

ВЕНЕЦИЯ — некогда могущественная республика, теперь город сев. Италии. — 87.

ВЕРХОЯИЦКАЯ, Верхне-яицкая крепость — основана в 1734 г., в настоящее время г. Верхне-Уральск, Челябинского края. Верхнеяицкая крепость — одна из крепостей Верхнеяицкой военной линии

(570 клм. от Оренбурга до Верхнеяицка) учрежденной, как и другие «линии» под видом обеспечения «защиты от обид и разорений», а фактически для удержания массы казаков в повиновении и покорности царскому правительству и для содействия проникновению российского капитализма в Казакский край и через него — в Сред. Азию. — 147, 150, 172.

ВОГУЛИЧИ или вогулы — финно-угорское племя, в настоящее время обитают в автон. области Коми на склонах сев. Урала и по левым притокам р.р. Оби, и Иртыша. — 130.

ВОЛГА, в древности Ра, в средн. века — Итиль, Италь, Атель, Этилия, Этиль, у калмыков и тюркских народов Идиль, Иджиль (русское название Волга, повидимому финского происхождения) — крупнейшая река Европы и СССР.—32, 46, 49, 69, 125, 169, 208.

ВОСКРЕСЕНСКИЕ серебряные рудники — в теперешнем Зап.-Сибирском крае — 215.

ВУ-ЛИЯН-ХАИ — район к сев. вост. от г. Кобдо в Монголии. Столица Улия Сутая (Уляхутая). — 248.

Г

ГАЗНА — г. в Афганистане, столица султана Махмуда Газнавийского; 997—1030) иранский поэт Фирдауси там написал поэму «Шах-Намэ». — 40.

ГАЛДЫГАИТЬ — р. см. Бултурды.

ГЕНУЯ — главный город прежней республики того же имени, ныне провинция и город в Италии. — 87.

ГЕР-ТАГ — см. Кичик-тау.

ГИЛКУВАР, Джилкуар — р., впадающая в Тобол. — 150.

ГОЗ, гуз, гозы — тюркский народ, кочевавший в низовьях Сыр-дарьи 29, 31.

ГРАЧЕВСКИЙ форпост (ныне селение) по р. Иртышу, ниже Семипалатинска. — 215.

ГУННЫ, хунны — кочевой народ, названный китайцами «хунну» или «хьюнну».— По китайским источникам уже в 3-м тысячелетии до н. э. китайцы имели гуннов своими западными соседями. Около 150 л. до н. э. — владели Восточным Туркестаном; до начала н. э. кочевали в теперешнем Южном Казакстане, в первых веках н. э. — в южно-русских степях, откуда в IV в. расширили свои владения далеко на запад и при Атилле (445—453) создали мощное государство, подчинившее себе почти все германские племена.— 14 и др.

ГУР — местность в Хорассане, провинции Ирана (Персии)— 40.

ГУРЬЕВ или Гурьев городок, по калмыкски Узян-балгазин, г. в Каз. АССР, основанный в первой половине XVII в. купцом - рыбопромышленником Гурьевым. — 205, 206, 207, 228, 236.

Д

ДАВАН, Даванья — см. Фергана.

ДАГЕСТАНСКИЕ татары—так Страленберг и др. называли жителей Дагестана. — 143, 151.

ДАМГАН — г. в Иране. (Персии).— 106.

ДАОБИТЯНЬ или Битан — г. зимней стоянки Каньгюйского князя. Его местонахождение неизвестно. — 18.

ДАШТИ-КИПЧАК, даштцы, кипчакские степи — под этим названием были известны населенные тюрко-монгольскими кочевыми родами степи от Балхаша до Крыма и от Иртыша и Тобола до Хорезма и Каспия. — 69, 70, 72, 74, 87, 93, 94, 95, 96, 101, 106, 107, 108, 109, 111, 113.

ДЕРБЕНТ — г. на сев. Кавказе, в Дагестане. — 108.

ДЕРВАЗАН-СУФИ — ворота г. Отрара. — 42.

ДЖАКИЛЬ — г., находился на расстоянии ½ мили от Тараза. — 32.

ДЖАНКЕНТ — см. Янкинт.

ДЖАТЫР, джетыру, семиродцы — одна из родовых групп Малой (Меньшей) орды. — 149.

ДЖЕНД — г., развалины которого находятся к ю. зап. от г. Казалинска, в 20-ти клм., на левом берегу Сыр-дарьи.— 44.

ДЖЕСЛЫ-КЕНГЕР — ручей. — 210.

ДЖЕТЕ, или Чете —монголы, жившие в Ташкент-Сайрамской области. — 75.

ДЖИГАЛ - БАЙЛИНСКИЙ — род джагал-байли, поколения Джетыру, казакской Малой орды. — 149.

ДЖИКДАЛЫК, Джейдели — р. в Яны-курганском районе южного Казакстана. — 115.

ДЖУ — см. р. Чу.

ДЖУМГАЛ — р. в Кир. АССР., приток Нарына. — 99.

ДЖУНГАРИЯ, Дзюнгария, Чжунгария — территория, лежащая к сев. от Тянь-шаня и составлявшая в XVII—XVIII в.в. Джунгарское царство. Войны с Китаем привели последнее к падению. С 1758 г. Джунгария окончательно вошла в состав Китайской империи. В связи с

продвижением русских в глубь Ср. Азии, часть джунгарских владений отошла к России, войдя в состав тогдашних Семиреченской и Семипалатинской областей.— 141, 145, 242, 245, 246.

ДЖУНГАРЫ — калмыки, см. Джунгария.

ДЖУЧИ — род, улус, потомки старшего сына Чингиз-хана — Джучи. — 84, 85.

ДЗЮНГОРЫ, джунгары — см. Джунгария.

ДИАГУЗ — казакский род по Фальку. — 151.

ДИЕМЕНЕЙ-КАРАШ — каз. род по Фальку. — 151.

ДИЗЗАХ — г. в Уз. ССР. — 115.

ДИЛЕМСКОЕ МОРЕ — см. Каспийское море.

ДОБУСИ — г. в средние века на нынешней территории Уз. ССР. — 103.

ДОН — (Танаис) — четвертая по величине р. в Европейской части СССР.— 46, 205.

ДНЕПР (в древности Борисфен, у римлян Данаприс, у тюрков Узу или Узы, у татар Экси) одна из самых больших и важнейших р. СССР. — 46.

ДУНАЙ — вторая после Волги по длине и многоводию р. Европы. — 52.

ДУНХУАН — в древности областной, а ныне уездный г. в Ань-си-чжеу в Китае. Основан китайцами в 111 г. до н. э. — 19.

ДУРБАТ, дорбот, дюрбют — калмыкское племя, откочевавшее в 1723 г. из Джунгарии в Поволжье. — 249.

Е

ЕВФРАТ — одна из значительнейших и важных в историческом отношении р. зап. Азии. — 143.

ЕГИПЕТ — государство в сев. вост. углу Африки. — 71.

ЕКАТЕРИНБУРГ — г., ныне Свердловск на Урале. — 216.

ЕМБА — см. Эмба.

ЕНГИ-КЕНТ — см. Янкинт.

ЕНИСЕЙ — одна из великих р. Сибири и Азии, ее название происходит от испорченного русскими тунгузского слова Иоанеси (большая р.) 216.

ЕССЫ,— Яссы,— см. г. Туркестан.

ЕФРАТ — см. Евфрат.

Ж

ЖАЙМА-КЕШТИ — переправа на р. Урале по Шерифетдину — 80.

ЖАЙХУН — см. Аму-дарья.

ЖЕЛЕЗИНСКАЯ крепость на Иртышской военной линии, позднее — станица, при р. Иртыше, в 200 клм. к ю. в. от Омска. — 213.

ЖИБРАГУН — гора, отроги Тянь-шаня. — 32.

ЖИЛАН — р. по Рычкову. — 149 150.

ЖИЛЬСКОЕ море — см. Каспийское море.

ЖУРЖАН (по перс. Гурган) — г. около Аральского моря, известный впоследствии под именем Ургенч, от которого остались развалины в Каракалпак. АССР. — 108.

ЖУРЖАНСКОЕ море — см. Каспийское море.

З

ЗАБИД — г. в Иране. (Персии). — 111.

ЗАВОЛЖСКАЯ ОРДА — упоминается у Герберштейна. — 123.

ЗВЕРИНОГОЛОВНАЯ крепость, в позднейшем — станица, на прав. бер. р. Тобола, 266 клм. от г. Троицка.—147, 254.

ЗЕЛЕНЧИК — р. по «Книге Большого Чертежа», — 133.

ЗЕРНУК — г. на лев. бер. Сыр-Дарьи, против Отрара, от которого ныне остались развалины, — 45.

ЗМЕИНАЯ гора, Змеевая гора — см. Змеиногорск.

ЗМЕИНОГОРСК — поселок гор. типа в Зап. Сибирском крае, близ Каз. АССР. — В прошлом — серебро-свинцовый рудник. — 216, 220.

ЗОЛОТАРСКИЙ бугор. — 209.

ЗЮНГОРСКИЕ горы — джунгарский Алатау, горный хребет. — 221.

ЗЮНГОРЫ, Зюнгория — см. Джунгария.

И

ИБЕИТ—р., впадающая в Урал.—147.

ИГСУН-ЯСУ — область, населенная в древности уйсунами. — 29.

ИЕРУЗАЛИМ, Иерусалим — гл. г. Палестины. — 47.

ИИК — приток р. Сакмары. — 86.

ИКАН — г. на ю. в. от г. Туркестана (по Рычкову).— 197.

ИЛАНЧУК, Иланчик, джиланчик — см. Джилан.

ИЛЕК — г. Каз. АССР на р. Урале при впадении в него р. Илека, — 141, 147, 209, 210, 222, 226, 233, 234.

ИЛЕК — р., лев. приток Урала, в зап. части Каз. АССР. — 121, 133, 147, 222, 252.

ИЛЕЦКАЯ ЗАЩИТА — крепостца, ныне г. Илецк, Оренб. обл., в 68 клм. на юг от Оренбурга: в этой крепостце имело пребывание солянное правление илецких копей. — 222.

ИЛЕЦКИЙ ГОРОДОК или Илецкая станица. — см. г. Илек.
ИЛИ, Илэ, Иля — р., составляющаяся из двух р., берущих начало с сев. склонов Тянь-шаня — Текес и Кунгес. Впадает в оз. Балхаш, в Каз. АССР. — 152, 153.
ИЛИЙСК, Илийская область — китайская часть долины р. Или. — 221, 222, 245, 248, 249, 250.
ИЛЬИНСКАЯ крепость верхне-яицкой линии, между Оренбургом и Орском.— 147.
ИНДЕЙСКИЕ — см. Индия.
ИНДИЯ — ныне Британская колония в Азии. — 69, 169, 178 и др.
ИРАК — область между рр. Евфратом и Тигром, древняя Месопотамия, ныне подмандатное Великобритании арабское королевство. — 76, 108, 111.
ИРГИЗ, Иргиз-Суук, Иргис — степная р., впадающая в оз. Челкар-Тенгиз, на территории Каз. АССР.—146, 148, 169.
ИРТЫШ, Арташ, у калм. Эрцис по каз. — Ертис — р., гл. приток Оби, начинается в пределах Китая и протекает по территории Каз. АССР. — 29, 130, 141, 146, 152, 163, 174, 175, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 220, 231.
ИРТЫШСКАЯ линия — укрепленная линия от г. Омска до г. Усть-каменогорска — 930 клм. Эта линия, воздвигнутая в XVIII в., в дальнейшем была продолжена еще на 1 800 клм. с постройкой укреплений Кокпекты, Сергиополь, Верное, (Алма-Ата), и др. до соединения с Сыр-дарьинской линией (от Ташкента до Казалинска — 800 клм.) Эти линии возводились царским правительством под предлогом «защиты от обид и разорений», а на самом деле для удержания казаков в повиновении и для проникновения российского капитализма в Казакстан и через него в Ср. Азию. — 213, 214.
ИСЕТСКАЯ область — провинция, образованная в 1737 г. из частей нынешнего Тюменьского края и упразднена в 1781 г. при учреждении Пермской губернии. — 170, 215.
ИТАЛЬ. — см. Волга.
ИШИЛЬ — местность, где объединились две китайские армии, оперировавшие против Аблая в 1754 г. — 246.
ИШИМ, Исель, Эсель — р., левый, самый значительный приток Иртыша, протекающий по территории КазАССР.—146, 147, 149, 163, 177, 242, 254.
ИШИМСКАЯ линия—укрепленная военная линия российских колонизаторов на казакстанской территории. Сенатский обер-секретарь И. Кирилов писал 13 авг. 1736 г. правительству: «...Что-же до строения городков надлежит, — в том не на одно сие время, но вечный интерес зависит, и слава победоностного оружия Вашего Величества купно с отворением полезной коммерции во всю полуденную Азию, распространится, ибо в самых пустых и доселе неизвестных или брошенных местах несколько новых провинций под державу Вашего Величества прибудет с таким подземным плодом, о котором многие еще не верят...» (С. М. Соловьев. «Ист. Рос. с др. времен», т. XX с. 1540). — 141, 204, 212.

К

КААБА — древнее святилище арабов в г. Мекке, где находился среди идолов и черный камень, по преданию якобы принесенный с неба. — Впоследствии Кааба сделалась святилищем для мусульман.
КАБ — р. по Ибн-Хаукалу. — 31,
КАБАНЬЯ крепость, Ишимской военной линии, позднее — станица, ныне Караганд. обл., Каз. АССР. — 212.
КАВКАЗ—Кавказский горный хребет между Черным и Каспийским морями. — 49.
КАВРИК АРИФАН — замок под г. Бухарой в XV в. — 103.
КАЗАНЬ — ныне гл. г. Тат. АССР, основание которого относят к концу XIII в. — 166, 176, 233, 234.
КАЗАНСКИЕ (Поволжские) ТАТАРЫ — один из тюрко-монгольских народов, говорящих на тюркских диалектах. Проживают в Тат. и Баш. АССР и в бассейнах Волги и Урала, а также встречаются почти во всех районах СССР, составляя в Аз. части СССР заметный процент городского населения. Каз. татары в XVI—XVIII вв. играли роль торговых посредников между Россией и Ср. Азией, т. к. средне-азиатские государства представляли им, как мусульманам, больше торговых льгот, чем русским. — 143, 136, 144, 185, 193.
КАЗАЧИЙ — город, городок — по предположению А. Макшеева такое поселение существовало до основания Илецкого городка (Илека) и было занято яицкими казаками или какими либо беглецами из Московского государства. — 133.
КАЙЛАК — вероятно Kayalik, Kaligh, Khaulak у мусульманских писателей, Haiva-li у китайских; находился, по Шмидту, немного к зап. от нынешнего Копала (Малеин). — 50.
КАЙМАКИ, Кимаки — кочевой народ тюркского происхождения, владения которого, повидимому, простирались от Иртыша до Камы. — 29, 30, 34.
КАЛМЫКИ, джунгары — народ зап. ветви монголов, часть которого в XVII в.

перекочевала из Центр. Азии в низовья Волги; сыграли значительную роль в крестьянских восстаниях, в частности — в Пугачевщине. Царское правительство создавало искусственную вражду между калмыками и казаками. — 121, 133, 141, 142, 145, 151, 156, 165, 170, 180, 183, 190, 198, 199, 200, 203, 204, 223, 224, 225, 226, 227, 229, 232, 237, 238, 241, 242, 249, 251, 253.

КАЛМЫКОВСКАЯ крепость на р. Урале. — 178.

КАЛЯС — по Рычкову р. около г. Туркестана (Келес?). — 146.

КАМЕНКА — речка у Семипалатинска, Каз. АССР. — 174.

КАМЧАТКА — приток р. Илека на территории Каз. АССР. — 222.

КАМЫШЛА — р., приток Ори.—142, 148, 150.

КАМЫШЛА-ИРГИЗ — р., рукав Иргиза. — 148.

КАМЫШЛОВСКОЕ озеро. — 213.

КАНГИТЫ, кангюй, канглы, канлы — тюркское племя. По Плано-Карпини и Рубруку их кочевья находились в низовьях Сыр-дарьи и Каракумах. В настоящее время Канглы, как род, имеются у казаков, каракалпаков, киргиз и узбеков.— 18, 47.

КАНГЛЫ — см. Кангиты.

КАНГЮЙ — возможно, что это теперешний Сайрам...— 18, 23.

КАНДАХАР — г. в Афганистане. — 111.

КАНДЖАГАЛЫ — поколения аргинского рода казакской Средней орды — 150.

КАОКАЗАЛАКСКИЕ горы. — 245, 296.

КАРА-АБДАЛ — местность на Сырдарье в теперешнем Яны-курганском районе Каз. АССР. — 110.

КАРАБАЛЫК — род кипчакского поколения казакской Средней орды.—150.

КАРАКАЛПАКИ — тюркская народность, родственная казакам и узбекам, ныне в основном населяет Каракалпакскую АССР. — 143, 152, 176, 180, 181, 228, 148, 235, 255.

КАРАКИСЯК — поколения Аргинского рода казакской Средней орды: — 150.

КАРАКИТАЙСКИЙ, каракитейский род — тюркский род. — 149.

КАРАКИТАИ — или Кара-кидаки — тюркский народ, пришедший из сев. Китая, господствовавший в Средней Азии в XII в. Их столица была Хосум-орда на берегу р. Чу.

КАРАКОЛЬЦЫ — 219.

КАРАКОРУМ — г., по Мукаджим-баши находившийся на р. Сыр-дарье.— 34,

КАРАКУЛЬ — г. между Аму-дарьей и Бухарой (Уз. ССР). — 101.

КАРАКУЛЬ — оз. название многих озер в Ср. Азии. — 148.

КАРАКУМ (черные пески)— название многих песчаных пустынь в Ср. Азии. Величайшая из них расположена между Каспийским морем и Аму-дарьей.—121, 133.

КАРАКУМ — урочище, упоминаемое у Абулгази. — 34, 148.

КАРА-КУРУМ — местность, лежавшая на пути между Яныкентом и Хорезмом, упоминается у Рашид-эд-дина. — 104.

КАРАСМАН или Караспан — г., бывший при Бадаме, впадающем в р. Арысь; ныне осталось городище. — 75.

КАРА-СУ — речка, на которой стоит г. Туркестан. — 204.

КАРАТАЛ — урочище на р. Чу против оз. Кукуй-куль, ниже поселка Гуляевки; там же имеется переправа того же имени, к которой с верховьев р. Сары-су подходит большая караванная дорога, известная под именем Касым-хановской. — 96.

КАРАТАЛ — урочище на р. Сырдарье в Туркестанском районе Каз. АССР. — 115.

КАРАТАУ, Карачатау, Каречестау, Жабал-сиях — горный хребет; в Каз. АССР их два: один на Мангышлакском полуострове, другой — в Юж. Казахстане. — 133, 150, 177, 196, 204, 250.

КАРАУЛ — поколение аргинского рода казакской средней орды. — 150.

КАРАЧАТОВА гора — хребет Каратау — см. Каратау.

КАРАЧАТАУ, см. Каратау.

КАРАЧИК — узбекское селение в Туркестанском районе, Каз. АССР; там сохранились развалины старого Карачика. — 77.

КАРГАЛА, Сеитовский посад — поселение в 22 клм. к с.с.в. от Оренбурга; основано в 1746 г. татарином Сеитом Аминовым Хаяллином, выходцем из Казанской губернии, который вызвался устроить близь возникавшего тогда Оренбурга торговую слободу и завязать торговые сношения с бухарцами, хивинцами и др. соседними азиатскими народами. Слобода быстро возросла. В 1773 г. она была занята Пугачевым, который переименовав ее в Санкт-Петербург, во время осады Оренбурга имел здесь свою резиденцию (П. Семенов. Геогр. стат. словарь Р. Империи. т. IV, 536) — 211.

КАРГАЛИНСКИЕ татары — см. Каргала.

КАРГАЛИНСКИЕ медные рудники, в 40 клм. от Оренбурга, разрабатывавшиеся в XVIII—XIX вв. — 211.

КАРЕЛЫ — народность западной (балтийской) группы финнов, ныне Карельская АССР. — 120, 121.

КАРШИ — см. Несеф.

КАРКИ — ныне г. на́ Аму-дарье в Турк. ССР. — 118.

КАРЛУКИ, Карлыки — тюркский народ. — 39, 120.

КАРСАК-БАШИ — озеро. — 150.

КАРТМАЛТАК, Кыркмултык, казакский род в Средней орде, а по Фалку — в Малой. — 151.

КАСИМОВСКИЕ татары, касимовские татары — происходят от существовавшего в 1452—1677 гг. в городе Касимове, в 130 клм. к с. в. от Рязани татарского царства. — 143.

КАСПИЙСКОЕ, Жильское, Журжанское, Дилемское, Табаристанское, Хвалынское, Хозарское море — величайшее оз. земного шара, лежащее между Европой и Азией. — 29, и мн. др.

КАССАКИ — так Дженкинсон именует казаков. — 124.

КАССЕЛЬГУРТ — казакский род кызыл-курт, Байулинского поколения Малой орды. — 151.

КАТАЙЯ — страна, упоминаемая Рубруком. — 57.

КАШАЙ — казакский род по Фальку. 151.

КАШГАР — г. в Синь-Цзяне (Китай). — 34, 41, 98, 99, 100, 109, 127.

КАЯЛЫК — бывший г. в нынешней Алма-Атинской области, Каз. АССР, который, повидимому, находился на берегу р. Аксу. — 40.

КАЯТ — см. Аят.

КЕЛАТ — г. в Белуджистане (между Ираном (Персия), Афганистаном и Индией). — 103.

КЕЛЕС — река. — 112.

КЕЛУРЕН, Керулен — р. в Монголии, приток Амура. — 39.

КЕНБАЙ — местечко в Мауаранахре в XV—XVI вв. (в Мияикале). — 113.

КЕНДЕРЛИК, Тирс — Кендерлик—р.; по Макшееву р. Кендерлик, впадавшая в Сыр-дарью, не оставила следов своего существования; место ее впадения было где-то около Кызыл-орды, Каз. АССР. Что касается р. Кендерлик — впадающей в Сары-су (Кингар), то она вытекает несколькими истоками из Улу-тау. — 116, 133.

КЕНДИР-ТАГЫ, по Бартольду «гора конопли» (см. «Отчет о поездке в Ср. Азию», стр. 107) — 30.

КЕНШАЛЬБАН — казакский род по Фальку. — 151.

КЕРГЕЗСКИЕ татары — см. буряты.

КЕРКИС, Киргиз — упоминаемая Рубруком страна киргизов. — 57.

КИЗИЛЬСКАЯ крепость, — существовала на Верхнеяицкой линии. — 148.

КИИЛ — р., впадающая в оз. Каракуль. — 148.

КИМАКИ — см. Каймаки.

КИНГИ — народ упоминаемый Дженкинсоном. — 127.

КИНЧАТ, варианты Kenchac, Kenchat, Kinchat; у восточн. писателей Kedjek; г., вероятно, в бассейне р. Таласа (А. И. Малеин). — 48.

КИПЧАК — род казакской Средней орды. — 150, 151.

КИПЧАКИ — название племенных и родовых групп у различных тюркских народностей. До XII в. кипчаки были сильным и самостоятельным племенем—(Кипчакская орда). — 29, 30.

КИРГИЗЫ, кыргызы, у китайцев буруты, прежде не точно именовавшиеся каракиргизами, — коренная тюркская народность Ср. Азии из с. в. группы тюрков. Раньше киргизами ошибочно называли также казаков. — 98, 99, 100, 144, 145, 146, 204, 251.

КИРКИРХАН — область, сопредельная с каймаками. — 29.

КИТАЙ, Катай, Срединная Империя, по-китайски с 1912 г. Чжун-хуа-минго — Средняя цветущая республика — государство в Азии. — 19, 221, 240, 247, 249. и др.

КИТЕЙСКИЙ — род кете, поколения алимулинск., казакской Малой орды. — 149, 151.

КИЧИК-ТАУ, Гер-таг-гора в центральном Казакстане, в Карсакпайском районе. — 34, 77.

КИЧИК-ЮЗ — см. Малая орда.

КИЧИН-ЮЗ — проход на дороге от Балхаша в Китай по Иакинфу. — 250.

КИ-ШАНГ-НА, Касанна, Кашана — по Сюань-цзяну область в низовьях р. Зеревшана. — 21.

КОБДА (Хобда) БОЛЬШАЯ — река, впадающая в Илек. — 147.

КОЗЫБАШИ — горный джайлау на Курдае против Таргана. — 94.

КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО — нынешняя Фергана в Уз. ССР, присоединено к России в 1875 г.; ко времени прихода русских в Ср. Азию Южный Казакстан, Киргизия и Ташкент входили в его состав. — 111.

КОКИЯ — повидимому Уральские горы. — 32.

КОЛЧАНБАЙ — река. — 238.

КОЛЫВАНО - ВОСКРЕСЕНСКИЕ горные заводы (см. Колыванские и Воскресенские рудники) — так назывались до 1831 г. Алтайские горные заводы.—215.

КОЛЫВАНСКИЕ горы — гранитные

отроги зап. Алтая, близь оз. Колывани— 216.

КОЛЫВАНСКИЕ рудники — название Алтайских рудников; в собственном смысле Колыванский медный рудник лежал примерно в 30-ти км. к с. в. от Змеиногорска, на территории современного Зап.-Сибирского края 219, 220, 221.

КОМАНЫ, куманы, половцы, кипчаки — тюркское племя, обитавшее в степях южной России. В 1224 г. разбиты монголами. Плано-Карпини и Рубрук, проезжавшие Команской степью, видели следы монголо-татарского нашествия. В настоящее время Кипчаки как род, имеется у казаков, каракалпаков, киргиз, узбеков, туркмен, башкир и т. д. — 46, 47, 65.

КОМУЦКИЕ ТАТАРЫ, кумыкские ногайцы, — живут по р. Куме в Сев. Кав. крае. — 143.

КОНДУРЧА—приток р. Сожа, Средн.-Волжского края. — 83.

КОРЯКОВСКИЙ форпост — ныне г. Павлодар, Каз. АССР. — 213, 214.

КОРЯКОВСКОЕ солянное озеро — в 20-ти км. от Павлодара, Каз. АССР — 214.

КОЧКАРКА, Кочкар — верховье р. Чу, долина которой очень удобна для зимней стоянки кочевников; теперь там существует большой животноводческий совхоз. — 98, 99, 100.

КОШ-ЯИК — остров при впадении р. Илека в Урал. — 133.

КРАСНОГОРСКАЯ крепость, в 40 км. выше Оренбурга по р. Уралу.—147, 167.

КРАСНОГОРСКОЕ—село.—217, 218.

КРАСНОЯРСКОЕ — село на Иртыше между Семипалатинском и Усть-каменогорской. — 217, 218.

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО — занимало Крымский полуостров и отчасти земли на сев. и вост. от него. С XIII в. Крым. ханство являлось уделом Золотой Орды, в XV в. стало самостоятельным, но в конце XV в. сделалось вассалом Турции. В 1783 г. Крым присоединен к России; ныне Крымская АССР. — 71, 72, 143, 114, 135, 151.

КУБАНСКИЕ (скибанские) ТАТАРЫ — на р. Кубани в Сев. Кавк. крае.— 143, 151.

КУБЕЖ — речка, приток Урала.—208.

КУВАН-ДАРЬЯ — р., рукав Сырдарьи, отделяющийся от нее с юж. стороны ниже г. Кызылорды. — 255.

КУК (кюк) САРАЙ — Самаркандский дворец. — 43, 44.

КУЛЧАН-АРГИНСКОЕ поколение аргинского казакского рода по Рычкому 150.

КУЛЬ — городок, находившийся в древности на р. Таласе. — 32.

КУМАК — р., впадающая в Урал, выше Орска. — 148.

КУНДЕЛЕН, Кульденeнг—род Кюльденен Кипчакского поколения казакской Средней орды. — 150.

КУНДРОВСКИЕ ТАТАРЫ—отдельное племя ногайцев. Первоначально жили на р. Кубани и около Пятигория (Бештау); к половине XVIII в. покорены калмыкским тайшею Дундук-Омбо. Во время откочевки калмыков в Китай (при Екатерине II-й), Кундровцы остались кочевать по р. Куме. — 235.

КУНДЖИД — г., находившийся вблизи нынешнего г. Туркестана. — 31.

КУНКАШ, Кунгес — один из верхних притоков р. Или, в провинции Синьцзянь, в Китае. — 98.

КУТУЛУК-БАЛЫК, Зернук — г., от которого остались развалины на лев. берегу Сыр-дарьи, в Шульдерском районе, Каз. АССР.— 45.

КУРЛАК — гора в окрестностях г. Туркестана по Рычкому («Топогр. Оренбург.»). — 205.

КУРТАМЫШ — пригород. — 254.

КУФА, Куфина, Куфинский округ — в Мауаранахре в XV—XVI вв.—103, 109.

КУШ, Куч — г. в нынешнем Син-цзяне, в Китае. — 40, 99.

КУШЧИ — род у киргизов. — 120.

КУЗЫЛ (Кзыл) БАШ — см. Персия.

КЫНГЭЛШУЛА — название русского пограничного караула по Иакинфу. — 249.

КЫРК-КУЛЬ — озеро где-то между Оренбургом и Самарой, упоминаемое у Шерифэддина. — 81, 82.

Л

ЛИТОВЦЫ — народ летто—литовской языковой группы, живущий основной массой в Литве, отчасти в Виленщине и Восточной Пруссии. — 123.

ЛОЮЕНЬ — неизвестное место, упоминаемое у Чжен-Цзяня. — 18.

М

МАВАРАННАХР — см. Мауранахр.

МАЖГАРЫ — народ, повидимому, мещеряки (см.) 30, 120.

МАЗАКИЯ — г. Каймаков, существовавший на территории нынешнего центрального Казакстана. — 29.

МАЗАРИ-ХОДЖА - БЕГ-ЭД-ДИН (Ходжа Багаэддин) — место в 9 км. от г. Бухары. — 118.

МАЛАЯ (Меньшая) ОРДА казакская, Кичик-юз. — 143, 145, 146, 147, 148,

150, 163, 164, 177, 182, 183, 184, 225, 226, 239, 242, 246, 254, 256.

МАЛИНОВОЕ озеро — в 140 км. к вост. от г. Гурьева. — 207.

МАЛЫШЕВСКАЯ СЛОБОДА.– 214.

МАНГЫТЫ, Ногая — народ, кочевавший на Яике (Урале), Иргизе, и Тургае и одно время составлявший самостоятельное ногайское ханство; впоследствии в основной своей массе слились с казаками и вошли в состав Малой орды.—98, 101.

МАНГЫШЛАК — полуостров, вдающийся в Каспийское море, ныне Гурьевский район Каз. АССР.) — 101, 122, 126, 256, 257.

МАНЧЖУРЫ — народ, населяющий Манджурию; его феодалы с 1644 до 1912 г. занимали китайский престол.

МАУРАНАХР, Мавараннахр, Мавераннехр—часть Ср. Азии, лежащая между рр. Аму — и Сыр-дарьями; такое название этой местности дали арабы (у Вельяминова-Зернова — Мавераннагр.) — 29, 35, 40, 103, 105, 108, 109, 111, 117, 118, 119.

МАШКАРСКИЙ — казакский род маскар, байулынского поколения Малой орды. — 149, 151.

МЕДИНА — т. е. «город пророка», г. в Аравии, один из священных городов ислама. — 105.

МЕККА — священный город ислама в Аравии. — 105.

МЕРВ — г. Турк. ССР. — 92.

МЕРГИТЫ — одно из монголо-тюркских племен. — 39.

МЕЩЕРЯКИ, мишари, мишэр, мещера — народ финно-угорской группы, ныне проживающий в Баш. АССР и в других местах РСФСР. — 240.

МИАНКАЛЬ, Миянколь—междуречье между Кара-дарьей и Ак-дарьей, двумя протоками р. Зерефшана; в обширном смысле — область между Самаркандом и г. Бухарой. По Вельяминову-Зернову— Бухарская провинция (т. 2, с. 348) 117, 114.

МИНЛИБАЙ — р., впадающая в Орь. — 147, 148.

МОАЛА — см. Ионголы.

МОАТ — казакский род по Фальку.— 151.

МОГОЛИСТАН — восточная часть улуса Чагатая, от Ташкента до Джунгарии; там царствовала одна из отраслей династии Чагатая, по линии Тоглуг Тимура, умершего в 1362 г. Позднее из Моголистана выделилось Ташкентское удельное ханство под владычеством сыновей Жунус-хана.—93, 94, 95, 96, 98.

МОКСЕЛЬ—народ, упоминаемый Рубруком. — 57.

МОНГОЛЫ — народ, известный с XIII в.; ныне основная масса монголов живет во Внутренней монголии — в пределах Китая и Монгольской народной республики и на территории СССР — буряты, калмыки и др. — 44, 144, 151, 213, 214, 221, 222.

МОСКОВИЯ — так иностранцы называли Московское государство, предшествовавшее образованию Российской империи. — 122.

МОЧА — р., упоминаемая Палласом.— 168.

МУЗГАР — отроги Тянь-шаньского хребта. — 34.

МУЛАН — местность, упоминаемая у Эмбо. — 248.

МУЛТАН — г. в Индии. — 72.

МУРЗАБУЛАК — р., приток Урала.— 148.

МЫНГ-БУЛАК — переводчик С. Жульен место пребывания Мынг-булака показывает к зап. от г. Аулие-ата, в низовьях р. Асы, но это сомнительно; согласно указываемого расстояния Сюань-цзяном, надо искать его в районе рр. Карабалты, Асфары и Мерке у Сев. подножия Александровского хребта. Здесь весною степь сплошь покрывается густым маком красного цвета, чего не наблюдается в пустыне нижней Асы. Тут же проходят кочевые пути на знаменитые горные пастбища Су-самыр, куда, надо полагать, каждое лето перекочевывал хан тукию (тюрок). — 22.

Н

НАБ-КОАК — селение под г. Бухарой в XVI в. — 103.

НАЙМАН — казакское поколение Средней орды. — 150, 151.

НАЙМАНЫ — одно из крупных тюркских племен, долго воевавшее с монголами. Найманы есть также, как род, среди казаков, узбеков и киргиз. — 5, 39, 120, 245.

НЕВЬЯНСКИЕ заводы — в 93 км. к св. зап. от Свердловска, основанные в 1699 г. и отданные в 1702 г. Демидову; железоделательные, чугуноплавильные и золотопромышленные заводы. — 220.

НЕСЕФ, Карши, Бек-Буди — г. в нынешней Уз. ССР. — 113, 114.

НИКОЛАЕВСКИЙ серебро-свинцовый рудник — между рр. Убою и Таловкою, в 70 км. к югу от Змеиногорска.—218.

НОВОСЕРГИЕВСКАЯ крепость — между Оренбургом и Бузулуком. — 233.

НОВОШЕСМИНСК — пригород на «закамской» линии укреплений, возведенной в 1652 г. Ныне село в Тат. АССР.— 176.

НОВО-ШУЛЬБИНСКИЙ форпост,

ные село Шемонаихенского района, Каз. АССР. — 215.

НОГАИ, ногаи, ногайцы — тюркское племя (Ногайская орда), разделявшееся на Больших и Малых ногаев; ныне народ — проживающий в Дагест. АССР и Сев.-Кавк. крае. — 121, 122, 123, 125, 143, 152.

НУЛА — местность, к которой направились в 1754 г. войска казаков — сторонников Амурсана. — 245, 246, 247.

НУР—ныне Нурата, г. в Уз. ССР.—45.

НУ-ЧИ-КИЕН — вероятно этот г. находился там, где теперь, в 6—7 км. к ю. з. от г. Чимкента, в Каз. АССР, на берегу р. Бадама, сохранились развалины крупного поселения. — 23.

О

ОБЩИЙ СЫРТ — возвышенность на ю. в. Европейской части СССР, продолжающаяся и на территории Каз. АССР.— 210.

ОБЬ, у татар Омар или Умор, — одна из крупнейших рек Сибири; образуется из слияния рр. Катуни и Бии, берущих начало в ледниках Алтая. — 214, 219, 220.

ОЗЕРНАЯ — б. крепость, позднее станица Верхне-озерная, в 120 км. к в. от Оренбурга при р. Касимке и озерках Широком и Татарском, близь р. Урала. — 222, 229.

ОЗЖИФЖАК — область, приналежавшая каймакам. — 29.

ОЙС — г., по Ибн-Хаукалу в районе Каратауского хребта Каз. АССР. — 31.

ОКСУС — древнее название р. Аму-дарьи; см. Аму-дарья.

ОЛОТЫ, Элуты — монгольское название калмыков. — 222, 249.

ОМСК — г. Зап.-Сиб. края при впадении р. Оми в Иртыш, основан в 1716 г. подполковником Бухгольцем в колонизационных целях. — 163, 212, 215, 217, 225.

ОМАЛ, у китайцев Йем-ли, ныне Имиль — г. на р. того же имени, немного к Западу от оз. Кизил-баша (Малеин) — 47.

ОРДУКНД — г. Кашгар в Китайск. респ. — 34.

ОРГАНУМ — по Малеину—Альмалык или Кульджа, в Синь-цзяне (в Китае)— 50.

ОРЕНБУРГ — г. на правом берегу р. Урала. Первоначально построен в 1735 г. стат. советником Кириловым на р. Ори в целях колонизационных. В 1740 г. перенесен на урочище Красной Горы на р. Урале, при чем г. на Ори стал называться Орской крепостью, позднее — Орском. В 1743 г. Неплюевым город вновь перенесен на р. Урал в 70-ти км. от Красной горы. В 1734 г. учреждена Экспедиция Оренбургская, в ведении которой находилось управление Оренбургским краем до 1744 г. В 1744 г. была учреждена Оренбургская губерния, губернатором которой назначен Неплюев. К новой губернии отошли все вновь построенные на границе и строящиеся крепости с регулярными и нерегулярными войсками и прочими поселенцами; кроме того Оренбургский губернатор должен был «ведать киргизский народ и тамошние пограничные дела» (С. Соловьев, «История России»... т. XIII, с., 630). — 147, 148, 149, 150, 151, 158, 159, 160, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 173, 205, 209, 210, 211, 212, 222, 223, 229, 231, 232, 233, 234, 236, 237, 238, 240, 241, 242.

ОРЛЕАН — г. во Франции, примерно в 100 клм. на ю.-з. от Парижа. — 47.

ОРНАС — г., находившийся, по Малеину, на Сыр-дарье, по соседству с гг. Бархином и Янкинтом. — 47.

ОРСК, Орская крепость, по каз. Жаман-кала («дурная крепость») — г. при устье р. Ори — см. Оренбург. — 146, 147, 148, 149, 150, 172, 204, 232, 233, 234, 235, 255, 256.

ОРЬ — р., левый приток Урала. — 121, 147, 148, 164, 166, 167, 228, 229, 243.

ОСТЯКИ — народ угро-финской языковой группы, живущий по Оби, Иртышу и их притокам. В XVI в., при завоевании Сибири русскими, оказали упорное сопротивление. — 130.

ОТРАР — г., развалины которого, по Макшееву, находятся к югу от г. Туркестана, на прав. берегу р. Арыси, ок 10 км. от впадения ее в Сыр-дарью. — 42, 43, 44, 45, 73, 87, 102, 106, 197.

П

ПАРИЖ — столица Франции. — 47.

ПАСКАТУ — (в др. местах Pascativ) — Башкирия. — 57.

ПЕКИН — прежнее название б. столицы Китая Пейпина. — 222, 248.

ПЕРЕКОПСКАЯ ОРДА, упоминается Герберштейном. — 123.

ПЕРСИЯ, Кызыл-баш, ныне Иран, государство в Передней Азии. — 104, 163, 165, 198, 242, 256.

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ крепость, Петропавловск, по каз. Кызыл-Джар, — г. Каз. АССР, основан в 1752 г. при устройстве Ишимской линии. Торговля Петропавловска с казаками началась в 1759 г. — 162, 163, 212, 213, 240, 253.

ПЕШУЙ — г., находившийся вблизи нынешнего Манкента, в Южном Казакстане. — 22.

ПИ-ШУ-ШАН — летний дворец китайского императора в провинции Жехе. — 247.

ПОДСТЕПНОЙ — один из устьев р. Яика (Урала). — 207.

ПОЛУДЕННАЯ крепость, ныне селение в Каз. АССР, в 50 км. к востоку от г. Петропавловска. — 213.

ПРЕСНОВСКАЯ крепость Ишимской линии — ныне ст. Пресновская, Караган. области, Каз. АССР. — 212.

ПРЕСНОГОРСКОЕ (Пресногорковское) УКРЕПЛЕНИЕ, Ишимской линии — ныне село Пресногорковское, Караганд. обл., Каз. АССР. Было одним из укреплений военной линии от станицы Звериноголовской до Омска (630 км.), возведенной царским правительством под предлогом обеспечения «защиты от обид и разорений», а на самом деле для удержания казаков в повиновении и покорности и для содействия проникновению российского капитализма в Казакстан и через него в Ср. Азию. — 212, 253.

ПРЕЧИСТЕНСКАЯ крепость, позднее станица — в 50 км. от Оренбурга при р. Сакмаре, основанная Неплюевым в 1743 г. — 169.

ПУЛИ САЛАР — местечко в XVI в. в Сев. Афганистане. — 118.

Р

РА — р. Волга; первым из классических писателей древности, упоминающим про Волгу, был Птоломей (III в. н. э.), давший ей имя Rha см. Волга.

РАССЫПНОЕ укрепление — между р. Илеком и Оренбургом. — 222.

РАССЫПНОЙ ЧЕРКАС — урочище около Илецкого городка, упоминаемое Рычковым. — 233.

РЕДУТ ЧЕСТНОГО КРЕСТА — между Сорочинской и Ново-Сергиевской крепостями на Закамской линии (между Оренбургом и Бузулуком). — 233.

РУСЬ — часто встречающееся название русского народа и занимаемой им страны в древности. — 120.

С

САВРАН, Сабран, Сауран — см. Ясыван.

САГАНАК, Сунак Сигнак, Сунах-Ата — древний г., развалины которого находятся в 20 км. к сев. вост. от стан. Чиили, Ташкентской ж. д. По П. И. Лерху — г. Сыгнак, находившийся на месте развалин Сунак-курган (Сунак-ата), был центром Кипчакских владений и имел большое значение еще в период монгольского завоевания. — 44, 73, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 133.

САГИС — р., впадающая в Каспийское море, между рр. Уралом и Эмбой. — 210.

САЙРАМ, Сарьям, Сайрям, — г. в древности, ныне селение в Южном Казакстане около Чимкента. — 95, 96, 105, 110, 111, 114, 115, 133.

САЙХУН — арабское название Сырдарьи. См. Сыр-дарья. — 74, 104.

САЙЯНСКИЕ (сойотские) ТАТАРЫ — народ, живущий в верховьях р. Енисея, теперешнее название — тува, население Танна-Тувинской республики. — 143.

САКСИС — местность, упоминаемая Фальком. — 155.

САКМАРА, Семур, Камыш-Сакмара — р., правый приток Урала. — 80, 169, 210, 231.

САМАРА — р., лев. приток Волги; начинается в Оренбургской обл. — 169.

САМАРА, Самарский городок — ныне г. Куйбышев. Предположительный год основания этого г., расположенного на Волге, 1586. В 1773 г. ее взял Пугачев. — 169, 231.

САМАРКАНД — древний г. в Узбекистане, существовавший уже в эпоху Александра Македонского, который взял его в IV в. до н. э., затем был столицей Тамерлана (Тимура) в конце XIV—XV вв. — 34, 43, 74, 95, 102, 103, 104-106, 108, 117, 118, 119.

САНА — г. в Йемене в Араваии. — 111.

САНД, Синд, область нижнего течения р. Инда в Индии. — 72.

САНЖАБ — г., находившийся в районе между Сыр-дарьей и Таразом. — 32.

САРАЖУК — см. Сарайчик.

САРАЙ — столица Золотой орды; остались развалины на бер. Волги выше Астрахани. — 73, 82, 87.

САРАЙЛИ, Сорила — р., по «Книге Большого Чертежа». — 116.

САРАЙЧИК, Сарачик, Саражук, Сарайжук, Сарайчук — г., основанный в перв. пол. XIII в. кипчакским ханом Батыем на нижнем течении р. Урала, ныне станица того же названия в 48 км. от г. Гурьева, вверх по течению р. Урала; от г. остались развалины. — 73, 87, 96, 124, 205.

САРА-СУ, Сары-су, сырсы, Сурсы — р. в южном Казакстане, впадающая в Тиянкуль — 133, 147, 149.

САРАТОВ — г. на прав. берегу Волги. — 239.

САРТЫ — см. Узбекистан.

САРУК-УЗЕН — нынешняя р. Сарысу в Каз. АССР. — 77.

САРЫКАМЫШ — оз. на территории Турк. ССР, на границе с Каракалпакской АССР. — 127.

САРЫК-КУЛ — проход и ущелье в Бадахшане (Тадж. АССР). — 39, 41.

САРА, Сыры, Сари-Тургай — р., приток Тургая. — 150.

САРЬЯМ — см. Сайрам.

САТРУШТИ — нынешний г. Ура-тюбе в Уз. ССР. — 31.

САУК — возможно, что это р. Терс-Аккан, приток Ишима, однако один из притоков Тургая, близь зимовки Ченга, назывался Суук-булак. — 121, 133.

САУРАН — см. Ясырван.

СЕЙХУН — см. Сыр-дарья.

СЕЛЛИЗУРА — г., упоминаемый Дженкинсом. — 126.

СЕМИПАЛАТИНСК — г. Каз. АССР на р. Иртыше, первоначально крепость, построенная с колонизаторскими целями полк. Ступиным в 1718 г. В 1804 г. в нем учреждены таможня и меновые дворы. — 162, 174, 175, 214, 216.

СЕМИРОДЦЫ — см. Джетыру.

СЕМИЯРСК, Семиярская станица — на р. Иртыше, в 150 км. ниже Семипалатинска. — 215.

СЕМУР — см. Сакмара.

СЕРИР — страна, по Ибн-Халдуну, к сев. зап. от Каспийского моря. — 33.

СЕРКЕТ — казахский род черкес, байулинского поколения Малой орды. — 151.

СИБИРСКАЯ губерния, Сибирь — так в прошлом называлась вся Азиатская Россия за исключением Средн. Азии. — 240, 241.

СИБИРСКАЯ линия — линия крепостей, созданная царским правительством на границе тогдашних киргизских степей в целях военной колонизации края. — 146, 212.

СИБИРЬ (Искер) — в прошлом г. на р. Иртыше, столица хана Кучума. — 132.

СИГНАК — г., развалины которого находятся в Яныкурганском районе Казак. АССР. — 102.

СИЖЖАН — упоминается у Ибн-Батуты. — 71.

СИНЕЕ МОРЕ — см. Аральское море.

СИРИЯ — страна в Передней Азии. — 56.

СКИФЫ — собирательное имя степных народов, кочевавших в древности главным образом в северном Причерноморьи, между Днепром (Тирасом) и Доном (Танаисом) и далеко на сев. вост. Язык скифов и границы их распространения то но до сих пор не выяснены. Следы пребывания их находят и в Азии. Главными литературными источниками о скифах служат Геродот, Гиппократ, Аристотель, Страбон, Птоломей и др. — 52.

СОГДИАНА, Согде, согдианцы — древнее название Самаркандской области и ее жителей. — 12, 13, 117.

СОКУК — см. Тургай.

СООНГАРЦЫ — см. Джунгарцы.

СОРОЧИН — городок, находившийся в 60 км. выше устья Урала, на месте Сарайчика. В 1484 г. взят приступом атаманом Нечаем. — 208, 225, 233.

СОСАК — г., в 70 км. от г. Туркестана по Рычкову (Сузак?) — 205.

СРЕДИННАЯ ИМПЕРИЯ — см. Китай.

СРЕДНЯЯ КАЗАКСКАЯ ОРДА — 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 163, 172, 173, 175, 177, 194, 227, 230, 232, 235.

СТАНОВАЯ крепость — в 50 км. к зап. от г. Петропавловска. — 212.

СТАРО-ШУЛЬБИНСКИЙ завод и деревня — при впадении р. Шульбы в Иртыш. — 215.

СТЕПНАЯ крепость — на Уйской линии, в 86 км. к зап. от г. Троицка. — 211.

СУ-Е — см. р. Чу.

СУДЖА — р. Чу. — 39.

СУЗАК — в прошлом укрепленный г., находится у сев. подножия хребта Каратау, центр теперешнего Судакского района Каз. АССР. — 101.

СУЛДУС — монгольский род, игравший видную роль в Ср. Азии. — 84.

СУ-ЛИ — так называли китайцы все страны, лежавшие между Суябом (близ Токмака) и нынешним Шахрисябом в Уз. ССР. — 21.

СУНАК — см. Саганак.

СУНГУЛУК, Суундык — проход в горах Каратау между Бабай-курганом и Сузаком; при казакских ханах там добывался свинец. — 117.

СУНДУК, Сувиндук — р., приток Урала — 148.

СУРАЗАР — река. — 146.

СУС — г., находившийся в древности в долине р. Талас. — 32.

СЫР, СЫР-ДАРЬЯ, Яксарт, Сигун, Сайхун, Сейхун, Хуженд, Хужанд, у древних китайцев Е — р., протекающая по южному Казакстану и впадающая в Аральское море. Первые сведения об Аксарте (Яксарте) встречаются у Геродота и Страбона, по мнению которых река впадала в Каспийское море. По данным арабских авторов X—XIII в. в. Сыр-дарья впадала в Аральское море. — 32, 34, 45, 93, 102, 104, 105, 106, 107, 109, 110, 113, 114, 115, 121, 133, 146, 148, 152.

СЫРСЫ, Сурсы — см. Сарасу.

СЫРТ ВЕРХНИЙ — р., см. Сыр-дарья.

СЮРЮ — кишлак, по Рычкову в 8 км. от г. Туркестана, позже слившийся с последним. — 205.

Т

ТАБАРИСТАН — древнее название провинции, лежавшей на юж. побережье Каспийского моря. — 30.

ТАБАРИСТАНСКОЕ море — см. Каспийское море.

ТАБИШ — казакский род джетыруского поколения Малой орды. — 151.

ТАБЫНСКИЙ род — казакский род поколения джетыру Малой орды. — 149.

ТАБЫНЦЫ — казаки, принадлежавшие к роду табын, поколения джетыру Малой орды. — 252, 253.

ТАВОЛЖАНОВСКОЕ озеро — недалеко от г. Павлодара — 214.

ТАЙЛ-ИРГИЗ — р., рукав Иргиза.— 148.

ТАКШУР — г. по «Книге Большого Чертежа». — 133.

ТАЛАС — р. в юж. Казакстане. В древности в ее долине существовало много городов, в том числе г. Тараз, от которых остались лишь развалины. — 31, 112, 147.

ТАЛАС, Тараз, Тарар — древний город, находившийся там, где ныне г. Аулие-ата; к югу от него — городища Санглак и Уч-курган, один из которых должен быть тем городом в 10 ли к югу от г. Таласа, о кот. упоминают Геродот и Сюань-цзянь. — 22, 29, 31, 32, 34, 41, 49, 96.

ТАЛИЦКАЯ — станица, в 40 км. к востоку от Сергиопольской — 216.

ТАЛКАС — оз. в верховьях р. Сакмары. — 231.

ТАЛОВКА — р. на границе с нынешним Рубцовским районом Зап.-Сиб. края. — 218, 219.

ТАЛОВСКИЙ, Больше-горский медный рудник — на лев. берегу р. Убы, впадающей в Иртыш. Открыт в 1749 г. на чудских копях. — 219.

ТАМГИ — урочище на китайской границе. — 142.

ТАМИНСКИЙ род — казакский род тама, поколения Джетыру, Малой орды. — 149, 151.

ТАНА — казакский род байулинского поколения Малой орды. У Фалька он спутан с родом тама джетырусского поколения. — 151.

ТАНА — город. — 87.

ТАНА-УГА — казакский род кипчакского поколения Средней орды. — 150.

ТАРАКЛЫ — казакский род увакгиоейского поколения Средней орды. — 150.

ТАСДАР — казакский род тазлар байулинского поколения Малой орды. — 151.

ТАСЕКЕ — казакский род по Фальку. — 151.

ТАРА — г., на р. Иртыше, основанный в 1594 г. — 148.

ТАРАР — см. Талас.

ТАРБАГАТАЙ — горы в Азии между Алтаем и Тянь-шанем, на границе СССР. — 153.

ТАРТАРЫ — см. Татары.

ТАТАРЫ, Татария — до XVIII в. в Европе общее название для тюрко-монгольских народов. — 123, 151, 164, 174, 178, 179, 180, 181, 194, 195, 197, 222 и др.

ТАТИЩЕВО — укрепление, позднее станица, в 60 км. от Оренбурга. — 222.

ТАХЧЕЯ, Тагчея — р., на которую, вместе с р. Тоболом, были даны льготы Строгановым — 128.

ТАШАНАК — г. в 15 км. от г. Туркестана (Рычков) — 205.

ТАШКЕНТ, Ташкур, Таш, Шаш — ныне гл. г. Уз. ССР. — 23, 31, 32, 95, 96, 102, 112, 113, 114, 117, 127, 145, 146, 174, 177, 188, 221, 235, и др.

ТВЕРДИШЕВСКИЙ завод — около Оренбурга. — 211.

ТЕКАБКЕТ — г., находившийся в долине р. Таласа. — 32.

ТЕКУТУРМАС — р., впадающая в Сары-тургай. — 150.

ТЕЛАНГУТЫ, Теленгеты — тюркский народ, живущий в Алтайских горах. — 152.

ТЕЛЬДТИ — г., находившийся в долине р. Таласа. — 32.

ТЕПТЯРИ — народность, образовавшаяся из беглых «новопришельцев» на башкирские земли чуваш, мари, удмуртов и др. и с течением времени совершенно отатарившихся. С 1855 г. в Российском законодательстве тептяри сливаются с башкирами. — 167.

ТЕРМЕЗ — г. на Аму-Дарье, где находилась переправа через реку. Через Термез прошел Александр Македонский из Бактрии на Мараканд (Самарканд), позднее — Тимур в Индию. 173.

ТИРС-КЕНДЕРЛИК — см. Кендерлик.

ТОБОЛ, Тоболь — р., лев. приток Иртыша. — 79, 128, 130, 146, 147, 150, 163, 212.

ТОБОЛЬСК — г. при впадении р. Тобола в Иртыш, основ. в 1587 г. — 143, 214, 215, 220.

ТОМСК — г. в Сибири, на прав. берегу р. Томи, построенный в 1604 г. по указу царя Бориса Годунова. — 143, 215.

ТОНКОТИРОВСКАЯ (Тонкошуров-

ская) — немецкая колония в теперешней АССР Немцев Поволжья, недалеко от ст. Урбах. — 239.
ТОРАР — см. Талас.
ТОХАРИСТАН — нынешняя Балхская область в Афганистане. — 111.
ТРОИЦК, Троицкая крепость — г. Челябинской области, основанный Неплюевым в 1743 г. — 150, 162, 163, 167, 172, 173, 177, 211, 241.
ТРУХМЕНЦЫ — см. Туркмены.
ТСИНГ-ЧИ — китайское название оз. Иссык-куля. — 21.
ТУ-КИУ, Тои-киоие — китайское название тюрков. — 21.
ТУКМЕР-АДАЙ — казакский род по Фальку. — 151.
ТУЛА — город. — 220.
ТУНГУСЫ — народность тунгусо-маньчжурской языковой группы, живущая разбросанно в Вост. Сибири. — 152.
ТУРАЙЛИ — урочище, находившееся на р. Турайли. — 116.
ТУРАН — древнее название Туркестана. — 34, 119.
ТУРГАЙ (Сокук?) — р., вытекающая двумя рукавами (Сары-Тургай и Кара-Тургай) из гор Улу-Тау. — 30, 146, 150, 210, 223, 254.
ТУРГУТЫ — см. Калмыки.
ТУРКЕСТАН — область тюрков в бассейне р.р. Сыр- и Аму-Дарьи. — 31, 34, 100, 102, 108, 109, 111, 117, 121, 152, 204, 205, 221, 222.
ТУРКЕСТАН, Яссы, Ессы — г. в юж. Казакстане; в XVII в. был столицей казакского ханства. Там находится знаменитый памятник искусства XIV в. — мавзолей Ходжа Ахмеда Яссави. Под именем Туркестан была еще известна область Отрара до Саганака; русские это название распространили на всю Ср. Азию и Кашгар. — 77, 102, 104, 110, 111, 113, 146, 149, 177, 235, 244, 255.
ТУРКМЕНЫ, Туркоманы, Трухмены — тюркская народность, проживающая ныне в основном в Турк. ССР и в сев. провинциях Афганистана и Ирана (Персии). — 50, 143, 149, 163, 175, 181, 185, 223, 254, 255, 257.
ТУРНАК — урочище в устье р. Сырдарьи. — 148.
ТЮБ-КАРАГАН — мыс на вост. берегу Каспийского моря у форта Александровского. — 257.
ТЮМЕНЬ — г. на р. Туре, основанный в 1585 г. Был первым русским городом в Сибири. — 143.
ТУРКУСТАН — см. г. Туркестан.
ТЮРТЮУЛ — поколение аргинского казакского рода Средней орды. — 150.
ТЯНЬ-ЦЗИНСКАЯ ПОРТА — 248.

У

УАН-ШУ — сад китайского императора в XVIII в. — 247.
УВАК-ГИРЕЙ — поколение казакской Средней орды. — 150, 151.
УВИНСКИЕ татары — Уфимские татары (?) — 143.
УБА — р., правый приток Иртыша. — 216, 217, 218.
УГАНСКИЕ ТАТАРЫ — урянхайцы (тувинцы) (?) — 143.
УГУЗМАН — гора в верховьях реки Шерт в Туркестанском районе Казак. АССР. — 102.
УЗБЕКИСТАН, узбеки — тюркская народность, живущая в основном в Узб. ССР. — 109, 143, 152.
УЗЕНБЕМЕР — казакский род Исентемир, баюлинского поколения Малой орды. — 151.
УЗУН — поколение кипчакского казакского рода. — 150.
УЗУН-САКАЛ МИАНКАЛЬСКИЙ- название урочища или населенного пункта между Каттакурганом и Бухарой (Уз. ССР) в XVI в. — 118.
УЗЬКЕНТ, Узгенд — г., находившийся на прав. берегу Сыр-дарьи, где от него остались развалины. — 44, 103, 105, 115.
УЗУ-УЮ-АН — область — 19.
УИЛ — р., впадающая в оз. Каракуль. — 148.
УЙ — р., лев. приток Тобола. — 146, 147, 150, 163, 172.
УЙГУРЫ — тюркская народность, с древних времен проживавшая на р. Тарим, в нынешнем китайском Туркестане. — 39.
УЙСКАЯ линия — тянулась от Тройцка до Тобола по р. Уй. (770 км.) и представляла собою ряд укреплений, возведенных российским правительством в целях колонизации Казакстана в борьбе с народами Средней Азии. — 167, 172, 211, 212, 215.
УЛИЯСУТАЙ, Улясутай — местность, где в 1761 г. было воспрещено казакам торговать, к сев. зап. от р. Селенги в Бурято-монголии. — 248.
УЛКУЯК — три речки в окрестностях Тургая, впадающие в оз. Дурунча. — 150.
УЛУГ-ТАГ — гора в Центральном Казакстане. — 111, 116, 117.
УЛУ-ИРГИЗ — р., верхняя часть р. Иргиза. — 148.
УЛУСУ — р. Жайк, см. Урал.
УЛУ-ТАУ, Эртаг-гора в центральном Казакстане, в Карсакпайском районе. — 34, 77, 149, 159.
УЛУТОВА ГОРА (Великая гора) —

группа гор Улутау на границе Актюбинской и Карагандинской обл. — 133.

УРАЛ, Жаик, Улусу — р., до конца XVIII в. именовалась Яиком. Начинается на восточном склоне южного Урала. Протекает по Каз. АССР и впадает в Каспийское море. После Пугачевщины, чтобы вытравить из сознания народных масс память о революционных событиях, переименована царским правительством в р. Урал. — 46, 73, 80, 81, 120, 124, 133, 146, 149, 178, 216, 222, 237.

УРАЛЬСК — г. Казакской АССР, древнее название Яицкий городок; основан в 1-й четв. XVII в. В 1667 г. перешел на сторону Разина и сыграл значительную роль в Пугачевщине. В 1775 г., после подавления Пугачевского движения, переименован в Уральск. — 149, 163, 165, 179, 180, 205, 208, 209, 252, 253.

УРАНЧАГ — река. — 209.

УРГЕНЧ, Урганч, Урганич — г. Уз. ССР в Хивинском оазисе, на Амударье. — 87, 182, 209.

УСТЬ-КАМЕНОГОРСК — г., в начале крепость, в вост. части Каз. АССР на реке Иртыше, осн. в 1719 г. Лихаревым, разыскивавшим золотую руду в верховьях Иртыша. — 163, 217.

УСТЬ (Усть) Узюк — речки, впадающие в оз. Чалкар-Тенгиз. — 150.

УСТЬ-УЙСКАЯ крепость — по Уйской линии, ныне станица при впадении р. Уя в Тобол. — 150.

УТВА, Лжангырлал, Чингирлу — река, лев. приток Урала. — 252, 253.

УФА — г. при впадении р. Уфы в Белую, осн. в 1574 г., как крепость, ныне главный город Баш. АССР — 166, 226, 228.

УЮКМАН — местность по Кардизи. — 30.

УФИМСКИЕ ТАТАРЫ — см. Башкиры.

Ф

ФАРАБЖ — г., находившийся на правом берегу Сыр-дарьи. — 30, 31, 32, 34.

ФАРС — область в южном Иране (Персии) 74.

ФЕНАКЕНТ, Фанакент, Бенакент — г. в области Ташкента. — 41, 103.

ФЕРГАНА — пограничная с Китаем область в теперешнем Таджикистане, в бассейне Верхней Сыр-дарьи. — 32, 100.

Х

ХАЗЛАЖ — название народа, встречающееся в разных транскрипциях у арабских писателей — Хазлахия, Харлахия и пр. (Хазахия?) — 32.

ХАЛИЖИЙСКАЯ Земля — у Ибн-Халдуна так называлась страна, лежавшая на сев. восток от Ташкента. — 32.

ХАС — один из верхних притоков р. Или в провинции Синь-Цзянь в Китае. — 98.

ХВАЛИНСКОЕ, Хвалынское море. — см. Каспийское море.

ХЕДЖАЗ — область в Аравии, где находятся Мекка и Медина — 70.

ХЕРХИС — см. Киргизы.

ХИВА — б. узбекское государство. (ханство) в. Ср. Азии, в низовьях Амударьи, и город там же. — 146, 149, 162, 164, 165, 166, 168, 178, 195, 254, 256.

ХИПЖАХ — см. Кипчаки.

ХИСАН — г. в Таджик. АССР. — 95.

ХОДЖЕНТ — г. на бер. Сыр-дарьи в сев. Таджикистане — 43, 74, 104, 115.

ХОЗАРСКОЕ МОРЕ — см. Каспийское море.

ХОЗАРЫ — тюркский народ, прикочевавший на ниж. Волгу из азиатских степей. В конце X и в нач. XI в. Хозарское царство было разгромлено русскими князьями. — 33.

ХОЛАДТА — народ, одно из тюркских племен. — 31.

ХОЛАЛИ — река. — 31.

ХОМУКЕТ — г., находившийся на р. Таласе. — 32.

ХОРСАБ — р., ныне Арысь в Казак. АССР. — 31.

ХОРАСАН — область, ныне сев. вост. Иран (Персия), в средние века простиравшаяся до Аму-дарьи. — 29, 40, 75, 102, 103, 105, 108, 111.

ХОРЕЗМ — низовье Аму-дарьи, игравшее в истории Средней Азии большую роль. Ныне Хорезм входит в состав трех республик: Уз. ССР. Турк. ССР и Каракалп. АССР. — 31, 32, 33, 45, 73, 102, 108.

ХОТЕН, Хотан — область и г. в южном Синь-Цзяне. — 34, 41, 109.

ХОШОТЫ — одно из четырех племен калмыков. — 249.

ХУЖАНД, Хуженд — см. Сыр-дарья.

ХУННЫ — см. Гунны.

Ц

ЦУИ — р. Чу (см.)

Ч

ЧАКЧАТ — поколение аргинского казакского рода. — 150.

ЧАЛКАР, Челкар — оз. Челкар-теназ в Центральном Казакстане. — 150.

ЧАНЬ-АНЬ — древняя столица Китая; в более ранние эпохи называлась Сиан-Фу; находилась в провинции Шенси. Китайские путешественники и геогра-

фы расстояния до отдельных стран исчисляли от Чан-аня. — 18, 19.

ЧАРДЖИТ — поколение аргинского казакского рода. — 150.

ЧАРЫШ — р., лев. приток Оби. — 220.

ЧАТЫРЛЫ — речка Беш-арык в Туркестанском районе Каз. АССР. — 115.

ЧЕГАРДЖА — нынешний Чарджуй в Турк. ССР. — 113.

ЧЕНОЯР — укрепление (по Фальку) — 222.

ЧЕРЕМИСЫ — прежнее название народа мари, — приволжская ветвь финских народов, ныне Мар. авт. область РСФСР. — 193.

ЧЕРКЕССКИЕ ТАТАРЫ — черкесы, народ абхазо-черкесской языковой группы на Кавказе. — 151.

ЧЕРНОЯРСКАЯ станица — б. крепость Иртышской военной линии (см.), к сев. от г. Павлодара. — 213.

ЧЕРТАНЛЫК — р., впадающая в Тобол. — 150.

ЧЕ-ШИ — китайское название Ташкента по Сюань-Цзяню. — 23.

ЧЖУНЬГАРЫ — см. Джунгары.

ЧИГУ — столица усуней, лежала от Темурту-нора на сев. вост., а от Кучи — на сев.-запад., где-то в районе Чарын. По Иакинфу Чигу лежал в 610 ли от Аксу на север, между Тумурту-нором и вершиною Нарин-гола. — 19.

ЧИКЛИНСКИЙ род — казакский род алимулинского поколения Малой орды. — 149.

ЧИНАЗ — ныне большое узбекское селение к югу от Ташкента. — 74.

ЧИНГИС-ЧАГАНЬ — гора Чингиз-тау в Вост. Каз. области Каз. АССР. — 242, 249, 250.

ЧИРЧИК — р., прав. прит. Сыр-дарьи, близ Ташкента. — 146.

ЧУ, Су-е, Чуй-су, Джу — р. Ср. Азии, протекающая через Кир. АССР и южный Казакстан. Совершенно очевидно, что упоминаемый в тексте Иса-Буга отвел казакам среднее течение Чу, так как ее низовье находилось в руках узбеков. — 21, 147.

ЧУГУЧАК — г. в Синь-Цзяне на границе с Каз. АССР. — 222.

ЧУДСКИЕ КОПИ — найденные в разных местах в Каз. АССР древние разработки медных руд, приписываемые Чуди (собирательное название финских народов), на самом деле народ, которому принадлежали эти разработки, не известен. — 219.

ЧУЙ-СУ — см. р. Чу.

ЧУМАКАЙСКИЙ РОД — алиулинского поколения казакской Малой орды. — 149.

ЧУФ — селение, находившееся на р. Чу. — 29.

ЧЮВАШИ, Чуваши — по языку принадлежат к числу тюркских народностей, приближаясь к более древним, уже исчезнувшим племенам — булгарам и половцам. Ныне в основном живут в Чувашск. АССР, а также в Тат. и Баш. АССР, в зап. и вост. Сибири и т д. — 130.

ЧЮВАШЬ, Чуваш — городище, находившееся в 3-х клм. выше Тобольска, на прав. бер. Иртыша, при устье Тобола; построено Кучумом. Здесь в 1581 году было нанесено Ермаком поражение Кучуму и Маметкулу. В XVIII в. здесь находился императорский соляной амбар. — 130, 214.

Ш

ШАРАБ-ХАНЕ — р., один из притоков Челеса, между Ташкентом и Чимкентом. — 114.

ШАШ — см. Ташкент.

ШАШ — р., так называлась часть р. Сыр-дарьи, примыкавшая к Ташкенту. — 31, 32.

ШЕЙБАНСКИЕ ТАТАРЫ — сибирские (тюменьские) татары. — 124.

ШЕМАНАИХА — р. в Шеманаихинском районе Каз. АССР. — 218.

ШЕМАНАИХА — районный центр в Вост. Каз. области на р. Убе. — 216, 218.

ШЕШЕНКАР — пограничный г. в Индии в прошлом. — 72.

ШУЛЬБА — р., прав. прит. Иртыша. В 1730 г. на ее устье был открыт Шульбинский медный завод, упраздненный в 1750 г. — 216, 215, 220.

ШУЛЬБИНСКИЙ БОР — в 60 км. выше Семипалатинска по Иртышу. — 216.

Э

ЭКВИУС — г., бывший вблизи нынешнего Копала, точное положение его не известно (Малеин). — 49.

ЭЛЛИНЫ — самоназвание греков. — 12.

ЭМБА, Емба, у каз. Джимм или Джем, у калм. Зен. — р. в зап. Казакстане, в «Книге Большого Чертежа» названа Гем. 146, 148, 152, 211, 236.

ЭМЕЛЬ — гора к сев. от р. Или. В районе г. Чугучак в средние века существовал также г. Эмель или Имиль. — 101.

ЭРЬТАК. — см. Улу-тау.

ЭФТАЛИТЫ — упоминаются у Менандра Протектора, вероятно — юечжи (см. ниже). — 12.

ЭТИЛИЯ — р. Волга (Atel или Etel у византийского историка X в. Константина Багрянородного) см. Волга.

Ю

ЮЕЧЖИ — тюркский народ, населявший Туркестан в первые века н. э.—18.

ЮРГАНЦ — см. Ургенч.

Я

ЯИК — см. р. Урал.

ЯИЦКИЙ городок, Яик—см. Уральск.

ЯКУТЫ, Якутские татары (у Страленберга), саха — крайняя сев.-вост. ветвь тюркской группы народов, ныне Якутск. АССР. — 143.

ЯМАН, Ямань — известная область Иемен, в ю.-з. части Аравии, ныне независимое государство. — 70, 105.

ЯМАНСКИЕ ЗАМКИ — так назывались в древности каменные замки Арабских феодалов в горном Иемене в Аравии, из которых многие сохранились до сих пор. — 111.

ЯМЫШЕВСКАЯ крепость, позднее станица — к. ю.-в. от Павлодара, на прав. бер. Иртыша. — 213.

ЯМЫШЕВСКОЕ соленое озеро — не далеко от Ямышевской станицы (см.) — 215.

ЯНГУРГАН — по Макшееву г. Яны-курган, местоположение которого остается неизвестным. — 133.

ЯНГЫКЕНТ — г., находившийся в низовьях р. Сыр-дарьи, вблизи г. Казалинска. — 30.

ЯНКИНТ, ИАНКИНТ — г., находившийся по предположению Малеина на р. Сыр-дарье, по Л. Бергу — развалины его находятся в 22 клм. от г. Казалинска и носят название Джанкента. — 43, 47.

ЯНЫ — при Тимуре — Яны-талас, очевидно, после разрушения старого Тараза. Во время монгольского нашествия на его месте восстановлен новый город. — 96.

ЯНЬ-ЧАУ — дворец китайского императора в XVIII в. — 240, 248.

ЯРКЕНД — г. в Синь-Цзяне, в зап. Китае. — 101.

ЯРКЯНЬ — г. и округ в Китайском Туркестане. — 221.

ЯРЛА — 245.

ЯРЛЫК — р., впадающая в Урал выше г. Орска и объединяющаяся в устье с р. Кумак. — 148.

ЯССЫ, Ессы — см. г. Туркестан.

ЯСЫРВАН — г. Сауран (Савран, Сабран), развалины которого находятся недалеко от ст. Сауран; в эпоху саманидов имел крупное значение, как пограничный г. с владениями гузов. От него сохранились остатки стен, башен, медресе и т. п. (Массальский. Туркестанский край. С. П. Б., 1913). — 77, 86, 101, 102, 113, 115, 117, 133.

II. ИМЕНА ЛИЧНЫЕ

А

АБАК-ХАН, — джучид. — 119.

АБД-УЛ-АЛИ — тархан — правитель г. Бухары в конце XV в. и покровитель Мухамеда Шейбани-хана во время его скитаний. — 101.

АБД-УЛ-ВАСИ-БИЙ — эмир хана узбекского Абдуллы. — 119.

АБД-УЛ-БАКИ-БИЙ-ДУРМАН — эмир Абдуллы-хана, происходивший из рода дурмен. — 112.

АБД-УЛ-КЕРИМ — узбекский султан, сын Хорезм-шах-султана. — 112.

АБДУЛЛА—предпоследний узбекский хан, шейбанид. — 112, 113, 114, 115, 117.

АБДУЛ-ЛАТЫФ — султан, сын Рашид-хана (моголистанского). — 100.

АБД-УЛ-МУМИН — султан, наследник Абдуллы-хана узбекского, последний хан из дома шейбанидов, ханствовал после смерти отца и был убит в 1598 г. — 115, 116, 117.

АБЛАЙ (Абулай) — султан, позднее хан Средней казакской орды, присягнувший на подданство России в 1739 г., но позднее, в связи с завоеванием китайцами Джунгарии, — признал себя вассалом Китая. — 151, 152, 153, 177, 186. 229, 231, 238, 240, 242, 245.

АБУЛ КАСИМ — брат Тагир-хана.— 99.

АБАЛБИС — младший брат Аблая, султан Средней Казакской орды. — 241, 247, 249.

АБУЛ-МАМЕТ — хан Средней казакской орды XVIII в. до Аблая. — 229, 231, 232, 242, 243, 248, 249.

АБУЛ-МАМБИТ — см. Абул-Мамет.

АБУЛ-ХАИР ХАН — потомок Джучи-хана, старшего сына Чингиз-хана; ханствовал над Вост. частью Джучиева улуса, состоявшего из объединившихся узбеко-казакских родов. Умер в 1468 г.—94, 95, 109.

АБУЛ-ХАИР-ХАН — хан Малой казакской орды, приведший к присяге России свою орду в 1731 г. С. М. Соловьев пишет: «1-го мая 1734 г. подписана была резолюция о построении города при устьи р. Ори, вследствие представления сенатского обер-секретаря И. Кирилова, что киргиз-кайсацкая орда, никому неподвластная, многонародная и военная, ныне приходит в подданство ее и. в-ства и уже киргиз-кайсацкая орда, никому неподными своими, которых около 30000 человек, принят в подданство в 1731 г.; а через его пересылки и Большая орда прислала просить о подданстве»... (т. XX, с. 1529). — 145, 164, 166, 225, 226, 227, 228, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 238, 239, 251, 255, 256.

АБУ-САГИД-МИРЗА — султан и хан Мауранахра, тимурид. — 95, 96, 98, 100.

АБУРБИС-СБУРЬБАНЬ —Абулфеиз-султан — брат Аблая (?) — 249.

АБУЛ-САИД—имя Джанибека, первого казакского хана. — 120.

АДИК, Джадик — казакский султан, погибший в 1503 г. в войне с ногайцами— 95, 96.

АЙТ-ХОДЖА — офицер Темура. — 80.

АЙЧУВАК — султан, сын Абулхаира, после смерти последнего — третий хан Малой орды. — 234, 236, 253.

АКНАЗАР — казакский хан, умер в 1580 г. — 128.

АК-МУХАММЕД-МИРЗА — принц узбекский. — 116.

АК-САИД — разведчик в войске Абдулла-хана. — 116.

АКУЕЙ — китайский военачальник. — 248.

АЛДАР, Алдарбай—башкирский старшина, посланец Абулхаир-хана к уфимскому воеводе. — 226.

АЛИ-Султан, Ерали, Перели, При-Али, Пирали, При-Галий — сын Нурали, хана казакского. — 185, 222, 223, 228, 229 243, 253, 257.

АЛИ — казакский султан. — 121.

АЛИ-БЕК — министр Тохтамыш-хана. — 76.

АЛИЙ-УГЛАН — султан из рода джучидов, предок Кошим-хана. — 119.
АЛИ-МЕРДАН-БЕГАДУР — эмир узбекского хана Абдуллы. — 112, 115.
АЛИХУН — китайский военачальник по Эмбо. — 246.
АЛМУХАММЕТ - НУРМУХАМЕТОВ — ясачный татарин, ведший переписку Нурали-хана и оказавшийся шпионом России. — 238.
АЛТЫН-ХАНЫМ — казакская султанша. — 121.
АМАРХАН — дочь Чигир-Табунова, калмычка, жена Нурали-хана. — 252, 253.
АМУРСАНА — вождь калмыков, ведший в 1753 г. борьбу с Дауаджи за джунгарский престол. Благодаря помощи китайских армий, Амурсана вышел из борьбы победителем, но позднее, недовольный тем, что китайские генералы ограничили его власть, поднял восстание (в 1755 г.), подавленное лишь через несколько лет. — 245, 246, 247, 248.
АНДРЕЙ — францисканский монах. — 49.
АННА ИВАНОВНА — русская императрица, 1730—1740; при ней Абул-хаир-хан принял подданство России. — 164.
АРСЛАН БАХМЕТОВ — переводчик, посланный из Оренбурга в 1738 г. к хану Абул-хаиру. — 229, 130.
АРГУН-ШАХ — генерал в армии Тимура. — 81.
АРСЛАН-ХАН — хан карлукский, убивший в 1211 г. кара-китайского наместника в Каялыке (к зап. от нынешнего Копала) и подчинившийся Чингиз-хану. — 39.
АХМЕТ — сын султана Мамета. — 224.
АХМЕД-МИРЗА — султан тимурид, владетель Самарканда и Бухары. — 101, 102.
АХМЕД-СУЛТАН—казакский принц. 105, 103, 109.
АХМЕД-КАСИМ-КУГБЕР — приверженец Тимура. — 95.

Б

БАБА-СУЛТАН — по Вамбери—чагатаид, противник Абдуллы-хана узбекского, по Вельяминову-Зернову — потомок Абул-хаира узбекского. — 100, 112, 113, 114, 115, 116, 117.
БАБАЧАК-СУЛТАН — племянник Саид хана и владетель Кучи, по своей инициативе, в целях наживы, предпринял набег на киргизов, за что поплатился жизнью. — 99.
БАБУР, Бабер, Шир Эддин-Мухаммед (1483—1530) — праправнук Тамерлана, султан Ферганы, завоевавший в 1526—9 г. г. Северную Индию и положивший в ней начало династии Великих Моголов. Прославился так же, как один из крупнейших тюркских писателей на чагатайском языке. — 95.
БАГАДУР-СУЛТАН (Махмуд)—сын Ураз-султана, один из потомков Джучи-хана. — 119.
БАГАДУР-хан — сын Шейбан-хана, сына Джучи. — 119.
БАДАКУЛ — сын Джучи-Буки, сына Багадур-хана. — 119.
БАДАКУЛЬ-УГЛАН — сын Ходжи, джучид. — 120.
БАИМ-БИКЕМ — казакская ханша. — 121.
БАЙБУРАК — вождь казакского рода байдзикат (?), сторонник Китая. — 248.
БАКИ — узбекский султан, брат Дин-Мухаммед-Хана. — 118, 119.
БАРАК-СУЛТАН — см. Науруз-Ахмед.
БАРДАНЕС — спутник Фалька. — 223, 224.
БАТУКА — казакский вождь по Эмбо. — 248.
БАТУРА — тоже. — 248.
БАТЫЙ, Бату — внук Чингиз-хана, умерший в 1255 г., по прозванию Саин-хан, монгольский хан, основатель крупного монгольского ханства Золотой орды.— Стоял во главе так называемого «монгольского нашествия» на феодальную Русь (1237—40 г. г.) — 46, 48, 49, 50, 53, 120.
БАТЫР-САЛТАН — хан по Рычкову. — 236, 256.
БЕЙЕР — генерал-майор, посланный в 1744 г. на Колыванские заводы. — 220.
БЕК-АЛИ, БЕК-ГАЛИЙ — упоминается у Георги. — 185.
БЕК-БУЛАТ — упоминается в «Краткой Сибирской Летописи». — 129.
БЕНЬ-ШИ (Сивенти) — китайский император, 74—49 гг. до н. э. — 20.
БЕРАК-ХАН — сын Коирчак-Хана.— 120.
БИК-КУНДИ-УГЛАН — сын Мунка-Тимура, джучид. — 119.
БИКЧИК — судья (казий) в Артуке.— 101.
БИНИШ-ХАН — казакский принц.— 97.
БОКЕН, Бокембай-батыр Аблая, посланец к китайцам. — 248.
БОРБУБАЙ — посол хана Аблая. — 245.
БОРОДИН — яицкий войсковой атаман. — 205.
БОРОТ — сын хана Абул-Мамбита (Мамета?). — 249.

БУЗА-Хур — султан ташкентский, шейбанид. — 114, 116, 117.

БУЙДАШ — казакский хан (ок. 1530 г.). — 95, 96.

БУКДЖАХАН — мятежник казак, действовавший против китайцев. — 248.

БУКЕНБАЙ — батыр. — 227, 229.

БУЛАТ-СУЛТАН — казакский султан. — 121.

БУЛТУРУК-БИЙ — эмир хана Абдуллы. — 113.

БУРИН — монгольский феодал по Карпини. — 47, 49.

БУРУНДУК-ХАН — казакский хан, сын Джанибека хана. — 94, 95, 101, 106, 121.

БУТУРЛИН — уфимский воевода. — 226.

БУЮРУК-ХАН — хан одного из найманских родов. — 39.

В

ВЕЙСМАРН — генерал. — 239.

Г

ГАИР (Хаир) ХАН — правитель Отрарской области, наместник и родственник Хоразм-шаха. — 42, 43.

ГАЛДАН-ЧИРИН (Церен) — владетель Джунгарии. — 242, 243.

ГАНЬ-ЯНЬ-ШЕУ — китайский протектор (губернатор) — 18.

ГАФИФ-ЭД-ДИН-ЭТТАУЗАРНИ - Дашти Кипчакский казий (духовный судья). — 70.

ГАШИД — эмир. — 82.

ГЕОРГИ И. Г. — немецкий ученый — этнограф и путешественник, участник экспедиций Палласа и Фалька; в 1771 г. самостоятельно путешествовал по казакским степям. — 222 и др.

ГЕРБЕРШТЕЙН, Сигизмунд (1486 — 1566), барон, австрийский дипломат, посол в Россию. Книга Герберштейна о Московии — одно из первых сочинений, знакомивших Европу с Россией начала XVI в. — 122, 124, 125.

ГИРЕЙ — один из первых казакских ханов, брат Джанибек-хана. — 94, 95.

ГОГГ — путешественник. — 179.

ГО-ШУНЬ — китайский протектор (губернатор). — 18.

ГРИГОРЬЕВЫ — купцы, торговавшие с Бухарой. — 178.

ГУБИН, Даниил — посол Ивана Грозного к ногайцам (1534 г.) — 127.

ГУЛИ — князь гуннов. — 20.

ГУЛЯЕВ — переводчик. — 235, 236.

ГУР-ХАН — хан каракитайский. — 39, 40, 41.

ГУРЬЕВ, Михаил — купец — рыбопромышленник, основавший в 1640 году г. Гурьев. — 205.

Д

ДАДЫМ-ХАНЫМ — султанша. — 121.

ДАНИШМЕНД — посол Чингиз-хана в Бухару. — 45.

ДАЙД-ТУРКОМАН — шейх, начальник отряда войска Тимура. — 79, 80.

ДАУАДЖИ (Daouadji) — глава калмыков, ведший в 1753 г. борьбу с другим вождем того же народа — Амурсаной за Джунгарский престол (см. Амурсана). — 245.

ДЕМИДОВЫ — семейство русских купцов и промышленников. Акинфий Никитич Демидов (1678 — 1745) основал Колыванские заводы и открыл Алтайские серебрянные рудники. — 211, 112, 216, 219, 220.

ДЕРБЕШАЛИЙ — казакский султан в период принятия русского подданства. — 233.

ДЕРВИШ — старший брат Баба султана. — 112.

ДЖАБЭ-НОЙОН — генерал Чингиз-хана. — 39.

ДЖАГАТАЙ, Чагатай — сын Чингиз-хана, основатель династии Чагатаидов. — 43, 44, 45, 91, 121.

ДЖАЛЫМ, Чалым — казакский султан. — 112, 114.

ДЖАН-ГИЛЬДЫ-БИЙ — начальник. — 116.

ДЖАНИШ-СУЛТАН — казакский принц. — 102, 103, 110.

ДЖАН-КУЛЫ-БИЙ — эмир чагатайского султана Бабы. — 114.

ДЖАН-МУХАММЕД-ХАФИЗ — приближенный Абдуллы-хана. — 117.

ДЖЕН-ТИМУР (Чин-Темур) — дружинник Джучи-хана. — 44.

ДЖАН-ХАЙДЕР (Джанайдар?) — казакский принц. — 97.

ДЖАНИБЕК, Жанибек — основатель казакского ханства, ведший свое происхождение от Джучи-хана. — 90, 94, 95.

ДЖАНЫБЕК-ХАН, Жаны-бек, Джанбек — батыр Средней орды, участник первой встречи Абулхаир-хана с Оренбургским губернатором в 1738 г., оказывал помощь английским купцам-путешественникам Томпсону и Гоггу, участник выборов хана Нурали и т. д. — 95, 101, 102, 230, 231, 242, 243.

ДЖАН - МУХАММЕД - АТАЛЫК-НАЙМАН — эмир из рода найманов. — 112, 117.

ДЖАОХАШ (Джаукаш?) — посланец Аблая к китайцам. — 246.

ДЖАУК — сын Джанибек-хана. — 120.
ДЖЕЛАЛ-ХАМИД—эмир Тимура. — 82.
ДЖОРДЗИ — сын Абулфеиза, посланный к китайскому двору. — 249.
ДЖУЛТАЙ БИЙ — эмир Абдуллы-хана. — 111, 114, 116.
ДЖУЧИ — старший сын Чингиз-хана, отец Батыя; его потомки владычествовали в Золотой орде — в Дашти-кипчаке, иначе называвшемся Джучиевым улусом.—43, 44, 45, 76, 101, 107, 116, 120.
ДЖУЧИ-БУГА — сын Бахадур-хана, джучид. — 119.
ДЗИБАХАН — родовой вождь.— 247.
ДИДРО, Дени (1713—84) — один из крупнейших французских писателей и философов материалистов XVIII в. Издавал знаменитую «Энциклопедию», объединившую вокруг себя передовую часть буржуазии предреволюционной Франции.— 138, 151.
ДИЗАБУЛ — хаган тюрков в VIII в.— 13.
ДИН-МУХАММЕД-ХАН — узбекский султан, брат Баки-султана. — 118.
ДОНДУК-ОМБО — калмыкский хан в период Пугачевщины. — 251.
ДУСТАЙ — казакский султан. — 112.
ДУСТ-МИРА-ЧУРИ-АГАСЫ — приближенный Абдуллы-хана. — 116.
ДУСТУМ-БИЙ — эмир узбекского хана Абдуллы. — 113.
ДЮСАЛЫ, Дюсалей солтан-брат Нурали-хана. — 252.

Е

ЕТИГЕР, Едигер — сибирский князь, подчинившийся Ивану Грозному — 129.
ЕКАТЕРИНА II АЛЕКСЕЕВНА — российская императрица с 1762 по 1796 г., в правлении которой порабощение националов России достигло громадных размеров. — 211.
ЕЛДАР — хан Большой орды. — 228.
ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА — российская императрица с 1741 по 1761 г. — 220.
ЕР-АЛИ — см. Али султан.
ЕР-АЛИ, Ерали — сын Абул-Хаир-хана, после смерти отца управлявший отдельными родами. — 228, 236.
ЕРМАК — атаман донской казачьей вольницы, «завоеватель Сибири», положивший начало грабежу сибирских народов. Экспедиция Ермака против Кучума при Иване Грозном была снаряжена Строгановыми для расширения их колониальных предприятий в Зап. Сибири.— 130, 131.
ЕРОСЛАВ, Ярослав — великий князь Руси, живший с 1190 г. по 1246 г., умер через неделю по выезде из орды. — 47, 51.

Ж

ЖАНЫ-БЕК-ХАН — см. Джаныбек.
ЖИПУХУН, Дзинухун — вождь рода по Эмбо. — 246.

З

ЗАБИР — посол Пугачева к Нурали-хану. — 252.
ЗИНОВЬЕВ, Михаил — геодезист, посланный в 1731 г. в Малую орду. — 226, 227.
ЗУБОВ — майор, бывший вместе с Барданесом у султана Мамета. — 224.

И

ИАЗЫД-ХАН — упоминается у Палласа. — 143.
ИБАДУЛЛА-СУЛТАН — узбекский султан, брат Абдуллы, правителя Самарканда. — 113, 117.
ИБРАГИМ — казакский султан.—121.
ИВАН IV Васильевич ГРОЗНЫЙ (1530—1584 г.) — великий князь, с 1547 г. «царь Всея Руси». При нем завоеваны Казанское (1552) и Астраханское (1556 г.) царства. — 123, 127, 128.
ИКУ (Игу) ТИМУР — эмир Тимура.— 82, 83.
ИЛЬ-ХОДЖА — эмир г. Нуры. — 45.
ИРАНДЧИЙ — сын Джанибек хана.— 120.
ИРАНЖИ-ХАН — султан казакский.— 101.
ИРГАЛЕЙ СОЛТАН — брат Нурали хана. — 252.
ИСА-БУГА — хан Моголистанский (1446—61 г.) — 94, 95.
ИСФЕНДИЯР — узбекский султан.— 112, 116.
ИТЕГА АЛЧАБАЙ — казакский старшина, участник Пугачевского восстания.— 253.
ИТИК — сын Джанибек-хана. — 120.
ИЧЕН — см. Орда.
ИШИМ-СУЛТАН — казакский султан, впоследствии хан, ум. в 1628 г., известный войнами с калмыками. — 118, 121, 223.
ИШИМ-ХАН — наследник Нурали-хана. — 223.

К

КАДАН — монгольский феодал. —47.
КАИП — сын казакского султана Батыра, хан Хивинский. — 228, 236, 256.

КАЙЗЕР — ассесор (чиновник), обследовавший в 1732 г. Колыванские заводы. — 220.

КАМБАР МИРЗА — эмир Шейбани-хана. — 111.

КАНАБАР — сын Джанибек-хана — 120.

КАНИНГО — китайский офицер. — 246.

КАРА-БАРАТ — казакский вождь, совместно с Аблай-ханом заявивший свою покорность Китаю. — 247.

КАРА-САКАЛ — один из вождей башкирского восстания XVII в. — 242.

КАРАХОН — тюркский царь по Абул-гази. — 34.

КАРАЧА-ХОДЖИБ — нукер (вассал, дружинник) Мохаммед-Хорезм шаха.— 42, 43.

КАРТАН — татарский князь по Малеину. — 46.

КАСИМ-ХАН — сын Джанибек-хана, один из могущественных казакских ханов, умерший в 1523 г. и похороненный в Сарайчике. — 94, 95, 96, 97. 110, 111, 126.

КАТАКА — китайский маршал. — 245, 246.

КАШКА — джунгарский посол к Неплюеву. — 243.

КЕНДЗИКОР — посланец хана Аблая к китайцам. — 247.

КЕРГИЗ — хан, упоминаемый у Палласа. — 143, 144.

КЕТЕ-БИК — владетель Сайрама. — 95, 96.

КИМСИН — султан казакский. — 121.

КИНДЖЕ-АЛИ-ШИГАУЛ — сановник. — 113.

КИРИЛОВ, Кириллов — обер-секретарь, начальник Оренбургской экспедиции (1734—37), игравший большую роль в колонизации Башкирии и руководствовавшийся в своей политике принципом «разделяй и властвуй». По С. Соловьеву, Кириллов, готовясь к построению Оренбурга, писал правительству в своем донесении о вражде между казаками и башкирами: «никогда не следует допускать их в согласие, а в потребном случае надобно нарочно поднимать их друг на друга, и тем смирять». (т. XX, с. 529-30) 164, 166, 230, 254.

КОДЗИ БОРКЕН — посланный ханом Аблаем сопровождать Амурсана. — 245, 246, 247, 248.

КОИРЧАК-ХАН — сын Урус хана, джучид. — 120.

КОЛЬЦОВ ИВАН — сподвижник Ермака. — 131.

КОНГИЛДА — старшина казакской Большой орды. — 177.

КОРДЗИН (Корджун бай?) — казакский мятежник против китайцев. — 248.

КОРРЕНЗА, Коренца — татарский темник (начальник над «тьмою», т. е. десятком тысяч), кочевавший недалеко от Переяславля Киевского. — 46.

КОРЯШЬ СУЛТАН — казакский принц. — 97.

КОССУМ — упоминается у Гербер-штейна (Кучум?). — 124.

КОШДЗИ — калмык, ставленник китайцев против Амурсаны. — 248.

КОШЕЛЕВ — геодезист, участник русского каравана в Ташкент в 1738 г. — 177.

КОШ-КУЛАК-БИЙ — эмир и посланец Баба-султана, джагатаида. — 113

КУКУЧЬ — дочь Адяна Хахуя, калмычка, жена сына Нурали-хана — Пирали-султана. — 252, 253.

КУЛ-МУХАММЕД-ТАРХАН — сын правителя г. Туркестана Мазид-Тархана. — 102.

КУЛСАРЫ-БАТЫРЬ — старшина средней казакской орды. — 238, 253.

КУЛЯКИ-БИЙ-ДУРМАН — эмир Баба-султана джагатаида. — 116.

КУМАРИ — эсаул по Шерафеддину.— 80.

КУНАЙ-МУРЗА — старшина Большой казакской орды. — 177.

КУНЧА-ОГЛАН — джучид, бежавший от Тохтамыша к Тимуру. — 75, 85, 86.

КУТАЙ-МЕНДЫ-СУЛТАН — участник Пугачевского восстания. — 253, 254.

КУЧАК — казакский султан. — 116.

КУЧУК ОГЛАН — узбекский принц при Абдулла-хане. — 121.

КУЧУМ, Кучюм — шейбанид, последний хан сибирских татар, вел борьбу с русским царским правительством, стремившимся сделать из Сибири российскую колонию. В 1581 г. выдержал натиск Ермака. — 1598 г. окончательно разбит Воейковым. — 119, 125, 130, 131, 133.

КУШЛУК — найманский хан. — 39, 40, 41, 42.

Л

ЛААЛ — один из эмиров Тимура. — 75.

ЛАКОСОЛОВ — капитан, посланный Татищева к казакам для обмена сукна на лошадей. — 165.

ЛАТИФ-СУЛТАН — принц. — 117.

ЛЕЦЗЯОМИ — гуньмо-усунов. — 20.

ЛУЧУК — посланец Аблая к китайцам. — 246.

М

МАЛЬЦЕВ, Семен — посол Ивана Грозного к ногайцам (1569 г.) — 122, 128.

МАМАК — подданный Тохтамыша. — 82.

МАМАШ — казакский хан. — 94, 96,

МАМЕТ — султан. — 224, 225.

МАМЕТКУЛ — сын Кучума. — 130.

МАНГУХАН — великий монгольский хан с 1251 по 1257 г.— 48, 49, 50, 65.

МАНИАХ — деятель согдианцев. — 13.

МАУЛЯНА-НАЗИР — духовное лицо, упоминаемое Рузбахани. — 106.

МАХМУД СУЛТАН, хан-чагатаид, правитель Ташкентской области.—102.

МАХМУД — сын Джанибек-хана. — 120.

МАХМУДЕК-ХАН — сын Хажи-Мухаммедхана, джучид. — 119.

МАХМУД-СУЛТАН — генерал Тимура. — 80.

МАХМУД-СУЛТАН (Махмуд-хан)— шейбанид (не смешивать с Махмуд-ханом Ташкентским и Махмуд-султаном Сузакским). — 79.

МАЧАНГ — предводитель рода. — 246.

МЕВЯН — эмир по Шерафеддину.— 82.

МЕЛГУТУ — один из эмиров Тимура. — 75.

МЕСЛЕХЕТ — шейх по Шерафеддину. — 74.

МИЛЛЕР — майор, посол к Джунгарскому владетелю Галдан-церену в 1742 г. — 244.

МИЛЛЕР, Карл — поручик, командир русского каравана в Ташкент в 1738 г.— 177.

МИН — китайская династия. — 251.

МИНГ-ЖУЙ — китайский офицер. — 246.

МИРАН-ШАХ, мирза — сын Тимура и наместник в Хорасане. — 75.

МОНТИЙ (Мауцы) — сын Чагатая.— 46.

МУБАШИР-БЕХАТУР — генерал в армии Тимура. — 81.

МУНГА-ТИМУР — сын Бадакула, джучид. — 119,

МУРАВИН — геодезист, описавший путь Орск — Хива. — 255.

МУРТАЗА-ХАН — отец Кучум-хана. — 119.

МУСА-МИРЗА-МАНГЫТ — потомок Эдиге. — 101.

МУХАММЕД-АЛИ — принц узбекский. — 116.

МУХАММЕД - БАКИ - АТАЛЫК — один из видных узбекских эмиров конца XVI в. — 119.

МУХАММЕД-КИРГИЗ — предводитель киргизов, делавший набег на Сайрам, Ташкент и Туркестан. — 98, 100.

МУХАММЕД-МЕЗИД-ТАРХАН — правитель г. Туркестана. — 102.

МУХАМЕД-СУЛТАН — полковник Тимура. — 83, 84.

МУХАМЕД-СУЛТАН-БАХАДУР — принц, полководец Тимура. — 79.

МУХАММЕД-УЗБЕК — хан Золотой орды. — 70, 71, 72.

МУХАММЕД - ХОРАЗМ - СУЛТАН — хан Хорезма; после ряда поражений от монголов бежал на один из островов Каспийского моря, где и умер.— 40, 41, 42.

МУХАММЕД ШЕЙБАНИ — внук абулхаир-хана, покоривший Мауранахр и основавший династию шейбанидов, царствовавшую в XVI в. — 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 119, 120, 121.

МУХУЯН ГОЗЯН—монгольский полководец. — 41.

МУЮНСИЗ-ХСАН — эмир Касым-Хана казакского. — 111.

Н

НАДИЛА, тархан, офицер Тимура.— 82.

НАДИР — персидский шах (1736—47) 242, 255, 256.

НАЗИМОВ — инженер, описавший г. Хиву. — 255.

НАЛАБАТ — глава найманов. — 245.

НАСИР-ЭД-ДИН-Абдул-Халык Фирузшах — правитель Хорезма. — 101.

НАУРУЗ-АХМЕД или Барак-хан шейбанид, внук Абул-хаир-хана, владетель Ташкента. — 235, 236, 242, 244.

НЕДЕР-КУРЧИ — узбекский принц.— 117.

НЕПЛЮЕВ И. И. (1693—1773) — при импер. Елизавете Петровне наместник Оренбургского края (1744—1760), основатель Оренбурга, типичный колонизатор, воздвигший до 70-ти крепостей в составе «военных линий». — 172, 206, 235, 236, 238.

НЕЧАЙ — атаман пришедших на Яик донских казаков (XV в.). — 208, 209.

НИЯЗ — двоюродный брат хана Абулхаира. — 228.

НОРОВ — геодезии прапорщик, посланный в 1738 г. к хану Абулхаиру.— 229.

НУРАЛИ-ХАН, Нур-Галий хан — хан Малой орды после Абул-хаира. — 178, 185, 187, 203, 235, 236, 239, 240,

.241, 244, 251, 252, 253, 254, 256, 257.
сын Баба-султана. — 112.

О

ОБЕЙДУЛЛА — узбекский султан, сын Баба-султана. — 112.

ОБУДЗИ — казакский вождь, сторонник Амурсаны (по Эмбо). — 247.

ОГДАЙ-ХАН — младший сын Чингиз-хана. — 120.

ОМАР-ШЕЙХ — сын Тимура. — 81, 82, 83.

ОНДАН — казакский султан, отец Ураз-Мухаммеда, Касимовского царя. — 121.

ОРДА-ИЧЕН — старший сын Джучи-хана. — 120.

ОРТЕНГА — предводитель рода. — 246.

ОРУСХАН (Урусхан) ум. 1375 г., хан восточной части Дашти-Кипчака. Его владения назывались Синей Ордой с торговым городом Саганаком. Вел длительную и успешную борьбу с Тохтамышем, при содействии Тимура. — 76.

ОРФЕЙ — певец из древне-греческой мифологии. — 197.

ОСМАН — султан самаркандский. — 40.

ОФРАСНАБ — род самаркандских султанов. — 40.

ОШЕ — китайский военачальник. — 246.

ОШЕН — один из предков хана Аблая (Ишим?). — 247.

П

ПАЛЛАС, П. С. (1741—1810) немецкий профессор, крупнейший из ученых академиков-натуралистов и путешественников екатерининской эпохи. Его классическое сочинение по географии России до сих пор не утратило научного значения. Палласу принадлежат в частности, первые научные сведения по географии Казакстана (в то время Киргизского края). Цитируется в сборнике.

ПАЛЬЧИКОВ — полковник. — 233.

ПЕРЕЛИ, Пир-Али, При-Али, см. Али-султан.

ПЕТР I Алексеевич (1672—1725) последний московский царь и первый всероссийский император. При нем были отдельные попытки овладеть восточными колониями, в частности Персией (1722 г.) и проникнуть в Индию. — 163, 164.

ПЕТР ФЕДОРОВИЧ, Петр III — российский император, убитый в 1762 г. придворными по приказу Екатерины II, которая была возведена на престол вместо него. Его именем пользовался Пугачев, провозгласивший себя императором Петром III.

ПЕТРОВ — купец, торговавший с Бухарой. — 178.

ПИР-АЛИ, Пир-Галий см. Али-султан.

ПИР МУХАММЕД — узбекский хан после Абдул-мумина, сына Абдуллы-хана. — 118, 119.

ПИР-МУХАММЕД ДЖАНГИР — внук Тимура. — 75.

ПИСАРЕВ Алексей — геодезист, посланный в 1731 г. в Малую орду. — 226, 227, 228.

ПЛАНО-КАРПИНИ — путешественник XIII в. через Казакские степи, посол к монголам. Цитируется в сборнике.

ПУГАЧЕВ Емельян (ок. 1734—75), — вождь крестьянского восстания 1773—75 гг. (Пугачевщины). — 251, 252, 253.

ПУПАЙ — ханша. — 234.

Р

РАШИД — хан моголистанский после Саид-хана. — 92, 95, 98, 99, 100, 101.

РЕЙНСДОРФ — генерал, Оренбургский губернатор после Неплюева. — 211.

РУБРУК (Рубруквис, Руисбрук) — посол к монголам, совершивший в XIII в. путешествия через казакские степи. Цит. в сборнике.

РЫЧКОВ, Н. П. (1746—1784) — ученый и этнограф, участник экспедиции Палласа. В 1771 г. самостоятельно путешествовал по современному Казакстану. — 223 и др.

РЫЧКОВ П. И. (1712—1777) — писатель XVIII в., известный своими трудами об Оренбургском крае. В конце жизни был «главным правителем Оренбургских соляных дел», а позднее управлял также «заграничными делами и инородцами в крае». — Цитируется в сборнике.

С

САИД-МУХАММЕД-МИРЗА — султан монгольский. — 100.

САИД - ШАЛЬСУДДИН - ЯМАНУЛЬ - ХАДРАМАУТИ — выходец из Аравии, духовное лицо. — 105.

САИДАЛЕЙ-СОЛТАН — участник пугачевского восстания. — 252.

САИН-ТИМУР, — эмир, один из офицеров Тимура. — 82.

СИН-ХАН см. Батый.

САЛТАН — царевич казакской орды по «Краткой Сибирской Летописи». — 131, 132, 133.

САЛТАНА, Сартия — жена эмира. — 72.

САРБАН — казакский султан. — 113.

САРТАХ — монгольский владетель. — 49.

СЕЙДАК (Сейдяк)— князь сибирский, сын Бик-Булата, убитого Кучумом; вместе с казакским царевичем Ураз-Мухаммедом взят в плен русскими и отвезен в Москву (1588 г.) — 131, 132, 133.
СЕЙД-КУЛ — казакский султан.—121.
СЕИД-МУХАММЕД—узбекский султан. — 119.
СЕИТБЕРЕКЕ — покровитель Тимура, Термезский ходжа. — 74.
СИБАН — брат Батыя. — 47.
СИМАНОВ, Ив. Д. — полковник, комендант Яицкого казачьего войска.— 252.
СОНДУБА (Сондубай?) — ставленник китайцев. — 246.
СТРАЛЕНБЕРГ — шведский офицер, попавший в плен в битве под Полтавой; долгое время жил в Сибири; по возвращении на родину издал (на нем. яз.) книгу о «Северной и восточной частях Европы и Азии». С именем Страленберга связано открытие рукописи Хивинского хана Абулгази — Цитируется в сборнике.
СТРОГАНОВЫ — семья крупных купцов и промышленников, ярких представителей колониальной политики царской России XVI—XVIII в.в. — 128.
СТУПИШИН — полковник. — 253.
СУБАДАЙ — полководец Чингиз-хана. — 45.
СУИНДЖИК-БАХАДУР—генерал. — 81.
СУКНАК-ТЕГИР — владетель Алмалыка. — 42.
СУЛТАН-МАХМУД — сын Абу-Саида, тимурида. — 95.
СУЛТАН-НИГАР-ХАНЫМ — жена султана. — 95, 98, 99.
СУЛТАН-САБИРБИК-ХАНЫМ — казакская султанша. — 121.
СУЛУМ — султан по «Краткой Сибирской Летописи». — 121.
СУМОРОКОВ — бригадир (военный чин между полковником и генералом). — 253, 254.
СУРУН аталык — эмир. — 112.
СУЮНЧУК-ХАН — владетель Ташкента. — 96.
СУЯЗ — полковник. — 176.
СЮАНЬ-ДИ — китайский император династии Хан (74—49 г.) — 18, 20.
СЯО-ВАН-ЧЖИ — государственный советник китайского императора — 21.

Т

ТАБАРС-ХАН (Юльбарс) — хан Большой орды. — 177.
ТАГИР или Таир — хан-казакский. — 95, 96, 98, 99, 117.
ТАИР — султан, участник Пугачевского восстания. — 253, 254.
ТАЙМАС Тархан батырь—227, 229.
ТАЙР-БАХАДУР — посол Чингиз-хана в Нур. — 45.
ТАНГ-ИОНГ-А — офицер китайской гвардии. — 245.
ТАНИКУ — полководец каракитаев — 41.
ТАНЫШ-Султан — брат Джаниш султана. — 109.
ТАРТАНГА — китайский маршал. — 245, 246.
ТАТБАШИ—узбекский хан. — 98.
ТАТИЩЕВ, В. Н. (1686—1750) — государственный деятель и историк, с 1737 по 1739 г. начальник Оренбургской экспедиции. — 146, 165, 166, 229, 230, 251.
ТАТЛЫ-ХАНЫМ — казакская султанша. — 121.
ТАУБАЙ-ТАРХАН — участник Пугачевского восстания. — 253.
ТАЯНГ-ХАН — найманский владетель. — 39.
ТЕВКЕЛЕ — см. Тевеккель-хан.
ТЕВКЕЛЕВ — переводчик коллегии иностранных дел, позднее — генерал- майор, проводник царской колониальной политики в Ср. Азии. — 163, 226, 231, 234, 238, 251.
ТЕВЕККЕЛЬ (Тевкеле) СУЛТАН — казакский хан, знаменитый своими походами в Мауранахр, умерший в 1598 г.— 115, 116, 117, 118, 119, 121.
ТЕМУР — султан узбекский. — 111.
ТЕГОДАЙ — см. Джагатай.
ТЕНИШ — сын Джанибек-хана.—120.
ТИМУР — ((1336—1405) — знаменитый восточный завоеватель, основатель обширной Средне-Азиатской империи от Семиречья до Сирии и от Инда до Улутау. Его династия царствовала до конца XV в. — 69, 73, 83, 84, 85, 86, 87.
ТИМУР-КУТЛУГ-ОГЛАН — джучит, бежавший от Тохтамыша к Тимуру.— 75, 85.
ТИМУР-СУЛТАН — упоминается у Дженкинсона. — 126.
ТИМУР-МЕЛИК-ХАН— отец Тимур-Кутлук-Оглана. — 75.
ТОМПСОН — путешественник. — 179.
ТОТОНГО — предводитель рода по Эмбо. — 246.
ТОХТАМЫШ-ХАН — джучид, после смерти Орус-хана (1375) и поражения Мамая (1380) при содействии Тимура захватил и объединил под своею властью весь улус Джучия, восстановил «татарское иго» над Русью, взяв в 1382 г. Москву. В дальнейшем начал с Тимуром длительные войны, оказался побежденным и

был убит Эдиге-Мирзою в Дашти-Кипчаке в 1407 г. — 69, 76, 77, 80, 81, 82, 84, 85, 86, 87, 73, 74, 75.
ТОХТАМЫШ — начальник разведки Абдул-Латыф султана — 100.
ТРАУБЕНБЕРГ-фон—генерал, командир Троицкой крепости, убитый в 1772 г. яицкими казаками. — 138.
ТУКАЙ-ТИМУР — сын Джучи-хана.— 120.
ТУКАЙ-ХАН — казакский султан.— 121.
ТУЛИ-ХАН — младший сын Чингиз-хана. — 43, 45.
ТУЛУК-ХАН — сын Абак-хана, джучид. — 119.
ТУРДЫ-МИРЗА — принц, упоминаемый у Абулгази. — 115.
ТУХТА-БИКИ — мергитский хан.— 39, 40.
ТЯВКА — казакский хан, умерший в 1718 г. — 121.
ТЯНЬ-ЛУН — китайский император (1736-96). — 245.

У

УАЛИ-СУРТОНГ (Суртан)—сын Аблая. — 249.
УБАЙДУЛЛА-СУЛТАН — узбекский полководец и хан, умерший в 1539 г. — 102, 104, 109.
УВАШИ — тургаутский хан. — 249, 250.
УВАК-ГИРЕЙ — 242.
УГЛИЦКИЙ А. — казакский сотник, подрядчик. — 209.
УГЛЫ-НУРАЛИ — один из начальников Малой казакской орды по Иакинфу. — 249, 250.
УГЭДЭЙ, Угедай—сын Чингиз-хана.— 42, 43, 44, 45.
УЗАР-СУЛТАН — сын Шимай-султана, джучин. — 119.
УЗЬ-ТИМУР. — сын Тукай-Тимура.— 120.
УЛИХ — колежский ассесор, посланный в 1744 г. на Колывановские заводы. — 220.
У-МОР — китайский офицер. — 248.
УРАЗ-МУХАМЕД — сын казакского султана Ондана; находился у Сибирского князя Сейдяка, вместе с которым взят в плен русскими и отправлен в Москву (1588 г.). Позднее ему был пожалован царем Борисом Годуновым г. Кирман (Касимов). — 121.
УРТЕНГ — китайский военачальник. — 246.
УРУС-МУРЗА — упоминается у Карамзина. — 128.
УРУС-ХАН — сын Бадакуль-Углана.— 120.
УРУСОВ, В. А. — князь, генерал-лейтенант, с 1739—44 начальник Оренбургского края. — 167, 231, 255.
УСЮК, Усяк — сын Джанибек-хана.— 120, 121.

Ф

ФАЛЬК, И. П. (1727—1773) — шведский врач и естествоиспытатель, бывший директором Ботанического сада при СПБ Академии Наук. Участвовал в снаряженной Акад. Наук экспедиции в вост. Россию, собрал богатый материал по флоре современого Казакстана и быту казаков. — 222 и др.
ФЕРМОР — капитан; посетивший в 1732 г. Калыванские заводы. Позднее, в семилетнюю войну, стал фельдмаршалом. — 220.
ФУ-ТО — дзан-дзан — помощник командующего китайскими войсками (по Эмбо). — 247.

Х

ХАДЖИ-МОХАММЕД-ХАН — сын Али-Оглана, джучит. — 119.
ХАДЖИБЕК — отец жены Тимура.— 75.
ХАДЖИ-МУХАМЕД — шариф, духовное лицо, пользовавшееся большим почетом в Кашгаре в XVI в. — 101.
ХАДЖИ-САИД-УД-ДИН — эмир, военачальник Тимура. — 86.
ХАИР-ХАН — см. Гаир-хан.
ХАК (Хакк) — НАЗАР, см. также Акназар — казакский хан во второй половине XVI в., ум. в 1580 г. — 101, 112, 114, 121.
ХАЛКАМАН-МИРЗА — узбекский принц. — 116.
ХАМИР-ТУЛЕК-ТИМУР — упоминается у Ибн-Батуты. — 71.
ХАН — китайская династия (202 г. до н. э. — 223 н. э.).— 21.
ХАСАН-ХОДЖА НАКИБ — духовный глава, упоминаемый у Вельяминова-Зернова. — 116.
ХИНГИС — см. Чингиз.
ХОДЖА—сын Узь-Тимура. — 120.
ХОДЖА АХМЕТ (Ессеви), Ахмет Яссеви — духовный деятель XII в. из г. Туркестана (Яссы).—106, 111, 121, 204.
ХОДЖА-АХМЕТ — сын хана Абулхаира. — 232, 234.
ХОДЖА АХРАР — известный в Ср. Азии мистик-ишан в XV в. — 110.
ХОДЖАМ-КУЛИ КУШБЕГИЙ — сановник. — 116.

ХОРЕЗМ-ШАХ-СУЛТАН—брат Баба-султана. — 112.
ХОСАН-ХОДЖА — посол Джучи-хана в Саганаке. — 44.
ХУДАЙ-БИРДЫ-МИРЗА — принц.— 116.
ХУНАНЬЕ — гуннский хан, ставленник китайцев. — 18.
ХУСАН, Хозан — внук Магомета, упоминаемый Палласом. — 143.
ХУСЕИН-СУЛТАН — брат жены Тимура, владетель Балха, поддерживал Тимура в его борьбе с другими эмирами в Мауранахре. — 101.

Ц

ЦЗЕ-Ю — жена Сэнь-цзэу.— 20, 21.
ЦЯНЬ-ЛУН — китайский император.— 152, 221, 249.

Ч

ЧАГАТАЙ, Чагатаиды — см. Джагатай.
ЧАЛАФСУНГА — помошник китайского главнокомандующего. — 246.
ЧАН-ХОЙ — китайский генерал. — 20, 21.
ЧАО-ГУЕЙ — китайский маршал. — 247.
ЧЕКЕ-ТЕВЯЧИ — вестовой, глашатай. — 85.
ЧЕЛЫМ—упоминается у Карамзина.— 128.
ЧЕН-ДИ — китайский император (33—7 гг. до н. э.), из династии Хан. — 18.
ЧЕНЬ-ТХАН — китайский генерал.— 18.
ЧЖИ-ЧЖИ-ХАН — гуннский хан, претендент на ханство Хуханье; убив китайского посланника, откочевал к кангюйцам. — 18.
ЧИНГИЗ—сын хана Абулхаира.—232.
ЧИНГИЗ-Хан — (1155 — 1227 гг.), «Великий хан», Темучин — монгольский завоеватель и основатель огромной монгольской азиатской военно-феодальной империи. — 48, 49, 61, 65, 107, 119, 120 и др.
ЧИСЕК, И, Д. — католический патер, бывший в плену у казаков. — 239.
ЧУЛКОВ, Д. — упоминается в «Краткой Сибирской Летописи». — 133.
ЧУЛУК (Чолак?) — казак. — 246.
ЧУЮМ-ХАНЫМА — упоминается в «Краткой Сибирской Летописи».—121.

Ш

ШАГИБЕК-ХАН — упоминается у Вельяминова-Зернова. — 95.
ШАГИМ — казакский султан. — 121.
ШАГУМ-БИЙ — эмир. — 114.
ШАМАЙ-СУЛТАН — сын Тулук-хана, джучид. — 119.
ШАОФУ — дочь Сэнь-цзэу. — 20.
ШАРАФЕДДИН-МАУЛЯНА —главный министр Шейбани-хана. — 110.
ШАХБАХТ-ХАН — см. Мухаммед-хан Шейбани.
ШАХ-ГАЗЫ-БИЙ-ДУРМАН — эмир из рода дурман. — 112.
ШАХРУХ — МИРЗА — сын и наследник Тимура, 1405—46. — 75.
ШЕЙБАНИ — см. Мухаммед - Хан Шейбани.
ШЕЙХ-БАГАДУР—генерал. — 84.
ШЕЙХ-МУЗАФАРУДДИН — упоминается у Ибн-Батуты. — 71.
ШЕЙХ-ТИМУР-БАГАДУР — генерал. — 84.
ШЕМЯКА — хан Средней казакской орды. — 230, 231.
ШИГАЙ-СУЛТАН — (Шигай-хан) — казакский хан XVI в., сторонник узбекского хана Абдуллы. — 112, 116, 121, 128.
ШИДАК — упоминается у Герберштейна. — 124.
ШИХМАМАЙ — упоминается у Герберштейна. — 124.
ШОЛПАН — одна из жен Тимура. — 75.
ШОН-ЮЙ — усунский князь. — 19.
ШТОКМАН-фон, — генерал-майор. — 233.
ШУН-ТО-НА — офицер китайской гвардии. — 245, 246, 247.

Э

ЭДИГЕ, Едигей, Едиге-Узбек-Мирза, Идигей — крупный деятель во время упадка Золотой орды, возглавлял движение против чингизидов, при помощи Тимура добился поражения своего противника Тохтамыш-хана. Захватив власть в Золотой орде, управлял ею до 1419 г., когда в битве с сыном Тохтамыша Кадыр Бердием погиб (1440). Борьба Эдиге с Тохтамышем воспета в народном эпосе.— 69, 75, 77, 81, 85.
ЭРМАНТ — премьер-майор. — 254.

Ю

ЮАН-ДИ — китайский император, живший за 36 лет до н. э. — 18.
ЮАН-КХАН (Чао-ти) — китайский император (с 74, по 49 г. до н. э.) из династии Хан. — 20.
ЮАНЬ-ГУЙМИ — старший сын Унгуй-ми. — 21.

ЮАНЬ-ФЫНЬ—китайский император (141—87 г.) из династии Хан. — 19.
ЮН-ЛЭ — китайский император из династии Мин, 1403—24. — 251.
ЮНУС-ХАН — ташкентский чагатаид. — 95, 102.

Я

ЯКОВЛЕВ, Андрей — капитан. — 244, 251.
ЯКШИБАЙ-МИКЛАЙ — посланник Нурали-хана к командующему Уральским казачьим войском. — 253.
ЯН-БЕК — см. Джаныбек.
ЯНГЫР — один из предков хана Аблая по Эмбо — 247.
ЯНЫ-БЕГАДУР—казакский султан. — 115.
ЯХШИМ-БИКЕМА — 121.

III. ИМЕНА ПРЕДМЕТОВ

А

АБДАЛ — служитель мусульманского культа, выполняющий обряд обрезания.— 197.

АРВАК — дух. — 203, 204.

АЙМАК — аул, группа родов, аулов, род, округ. — 145, 149, 151, 179, 183, 184, 185, 190.

АЙБАН, айп — обычное право у казаков, преследующее воровство (аип — штраф). — 187.

АЙРА, айран — квашенное молоко, — 58, 195.

АКАДИШ — порода лошадей. — 71.

АКИК (ок кик) — беркут. — 159.

АКСАКАЛ — старик, старшина, глава рода, аула. — 185.

АМАНАТ — заложник. — 228, 234, 235, 243.

АРАБА — арба. — 70.

АРАК — казакское молочное вино по Георги, водка. — 160, 195, 196.

АРКАЛ (аркар) — горный баран. — 57, 152.

АТА — отец. — 71.

АХУН, ахунд — духовное лицо у мусульман. — 197.

Б

БАКША, бакса, бакза — колдун, лекарь. — 202, 203.

БАМАЛ-ПЕЙГУ — титул кимакских начальников. — 31.

БАРАНТА — насильственный захват скота и пр. — 240, 245.

БАТЫР, батир — герой, военный начальник. — 189.

БИ, бий — судья. — 183, 184.

БИШБАРМАК, бесьмармак — кушанье, приготовляемое из мяса и теста. — 178, 195.

БОЗА — напиток, приготовляемый из проса. — 71.

БОККА — по монгольски bogtac — женский головной убор. — 58.

БОРТО, ботки — род каши, суп с крупой по Фальку. — 195.

БУГТАК—высокая, украшенная перьями женская шапка, похожая на казакскую саукеле. — 73.

ЬУРДЮК — сосуд из козьей шкуры для жидкостей. — 55.

Г

ГИДЖРА — название мусульманского летоисчисления, начинающегося с 622 г. н. э. — 103.

ГИНЫ — кит. мера веса, 1/100 тиэла, 23 р. серебра. — 221.

ГИТАРА—музыкальный инструмент.— 55.

ГРЕЧЕСКИЙ ОГОНЬ — зажигательная смесь, близкая к пороху, употреблявшаяся греками, китайцами, византийцами и др. народами и, повидимому, заимствованная греками у арабов для использования на войне. — 64.

ГРОДЕТУР — материя из шелка, род плотной тафты. — 153, 221.

ГРУТ, гриут, курт — сыр. — 56, 59.

ГУНЬМО — титул усуньского государя. — 19, 20, 21,

ГУШУР—налог, пошлина, равнявшаяся одной десятой части урожая или стоимости предмета. — 72.

Д

ДАКА, доха — меховая шуба шерстью наружу. — 190.

ДАРУГА — сборщик податей, начальник. — 102.

ДЕРХАМ — арабские деньги в древности. — 71.

ДЕТАШЕМЕНТ — военный отряд. — 177.

ДЖА-ДЖА — копченая ветчина по Фальку. — 195.

ДЖААДУГАР, жады — колдун, колдунья у казаков по Палласу. — 202.

ДЖАЖБАУ, шашбау — казакское женское головное украшение, которое носили на волосах (косах). — 191.

ДЖАУЛОК — женский казакский головной убор, головное покрывало у замужних женщин. — 191.

ДЖУГАРИ, бухарское пшено, по Паллясу Holeus faccharatus, кукуруза.—169.

ДЖУМАДИЛЬ, джумади, аваль — пятый месяц года мусульманского календаря. — 77, 78, 79, 115.

ДЗАН-ДЗАН—секретарь.—247, 248.

ДИА — лук. — 189.

ДИАКСА, диакза —колдун, «делающий погоду». 203.

ДИАТ — копченое мясо по Фальку.— 195.

ДИВАН-БЕГИ — чин, заведующий финансами, податным ведомством, председатель совета министров. — 119.

ДИН — тесто из курмача по Фальку.— 195.

ДИНАР, кеупег — после реформы Кебека — крупная серебрянная монета весом в два золотника. — 40, 71, 72, 73. 73, 75.

ДОКИ — см. унли.

ДУХНА, доки, — напиток из проса (буза, боза). — 70, 71, 73.

ДУ-ЮЙ — упоминается у Иакинфа (чин?).— 19.

Е

ЕГДА, жейде — см. иегда.

ЕЗИР, асир, жесир — см. язюрен (невольник).

ЕПАНЧА — тюркское слово, широкий безрукавный плащ. — 125.

Ж

ЖАУТ-ЖАУТ—так зазывают верблюдов на водопой. Обыкновенно верблюжье стадо бросается на водопой стремительно, толкая друг друга и все сокрушая на своем пути. — 74.

ЖОЛБАРС — тигр. — 182.

З

ЗАЙСАН, зайсанг — у калмыков феодальний титул. — 242, 249.

ЗЕКЕТ, зекят — подать с имущества, установленная кораном. — 72.

ЗЕМЛЯНЫЕ ЯБЛОКИ — картофель. — 208.

ЗИЛЬКААДЕ — 11-й месяц мусульманского года. — 114.

ЗУЛКАГЫД — тоже. — 110.

ЗУЛЬ-ХЕДТ — 12-й месяц мусульманского года. — 44.

И

ИДИКУТ — титул уйгурских властителей. — 39.

ИЕГДА, жейде — нижнее платье у казаков, рубашка. — 194.

ИИРГАК — одежда из летних сайгачьих шкур или тулуп, сделанный из шкур жеребят. — 12.

ИЛ — см. аймак.

ИРЕМШИК — вареный творог из овечьего молока. — 195.

К

КАЗЫ — судья. — 101.

КАК — мелкие, маленькие озерки в степях, образующиеся весной и осенью из дождевой и снеговой воды.—110.

КАМЕР-КОЛЛЕГИЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ — одна из Петровских коллегий, учрежденная в 1718 г. и ведавшая «казенными сборами». — 206.

КАМЛОТ—суровая шерстяная ткань.— 161, 173.

КАНДАГАЙ, булан — животное (лось или олень). — 78.

КАПИТЕЛЬ — верхняя часть колонны. — 58.

КАПТАРГАК — капы в Туркестане и у казаков; мешки для складывания всякого товара (Малеин). — 56.

КАРАГАН — степная лисица. — 170, 173.

КАРАБАЛАМА, карабаламык — мучная каша на молоке по Фальку. — 187.

КАРАВАН-ПАША, караван баши — начальник каравана. — 195.

КАРА-КУЙРУК — дикая коза.—160.

КАРАКУМЫС— вид кумыса по Рубруку. — 56.

КАРМАЗИНОВЫЙ — ярко-алый, багряный цвет сукна. — 201, 229.

КЕУПЕГУЙ — правильнее кебеки, разменная монета, получившая свое название от имени монгольского хана Кебека (1318—26), известного своей денежной реформой в Мауранахре. — 74, 77.

КЕНТАШИ, контайши, хунтайши — титул джунгарских владетелей. — 242.

КИЗЯК, тезек — высушенный, спресованный навоз, употребляемый как топливо. — 70.

КЛИМАТИЧЕСКИЕ ПОЯСА — по примеру Птоломея арабские географы делили земной шар от экватора к северному полюсу по широте на 7 климатических поясов. Но Ибн-халдуну каждый пояс был разбит в долготном направлении на 10 равных частей или отделов. — 32, 33, 34.

КОБИЦ, кобыз—музыкальный инструмент. — 202.

КОЗУ, казы — конская колбаса.—195.

КОЛЛЕГИЯ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ — наименование центрального государственного органа России, ведавшего иностранными делами коллегии (с 1802 г. министерства), были учреждены Петром I в 1718 г. вместо приказов.—235, и др.

КОНДУКТОР — проводник.—236.

КОРСАК, карсак — род лисицы (шакал?). — 170 и др.

КОРТА, карта—колбаса из рубленых потрохов по Фальку. — 195.

КОШУН — эскадрон, полк. отряд от 50 до 1000 человек. — 75, 80.

КРУТ, курт — сыр. — 181.

КУДЬЕ, кудте — вид постного супа с сыром и мукой. — 195.

КУЙРУК — украшение для волос. — 193.

КУКОЛЬ — одежда христианских монахинь. — 58.

КУЛА, бугтак — остроконечная шапка с украшением из перьев. — 73.

КУМЫС — напиток из подвергнутого брожению кобыльего молока. — 55, 56, 59, 65, 71, и др.

КУН — вира, плата за убийство.—187.

КУРБАН — праздник жертвоприношения. — 111.

КУРМАЧ — мелко размолотая поджареная пшеница по Фальку. — 195.

КУРТ — сыр из вареного кислого молока. — 195.

КУРУЗАСЛАН — болезнь. — 199.

КУРУЛТАЙ—сейм, собрание монгольских феодалов. — 76.

КЫЗИЛ БУЯВ, кызыл буяу — марионна, краска.

КЯФИР — неверный. — 108.

Л

ЛАЗОРЕВЫЙ (лазуревый) КАМЕНЬ — ляпис-лазурь, лазурит-минерал, лучшие месторождения которого в Азии. Ценный поделочный камень. — 169.

ЛАМА, далай-лама — титул духовного главы тибетских буддистов, ставшего с 1652 г., с помощью ойратов (зап. монголов), светским владетелем Тибета. В 1717 г. джунгарский царь Церен-Рабдан, недовольный победой в Лхасе партии, ориентировавшейся на Китай, захватил и ограбил этот город. — 250.

ЛАН серебра — китайская мера стоимости, равнявшаяся 227 коп. серебром (по Иакинфу). — 221.

ЛЕК — 10000 войска по персидски.— 98, 99.

ЛИ — китайская мера длины, приблизительно 1/2 км. — 18, 19, 21, 22, 222, 250.

ЛЬЕ — старая франц. мера длины, равная 4 1/2 км. — 50, 126.

М

МАЗАР — могила, кладбище. — 106.

МАЙ — масло, сало, жир. — 295.

МАНГЛАЙ — авангард. — 79.

МАНЬ — дерево. — 19.

МАРИОНА—трава для краски.—162.

МЕН (батман) — мера веса, различныя в разных местах Ср. Азии; от 1 до 40 фунтов. — 31, 77.

МЕРХИЛЭ — арабская мера длины, равняющаяся одному дню езды; дневной переход. — 31.

МИРЗА — звание персидского феодала. — 75.

МОНОХОРД — прибор для изучения законов колебания струн. — 197.

МУДДАРИС — лектор. — 111.

МУРЗЫ — татарские феодалы; соответствуют казакским султанам. — 125, 152.

МУТР — трава. — 78.

Н

НАЙСА (найза) — копье. — 189.

НАКИБ — духовный чин. — 116.

НАКИШБЕНДИ—религиозный орден в Средней Азии, созданный в 1319 г. — 119.

НАМАЗ — молитва. — 108.

НАН — хлеб, лепешка. — 195.

НЕСТОРИАНЦЫ, неосториане—секта сирийских и мессопотамских христиан, несторианская церковь; была распространена в Персии, Ср. Азии и в Зап. Китае. После монгольского нашествия пришла в полный упадок. В быв. Семиречье сохранились многочисленные следы их пребывания. — 50.

НОМАДЫ — кочевые племена, скотоводы. — 12.

НОЯН — титул монгольских феодалов, вассалов князя. — 83.

НУКЕР, наукер (перс.) слуга, чиновник, дружинник, придворный. — 42. 43.

О

ОГЛАН-ТУРУК—имя лошади Касым-хана. — 97.

ОК — стрела, пуля. — 189.

П

ПЕСОЧНОЕ ЗОЛОТО. — 169.

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СЕНАТ — в быв. Российской империи высшее Государственное учреждение, созданное Петром I в 1711 году и просуществовавшее до Октябрьской революции.

ПУСТЕЛЬГА — хищная птица сем. соколиных. — 106.

ПЯДЕНЬ, пядь — мера длины, около 18 см. — 62.

Р

РАБАТ (арабск.) — укрепленное место, позднее — постоялый двор. — 98.

РАМАЗАН — 9-й месяц мусульманского года; пост. — 113, 115.

РАМЧА (рымчи) — колдун, чародей.— 202.

РЕБИ, раби — третий и четвертый месяцы мусульманского года. — 76, 114, 115, 112.

РЕВЕНЬ — растение, употребляется в лекарственных целях. — 181, 207.

РЕДЖЕБ — 7-й месяц мусульманского года. — 40, 83, 117.

РЕШТА — род пищи. — 71.

РОТЕЛЬ — вид руды. — 218.

РУПИЯ — индийская серебряная монета, приблизительно 71 коп. — 169.

РЫЛИ — музыкальный инструмент, искаженное — лира. — 55.

С

САБАН, сабун — мыло. — 161.

САЙГАК. — 105, 159, 170.

САЙДАК — хечол для лука. — 229.

САМАНИДСКИЙ ПЕРИОД — в Ср. Азии (894—907 гг.). — 31.

САММУР — пушной зверь. — 29.

СЕРДОЛИК — поделочный камень. — 169.

СОФАР — 11 месяц мусульманского года. — 75.

СОГУР (суур) — сурок. — 57.

СОЛДАНЫ — султаны. — 51.

СОРПА — бульон, навар из мяса.—195.

СУГУН (согим) — заготовление мяса в прок. — 160.

СУРЮН — военный клич. — 78.

СЫН НЕБА — китайский император.— 20.

СЕНЬЦЗЭУ — чин. — 20.

СЯН-ДА-ЛУ — чин. — 19.

Т

ТАЗАК см. кизяк.

ТАЙДЗИ — титул монгольских князей. — 222, 250.

ТАКЬЯ — нижняя шапочка, тебетейка. — 194.

ТАЛАН — нижнее платье, заменявшее казакам рубаху. — 192.

ТАЛКОВ—верхнее казакское платье.— 192.

ТАМАК (темеки) — табак, пища.—196.

ТАРХАН — по монг. «свободный от податей»; тарханные грамоты выдавались монгольскими ханами, а позднее — московскими великими князьями духовенству и светским феодалам.—105, 226, 227.

ТАФТА — мягкая шелковая ткань. — 153.

ТАХСИР-ХАНЫМ, тахсир-падшейм— титул, казакского хана. — 185.

ТАШ — мера длины. — 106, 107.

ТАШТАР — покрывало у казакских и татарских женщин.—194.

ТЕБЕТЕЙ—мужской головной убор.— 194.

ТЕВАТЧИ — глашатай. — 78.

ТЕКИС — дом уединения, монастырь, дом дервишей. — 73.

ТУЙГУН — сокол. — 161.

ТХАЙ-ЦЗЯН — упоминается у Иакинфа(чин?). — 19.

ТХАЙ-ШИ — тоже. — 19.

У

УЗБАРЫ — дворня хана. — 187.

УЛЕМ, улама — ученый.—108.

УЛУС, уру — в историческом смысле территория принадлежавшая определенному тюркскому или монгольскому роду или родовому союзу. — 151, 166, 175 и др.

УНЛИ, доки — род пищи (из проса).— 70, 71.

УРУ — см. улус.

Ф

ФАЛЕРЫ — предмет упряжи по Геродоту. — 12.

ФАЛЧА, фалша — колдун по Паллasу и Георги. — 201, 203.

ФАРС, фарсах — арабская мера длины, в среднем около 7 км. — 32.

ФРАНЦИСКАНСКИЙ ОРДЕН—одна из католических нищенствующих монашеских организаций, созданная в 1223 г. — 239.

Х

ХАГАН — великий хан. — 14.

ХАДИС — предание, устные изречения Магомета, второй источник после корана мусульманской юриспруденции. — 111.

ХАНЫМА — жена хана, ханым-кая — дочь хана. — 185.

ХОДЖА — духовное лицо в Ср. Азии. — 183, 184.

ХЭУ — чин. — 19.

Ц

ЦИ-ЦЗЮНЬ — упоминается Иакинфом (чин?). — 19.

Ч

ЧЕКЕН — цветочный тростник.—207.

ЧАЛЕМ, шалем, шлым — трубка, папироска, кальян, табак. — 196.

ЧЕКБЕР, чекрен — халат у казаков.— 194.

ЧЕЛПЕ, шелпек — блины из муки и масла по Фальку. — 195.

ЧЕРВЯНОЕ СЕМЯ — дармика, упоминается у Палласа. — 169.

ЧИНАР — дерево. — 106.
ЧИЧАК, — шешек — оспа. — 199.
ЧУРИ-АГАСЫ — придворный чин. — 117.

Ш

ШАВАЛЬ — 10-й месяц мусульманского года. — 106.
ШАМАНСТВО — культ духов, типичный для доклассового общества, сохранившийся особенно долго, среди туземцев Сев. Азии, Америки, Африки; его элементы имеются также в магометанстве, буддизме и христианстве. — 196, 203.
ШЕРЛ—горнопромышленный термин.—
ШЕ-ЧЖУН — упоминается у Иакинфа (чин?). — 19.
ШИГАУЛ — чин. — 108.

Э

ЭМИР — владетель, правитель, князь, начальник, глава рода кочевников, феодал. — 75 и др.
ЭМИРЗАДЕ — князь, принц. — 112, 116.

Я

ЯГИ-КАЧТЫ — «враги отступают» — восклицание Тимура. — 74.
ЯЗВЕЦ — род барсука. — 160.
ЯЗЮРЕН — невольник. — 183.
ЯЙЛАК — летние пастбища. — 106.
ЯЛКАШИ — пастух, табунщик. — 72.
ЯМ — монгольская почтовая станция, слово вошедшее и в древне-русский обиход. — 50.
ЯРЛЫК — приказ. — 80.
ЯСА — законы Чингиз-хана.
ЯСАК — налог, подать, повинность. — 81, 153, 221,
ЯУРУНЧИ — колдун, гадатель на бараньей кости (лопатке). — 201, 203.

ЛИТЕРАТУРА

ПО ИСТОРИИ КАЗАКОВ И КАЗАКСТАНА

Составители этой библиографической сводки ставили себе целью помочь читателю, особенно студенту, краеведу и т. д., в деле более глубокого изучения прошлого Казакстана.

Марксистских трудов в этой области еще почти нет. Это надо иметь в виду при использовании указываемых книг. Сплошь и рядом в них встречаются антинаучные, шовинистические и идеалистические установки и оценки, — весь арсенал буржуазной этнографии (расовая теория, и т. п.). Но пока только из этой литературы можно получить достаточный запас фактических знаний в области истории Казакстана и ее источников, чтобы пересмотреть наследие буржуазной науки, применяя марксистскую методологию.

Не претендуя ни в малейшей мере на полноту настоящей сводки, составители надеются, что она облегчит дальнейший путь изучающим историю Казакстана.

Литература, цитированная в тексте сборника, в указатель не включается. Иностранные труды, переведенные на русский язык, приводятся лишь в переводных изданиях. В помещаемом ниже разделе «А» (библиографические труды по истории Казакстана) на ряду со специальными историческими указателями в хронологических рамках нашего сборника (Библиография Золотой Орды, Courant, Бартольд, Чулошников, Владимирцов, Асфендиаров, Czaplicka) даются также библиографические труды общего характера, имеющие специальные разделы истории и отображающие литературу за весь период дореволюционной истории Казакстана.

Более обширная библиография как по затронутым в настоящем сборнике темам, так и в особенности по XIX-му в., будет дана во втором томе сборника, подготовляемого к печати Гос. Публ. Библиотекой КазАССР под заглавием: «Российская колониальная экспансия в Казакстан в XIX в.»

А. Библиографические труды (в хронологическом порядке выхода указателей.)

УКАЗАТЕЛЬ статей, помещенных в неофициальной части «Оренбургских губ. ведомостей. — Оренб. губ. вед., 1852. Прилож.

ЗАВЬЯЛОВ, В. Об источниках и пособиях для изучения Оренбургского края и соседственных земель. — Оренб. губ. вед., 1853, №№ 1, 2, 33, 34; 1854. №№ 26, 27, 43, 51.

ШЕВИЧ, В. Указатель к «Оренб. губ. ведомостям». — Оренб. губ. вед., 1865, №№ 19, 21, 23, 24.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ указатель сочинений и статей, помещенных в разных периодических изданиях и касающихся нынешней Оренбургской губернии. — Справ. книжка Оренб. края на 1872 г. Оренбург, 1871.

ДМИТРОВСКИЙ, Н. В. Библиографический указатель сочинений о Средней Азии, напечатанных в России на русск. языке, с 1692 (по 1870 г.) — В кн.: Материалы для стат. Туркест. края, вып. III. СПБ, 1874, стр. 181 — 250.

В указателе имеется раздел: Оренбургская и Сибирская киргизские степи и кочевые их жители.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ указатель сочинений и статей, касающихся нынешней

Оренбургской губ. — В кн.: Матер. по стат., геогр., ист. и этн. Оренб. губ., изд. Оренб. губ. стат. ком., в. I. Оренбург, 1877, стр. 51—89.

ПЕНКИНА, З. М. Закаспийский край. 1865—1885. Систематический сборник библиографических указаний книг и статей о Закаспийском крае и сопредельных странах. СПБ, 1888. IV+123 стр.

Отд. II указателя: Киргизы и киргизская степь.

МЕЖОВ, В. И. Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности, составляемый по поручению К. П. Кауфмана В. И. Межовым. Систематический и азбучный указатели сочинений и статей на русском и иностр. языках к «Туркестанскому сборнику», том I—III. СПБ, 1878—1888. (К томам I—416).

МЕЖОВ, В. И. Сибирская библиография. Указатель книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках. СПБ, 1891—1894, т. I—III.

МЕЖОВ, В. И. Библиография Азии. Указатель книг и статей об Азии на русском языке и одних только книг на иностранных языках, касающихся отношений России к Азиатским государствам. СПБ, 1891—1894, т. I—III.

Работы Межова снабжены алфавитными указателями авторов, местностей и пр.

ХАРУЗИН, А. Н. Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов и каракиргизов с 1734 по 1891 г. — Этногр. обозрение, 1891, кн. IX, № 2. Отд. отт. 68 стр.

Указатель снабжен аннотациями. Дополнения см.: Веселовский и Крохалев.

ВЕСЕЛОВСКИЙ, Н. И. Дополнение к указателю литературы о киргизах. — Этногр. обозрение, 1891, кн. XI, № 4, стр. 285—289.

Дополнение к указателю Харузина.

КРОХАЛЕВ, А. И. Дополнение к указателю литературы о киргизах. — Этногр. обозрение, 1892, кн. XIII—XIV, № 2—3. стр. 71—75.

Дополнение к указателям Харузина и Веселовского.

ШПЕРК, Ф. Опыт хронологического указателя литературы об Астраханском крае с 1473 по 1887 г. включительно. СПБ, изд. Астр. губ. стат. ком., 1892, VII + 249 стр.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ обзор газеты «Оренбургский листок» за 1876—93. В кн.: Адрес-календарь и пам. книжка Оренб. губ. на 1895 г. Оренбург, 1894.

НИКИТИН, В. П. Исторический очерк Семипалатинской области. — В кн.: Пам. книжка Семипал. обл. на 1897 г., стр. 131—183.

Статья снабжена библиографией (47 назв.)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ указатель книг и статей о Семиреченской области.— В кн.: Пам. книжка Семиреч. обл. на 1898 г., стр. 32—48.

АЛЕКТОРОВ, А. Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Казань, 1900. 970+12+VI стр. (прилож. к Изв. о-ва арх., ист. и этн. при Казанск. ун-те за 1900 г.)

Указатель снабжен многочисленными аннотациями и био-библиографическими примечаниями.

СЕДЕЛЬНИКОВ, А. Н. и др. Указатель главнейших источников и пособий по Киргизскому краю. — В кн.: Россия. Полное геогр. опис. нашего отечества. Под ред. П. И. Семенова, т. XVIII Киргизский край. СПБ, 1930; стр. 436—53. Раздел археологии и истории — 88 назв.

ТРУДЫ Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XII. К 200-летнему юбилею русской прессы. Оренбург, 1903.

В книге даются краткие перечни статей, помещенных в «Тургайской газете» и «Оренб. епарх. ведомостях».

БИБЛИОГРАФИЯ Золотой орды. — Зап. Вост. отд. Русского геогр. об-ва, т. XX, в. IV. 1912.

COURANT, M. L'Asie Centrale aux XVII-e et XVIII-e siècles... Lyon, 1912. [6] +152 p.

Указатель лит-ры см. на стр. 141—144.

МАСАЛЬСКИЙ, В. Указатель главнейших источников и пособий по Туркестанскому краю. — В кн.: Россия... Под ред. Семенова-Тян-Шанского. т. XIX. Туркестанский край. СПБ, 1913, стр. 781—803.

Раздел археологии и истории — 119 назв.

ГОРОДЕЦКИЙ, В. Д. Библиография Туркестана... Т. I. Ташкент, 1913. (6)+ +2+152 стр.

Дополнения см.: Панков и Бетгер.

ПАНКОВ, А. В. Библиографический указатель книг и статей по Туркестановедению. С 1-го октября 1912 г. по 1-ое января 1914 г. Изв. Турк. отд. Русского геогр. о-ва, 1914, т. X, в. I, стр. 259—79.

ПАНКОВЫ, А. В. и В. П. и БЕТГЕР, Е. К. Библиографический перечень статей и книг по Туркестановедению с 1-го января 1914 г. до 1-го января 1915 г.— Изв. Турк. отд. Р. г. о-ва, 1915, т. XI, в. I, стр. 92—111.

ПАНКОВ, А. В. и БЕТГЕР, Е. К. Библиографический указатель сочинений по Туркестановедению за 1914—15 г.г.—Изв. Турк. отд. Р. г. о-ва, 1916. т. XII, в. II, стр. 311—339; 1917, т. XIII, в. 1, стр. 28—34.

CZAPLICKA, M. A. The turks of Central Asia in history and at the present day. Oxford 1918. 242 p.

На стр. 121—234 обширный указатель русск. и иностр. лит-ры по истории тюрков и, в частности, казаков.

MACHATSCHEK, F. Landeskunde von Russisch Turkestan. Stuttgart, 1921. XIV + + 349 S. + 21 Taf.

На стр. 319—334 — Literaturverzeichnis (500 назв.)

БУРОВ, Н. А. и ГАРРИЦКИЙ, А. А. Краткий библиографический указатель литературы по Туркестану. Прилож. к «Статистическому ежегоднику». Ташкент, Турк. Экосо, 1924. (4)+110+(2) стр.

ЧУЛОШНИКОВ, А. П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. I. Древнее время и средние века. Оренбург, 1924. XII + 291 + (3) стр. 1. генеол. табл. (Труды О-ва изуч. Кирг. края, в. V)

Библиография в конце каждой главы. В конце книги-сводный библиографический указатель (200 назв.)

БАРТОЛЬД, В. История изучения Востока в Европе и России... 2-е изд. Л., Ленингр. инстит. живых вост. языков, 1925. VII + 313 стр.

Библиография в конце каждой главы. Указатель лит-ры о казаках см. глав. образом в гл. XV и XVII.

ДЖЕТЫСУ (Семиречье). Естественно-историческое описание края. Под ред. В. Н. Шнитникова. Ташкент, 1925, 234 стр.

На стр. 216—234 библиографический указатель, состав. В. Н. Шнитниковым. Имеется рубрика: археология, история.

ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО, Р. Е. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926. VI + 898 стр.

В сносках — богатый б-фический материал.

БЕДГЕР, Е. К. Роспись статьям и заметкам по археологии и истории Средней Азии, помещенным в газете «Туркестанские ведомости» за время ее существования. 28 апреля 1870—15 декабря 1917 г. — В сб.: В. В. Бартольду— Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927. Стр. 481—531.

Указатель, расположенный в хронологическом порядке, снабжен индексами авторов, имен и предметов.

ВОЗНЕСЕНСКАЯ, Е. А. и ПИОТРОВСКИЙ, А. Б. Материалы для библиографии и антропологии Казакстана за 1921—26 г.г.—В сб.: Год работы блик. Л., Акад. наук СССР, 1927, XII, + 247 + (3) стр. (Труды комиссии по изуч. племенн. состава населения СССР и сопредельных стран, в 14).

ПАНКОВ, А. В. Материалы для библиографии по истории, археологии, этнографии и антропологии Казакстана за 1921—26 г. г. — В сб.: Год работы Казакского высшего педаг. ин-та. Ташкент, 1928, стр. 101—106.

ВИТКИНД, П. Я. Библиография по Средней Азии. (Указатель литературы по колониальной политике царизма в Ср. Азии). Под ред. А. Б. Шестакова. М., 1929. 166 стр. (Труды научно-исслед. Ассоц. при Ком. Ун-те труд. Востока им. И. В. Сталина, вып. IV)

ДРОЗДОВ, Г. Н. Библиография Уральского округа.—(Указатель печатных работ за период 1770—1929 г.г.) — В сб.: Уральский округ и его районы, в. II, Уральск, 1930, стр. 49—214.

Указатель включает 1774 назв.; снабжен индексами: авторов, личных имен и геогр. назв.

ДРАБКИНА, Ел. Национальный и колониальный вопрос в царской России... М., Ком. академия, 1930. 189 стр.

Библиография в конце отдела. Указатель лит-ры, непосредственно касающийся Казакстана, см. на стр. 141—144 (34 назв.)

ВЛАДИМИРЦОВ, Б. Я. Общественный строй Монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., Акад. наук, 1934 г. XII; 223 стр.

На стр. 197—207 см. перечень источников; см. также стр. 5—32 обзор источников пособий.

АСФЕНДИАРОВ, С. Д. Вопросы истории казаков и Казакстана. Труды историко-археографической комиссии Каз. филиала Акад. наук СССР.

Книга находится в печати.

Перечни литературы о казаках см. также в энциклопедических словарях Брокгауза и Ефрона, Граната, БСЭ и в иностранных энциклопедиях.

Б. Труды по истории Казакстана и казаков (в алфавитном порядке авторов)

1. На русском языке.

АЛЕКТОРОВ, А. История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883.

Первоначально печаталась в Оренбургском листке за 1882—83 г.

АЛЕКТОРОВ, А. Е. Киргизы-казаки. Исторический очерк. — Оренб. листок. 1889, №№ 30, 32, 42, 44, 45, 47, 51, 52.

АЛЕКТОРОВ, А. Очерки внутренней киргизской (кайсакской) орды, изд. Оренб. отд. РГО, 1893, II; 1894, III.

АРИСТОВ, Н. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов. — Живая старина, 1894, в. III—IV.

АРИСТОВ, Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПБ, 1897. (Отд. отт. из «Живой старины», 1896, в. III и IV).

АСФЕНДИАРОВ, С. Д. Вопросы истории казаков и Казакстана (см. выше)

БАЛКАШИН, Н. Хронологический указатель важнейших событий из истории Западной Сибири с 1465 по 1881 г. — Пам. книжка для Зап. Сибири на 1881 г.

БАРТОЛЬД, В. История изучения Востока (см. выше).

БАРТОЛЬД, В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., Акад. наук СССР, 1927.

БАРТОЛЬД, В. История Туркестана. Ташкент, 1922. (Труды Турк. гос. ун-та, в. 2).

БАРТОЛЬД, В. В. Образование империи Чингиз-хана. Зап. Вост. отд. рус. арх. о-ва, т. X, в. I—IV, СПБ, 1897.

БАРТОЛЬД, В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (по поводу семиреченских надписей). — Зап. Вост. отд. рус. арх. о-ва, 1893, т. VIII, в. 1—2.

БАРТОЛЬД, В. В. Очерк истории Семиречья. — Пам. книжка Семиреч. обл., изд. Семиреч. обл. стат. ком., 1898, в. 2.

БАРТОЛЬД, В. В. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-дарьи с древнейших времен до XVII в. — Изв. Турк. отд. РГО, IV. Научные результаты Аральской экспедиции, в. 2, Ташкент, 1902.

БАРТОЛЬД, В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 1—2. СПБ, 1900.

БАРТОЛЬД, В. В. Улук-бек и его время. СПБ, 1918.

БЕРЕЗИН, И. Библиотека Восточных историков. Т. III, гл. I. История Абулгази. Казань, 1854.

БЕРЕЗИН, В. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. — Труды вост. отд. русс. арх. о-ва, ч. VIII, СПБ, 1864.

БЕРЕЗИН, И. Шейбаниада. (История монголо-тюрков). Казань, 1849.

БИРЮКОВ, И. А. История астраханского казачьего войска. Ч. III, Саратов, 1911.

БРОННИКОВ, Н. А. Кангюй, каглы или кан и юечжи (к исторической географии Русского Туркестана). Зап. Моск. археол. ин-та, т. XXXV, М., 1914.

ВАЛИХАНОВ, Чокан. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи. — Зап. РГО по отделению этнографии, т. XXIX, СПБ, 1904.

ВАЛИХАНОВ, Ч. Киргизское родословие. — Там же.

ВАЛИХАНОВ, Ч. Очерки Джунгарии. — Там же.

ВАЛИХАНОВ, Ч. Следы шаманства у киргизов. — Там же.

БАМБЕРИ, Герман (Арминий) История Бухары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. — СПБ, 1873.
ВАСИЛЬЕВ, В. П. История и древности Восточной части Средней Азии от X до XIII в. СПБ, 1857. (см. также труды Вост. отд. Русс. арх. о-ва, ч. IV).
ВЕЛЬЯМИНОВ-ЗЕРНОВ, В. В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азиею со времени кончины Абулхаир-хана (1748—1765). Уфа, ч. I, 1853; ч. 2, 1855. (Отд. отт. труда, помещенного в «Оренб. губ. вед.» за 1853 и 1854 г.г.).
ВИТЕВСКИЙ, В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в его прежнем составе до 1758 г. Историческая монография. Казань, 1897. т. I—III.
ГОВОРТ, Г. Чингиз-хан. Перев. с англ. Н. Гр. Ташкент, 1911.
ГРИГОРЬЕВ, В. В. Русская политика в отношении к Средней Азии (Исторический очерк). Сборн. гос. знаний под ред. В. П. Безобразова. СПБ, 1874—1880, т. I.
ГРОДЕКОВ, Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-дарьинской области, т. I, Юридический быт. Ташкент, 1889.
ДОБРОСМЫСЛОВ, А. И. Города Сыр-дарьинской области: Казалинск, Перовск. Туркестан, Аулие-Ата, Чимкент. — Ташкент, 1912.
ЖУКОВСКИЙ, И. Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 г. СПБ. 1832.
ЗЕЛАНД, Н. Киргизы. Этнологический очерк. — Зап. Сиб. отд. РГО, кн. VII, в. 2. 1885.
ИВАНИН, М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингиз-хане и Тамерлане. — СПБ, 1875.
КАЗАНЦЕВ, И. Описание киргиз-кайсаков. СПБ, 1867.
КАСТАНЬЕ, А. Древности киргизской степи Оренбургского края. Оренбург, 1910.
КАСТАНЬЕ, А. Мертвые города. — Труды Оренб. учен. арх. ком., в XXIII, Оренбург, 1911.
КАСТАНЬЕ, А. Надгробные сооружения киргизских степей. Оренбург, 1911.
КЕППЕН, П. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПБ, 1861.
Дается хронология событий с 1567 по 1869 г., относящихся к казакам и киргизам.
КЛАРС, А. Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалинах его в 1904 г. — Прот. засед. и сообщ. членов Турк. кружка любит. арх., год 9, Ташкент, 1904.
КОНШИН, Н. О памятниках старины в Семипалатинской области. — Зап. Семип. подотд. Зап. Сиб. отд. РГО, 1903, I, стр. 1—32.
КОПЫЛОВ, Памятники старины в Киргизской степи. — Зап. Уральск. О-ва любит. естествозн., 1892, XIII, ч. I.
КРАСОВСКИЙ, Область Сибирских киргизов. СПБ, 1868. Ч. 1—3.
ЛЕВШИН, А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсакских орд и степей. СПБ, 1832, ч. I—III.
Историческим известиям посвящен т. II.
ЛЕН-ПУЛЬ-СТЭНЛИ. Мусульманские династии. Перевел с англ. с примеч. и дополнениями В. Бартольд. СПБ, 1899.
ЛЕРХ. П. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПБ, 1870.
МАКОВЕЦКИЙ, П. В. Материалы для изучения юридических обычаев. В. I. Материальное право. Омск, изд. Семипалат. обл. стат. ком., 1886.
МАСАЛЬСКИЙ, В. Исторические судьбы Туркестана и культурные его успехи.— Россия. Полное геогр. опис. нашего отечества... том XIX, Туркестанский край. СПБ. 1913.
МАТЕРИАЛЫ по истории казаков... Под ред. М. П. Вяткина.
Книга подготовляется к печати Историко-археологическим ин-том Академии наук.
МЕЙЕР, Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПБ, 1865.
МИЛЛЕР, Описание сибирского царства, СПБ, 1750.
МИЛЛЕР, А. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПБ, 1776.
НАЛИВКИН, В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.
НЕСТЕРОВ. Прошлое приаральских степей в преданиях киргиз. — Зап. Сиб. отд. Русс. арх. о-ва, т. XII, в. 4, СПБ, 1900.

НИКИТИН, В. Памятники древности Каркаралинского уезда Семипалатинской обл. — Зап. Русс. арх. о-ва, 1896, т. VIII, ч. 1—2.
ПАНТУСОВ, Н. Н. Заметки о древностях Семиреченской обл. — Изв. археол. ком., в. XII, СПБ, 1904.
ПАТКАНОВ. История монголов по армянским источникам. Вып. 2. СПБ, 1874.
ПОЗДНЕЕВ, А. Киргиз-кайсаки и киргизы. Исторический очерк. — Энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XV. СПБ, 1895.
ПОКРОВСКИЙ, М. Н. Средняя Азия. (История). — Энциклоп. словарь Граната, т. 41, ч. IV.
РИТТЕР, К. Землеведение Азии. СПБ, 1873—74. Т. I—VI.
РУМЯНЦЕВ, П. П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПБ, 1910.
РЫСКУЛОВ, Т. Казакстан. М.-Л., ГИЗ, 1927.
РЯЗАНОВ, А. Ф. Сорок лет борьбы за независимость казакского народа. (1797—1838). Очерк по истории национального движения Казакстана. — Труды О-ва изуч. Казакстана, т. VII, в. 2. Кзыл-орда, 1926.
РЯЗАНОВ, А. Пугачевское восстание (1773—1774 г.г.) Очерки Пугачевского восстания.) Сов. — Киргизия, 1925 г., № 1.
СЕДЕЛЬНИКОВ, А. П. и др. Исторические судьбы киргизского края и культурные его успехи. — Россия. Полное геогр. опис. нашего отечества. Под ред. Семенова. Т. XVIII, Киргизский край. СПБ, 1903.
СЕМЕНОВ, П. Киргиз-кайсаки. — Статья в «Географическо-статистическом словаре Российской империи», т. II, СПБ, 1865.
ТАНЫШПАЕВ, М. Материалы к истории киргиз-казакского народа. Ташкент, 1925.
ТАНЫШПАЕВ, М. Киргиз-казаки в XVII и XVIII в. в. Труды о-ва изуч. Казакстана, т. VII, в. 2, Кзыл-орда, 1926.
ТИЗЕНГАУЗЕН, В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды.
Т. I, Извлечение из арабских сочинений. СПБ, 1884.
Т. II (Персидские источники) в настоящее время подготовляется к печати по рукописям, оставшимся от Тизенгаузена.
ФИШЕР, Сибирская история. СПБ, 1774.
ХАРУЗИН, А. К вопросу о происхождении киргизского народа. — Этногр. обозрение, 1895, № 3.
ХАРУЗИН, А. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. — Этногр. обозрение, 1896, № 1, 2, 3.
ХАРУЗИН, Н. Этнография. Лекции, читанные в Московском ун-те, в. 2, СПБ, 1903.
ЧУЛОШНИКОВ, А. П. Очерки по истории казак-киргизского народа (см. выше).
ЯКУБОВСКИЙ, Я. К истории сношений Петра Великого с Востоком. Поход князя Александра Бековича-Черкасского в Хиву 1714. — Средняя Азия, 1910, № 1. Ташкент.
ЯКУБОВСКИЙ. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой. — Матер. по ист. нар. СССР, в. III, ч. I, Ленинград.
Казакам посвящены главы XV—XVIII.
ч. I — Истахри; ч. II—Ибн-Хаукаль; ч. III — Мукадаси; ч. IV — указатель; V — Ибн-ил-Факих; ч. VI — Ибн-Хордадбах и Кудама; ч. VII — Ибн-Русте и Я'куби; ч. VIII — Мас'уди.

2. На зап.-европ. языках.

ATKINSON. Oriental and Western Siberia. London, 1857. Казакам посвящены главы XV—XVIII.
BARTHOLD, W. Kazak.— Encyklopaedie d. Islam, 31 Liefer Leipzig, 1926.
BRETSCHNEIDER, E. Midiavel researches from lastern asiatic sources, fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western, Asia from the 13-th te the 17-th centuries. London, 1888. 2 vol.
CHAVANNES, Ed. Documents sur les Tou-kiuc (Turcs) occidentaux. St-Pètèrsbourg 1903. Сборник трудов Орхонской экспедиции, т. VI).
CHWOLSON, D. Syrische Grabinschriften aus Semirjetschie.—Mém. de l'Acad. des Sciences de St-Pétérsbourg, VII-e série, T. XXXIV, № 4, 1886.
DEGUIGNES. Histoire générale des Huns, des Turks, des Mogol, et des autres Tartares occidentaux... Paris, 1756—1758. 5 vol.
THE ENCYCLOPAEDIA of Islam... Edited by Th. Houstma, T. W. Arnold, R. Basset and H. Bauer. Leyden — London, 1908—1927.

FRANKE, O. Beiträge aus chinesischen Quellen zur Kenntnis der Türkenvölker und Skythen Zentralasiens. Berlin, 1904. (Anhang zu den Abhandl. der Kön. Preuss. Akad. der Wis enschaft).
De GOEJE, M. J. Bibliotheca geographorum Arabicorum, p.p. I—VIII. 1870—1894. ч. I — Истахри; ч. II — Ибн-Хаукаль; ч. III — Мукаддаси; ч. IV — указатель; ч. V — Ибн-ал-Факих; ч. VI — Ибн-Хордадбах и Кудаша; ч. VII — Ибн-Русте и Я'куби; ч. VIII — Мас'уди.
HAMMER-PURGSTALL. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak... Budapesth, 1840.
HOWORTH, H. H. History of the Mongols from the ninth to the nineteenth centuries. London, 1876—1880. Part I—III.
KLAPROTH, JUL. V.— Muga-in asiatque ou revue géographique et historique de l'Asie Centrale... Paris 1825—1826. 2 vol.
MIR ABDOUL KERIM BOUKHARY. Histoire de l'Asie Centrale depuis les dernières années du régne de Nadir Chah [1153] jusqu'en 1233 de l'Hégire [1740—1818]... Publiée, traduite et annotée par Ch. Schefer. Paris, 1876.
OHSON. Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-Khan jusqu'á Timour Bey ou Tamerlan. La Haye and Amsterdam, 1834—1835, repr. 1852.
PARKER, E. H. A thousand years of the Tartars.. London, 1895.
SCHUYLER, E. Turkistan. Notes of a journey... London, 1876. 2 vol.
SKRINE, F. H. B. and ROSS, R. D. The heart of Asia. A history of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the earliest times. London, 1899.
VAMBÉRY. H. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig, 1885.
YULE, H. Cathay and the way thither. London, 1866.

60275.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3
I. Античные писатели о среднеазиатских кочевниках 9
II. Китайские сведения о народах и местностях современного Казакстана до VIII в. н. э. 15
III. Мусулманские географы о народах и местностях теперешнего Казакстана (X—XII вв.) 25
IV. Казакстан как часть монгольского государства 35
V. Казакстан в XIV веке. (Распад монгольского государства и Тимур.) . . . 67
VI. Казакское ханство с (XV—XVII вв.) 89
VII. Казакстан в XVIII веке 135
1. Общие сведения о казакских ордах и родах и их кочевья 143
2. Хозяйство казаков 153
3. Торговые пути и торговые центры 162
4. Классы, государство, сословия 182
5. Быт казаков 189
6. Религия и обряды 196
7. Укрепленные военные линии и города (описание отдельных местностей) 204
8. Встречи европейских путешественников с казакскими ханами и султанами 222
9. Взаимоотношения казакских орд с соседними государствами 225
VIII. Указатели и списки 258
1. Указатель географических наименований 258
2. „ личных имен 276
3. „ предметов 287
4. Список важнейших трудов по истории Казакстана 292

Отв. ред. Кац Д. Техред. Галл Б.
Корректор Потакевич Д. Обложка
худ. Фрама М.

Сдано в набор 14/I-35 г. Подписано к печ. 23/V-1935 г. Формат 62×94/16. Тираж 3000 экз. Изд. листов 18,75. Бум. листов. 9 3/8. Учетно-авт. листов. 22,5. Тип знаков в бум. листе 106.800 Бумага Окуловка № 3 глазиров. Индекс ЭК-Г. Цена без переплета 5 р. 60 к. переплет 1 р. 50 к. Уполн. Главлита В-77310 Зак. тип. № 128.

---

17 ф-ка нац. книги ОГИЗ'а РСФСР
треста «Полиграфкнига»
Москва. Шлюзовая наб., д. № 10.